ВЕСТНИК АГИКИ

11 (1) 2020

АРКТИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

ВЕСТНИК АРКТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

11(1) 2020

Посвящается 20-летию АГИКИ

Редакционная коллегия:

Главный редактор *С. С. Игнатьева, к.п.н., доцент*

Выпускающий редактор *Е. Ю. Ажеева, к.п.н., доцент*

Члены редакционной коллегии:
Е. Ю. Ажеева, к.п.н., доцент
Л. Р. Алексеева, к.п.н., доцент
А. Р. Баторов, к.т.н., доцент
У. А. Винокурова, д.соц.н., доцент
О. Э. Добжанская, д.иск., доцент
З. И. Иванова-Унарова, профессор
А. Г. Лукина, д.иск., профессор
Т. Ф. Ляпкина, д.культ.
С. В. Максимова, к.и.н., доцент
В. С. Никифорова, к.иск.
А. Г. Петрова, к.иск., доцент
Ю. И. Шейкин, д.иск., профессор

Технический директор *Ю. А. Кривобок*
Перевод *Л. Р. Алексеева, Д. В. Бурнашева,*
Ф. В. Зимина, Е. К.Тимофеева
Библиографический редактор *Т. А. Андросова,*
Верстка *О. А. Рахлеева*

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Арктический государственный институт культуры и искусств» (АГИКИ)

Журнал издается при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации

Адрес редакции, издателя: 677000, г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 4
Электронный адрес: agiki@mail.ru
Отпечатано в типографии АГИКИ
Адрес типографии: 677000, г. Якутск, ул. Кирова, 33
Подписано в печать 01.12.2020
Формат 60Х90/8 Усл. печ. л. 20,75.
Тираж 300

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Саха (Якутия), свидетельство ПИ № ТУ 14-0236 от 14.03.2012

Журнал распространяется бесплатно

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В ОБРАЗОВАНИИ И КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ АРКТИКИ

Игнатьева С. С. Культурный и человеческий капитал: приоритеты арктической культурологической научной школы 3

Астафьева О. Н. Региональное социокультурное развитие: согласование стратегий культурной политики разных уровней-контуров 8

Егоров В. К. Циркумполярные культуры, арктическая цивилизация: о феноменах и понятиях 13

Габышева Ф. В., Ситникова Н. В. Дети Арктики: вызовы времени 18

Шлыкова О. В. Этнокультурное многообразие коренных малочисленных народов севера как стратегический ресурс государственной национальной и культурной политики РФ 25

Пшеничникова Р. И. Северная звезда культуры России: 20-летию АГИКИ посвящается 31

Игнатьева С. С., Боголюбова Н. М., Кузнецова А. Е., Матвеевская А. С., Николаева Ю. В., Осадчая Е. В., Харлампьева Н. К. Санкт-Петербургский государственный университет и Арктический государственный институт культуры и искусств: опыт и перспективы сотрудничества по межкультурной коммуникации и туризму в Арктике 35

АРКТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЦЕННОСТИ ЦИРКУМПОЛЯРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Винокурова У. А. Парадигма арктического образования 39

Чампаи О. Смена парадигм в этнической антропологии 43

Мандельштам-Балзер М. Символы, исторические дебаты и ценности в Республике Саха (Якутия) 49

Холмберг Л. Э. Арктическое индигенное образование и кино 54

Лукина А. Г. Народная художественная культура народов арктики и севера как фундаментальная ценность АГИКИ 58

Аргунова-Лоу Т. Праздновался ли ысыах в советское время: публичный и скрытый транскрипт 66

Такасаева К. Дары Музы 71

ТРАДИЦИОННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО АРКТИКИ

Иванова-Унарова З. И. Исследование сибирской коллекции народов арктики в музеях США (с участием Арктического государственного института культуры и искусств) 73

Крупник И. Арктические этнографические коллекции в Смитсоновском институте: окно в Арктику или путь к ее жителям? 78

Петрова А. Г. Природно-климатические и историко-культурные факторы формирования традиционного искусства саха 86

Ляпкина Т. Ф., Стрекаловская З. А., Шишигина Ф. В. Олонхо в культурных институциях и социокультурном проектировании 90

Яковлева М. П. Фольклор эвенков: традиции и новации 96

Чусовская В.А. Образ. Театр. Школа: к 70-летию народной артистки Степаниды Борисовой 102

КОМПЛЕКСНЫЕ ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРКТИКИ

Замятин Д. Н., Романова Е. Н., Никифорова В. С. Геокультурные исследования в Якутии 106

Замятин Д.Н . Геокультурное пространство Арктики: онтологические модели воображения 112

Романова Е. Н. Визуальные ландшафты Северной Азии: якутское кино как сопространственность 117

Шартье Д. О тишине и шуме: молчание Севера 122

Сураганова З. К. Праздник Амал-көрісу в контексте сакральной географии и современной культуры Казахстана 132

Шейкин Ю. И., Добжанская О. Э., Игнатьева Т. И. Арктика как звучащий ландшафт (этномузыковедческий подход) 139

Никольский А. В., Алексеев Э. Е., Алексеев И. Е., Дьяконова В. Е. Пространство варганной музыки: акустические свойства 144

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОЕКТНОЙ КУЛЬТУРЫ

Винсент-Фериа Э., Винсент-Фериа Ф. Формы, контекст и гуманность в современном искусстве: Международные мосты АГИКИ 151

Ануфриев С. Е., Тригалева Н. В., Зотова О. И. К вопросу высшего художественного образования на Дальнем Востоке: история и современность 153

Николаева Н. В. Роль Российской академии художеств в становлении художественного образования в Республике Саха (Якутия) 157

Захаров А. И. Креативная интенсивность Якутии 160

ИНФОРМАЦИОННО-БИБЛИОТЕЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО АРКТИКИ

Сайко Е. А. Современная книжная культура в контексте динамики медиапотребления 168

Ажеева Е. Ю., Максимова С. В. Библиотека как часть креативной экономики региона..... 170

Баторов А. Р., Шлыкова О. В. Дигитализация культурного наследия Арктики 177

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В ОБРАЗОВАНИИ И КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ АРКТИКИ

УДК 338.467.6(470)

С. С. Игнатьева

КУЛЬТУРНЫЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ПРИОРИТЕТЫ АРКТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

В работе анализируются феномен культурного и человеческого капитала в контексте модернизационной политики Арктики, рассматриваются факторы сохранения и развития культуры, а также потенциал Арктической зоны как территории научного и культурного лидерства. Сделан акцент на том, что с одной стороны, принципиальна ориентация на собственный культурный код, на свою историю и матрицы развития, с другой – на генерацию новых знаний, формирование и устойчивое развитие самостоятельной научной культурологической школы, которая становится гуманитарным щитом от сугубо техницисткой и рыночной экспансии. Представлен опыт изучения образов северных территорий, современной когнитивной карты арктического пространства (мифы, топонимика, знаковые места, фольклор, праздники и обряды), креатосферы Арктики как драйвера культурной модернизации и имиджевого продвижения территории, отражающих уникальные культурологические исследовательские направления. Особое внимание уделяется воспроизводству творческого, научного и человеческого капитала на уровне магистратуры и аспирантуры в области культурологии Арктического института культуры и искусств. Автор рассматривает вопросы статуса научной культурологической школы Арктики в мировом культурном и образовательном пространстве, ее вклада в процесс разработки культурной модели Арктики будущего.

Ключевые слова: *научная культурологическая школа Арктики, культурная модернизация, культурно-образовательный ландшафт, культурологическое образование региона.*

Sargylana Ignatieva

CULTURAL AND HUMAN CAPITAL: PRIORITIES OF THE RESEARCH CULTUROLOGICAL SCHOOL OF THE ARCTIC

The paper analyzes the phenomenon of cultural and human capital in the context of the modernization policy of the Arctic, consider the factual aspects of the preservation and development of culture, as well as the potential of the Arctic zone as a territory of scientific and cultural leadership. The emphasis was placed on the fact that, on the one hand, it was fundamental to focus on one's own cultural code, on its history and matrices of development, on the other - on the generation of new knowledge, the formation and sustainable development of an independent Research Culturological School, which becomes a humanitarian shield from technology and market expansion. The experience of studying the views of the northern territories, the modern cognitive map of the Arctic space (myths, homonymy, iconic places, folklore, holidays and rites), the Arctic stratosphere as a driver of cultural modernization and image advancement of the territory, reflecting unique cultural and logical research directions, is presented. Special attention is paid to the production of creative, scientific and human capital at the level of ma-ster's degree, graduate and post graduate of cult urological school at the Arctic Institute of Culture and Arts. The author examined the status of the Arctic Research Culturological School in the world cultural and educational space, its contribution to the process of developing a cultural model of the Arctic of the future.

Keywords: *Research Culturological School, Cultural modernization, Cultural and Educational Landscape, Cultural Education of the Region.*

Термин *модернизация* прочно закрепился в общественном и научно-аналитическом лексиконе, обретя статус главного слова эпохи, суверенного элемента интеллектуального и политического дискурса современной России.

Отечественные социальные, философские и культурологические исследования происходящей в России модернизации общественного строя, материально-экономической и политической жизни, организации науки и образования, всей материальной и духовной культуры часто носят эмпирический характер. Доминирующую теоретико-методоло-гическую установку в них выделить сложно. Исследователи расходятся даже в вопросе о том, какую модель модернизации принять за образец – должна ли Россия и ее регионы

осуществлять преобразования по образцу западноевропейских стран, ориентироваться ли на китайский (вьетнамский, сингапурский) опыт, или необходимо разработать национальную модель?

В силу исторических причин, наиболее прозрачным и подробно описанным представляется «Западный подход». Он предполагает рыночную ориентацию экономики, рационализм, социальное равенство, автономию личности. В основе западной модели модернизации – опора на общественный интеллект, социальную креативность, институциональную автономность [5, с. 73-77].

Модернизационные процессы в восточных странах также основаны на рыночных принципах. В то же время, в силу региональных культурных традиций, они опираются на интеллект специально формируемых социальных страт, креативность предпринимателей, институциональную вертикаль.

Поиск «национальной формулы модернизации» для России осуществляется в различных вариантах обоснования собственного пути развития. При этом социокультурная традиция российского общества закрепляет в качестве основополагающих детерминант патернализм, опору на интеллект элит, традиционализм (консерватизм), институциональную мимикрию.

При общем согласии исследователей в том, что реализация модернизации только в экономико-технологическом ракурсе предопределит ее имитационный характер, дискуссионным остается вопрос о том, какие факторы являются ключевыми, определяющими трансформации и траектории развития общества.

Одни ученые, полагаясь на мнение А. Вебера, считают, что ключевое значение имеет создание институциональной системы, способной направить рыночные силы на служение целям общества. Это возможно лишь в условиях не декларируемой, а реальной демократии.

Другие утверждают, что «необходимо создание модернизаторской властной элиты и формирование у широких слоев общества «запроса на модернизацию» [3].

Многие исследователи, занимающиеся изучением этой проблематики, согласны с тем, что в странах, вставших на путь модернизации, но не завершивших его, нужно использовать собственную культурную традицию; кроме того, запускать комплексный социокультурный процесс, в котором управленческие и технологические решения подчинены гуманитарным целям, соотнесенным с экономическими задачами [2 и др.].

Если для Запада модернизация была естественно-историческим органическим переходом от традиционного к современному, капиталистическому обществу, то для России, как и для других незападных стран, имеющих культурные различия с Западом, модель «догоняющей модернизации» реализовывалась сложно, рывками.

Многим теоретикам национальная модель модернизации сегодня представляется наиболее адекватной формой развития обществ, они считают, что каждое общество должно само определиться с выбором модернизационного проекта, не обязательно идентичного американской или западной модели развития.

П. Штомпка объединил пересмотренные положения теории модернизации в единую систему, в которой политическая элита, действующая «сверху», не рассматривается в качестве движущей силы модернизации. Последней он считает мобилизацию масс, деятельность «снизу», часто противостоящую инертным и консервативным государственным органам [5]. При ориентации на национальную модель модернизации приоритет экономического роста уступает свое место «неуловимым и неощутимым» (П. Штомпка) ценностям, отношениям, символическим смыслам и культурным кодам, без которых модернизация не может быть успешной. В исследованиях проблем модернизации не сложилось однозначного мнения по поводу сформированности такого запроса в обществе, споры ведутся также по поводу наличия социального макросубъекта российских реформ.

Одной из причин замедленных темпов социальной модернизации в России М. К. Горшков считает полностью прекратившуюся за последние двадцать лет урбанизацию страны. В результате, степень урбанизированности российского общества не соответствует стандартам, характерным для стран, находящихся на этапе перехода от индустриального к позднеиндустриальному обществу. Пример Китая https://www.ng.ru/world/2014-03-19/8_china.html https://lenta.ru/articles/2016/10/27/farewelltovillage/ и др.

Вследствие слабой распространенности городской культуры, являющейся предпосылкой формирования личности современного типа, новой модели социальных отношений и новой системы социальных институтов, в общественном сознании «практически не происходит осознания устойчивых групповых интересов, основанных на политических, социальных, духовных, профессиональных и других идентичностях. Это препятствует формированию полноценного гражданского общества и утверждению характерных для обществ модерна социальных практик и институтов… и отражает сравнительную незрелость и противоречивость модернизационных процессов в социальной сфере жизни российского общества в последние десятилетия» [1, с. 35].

Социокультурным ресурсом, позволяющим сохранять оптимизм в отношении реализации модернизационного проекта в России, согласно данным исследования, является молодое поколение россиян, характеризующееся большей поддержкой модернистских ценностей.

Для измерения культурных характеристик в рамках Всемирного исследования ценностей *(World Value Survey)* используются индексы ценностей выживания/самовыражения и ценностей традиционных/секулярно-рациональных. В целом данный показатель отражает степень перехода от индустриального к

постиндустриальному обществу. Традиционные ценности заключаются в высоком значении религиозной веры в жизни респондента.

В российском обществе есть модернизационный потенциал, однако без завершения социокультурной модернизации, прежде всего – без формирования в массовом масштабе личности нового типа, способной к целерациональным действиям, институционального устройства общества, содействующего самореализации личности, проявлению промодернизационных ценностей и «креативного этоса», задача реализации этого потенциала проблематична. Доминирующий в российском обществе приоритет материальных ценностей, не продуцирует значимых стимулов для долгосрочного развития, является антимодернизационным. В такой ситуации должен произойти «ценностный перехват», направленный на восстановление в правах метафизических ценностей, в противном случае, как справедливо утверждают авторы доклада «Стратегия-2020», нашу страну опять ждут трудные времена.

Россия является важнейшим звеном в развитии циркумполярного пространства Арктической зоны, поэтому северным территориям предстоит разрабатывать особую стратегию модернизации, которая определит их будущее в стремительно глобализирующемся мире на десятки лет вперед, будет способствовать укреплению позиций России в Арктике, упрочению международной безопасности, поддержанию мира и стабильности.

Являясь территорией диалога и инициатив, Республика Саха (Якутия) активно реализует утвержденную Президентом РФ В. В. Путиным Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и другие документы, направленные на обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года. Арктическая зона представлена 13 районами Якутии, среди основных характеристик проживания на данных территориях можно назвать отдаленность от центра и труднодоступность, сложную транспортно-логистическую систему.

В целом это наименее развитые в социально-экономическом плане районы с низкой плотностью населения и достаточно высоким уровнем миграции. Однако при этом они перспективны и стратегически значимы (особенно прибрежные арктические зоны). В основном здесь сложился хозяйственный уклад, определяемый как арктический. Причем особенность организации культурной жизни в данных районах связана с высоким уровнем этнического самосознания, наличием более выраженного значения социокультурного кода Олонхо, чем в других районах Якутии.

Как отмечает ряд исследователей, на карте мира сегодня сформировалось особое геоэкономическое поле международного сотрудничества в Арктике, где большую роль играет комплексный подход к решению экономических, политических, межкультурных связей. Центральное место в освоении северных территорий должно отводиться сохранению био- и социокультурного разнообразия, что требует дополнительного исследования и формирования современной парадигмы развития Арктической зоны.

Многие полярные страны разработали стратегии развития своих арктических зон исходя из существующих реалий. Усиливающаяся конкуренция за обладание важнейшими ресурсами и пространством чистой природной среды умножили интерес мирового сообщества к этой зоне. Российская Арктика отличается от других арктических стран тем, что в ней содержится две трети общего богатства мировой Арктики.

Культурный облик российской Арктики формируют гуманитарные ресурсы, система ценностей и миссия Севера в ней. В настоящее время данную территория рассматривается исследовательской группой как точка социокультурного прорыва и опорный центр культуры, координирующий и стимулирующий воспроизводство культурного капитала всех северных территорий.

Важным фактором аутентичности внутренних характеристик региона, является народное творчество (как процесс и как его результаты) коренных народов. Как показывают результаты научного исследования «Комплексный анализ деятельности учреждений культуры Республики Саха (Якутия)» (2016), инициированного Министерством культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) при участии Арктического государственного института культуры и искусств, АУ «Арктика», Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, основными тенденциями, характеризующими состояние народного творчества в Якутии выступают: высокий уровень национального самосознания коренных этносов; возрождение, сохранение и пропаганда традиций коренных этносов, устной народной традиции; поддержка поликультурности общества; рост участников коллективов народного творчества; увеличение числа коллективов, имеющих звание «Народный коллектив РС(Я)» и «Образцовый коллектив РС(Я)»; рост потребности населения в деятельности по популяризации и развитию народного творчества; а также по возрождению и развитию традиционной национальной культуры; затруднения участия коллективов в конкурсах и мероприятиях, связанные с труднодоступностью большей части поселений РС(Я); недостаточное финансирование. При этом отмечается, что сферу услуг культуры отличают следующие закономерности развития: независимость творческой деятельности; преемственность, устойчивость и передача культурных традиций; новаторство, самобытность, неповторимость, уникальность, а в ряде случаев и невоспроизводимость творческого результата; единство национального и общечеловеческого; взаимопроникновение материального и нематериального (духовного) [4, с. 50].

Стратегическое значение для культуры Якутии имеют ценности самобытной традиционной народной культуры, ее этнокультурного взаимодействия и взаимообогащения в полилоге с другими культурами.

Сегодня в государственной культурной политике главный акцент сфокусирован на таком тренде, как

инвестиции в культурно-познавательный туризм в Якутии. Территория полюса холода отличается уникальной самобытностью и этничностью коренных северных народов, сумевших выработать методологию выживания в суровых условиях вечной мерзлоты, а также утвердить духовные основы резервации реликтовых элементов культуры, являющих собой единство в многообразии и органично вписывающихся в «многоголосье» полинациональной России.

Якутия признана самым холодным обитаемым регионом на северном полушарии Земли. Здесь ведутся метеорологические наблюдения с 1892 г. Самая низкая температура воздуха в городе Верхоянске опускалась до – 67,8°, селе Делянкир до – 65° и поселке Оймякон до – 67,7°.

К числу сдерживающих факторов сохранения и развития культуры северных и арктических территорий относятся: экономическая и инфраструктурная изоляция данных регионов от остальной части России; депопуляция, низкая плотность населения и очаговый характер расселения; дотационность большинства субъектов; неразвитая энергетическая и транспортная инфраструктура; экстремальные природно-климатические условия; высокая стоимость транспортировки людей и грузов и т. д. Все это усложняет социокультурное развитие региона.

Проблемы национальной безопасности России в Арктике прямо связаны с активным накоплением новых знаний о потенциале этой зоны, особенностях протекающих в ней процессов. Только постоянно создаваемое новое знание и современная система образования гарантируют развитие данных территорий для России. Сегодня разработкой социокультурных кластеров, изучением образов северных территорий, современной когнитивной карты арктического пространства (мифы, топонимика, знаковые места, фольклор, праздники и обряды) в российской Арктике активно занимаются Лаборатория комплексных геокультурных исследований Арктики, Международный арктический центр культуры и искусства (МАЦКИ), научно-исследовательский центр Циркумполярной цивилизации Арктического государственного института культуры и искусств.

Новая трактовка российского суверенитета в Арктике означает усиление научного лидерства России в Арктике, укрепление интеллектуального присутствия, в том числе посредством новых объектов инновационной инфраструктуры, специализированных и многоцелевых научно-исследовательских, культурно-образовательных и рекреационно-туристских комплексов и др.

Одно лишь привлечение молодых специалистов в арктические мегапроекты требует формирования новой миграционной, образовательной, культурной, информационной политики для Арктики. Очевидно, что необходима ориентация на собственный культурный код, выработанный тысячелетиями, но и важна опора на новые ценности, которые создаются в условиях глобализации и стимулируют генерацию инновационных знаний.

В этом плане именно образование выступает в качестве условия устойчивого развития общества и взращивания человеческого капитала.

Структура человеческого капитала многокомпонентна. Кроме собственно экономической компоненты (трудовая, профессиональная деятельность), в структуру человеческого капитала входит социальный компонент (демографическая, компонента здоровья, гражданская, политическая) и культурный (образование, система потребностей, способностей и умений индивидов, духовно-нравственные нормы и ценности, типичные для конкретной культуры способы поведения и мышления).

Специфика культурологического подхода к анализу человеческого капитала проявляется в выявлении сущностных, базовых смыслов потребностей, способностей и умений индивидов, способов поведения и мышления которые являются элементами культурной компоненты человеческого капитала.

Одной из культурологических характеристик человеческого капитала является согласованность, взаимодополняемость, непротиворечивость между элементами и компонентами человеческого капитала. Человеческий капитал поддается изменению и развитию. Когда общество обладает постоянными потребностями, способностями и готовностью к взаимодействию с миром культуры, владеют знаниями о культуре, можно говорить о высоком уровне капитала.

Регионы России обладают неравным уровнем человеческого капитала. Причин для такого положения достаточно много (разная степень удаленности от центра, разный уровень экономического развития, различный уровень инфраструктуры, различный уровень сохранности культурных традиций), но так или иначе разное качество человеческого капитала требует различных направлений и способов его активации. Под активацией человеческого капитала можно понимать систему внутренних и внешних воздействий, которые создают необходимые и достаточные условия для его многостороннего проявления и использования в различных сферах жизнедеятельности общества конкретного региона. С нашей точки зрения к внутреннему воздействию можно отнести меры по сохранению традиционной культуры, развитию образования, а к внешним – меры и программы, реализуемые культурной политикой государства и региона (целевые программы, субпрограммы, направленные на формирование и воспроизводство культурного капитала).

Литература

1. Горшков, М. К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки / М. К. Горшков // Социс. – 2010. – № 12. – С. 28-41.

2. Кольба, А. И. Конфликты модернизации с точки зрения мирового и российского опыта / А. И. Кольба // Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России. – М.: Ключ-С, 2012. – С. 31–36.

3. Комплексный анализ деятельности учреждений культуры Республики Саха (Якутия): (итоги научного исследования) / [авт. кол.: В. Б. Игнатьева, А. Г. Томаска, Е. Г. Маклашова и др.; под общей ред.С. С. Семенова; редкол.: В. И. Тихонов, Н. А. Макаров, А. Н. Алексеев, С. С. Игнатьева]; М-во культуры и дух. развития Респ. Саха (Якутия); АУ «АРКТИКА»; Сибир. отд-ние Рос. акад. наук; Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисленных народов Севера; М-во образования и науки Рос. Федерации; Аркт. гос. ин-т культуры и искусств. – Якутск, 2016. – 164 с.

4. Штомпка, П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. Под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

5. Ориентиры культурной политики XXI века: актуальные исследовательские тренды: коллектив. монография / Л. Б. Зубанова, Н. Л. Зыховская, А. Ю. Павлова, С. Б. Синецкий, М. Л. Шуб ; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2019. – 175 с.

УДК 008:351.85

О. Н. Астафьева

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ: СОГЛАСОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ-КОНТУРОВ[1]

В статье рассматривается динамика социокультурного стратегирования, предпринята попытка актуализировать проблему достижения баланса между рациональными управленческими стратегиями и конкретными практиками их адаптации к региональным особенностям, а описать модели и уровни культурной политики, проследить формы внедрения целей и задач культурной политики в стратегии развития организаций и учреждений культуры. Обращается внимание на подготовку кадров в сфере культуры как приоритетного направления Национального проекта «Культура».

Ключевые слова: *региональное социокультурное развитие, модели и уровни культурной политики, человеческий и культурный капитал.*

Olga Astafyeva

REGIONAL SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT: COORDINATION OF CULTURAL POLICY STRATEGIES AT DIFFERENT LEVELS-CONTOURS

The article examines the dynamics of socio-cultural strategizing, attempts to update the problem of achieving a balance between rational management strategies and specific practices of their adaptation to regional characteristics, as well as to trace the forms of implementing the goals and objectives of cultural policy in the development strategies of organizations and cultural institutions. Attention is drawn to the training of personnel in the field of culture as a priority area of the National project " Culture".

Keywords: *regional socio-cultural development, models and levels of cultural policy, cultural personnel.*

Ключевая тема государственной культурной политики обсуждается в социально-гуманитарном знании в контексте перехода к инновационным моделям в процессе преобразований среды, связанным с насыщением многомерного культурного пространства новыми смыслами и иерархиями ценностей [5, 9, 10, 13]. Осознавая трудности и риски, продуцируемые одновременно идущими глобализационно-сетевыми процессами и модернизацией, усиливающей дифференциацию пространства культуры с неизбежной его плюрализацией, нами предлагается актуализировать проблему достижения баланса между рациональными управленческими стратегиями и конкретными практиками их адаптации к региональным особенностям, а также проследить формы внедрения целей и задач культурной политики в стратегии развития организаций и учреждений культуры. Показать, как происходит повышение качества человеческого капитала, его легитимация, независимо от локала, где он функционирует, поскольку, как мы видим, в социокультурной политике такая ориентация включена в семантическое ядро и занимает ключевую позицию в системе ее целеполаганий.

На наш взгляд, во многом это обусловлено переходом социума к нелинейно-гуманистическому мышлению как интеллектуальной основе креативного человеческого капитала разных уровней с целью наращивания гуманистического потенциала в человеческом капитале в целом [8, с. 248].

В контексте проблемы укрепления человеческого капитала региональных сред, можно говорить о стратегировании, как особом типе операционализации социокультурного развития, обеспечивающим условия и возможности модернизации; о стратегировании, как ядре проектного и институционального подхода в управлении с целью гармонизации стратегий разных уровней. Прежде всего, целесообразно поставить вопрос о согласовании принципов модернизации институционально доминирующего уровня стратегий государственной культурной политики, региональных стратегий и стратегий организаций разных сфер творческой деятельности, когда на каждом из этих уровней сильно проявление механизмов самоорганизации и саморегулирования.

Насколько какая из моделей культурной политики, отвечающая за тот или иной стратегический вектор, способна обеспечить максимальный синергетический эффект от синхронности и соразмерности действий разных субъектов, включающихся в кооперацию?

Какие действия со стороны разных региональных субъектов могли бы способствовать устойчивому функционированию организаций – учреждений сферы культуры в условиях нелинейной «асинхронной» модернизации?

---

[1] Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта №19-511-93002 «Культурно-философские основания китайско-российского сотрудничества».

Наконец, какие практические рекомендации, соответствующие парадигмальной смене теоретико-методологических подходов к изучению стратегии культурной политики на современном этапе, являются наиболее актуальными? Реализация региональной социокультурной политики, в первую очередь, должна учитывать *человеческий и культурный капитал региона,* который формирует творческие активы в современной постоянно изменяющейся экономике: «Культурный капитал – это источник благ и услуг, где культурное наследие – ценный актив» (Д. Тросби). Человеческий капитал, который предполагает творческую составляющую, можно раскрыть через несколько ключевых идей:

- *творческий продукт создают творческие работники;*
- *он включает в себя культурные ценности, товары и услуги;*
- *для потребителей, инвесторов, фирм и правительства творческие продукты имеют стратегическую ценность (в том числе и экономическую), которой измеряется культура.*

При этом следует помнить, что использование человеческого и культурного капитала региона содержит определенные риски и потому должно иметь взвешенный и продуманный характер. Выделим *гуманитарное измерение рисков,* которое можно определить через следующие дихотомии:

- *Культурная диверсификация / культурные разрывы.*
- *Отношение к традиционным ценностям: архаизация /модернизация.*
- *Возможности творческой самореализации личности / приверженность потребительской культуре.*

Указанные риски требуют особого внимания при планировании стратегии и деятельности социальных субъектов в процессе реализации региональной социокультурной политики.

Опишем **основные модели и уровни культурной политики,** сосредоточив внимание на институциональном и содержательно-смысловом уровнях организации культурной деятельности [4].

Первую линию условно обозначим *консервативной;* она по существу осталась от советского времени, поскольку продолжает сохраняться совокупный объект отраслевого управления Министерства культуры РФ. Следует признать, что структура направлений в деятельности ведомства формировалась на протяжении XX века; ныне она продолжает аккумулировать немалые возможности для поддержания отрасли в надлежащем состоянии. Другое дело, что в изменившихся условиях и при сформировавшихся у населения широкого спектра культурных потребностей у министерства крайне узкими остаются возможности решать прежние, а также новые задачи привычными средствами [11].

Следующая линия культурной политики РФ – назовем ее *экспериментаторская* – явно и неявно связана с целями неолиберальных преобразований, с принципами культуры постмодерна, с коммерциализацией всех сфер деятельности, включая духовные, со своеобразным пониманием свободы творчества и критическим настроем к отечественной культуре. Данная линия проявляется в разнообразных формах, транслируется через многие каналы информации, искусство и художественные и «псевдо-художественные» перформансы, за которыми нередко стоит государственное и региональное финансирование. Сторонники этой линии отстаивают принципы свободы экспериментирования, право на новую авторскую интерпретацию первоисточников, что не всегда является успешным решением. В итоге в российских городах появляются не только современные и высокохудожественные произведения, но и арт-продукты, дизайнерские и ландшафтные решения, порой не отвечающие облику исторических городов и придающие эклектизм культурной среде; на театральных сценах ставятся спорные по художественно-эстетическому воплощению постановки, разрушающие драматургическую классику, противоречащие общественной морали и религиозным убеждениям; создаются фильмы и литературные произведения, искажающие отечественную историю, типологические качества российских народов.

Примечательно, что ни культурное ведомство, ни общество не выработали адекватных позиций на социальные эффекты от творчества авторов, пытающихся убедить публику, что главное в современной жизни связано с разрушением «косных» художественных форм, что российская культура несостоятельна и не отвечает современным мировым «стандартам» др.

В связи с этим весьма опасным явлением представляется отсутствие до недавнего времени в культурной политике РФ внятных общественных целей, что и не позволяло ведомству не только поддерживать дискурс о «свободе творчества» отдельных художников, но и не забывать об ответственности власти перед гражданами, игнорировать национальные идеалы, духовные основы нашей культуры.

Третья линия культурной политики *«инновационная»,* которая начинает оформляться как ведущая; она связана с поиском конструктивной семантики, способной определять деятельность ведомства в развитии российской национальной культуры ближайшего будущего, вырабатывать адекватные способы решения проблем социокультурной практики, в том числе, в кризисных условиях [12].

В настоящее время в многочисленных документах и программах, в отличие от недавнего прошлого, появились четкие ориентиры и закрепленные долговременные стратегические цели, соответствующие семантическим основам культурной политики. В исследовании «Социокультурная политика в Российской Федерации: стратегии, уровни, инновации» раскрываются основные модели социокультурной политики, с особым акцентом на *многоуровневую модель* социокультурной политики О. Н. Астафьевой и Г. А. Аванесовой и инновационных аксиологических, коммуникативных и управленческих принципах её реализации. Проанализируем сначала модели, предлагаемые другими учеными, чтобы понимать различия и

особенности данной многоуровневой модели, как содержащей стратегический потенциал.

Так, согласно двунаправленной стратегии социокультурной политики, предложенной А.Я. Флиером, государство, опираясь на одну из них, преследует следующие цели:

· *сохранение полноты своеобразия* собственной культуры (культурная устойчивость) либо ее постепенную модернизацию (культурная изменчивость);

· *изоляция национальной культуры* от иного культурного воздействия либо развитие межкультурного взаимодействия с представителями других культур, проживающих в стране. В зависимости от превалирующей цели, культурно-политическая стратегия может быть или преимущественно охранительной, или преимущественно трансформационной [14].

Заметим, что по существу оба вектора в чистом виде не присутствуют в современной реальной социокультурной среде, на что и указывает сам автор, подчеркивая в каждом из направлений возможные альтернативы. Собственно, второй тип культурной политики вступает в противоречие с самой сущностью культуры, поскольку любое сообщество ориентировано на «интенциональное расширение собственного жизненного пространства …. за счет увеличения количества носителей свойственных ей культурных черт», что, помнению С. Б. Синецкого, «можно считать генетически запрограммированным качеством культуры».Подчеркивая особую роль, которую играют в этом изменении соответствующие культурные элиты или референтные группы, он делает следующие выводы: «Чем сильнее идентичность и большое количество членов сообщества, тем значительнее возможности элит относительно влияния на жизненное устройство» [11, с. 67].

Добавим, что усиливающая конкуренция между субъектами культурной политики (политической элитой, экспертным сообществом, бизнес-группами и др.) связана с интенсивными коммуникативными процессами, на которые в разное время влияли, выделяемые С. Б. Синецким, три «чистых типа» установок. Одна из них – патриотическая ориентация, направленная на поддержку культуры, преобладающей в собственной группе. Другая установка – это диссидентская ориентация на поддержку иной культуры; третья установка – компромиссная ориентация на модернизацию и частичное усовершенствование существующей культуры [11].

В рамках предложенной нами (О. Н. Астафьевой и Г. А. Аванесовой) модели и условно названной «*многоуровневой моделью* социокультурной политики», предлагается соединение *традиционного* и *инновационного* аспектов, где ключевым моментом выступает ориентация на отечественные ценности и цивилизационные коды. Данная модель предполагает *пять уровней-контуров* социокультурной политики, которые коррелируются с ее масштабами [4].

На *высшем* уровне-контуре определяется «широкий диапазон» выработки стратегических смыслов, посредством которых должна происходить национальная консолидация.

Второй уровень-контур отражает работу министерства культуры, руководствующегося национальной стратегией. Данное ведомство должно администрировать, координировать и диагностировать социокультурные процессы с возможным привлечением усилий других государственных структур.

Третий уровень предполагает совместную работу отраслей, которые непосредственно связаны с процессами социокультурного воспроизводства (образование, наука и др.), что требует формирования специальных координационных органов.

На *четвертом* уровне отражается работа любого ведомства, которое в своей деятельности решает проблемы социокультурного плана.

На *пятом* уровне отражается региональная и муниципальная социокультурная политика, в рамках которой конкретизируются формы и методы решения культурных проблем жителей соответствующих территорий с учетом имеющихся возможностей. Именно на этом уровне культура выступает важнейшим ресурсом регионального социально-экономического развития, а социокультурная политика должна быть максимально приближена к проблемам и условиям жизни граждан.

Данная модель предполагает высокую степень *межрегионального, межсекторного и межведомственного* взаимодействия: на каждом из этих уровней-контуров социокультурной политики (в том числе и представляющих систему отраслевого управления Министерства культуры РФ, включающую охрану, реставрацию и использование памятников истории и культуры; художественную литературу, сценическое, музыкальное искусство, кинематографию, художественные народные промыслы и ремесла; музейное дело и коллекционирование; книгоиздание, библиотечное дело и иную деятельность, связанную с созданием произведений печати, их распространением и использованием; эстетическое воспитание, художественное образование, педагогическую деятельность, научные исследования в сфере культуры и т.д.) аккумулируются немалые возможности для поддержания диалоговой стратегии в отрасли культуры.

Учитывая наличие разновекторных социокультурных процессов данная модель также предполагает комплексный анализ стратегий социальных субъектов, имеющих противоположные интенции. Он позволяет на практике реально диагностировать ситуацию, разрабатывать и реализовывать *диалоговую парадигму*: новую линию социокультурной политики, связанную с поиском конструктивной семантики, способной определять деятельность разных ведомств для развития российской национальной культуры на ближайшее будущее, вырабатывать адекватные способы решения проблем социокультурной практики, в том числе, в кризисных условиях, переходных периодах.

Региональную социокультурную политику можно определить как постоянный системный процесс

сознательной координации действий и решений субъектов власти и гражданского общества, обеспечивающих культурное развитие определенной территории в соответствии с социокультурными интересами местного населения.

Современное понимание и проведение успешной социокультурной политики требует оптимального распределения обязанностей и полномочий: необходимо четко обозначить, какие проблемы входят в сферу компетенции местных властей, а какие необходимо выводить на общенациональный уровень.

В соответствии с принципами современного менеджмента, перенос проблемы на более высокий уровень должен осуществляться лишь в том случае, если на низшем её невозможно решить эффективно. В Стратегии государственной культурной политики до 2030 г. это обозначено четко и недвусмысленно: «В Российской Федерации, где региональное и этнокультурное многообразие – историческая традиция, делегирование части полномочий и функций с более высокого властного уровня является естественным. Это в определенной мере относится и к общественным институтам, которым в соответствии с принципом субсидиарности могут делегироваться отдельные функции» [3].

На наш взгляд, стратегические вопросы, связанные с формированием общенациональной системы ценностных координат, подготовкой специалистов высшей квалификации и их социальной защитой, обеспечением сохранности объектов исторического и культурного наследия и т.п. – это удел федеральных органов власти. При этом процессы, связанные с переносом административных полномочий на более низкие уровни, должны быть напрямую связаны с постепенным изменением управленческой модели – благодаря чему их эффективность будет улучшена, ибо появляется возможность в полной мере учесть местные особенности и проблемы.

Как было отмечено выше, объектом региональной социокультурной политики выступает огромное разнообразие форм и проявлений культуры региона, отражающее особенности и специфику конкретной территории. В этой связи одним из ключевых вопросов, решаемых государством в области социокультурного развития, является гармонизация стратегий развития культуры на местах.

Проблемные вопросы выработки стратегии развития культуры в регионе можно разделить на два типа:

· Состояние правовой и организационный закрепленности стратегии, раскрытие которой предполагает четкий ответ на вопрос: «Есть ли в регионе стратегия или ее разработка только намечается?»;

· На какой семантической основе осуществляется долгосрочное стратегическое планирование?

· Важнейшим вопросом гармонизации стратегии развития культуры в регионе также является *стратегическое планирование*. В контексте государственной социокультурной политики, стратегическое планирование *предполагает* проведение сравнительного анализа целей и приоритетов и, исходя из этого, согласование Стратегий федерального и регионального уровней.

Гармонизация стратегии развития культуры в регионе также предполагает корреляцию и конкретизацию задач и основных направлений социокультурного развития относительно специфики и возможностей, перспектив отдельного учреждения культуры. На этом уровне согласование целесообразно начинать с поиска аргументированного ответа на следующий вопрос: *каким образом деятельность конкретной организации отвечает приоритетным (стратегическим) целям ключевых документов федерального уровня?*

С нашей точки зрения, стратегия региональной социокультурной политики должна стимулировать самоорганизационный потенциал общества и объединение усилий различных социальных субъектов, что позволяет получить мощный синергетический эффект. При этом следует помнить о том, что самоорганизационные социальные процессы могут иметь изменчивый характер, что вызывает необходимость соответствующих превентивных мероприятий и выполнение ряда рекомендаций.

С необходимостью отметим, что в Стратегии государственной культурной политики проблема региональных диспропорций выделена особо. В частности, отмечено, что: «Региональные диспропорции в доступе к услугам, в расходах на культуру, в инфраструктурном развитии также формируют риски для сохранения единства культурного пространства» [3].

Считаем, что устранение данных региональных диспропорций возможно посредством эффективного *стратегического менеджмента* – деятельности по обеспечению реализации целей региона в условиях динамичной, изменчивой и неопределенной среды, позволяющей оптимально использовать существующий потенциал и оставаться восприимчивым к внешним и внутренним факторам.

Новые перспективы социокультурного развития во многом раскрываются, благодаря целенаправленной культурной политике, которая влияет на процессы развития социокультурной среды и это происходит на различных *уровнях-контурах*: от общенационального – до регионального и местного. При этом региональная социокультурная политика с необходимостью должна балансировать между достижением общенациональных стратегических целей и решением задач, разрабатываемых на федеральном уровне, и удовлетворением региональных интересов, определяемых местными особенностями, в том числе связанных с поликультурностью и учетом реально доступных ресурсов (экономических, демографических, природных, творческих и др.). Всё это свидетельствует о высокой сложности разработки и реализации региональной социокультурной политики, которая в данном аспекте может не уступать общенациональной.

Одним из проблемных полей современной государственной культурной политики остается корректное регулирование процесса регионального социокультурного развития, который, как мы показали, представ-

ляет собой сложный комплекс действий, включающих согласование стратегий разного масштаба. И это предполагает тщательную и постепенную конвергенцию общенациональной, региональной и местной стратегий вплоть до отдельной организации, сформированную по индуктивному принципу: от частного к общему. Завершая, подчеркнем, что данный процесс не должен носить императивный характер: на уровне региональной и особенно местной социокультурной политики его эффективность в значительной степени, зависит от уровня самоорганизации социальных субъектов.

Литература

1. Закон Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (в ред. Федерального закона от 5 декабря 2017 г. № 392-ФЗ). URL: Официальный интернет-портал правовой информации (http://www.pravo.gov.ru).

2. Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: Официальный интернет-портал правовой информации (http://www.pravo.gov.ru), 16.01.2017 г. (№ 0001201701160039).

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики Российской Федерации на период до 2030 г.». URL: Официальный интернет-портал правовой информации (http://www.pravo.gov.ru), 4.3.2016 г. (№ 0001201603040022).

4. Астафьева, О. Н. Культурная политика и национальная культура: перспективы стратегического вектора современной России / О. Н Астафьева, Г. А. Аванесова // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 5. – С. 193-201.

5. Астафьева О. Н. Социокультурное проектирование в ракурсе задач культурной политики: культура и развитие / О.Н. Астафьева // Социокультурное проектирование: региональные подходы и практики: сборник статей и материалов по итогам Всероссийского проекта «Школа директора» / сост. и общ. редакция Астафьева О. Н., Клещева Н. В., Шлыкова О .В. – Вып. 2. – Екатеринбург: ИРА УТК, 2016. – С. 4-27.

6. Горенкин, В. А. Стратегические направления реализации социокультурной политики в Республике Крым / В.А. Горенкин // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2019. – 1-2 (37). – С. 30-38.

7. Кочеляева, Н. А. Стратегическое планирование в сфере культуры: российский опыт региональной культурной политики / Н. А. Кочеляева // Ярославский педагогический вестник. – 2015 – № 2 – Том I. – С. 206-211.

8. Кравченко, С. А. Социологическое знание через призму «Стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота / С. А. Кравченко. – Москва: МГИМО-Университет, 2015. – 342 с.

9. Многогранность человеческого капитала: культурные и социальные основания» : [коллективная монография] / [Астафьева О. Н., Делокаров К. Х., Егоров В. К. и др.] ; общая редакция и составление О. Н. Астафьевой и О. В. Шлыковой ; Международная ассоциация университетских профессоров и доцентов, LAUPL неправительственная организация – официальный партнер ЮНЕСКО [и др.]. – Москва: Согласие, 2019. – 293 с.

10. Новосельская, В. В. Культура как ресурс инновационного развития территорий: монография / В.В. Новосельская. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 152 с.

11. Синецкий, С. Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего / С. Б. Синецкий. – Челябинск: Энциклопедия, 2011. – 288 с.

12. Современная культурная политика как креативная деятельность: управление и инновации. Коллективная монография в 2 частях. / под общ. ред. Астафьевой О. Н. – Санкт-Петербург: ЭЙДОС, 2014. – 639 с.

13. Современная культура Российской Арктики: субъекты, художественно-проектные и цифровые практики: Коллективная монография / Арктический гос. институт культуры и искусств; под общ.ред. О. В. Шлыковой. – Новосибирск: Наука, 2019. – 216 с.

14. Флиер, А. Я. Культурная политика и стратегии культурных взаимодействий / А. Я. Флиер // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 5 (73). – С. 10-18.

УДК 008(98)

В. К. Егоров

ЦИРКУМПОЛЯРНЫЕ КУЛЬТУРЫ, АРКТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: О ФЕНОМЕНАХ И ПОНЯТИЯХ

Статья посвящена проблемам формирования и современного развития коренных народов Севера, особенностям взаимодействия природы, культуры и религии; очерчено предметное поле современных исследований. Рассматриваются феномены локальные цивилизации, циркумполярные культуры и циркумполярная арктическая цивилизация. Новые понятия стали настолько модными трендами, что сегодня без них трудно представить рассмотрение архитектоники многих упомянутых феноменов. Новые вызовы социально-гуманитарным дисциплинам предполагают не только модернизацию существующей теоретико-методологической базы, но и поиск иных концепций для решения актуальных задач.

Ключевые слова: *культура коренных народов Севера, локальные цивилизации, культурно-исторический процесс, традиции, религия, политика, искусство, природопользование.*

Vladimir Egorov

CIRCUMPOLAR CULTURES, ARCTIC CIVILIZATION: ABOUT PHENOMENA AND CONCEPTS

The article is devoted to the problems of formation and modern development culture of indigenous peoples of the North and features of interaction between nature, culture and religion; the subject field of modern research is outlined. Considered the phenomenon of local civilizations, circumpolar cultures and circumpolar (Arctic) local civilization. The new concepts became fashionable trends, so that today it is hard to imagine the architectonics of many these phenomena, closely interconnected. New challenges for modern social and humanitarian sciences exept not only modernization of existing teoretical and methodogical basis, but also a search of different new concepts for actual problems.

Key words: *culture of indigenous peoples of the North, local civilization, continuity of development, traditions, religion, politics, art, nature use and resource management.*

Внимание к истории, современным проблемам, будущему коренных народов Крайнего Севера постоянно возрастает. Причин этому немало. Изменения климата и связанное с этим расширение возможностей промышленного освоения труднодоступных арктических природных богатств совпадает с серьезным сокращением запасов ископаемых в ранее широко эксплуатировавшихся территориях. Экономические, а следовательно и политические, в том числе, военно-политические интересы ведущих финансово-экономических игроков нашего времени все более активно сосредоточиваются на Арктике. И это неизменно будет порождать как расширение научных исследований, так и идеологического сопровождения, создание новых политических доктрин, установок, планов, что немыслимо, увы, и без создания современных мифов, мифологем, интеллектуально оснащенных философем. В этой связи заслуживает всяческой поддержки работа Арктического института культуры и искусств по научной разработке, философскому осмыслению актуальных проблем, аккумулирующихся вокруг тематики «Вестника» и Конференции.

На мой взгляд, пожалуй, будет полезным начать рассмотрение с таких концентрирующих проблематику понятий, как «арктическая (циркумполярная) культура», «арктическая цивилизация» или «циркумполярная арктическая цивилизация», «геокультура» и т. п. со своего рода обзора тем, направлений научных поисков и интересов. Очертить тематическое проблемное поле — значит реально представить полноту научной базы, созданной многими поколениями ученых и специалистов, постоянно пополняемой современными исследователями.

Прежде всего о круге научных дисциплин, занимающихся изучением рассматриваемой проблематики, поскольку ее широта и безусловная междисциплинарность — очевидны. Очевидно и то, что науки эти, так или иначе, преимущественно «проходят по ведомствам» истории, этнографии, филологии и лингвистики, экономики и природопользования и права. Если же выходить за подобные «ведомственные» пределы, то следует отметить научные исследования в таких областях, как археология, история и теория культуры, культурология, философия культуры, религоведение и философия религий, история искусств, искусствоведение, исследование фольклора, декоративно-прикладное искусство, география и её особое ответвление - география искусства, антропология, демография и ее разделы, этнология, различные отрасли юриспруденции, в том числе, изучающие вопросы защиты прав народов, их международно-правовые аспекты, комплекс экономических дисциплин, включая исследования традиционных форм хозяйственной деятельности, рынка труда, хозяйственной мобильности и миграции, особенностей традиций природопользования, экология с ее разрастающимися междисциплинарными подходами, статистика, социология, социальная психология и, конечно, проблемы, являющиеся предметом внимания комплекса геологических дисциплин.

Публикации современных авторов создают примерно такую тематическую картину: изучаются тради-

ции, обряды и ритуалы, фольклор, этно-языковые и культурно-языковые особенности в прошлом и их современные проблемы, актуальные вопросы, связанные с этнической идентичностью, мифы, магические представления, символика, народные знания и народная память, традиционные модели мира, религиозные верования, в том числе, вопросы религиозных и социокультурных функций шаманизма, языческие начала в религиозной жизни отдельных народов, традиционная религиозно-обрядовая жизнь народов Севера, особенности общественной и семейной жизни, этнокультурные ландшафты Арктики, особенности хозяйственной деятельности и природопользования, проблемы охраны мест древних поселений, захоронений, культовых сооружений, этнокультурные процессы в современных условиях, взаимодействие этносов, межнациональное взаимодействие, локальные сообщества коренных народов, особенности географических названий, языковая, этнокультурная динамика, экология арктических территорий и охрана окружающей среды, экологический туризм, экологические движения, традиционное природопользования и его трансформации, опыт адаптации коренных народов к условиям жизнедеятельности, традиционные занятия, условия и качество жизни, вопросы устойчивого развития в местах компактного проживание коренных народов и традиционной хозяйственной деятельности, социальная инфраструктура в системе жизнеобеспечения, проблемы статистики, включая рынок труда, проблемы ассимиляции, миграционные процессы, проблемы толерантности и партнерства в ходе дальнейшего экономического развития, вопросы защиты прав коренных народов с различными составляющими законотворческой деятельности и правоприменительной практики, разграничения полномочий органов власти в сфере защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни, анализ и перспективы совершенствования национальных и международных правовых баз... Достаточно апробированная проблематика дополняется сегодня новыми поисками, связанными с изучением того, что вкладывается, например, в понятия «нообиогеосфера», «нообиогеоличность» и т.п.

Представленная тематика научных исследований, направлений, проблем, на которых концентрируется внимание современных ученых, разумеется, не претендует на репрезентативность. Это своего рода архитектоника научной базы, созданной и создающейся для изучения широкого круга вопросов прошлого, настоящего и будущего коренных малочисленных народов Севера и территорий их традиционного проживания. А потребности в ее расширении и углублении возрастают с появлением новых вызовов, как природного, так и «рукотворного» характера.

При этом следует обратить внимание и на то, что ученые все больше выходят на предметные поля социальной философии, философии культуры, религии, истории, философской антропологии. Речь идет об изучении и осмыслении механизмов общественного воспроизводства, форм и механизмов социальной детерминации, источников и механизмов социокультурных изменений, проблем культурогенеза, аксиологии и семиотики культуры, традиций в народном творчестве, искусстве, природы социокультурных конфликтов и способов их преодоления, многообразия религиозного опыта и особенностей вероисповеданий и др. Одновременно следует говорить и о том, что многообразные актуальные проблемы жизнедеятельности коренных малых народов все активнее рассматриваются под «углом зрения» какустоявшихся теорий, философских концепций, так и, кажется, в ускоряющемся режиме появляющихся новых предложений, идей, теоретических конструкций, в том числе уже отмеченных.

В этой связи представляются необходимыми некоторые комментарии, уточнения. Например, отмечается, что «формулировка понятия «циркумполярная цивилизация» была введена еще в 1995 году. Ученые предложили версию о том, что наряду с локальными цивилизациями классического типа существует и арктическая, или циркумполярная цивилизация, которую признало международное научное сообщество. Она объединяет северные части трех цивилизаций: евразийской, западноевропейской и североамериканской. У многочисленных народностей России, Швеции, Дании, Финляндии, Норвегии, Канады и США можно проследить общий «арктический» генотип, а также языковые и культурные традиции, несмотря на географическую удаленность друг от друга. Арктическая цивилизация располагается вокруг Северного полюса и отличается тем, что коренные народы создали жизнь, приспособленную к агрессивным природно-географическим условиям… Это локальный тип цивилизации, которая активно формируется в 20-21 век. Главной чертой формирующейся циркумполярной цивилизации является преодоление издержек индустриализации, преобладание перспективных тенденций эволюции северного города на экологических и социокультурных основаниях… Мир арктического человека существует тысячелетия… Арктические народы поддерживали интенсивные культурные контакты, составляли единый относительно непрерывный циркумполярный этнокультурный массив, который впоследствии был разделен административными границами в интересах государств умеренного пояса» [8].

Возникает, по меньшей мере, недоумение по поводу того, что тысячелетия существующий мир культуры и «единый этнокультурный массив» в наше время «вдруг» принялся формировать свою цивилизацию. Но такие феномены, как цивилизации в реальной истории и культуре формируются объективно в ходе тысячелетней или многовековой эволюции. В рамки десятилетий могут укладываться только процессы их трансформаций, модернизаций. За столь короткий промежуток времени могут, конечно, создаваться разного рода новообразования и в жизни, в реальности, но это возможно, скорее всего, только как некий итог насильственных действий. Понятия же, теории, концепции, как плод научной мысли по их толкованию, могут возникать и возникают постоянно. Результатом такой работы стала и идея о наличии в системе локальных цивилизаций по-настоящему уникального явления, наименованного — «арктическая циркумполярная цивилизация».

Констатация наличия такой цивилизации выглядит вполне оправданным. Это, с одной стороны. С другой, обращение с любыми понятиями, тем более с новыми, требует, что называется, корректности. Необходимо говорить о том, как формировался в ходе длительного культурно-исторического процесса этот тип цивилизации, как сопрягаются, корреспондируются явления и понятия «локальные цивилизации» и «циркумполярная арктическая цивилизация». Поскольку же само ее существование, будущее в значительной мере зависят от состояния и развития мировой политики и экономики, взаимоотношений между соответствующими государствами и пр., (а не только от природно-климатических факторов при всей их колоссальной значимости для данного региона), постольку не следует забывать, что различные научные построения здесь будут всегда серьезно зависеть от политик, от геополитических интересов и возможностей ведущих мировых, региональных игроков, будут находится под постоянным политическим давлением, да и инициироваться политикой и политиками. Границы цивилизаций и государственные границы корреспондируются непросто, перекликаются всегда и везде своеобразно и хотелось бы видеть более выверенные обращения к подобным темам с учетом всего комплекса сопутствующих обстоятельств.

Само утверждение о формировании упомянутой цивилизации в наше время, полагаю, совсем неудивительным образом совпадает со временем появления той же теории мультикультурализма, идей, связанных с едиными европейскими (общеевропейскими) ценностями, их продвижением и пр. С мультикультурализмом, не поклоняться которому еще совсем недавно было даже неприлично, кажется, разобрались. Он проявил свою сущность и несостоятельность, от него отвернулись и ученые, и политики, по крайне мере, серьезные. Желающим подробнее познакомится с историческими и современными поворотами в теории и практике мультикультурализма можно порекомендовать насыщенную работу профессора социологии Кембриджского университета Г. Тернборна «Мультикультурные общества» [6]. Конечно за годы, прошедшие после ее публикации произошло много изменений, однако, она не потеряла своей актуальности и многие ее положения оказались хорошим прогнозом. Что же касается европейских ценностей, то их продвижение сопровождается диктатом улицы, меньшинств с поползновением на те же основы ценностей христианских, лежащих в фундаменте самой европейской культуры, цивилизации. А религиозные (в широком смысле) основы, импульсы, контуры имеют непреходящее значение для понимания сущности и особенностей культуры коренных народов Севера в их прошлом, настоящем и будущем. При этом, в данном контексте имеет смысл использовать логику и акценты, которые выделил еще два десятилетия назад замечательный ученый Ю. А. Веденин. Размышляя о путях формирования и сущности феномена, именуемого «культурным ландшафтом», он выделяет: «Из фактора, поначалу определявшего формирования инновационных направлений в искусстве, религия впоследствии превращается в явление, способствующее сохранению, консервации художественных традиций» [1, с. 106]. Уместно будет упомянуть и его интерпретацию самого понятия «культурный ландшафт». Отмечая, что в основе его понимания лежит концепция В. И. Вернадского о ноосфере, Веденин писал: «В соответствии с этой концепцией культурный ландшафт может быть определен как целостная и территориально локализованная совокупность природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединения действия природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-содержательной и рутинной жизнеобеспечивающей деятельности людей» [1, с. 9]. Нелишне, думается, проанализировать сопрожение положений этого определения при описании феноменов, формулировании понятий, обращаясь к циркумполярным явлениям.

Возвращаясь к политике, к вопросам о «границах», считаю возможным обратить внимание на то, что неслучайно, такой специалист, как академик

В. А. Тишков, в содержательно-насыщенном докладе на Общем собрании РАН, отмечая направления исследований и основные достижения академической науки по арктической проблематике, подчеркнул также, что коренные народы российской Арктики — это «своего рода (курсив мой — В. Е.) «арктическая цивилизация» и то, что эти народы, их история и культуры «давно и прочно укоренены в Российском государстве и в российской истории» [9]. Под его же редакцией была подготовлена и коллективная монография «Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение», отличающаяся и хорошим историческим экскурсом, и обстоятельными суждениями о сущности промышленно-освоенческой проблематики. В ней, в частности, обращается внимание на то, что «Протестные акции аборигенов являются свидетельством существующих противоречий между традиционным и промышленным природопользованием, народными представлениями, навыками и утилитарно-коммерческими знаниями и подходами к окружающей среде и к ее ресурсам. Вот почему достижение подлинного партнерства коренных народов с промышленными компаниями в российской Арктике сегодня становится одним условий не только социального благополучия представителей этих народов, но и достижения стабильности в российском обществе, а также защиты геополитических интересов государства» [5, с. 4]. Или такие моменты в «юридическом блоке» размышлений и предложений: «Ключевым понятием в определении культурного наследия коренных народов является представление о священных землях… Для создания адекватной правовой защиты столь особенных исторически и культурно феноменов необходимо проведение широких междисциплинарных антрополого-юридических исследований со вниманием к традиционным правовым знаниям коренных народов, выявлению их правового потенциала». И затем о научном сопровождении практических проблем международного сотрудничества, взаимодействия и регулирования присутствия в Арктике: эта проблематика характерна «слабой представленностью в научных исследованиях» [5, с. 30, 34].

Недостаточный учет широкого контекста арктической проблематики, разумеется, недопустим с точки зрения научных требований, но это еще и приводит к распространению разного рода идеологизированных, политизированных оценок, утверждений, согласно которым циркумполярные теории следует считать лженаукой, чуть ли не своим созданием нацеленной против интересов России в Арктике [10]. Подобные суждения нельзя недооценивать, т. к. данная теория, ее основные идеи имеют не только научное, но и просветительское, если угодно, воспитательное значение и прежде всего для молодежи, будущих поколений политиков во имя утверждения современных и по-настоящему гуманистических представлений о задачах, путях и перспективах решения проблем освоения Арктики на национальном, региональных, международном уровнях.

Известно, что проблематика, именуемая цивилизационной, имеет свою историю. Начало, так или иначе, было положено идеями Н. Я. Данилевского о культурно-исторических типах, которых он насчитывал 15. О. Шпенглер, говоря уже о локальных цивилизациях, писал о 8. А Тойнби в целом полагал, что их 23. Нам же интереснее именно то, что сегодня интенсивно разрабатывается проблематика, связанная с сущностью и особенностями своеобразной локальной цивилизации — арктической. Основные содержательные направления изучения, осмысления феномена «циркумполярная цивилизация» хорошо представлены в работе У. А. Винокуровой и Ю. В. Яковца «Арктическая циркумполярная цивилизация» [2]. По мнению авторов, ими определены особенности генотипа арктической циркумполярной цивилизации с «набором» таких характеристик, как природно-экологическая, демографическая, технологическая, экономическая, геополитическая, социокультурная. И резюмируется: арктическая циркумполярная цивилизация — это пространство взаимодействия локальных цивилизаций Арктической зоны [4]. Понятие «взаимодействие», безусловно, характеризует характер сопряжения разных типов цивилизаций. Но этого недостаточно для понимания, происходившего и происходящего, поскольку очевидно, что с циркумполярной, арктической цивилизацией поразному взаимодействуют разные локальные цивилизации — российская (евразийская), североевропейская (возможно точнее — североевропейские), североамериканская.

В целом цивилизационной проблематике с вычленением проблем, особенностей, перипетий и сложностей на путях взаимодействия цивилизаций вообще, локальных в частности, посвящена большая литература. Отдельно необходимо выделить шеститомный труд Б. Н. Кузыка и Ю. В. Яковца «Цивилизация: теория, история, диалог, будущее». Пятый том посвящен теме русского мира в контексте мировых цивилизаций [3]. Отдавая должное авторам этой работы, вынужден все-таки заметить, что и в ней недостает акцентированного утверждения уникальности и к настоящему времени незыблемости примата национальных культур, их ценностей над всеми иными «обобщающими» феноменами, цивилизациями в том числе. Причем следует подчеркнуть, что пока еще везде — и на Западе, и на Востоке — «поведение» цивилизаций детерминируются национально-государственными соображениями, которые питаются не только, импульсами текущих интересов, но и в значительной мере традициями, национальным культурно-историческим опытом.

Имея в виду укорененность малых народов крайнего Севера России в нашу отечественную историю и культуру, размышляя над их особенностями и судьбами в ходе идущих в настоящее время глобальных природных и общественных перемен, модернизационных процессов и т. п., хотелось бы также обратить внимание на статью М. М. Мчедловой «Российская цивилизация: координаты интерпретации в новых реалиях». В ней отмечены принципиальные и для нас моменты: «Методологически важно подчеркнуть, что социально-культурные характеристики любой цивилизации исторически устойчивы, постоянны, они действуют на протяжении длительного времени, легко переживая не только смену очередных политических режимов, но и общественных систем… Существование различных, порой полярных, мнений о самой возможности наличия российской цивилизации обусловливается прежде всего отсутствием однозначных критериев цивилизованности, что подразумевает простор и открытость для расширения и движения социально-политического знания … Опыт российских политических и экономических трансформаций вскрыл то обстоятельство, что изменение такой самостоятельной цивилизационно-культурной метасистемы, как Россия, не укладывается в классический модернизационный сценарий» [12]. Не укладываются в классические сценарии и социально-культурные параметры арктической цивилизации.

Продолжаются, о чем уже упоминалось, научные, философские поиски, произрастающие из гениальных прозрений В. И. Вернадского. Они, разумеется, группируются вокруг ноосферной проблематики. Достаточное представление о них дают философские и научные наработки А. Д. Урсула, много работавшего над вопросами выживания цивилизаций, перспективами формирования такого явления как ноосферная глобализация и т.д. В данном случае хотелось бы обратить внимание на вопросы становления ноосферной цивилизации, которые в концентрированном виде представлены им в написанной в соавторстве работе «Концепция становления ноосферной цивилизации» [7].

Наконец, нельзя не затронуть и вопрос, касающийся все более часто сейчас употребляемого понятия «геокультура». Он имеет важное значение в связи с подчеркнутым обращением к проблематике культуры, а также в контексте проблем, связанных с понятийной ясностью. Обратимся к содержательной статье Д. Н. Замятина «Понятие геокультуры: образ и его интерпретации». Автор известен плодотворной разработкой проблем культуры и пространства, моделирования географических образов, образов историко-культурных территорий. Он пишет: «Понятие геокультура было введено Иммануилом Валлерстайном примерно 25-30 лет назад. Но так как он историк и политолог, то он вводил это понятие в своих целях, для развития своей

теории. Я попытался переосмыслить это понятие по-своему. Я подразумеваю под этим некую совокупность образов ландшафтов, представлений, связанных с определенным местом или с определенной территорией. Кроме того, второй компонент моей концепции геокультуры состоит в том, что формируется уникальное ментальное пространство, самостоятельное и автономное, за счет которого и может развиваться это место или территория. Иначе говоря, формируется действительно культура ландшафта, культура места, территории. Соответственно, на базе этих материальных и нематериальных факторов, возможно фундаментальное развитие собственно геокультурной региональной политики и возможен геокультурный брейдинг территории». И еще: «Геокультурное пространство — система устойчивых культурных реалий и представлений на определенной территории, формирующихся в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картины мира» [11]. Убежден, что без учета таких представлений о том, что такое геокультура, невозможна дальнейшая обстоятельная работа и по осмыслению феноменов «циркумполярные культуры», «циркумполярная арктическая цивилизация», по их описанию и отработке определений соответствующих понятий.

Литература

1. Веденин, Ю. А. Очерки по географии искусства. Российский научно-исследовательский институт природного и культурного наследия / Ю. А. Веденин. – Санкт-Петербург : Издательство «Дмитрия Буланина», 1997. – 106 с. – Текст : непосредственный.

2. Винокурова, У. А. Арктическая циркумполярная цивилизация : учебник / У. А. Винокурова, Ю. В. Яковец. - Москва – Якутск : МИСК — АГИИК, 2013. – Текст : непосредственный.

3. Кузык, Б. Н. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее : в 6 томах / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец. – Москва : Институт экономических стратегий, 2006-2009. – Текст : непосредственный.

4. Партнерство цивилизаций / Текст : непосредственный // 2014. - № 1-2. – С. 367-372.

5. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / под редакцией В. А. Тишкова ; коллектив авторов: В. А. Тишков [и др.] ; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, РАН. – Москва : Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016. - 272 с. – Текст : непосредственный.

6. Тернборн, Г. Мультикультурные общества / Г. Тернборн. – Текст : непосредственный // Социологическое обозрение, 2001. – 1 т. - № 1. – С. 50-67.

7. Урсул, А. Д. Концепция становления ноосферной цивилизации / А. Д Урсул, Т .А. Урсул. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-stanovleniya-noosfernoy-tsivilizatsii . - Текст : электронный.

8. Циркумполярная цивилизация : [фрагмент] // Лекции. Орг – публикация материала для обучения. - URL : https: //lektsii.org/10-94690.html.

9. Российский совет по международным делам : сайт - URL : https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/korennye-naroddy.

10. Семушин, Д. "Циркумполярная" лженаука – против Русской Арктики / Д. Семушин // REGNUM : информационное агентство. – URL : https://regnum.ru/news/polit/1501301.html.

11. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. – URL : https://www.hse.ru/data/2014/10/22/1099849470/.

12. Мчедлова, М. Российская цивилизация координаты интерпретации в навых реалиях / М. Мчедлова. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-tsivilizatsiy-koordinaty-i-interpretatsii.

УДК 378(98)

Ф. В. Габышева, Н. В. Ситникова

ДЕТИ АРКТИКИ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Образование является одним из факторов развития человеческого потенциала для устойчивого развития территорий. Вопросы демографии, образования, здравоохранения, культуры и спорта в комплексе получили новый импульс в связи с принятием Стратегии Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года [1]. Стратегия предусматривает меры в сфере образования, здоровья, культуры, спорта для решения поставленной цели и задач в контексте основ государственной политики. В статье рассматриваются основные направления деятельности органов государственной и муниципальной власти, общественных организаций и бизнес-структур по повышению доступности качественного общего образования и обеспечению условий для организации дополнительного образования детей, в том числе в населенных пунктах, расположенных в удаленных местностях, по развитию дистанционных образовательных технологий для включения в концепцию государственной программы Российской Федерации «Дети Арктики»; совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере образования и создание условий для получения образования лицами, относящимися к малочисленным народам; развитие совместно с крупными и средними предприятиями сети профессиональных образовательных организаций, включая создание центров опережающей профессиональной подготовки и оснащение мастерских современной техникой в соответствии со стандартами "Ворлдскиллс"; обеспечение сохранения и популяризации культурного наследия, развития традиционной культуры, сохранения и развития языков малочисленных народов.

Ключевые слова: *дети Арктики, образование, коренные малочисленные народы, кочевые школы.*

Feodosia Gabysheva, Natalia Sitnikova

CHILDREN OF THE ARCTIC: CHALLENGES OF THE TIME

Education is one of the factors of human development for the sustainable development of territories. The issues of demography, education, health, culture and sports in the complex received a new impetus in connection with the adoption Of the strategy for the Arctic zone and national security for the period up to 2035 [1]. The strategy provides for measures in the field of education, health, culture, and sports to achieve the set goals and objectives in the context of the state policy framework. The article discusses the main activities of state and municipal authorities, public organizations and business structures for inclusion in the concept of the state program of the Russian Federation "Children of the Arctic" to increase the availability of quality General education and provide conditions for the organization of additional education for children, including in localities located in remote areas and rural localities, the development of distance education technologies; improving the legal regulation in the field of education and creating conditions for people belonging to small-numbered peoples to receive education; developing a network of professional educational organizations together with large and medium-sized enterprises, including the creation of advanced training centers and equipping workshops with modern equipment in accordance with WorldSkills standards; ensuring the preservation and promotion of cultural heritage, the development of traditional culture, the preservation and development of languages of small-numbered peoples, and others.

Key words: *Arctic children, education, indigenous peoples, nomadic schools.*

Сочетание социальных и экологических изменений в Арктической зоне, отмеченных в докладах Арктического Совета о развитии человеческого потенциала [2] (ARHD, 2004, 2014), продолжается и сегодня, усиливаясь по темпам и масштабам. Эти социальные и экологические изменения стоят перед жителями Арктики, местными сообществами, социально-экономическим сектором и бросают вызов их благополучию. Разрывы в развитии и благосостоянии людей сохраняются между различными группами, полами, уровнями и географическими районами.

В то же время экспертное сообщество отмечает тенденции расширения прав и возможностей коренных народов и улучшения местной политической и экономической автономии. Урбанизация в Арктике ускоряется, движимая как местными, так и глобальными силами. Заметными процессами являются отток населения из сельских общин в более крупные населенные пункты и городские центры, повышенная концентрация населения и возникновение “климиграции” [2]. Депопуляция сельских районов, “утечка мозгов” и “мозговые волны” [2], связанные с изменениями в экономике и развитии ресурсов, а также с ростом стремления к формальному образованию, старение населения и связанное с этим изменение соотношения иждивенцев, новые потоки иммигрантов в Арктику, порождающие новые культурные взаимоотношения создают многогранные проблемы для развития человеческого потенциала в Арктике.

С ростом интереса к Арктике и сами жители Арктики переосмысливают свою идентичность. На всех уровнях можно наблюдать растущее стремление законного участия в принятии решений в Арктике и в инновациях в управлении.

На основе индекса человеческого развития Организации Объединенных Наций выделены индикаторы, особенно значимые для Арктики (ARHD, 2014):

- управление судьбой – управление собственной судьбой (% земель, легально контролируемых жителями через государственные органы власти и местные корпорации);
- культурная целостность – принадлежность к жизнеспособной местной культуре (сохранение языка).
- контакт с природой – тесное взаимодействие с природным миром (потребление или сбор урожая местных продуктов питания);
- материальное благополучие (доход домохозяйства на душу населения);
- здравоохранение и народонаселение (младенческая смертность и чистая миграция);
- образование (доля учащихся, получивших образование после среднего общего образования).

Эти показатели неоднократно цитировались и применялись в исследованиях Арктики.

Дети Арктики, как человеческий стратегически важный ресурс для дальнейшего развития региона, обозначены в составе показателей, требующих первоочередного внимания. Образование, начиная с дошкольного возраста и в течение всей жизни, повышает человеческий капитал, производительность труда, возможности трудоустройства, доходы и экономический рост [3]. Также образование делает людей более здоровыми и дает больший контроль над своей жизнью.

Для субъектов Российской Федерации, расположенных в Арктической зоне, осознающих, что главный человеческий ресурс – это дети, приоритетом государственной политики является развитие арктического образования. Регионами разрабатываются инициативные программы, проекты. Одним из результатов совместных усилий стало функционирование кочевых школ в Ямало-Ненецком автономном округе, Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе Красноярского края и в Республике Саха (Якутия). Реализация с 2016 года проекта «Дети Арктики. Дошкольное образование» под эгидой Федерального агентства по делам национальностей России стала толчком для международного сотрудничества в сфере образования детей коренных малочисленных народов, в том числе ведущих кочевой или полукочевой образ жизни.

Новые вызовы XXI века, связанные с глобализацией, информатизацией, цифровизацией, мобильностью населения, сменой стратегии жизнеобеспечения, изменением климата, требуют смены образовательных стандартов, технологий и критериев качества образованности, в том числе формирования компетенций постграмотности и soft skills (гибких навыков) [4].

Есть общие проблемы. Как и по всей российской Арктике, арктические и северные районы Республики Саха (Якутия) слабо привязаны к общероссийскому экономическому, информационному и транспортному пространству. На сегодня наиболее острыми проблемами остаются:

- слабая транспортная инфраструктура;
- нестабильное состояние энергообеспечения;
- сокращение объемов производства по отраслям экономики;
- упадок традиционных видов хозяйственной деятельности, которые привели к сокращению численности населения.

С 1990 по 2011 год численность населения Севера России уменьшилась с 9807 до 7967 тысяч человек, то есть совокупные потери северных территорий составили 1 млн. 840 тысяч человек. В период с 1989 по 2010 год в населении северных территорий доля детей уменьшилась с 29,3% до 19,2%.

С 1990 по 2010 год доля населения в возрасте до 30 лет сократилась по стране в целом на 6,4 %, в то время как по Северу России – на 9,0 % [5].

На территории арктических и северных районов Якутии площадью 1609 кв. километров численность постоянного населения составляет 68 тыс. человек (7,1% населения республики). Плотность населения – 0,04 человека на 1 кв. метр.

Материалы Счетной Палаты Российской Федерации с участием Счетных палат регионов Арктической зоны Российской Федерации [5] отмечают:

- «… достаточно высокий уровень неудовлетворительного технического состояния зданий социальных объектов, высокая степень износа объектов социальной инфраструктуры, большой процент зданий, требующих капитального ремонта, часть объектов находится в аварийном состоянии. В Республике Саха (Якутия) только чуть более 50% зданий, где размещены социальные объекты, имеют все виды благоустройства»;
- «одной из важнейших проблем субъектов Арктической зоны является отсутствие либо недостаток чистой питьевой воды. Только в одном регионе – Чукотском автономном округе – население обеспечено чистой водой, в остальных субъектах Арктической зоны Российской Федерации вода не очищается до нормативных значений, либо совсем не проходит через очистные сооружения»;
- «наиболее острыми проблемами в работе фельдшерско-акушерских пунктов для оказания помощи сельскому и тундровому населению являются изношенность зданий, недостаток медицинских кадров»;
- «согласно последним исследованиям, растущий (детский) организм находится под воздействием многих стрессогенных факторов. Начиная с периода родовых процессов, можно проследить негативное

влияние климатических и экологических условий, что становится причиной различных дезадаптивных реакций, снижения резервных гомеостатических механизмов. Важно отметить такие факторы воздействия, как «термальные стрессы», укороченный световой день с увеличением «биологической темноты», повышенная активность космических излучений и магнитных полей, близкое расположение от поверхности почвы слоя вечной мерзлоты, специфический аэродинамический режим. Все эти факторы вызывают задержку морфофункционального развития, ухудшают здоровье детей»;

- «обеспечение равного доступа к качественному образованию обучающихся, сохранение родных языков является конституционным правом ребенка, которое невозможно обеспечить без консолидации ресурсов и усилий всех заинтересованных субъектов государственной политики Российской Федерации в Арктике» [5].

В 2019 году инициативу Якутии поддержали Архангельская, Мурманская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский автономные округа, Республики Карелия и Коми.

На основе анализа современной ситуации, характерных проблем для российского сектора в Арктике нами представлены конкретные предложения в Концепцию государственной программы Российской Федерации «Дети Арктики».

В проекте госпрограммы должен быть блок по сохранению здоровья детей. Как отмечено выше, недостаточно развитая инфраструктура; невысокий уровень медицинского обслуживания, порой и его недоступность; ограниченность в перемещении населения и другие факторы оказывают негативное влияние на общее развитие детей. Например, круглогодичная транспортная доступность в Якутии составляет лишь 20,9 %. Стабильное транспортное сообщение между восточной и западной частью региона отсутствует 152 дня (5 месяцев в году).

В северных и арктических районах ситуация усугубляется еще из-за отсутствия дорожных организаций, обладающих необходимой материально-технической базой и техническим персоналом, позволяющими полноценно выполнять дорожные работы. В семи из тринадцати арктических районов жители населённых пунктов не имеют возможности круглогодично ездить до районного центра.

По данным 2016 года [5], смертность детей от всех причин смерти в возрасте от 0 до 17 лет на 100 тысяч человек составила по России 68,5, по Якутии – 92,3, а по арктическим и северным районам республики 99,1. При этом численность детей, умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся в России составила 6,0 детей, в Якутии – 7,2, в Арктике – 9,6.

11,5 % детей Арктической зоны Республики Саха (Якутия) состоят под диспансерным наблюдением в связи с хроническими заболеваниями, установлена инвалидность 1,9 % детей, в целом по РФ данные показатели составляют 8 % и 1,7 % соответственно. Доля детей с ограниченными возможностями составляет 10,5 % (1108 из 10,5 тысяч детей из арктических районов) по данным на 2019 год.

Качество здоровья детей, проживающих в Арктике в условиях низкой рождаемости, растущего числа различных патологий и хронизации заболеваний, требует принятия комплекса мер, в том числе:

1. Медицинское обеспечение (телемедицинская сеть для обследования детей, массовые обследования и оздоровительные мероприятия, оснащение медицинскими кабинетами, в том числе стоматологическими каждой образовательной организации, восстановление медицинского персонала в штатных расписаниях).
2. Организация полноценного качественного питания.
3. Федеральная поддержка в организации оздоровления детей, в том числе с круглогодичным использованием инфраструктуры курортов Краснодарского края, Крыма и других оздоровительных центров. Было бы целесообразнее предусмотреть государственное субсидирование проездных расходов до южных городов. В летний период из арктических районов Якутии можно выехать только за неподъемные для родителей средства. Авиабилеты в оба конца составляют от 100 до 200 тысяч рублей. При ограниченных возможностях муниципальных бюджетов специальными тарифами на авиаперевозку могут воспользоваться только 10% жителей арктических районов. Эта же проблема является ограничением для участия обучающихся в мероприятиях по поиску и поддержке талантливых детей.

Одной из основных проблем в сфере отдыха и оздоровления детей в регионах остается и недофинансирование развития инфраструктуры. Обветшание и износ материальной базы загородных стационарных оздоровительных лагерей в нашей республике составляет 60%. В Якутии планируется строительство круглогодичного лагеря «Полярная звезда», но в условиях короткого лета, из-за холодов до - 50 С требуется наличие круглогодичных лагерей.

4. Создание условий для повышения качества образования.

По переписи 2010 года, уровень образования населения в возрасте 15 лет и старше в районах Крайнего Севера проигрывает населению в целом по России, имеющему послевузовское, высшее и незаконченное высшее образование: 257 против 280 в расчете на 1000 человек.

В организации образовательного процесса создают определенные трудности особенности расселения коренных малочисленных народов Севера (разобщенность, смешанное проживание нескольких этносов в небольших населенных пунктах, малочисленность). Для арктических регионов требуется новая многоуровневая модель образования, которая бы включала проекты для развития детей, начиная с внутриутробного до постдипломного периода.

В нашей республике сеть образовательных организаций включает кочевые школы и сады, малоком-

плектные школы, школы повышенного уровня. Республиканская «Школа-интернат «Арктика», в которой обучаются дети из близлежащих регионов, полностью доказала свою эффективность. Предлагаем создание подобных межрегиональных арктических школ-интернатов, финансируемых из федерального бюджета. С сентября 2020 года в г. Якутске открылась Международная арктическая школа, которая будет реализовывать программу международного бакалавриата с фокусом на Арктику. При разработке концепции содержания данного учебного заведения мы постарались воплотить идеи лучшей отечественной и международной практики.

Вместе с тем необходимо расширить перечень образовательных организаций, строящихся за счет федеральной программы. В настоящее время предусмотрена федеральная программа по строительству взамен аварийных и ветхих зданий, по которой, в Якутии строится всего 2 школы, а требуется 47 школ. Между тем, если по России в 2018 году доля аварийных и ветхих школ составляет 1 %, в ДВФО – 13 %, то в Арктической зоне Республики Саха (Якутия) – 18 %. По объективным причинам стоимость строительства весьма высокая. Если строительство одного ученического места в центральной Якутии стоит более 2,5 млн. рублей, то в арктическом регионе свыше 5 млн. рублей [5].

В этой связи при проектировании необходимо предусмотреть типовые здания многофункциональных центров, предназначенных для малочисленных населенных пунктов, включающих блоки для детских садов, учреждений дополнительного образования, спортивные залы, библиотеки, проектное пространство. Блоки могут быть модульными для транспортировки при необходимости в другие населенные пункты.

5. В программе «Дети Арктики» предлагаем выделить направление по поддержке образования детей, ведущих с родителями кочевой или полукочевой образ жизни в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности. По данным Министерства просвещения Российской Федерации, более 2 тысяч детей дошкольного и более 4 тысяч детей школьного возраста ведут кочевой или полукочевой образ жизни [6]. Необходимы меры для модернизации инфраструктуры кочевого образования, оснащения кочевых школ. Можно будет запустить в арктических регионах проекты «Специализированный транспорт для кочевой школы» – в северном варианте – вездеходная техника; «Арктическое цифровое кольцо», оказывать поддержку движения «Юные оленеводы», проводить международные фестивали, конкурсы, в том числе конкурс «ArcticSkills» по приобщению детей к основам традиционных видов хозяйствования. Для выявления и поддержки лучшей региональной практики по привлечению детей, родителей и общин малочисленных народов к сохранению родных языков коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в кочевых школах и кочевых детских садах предлагаем проведение Всероссийского конкурса. Данные мероприятия могут стать также основой для международного проекта Арктического Совета в период председательства Российской Федерации в Арктическом Совете в 2021-2023 гг.

Необходимо предусмотреть и мобильные краткосрочные образовательные программы типа «Легомобиль» для дошкольников, «Мобильный кванториум» для школьников. Еще одним ресурсом могут стать краткосрочные программы учреждений среднего профессионального образования по актуальным специальностям: оператор цифровых систем в горнодобывающей отрасли; оператор беспилотных летательных аппаратов; оператор, токарь и фрезеровщик на станках с числовым программным управлением; специалист по цифровой геодезии, специалист по управлению энергоэффективностью в условиях Крайнего Севера и т.д. в рамках дуального образования.

6. Кадровое обеспечение является одним из факторов, влияющих на качество образования. Как показывают исследования Всемирного банка, результаты 15-летних подростков, которые хотят стать учителями, почти во всех странах в PISA ниже средних [5]. Во-вторых, в педагогические вузы поступают абитуриенты, не попавшие в другие вузы, в-третьих, после окончания в педагоги идут выпускники учреждений профессионального образования, не нашедшие работу в других отраслях. Дефицит кадров в сельских школах, тем более в арктических, усугубляется факторами, изложенными выше: сложная транспортная логистика, отсутствие интернета, современной инфраструктуры, а также зарплатой, в разы меньше, чем у городских учителей. Данная ситуация продиктована малой численностью обучающихся.

Поэтому одним из механизмов может стать законодательное закрепление распределения выпускников организаций профессионального образования, обучавшихся на бюджетной основе. Предлагаем предусмотреть проект «Учитель Арктики» аналогичный проекту «Земский учитель», так как предоставленная регионам на данный момент квота далеко недостаточна для покрытия реальной потребности.

Возможно, предусмотреть такие формы поддержки как северные надбавки, районные коэффициенты, жилье, ежегодная оплата проезда.

7. Обеспечение доступности профессионального образования с созданием образовательных кластеров, направленных на поддержку проектов сетевого взаимодействия учреждений общего образования, дополнительного образования, профессионального образования, крупных промышленных предприятий и бизнес-структур. Формирование научного и кадрового потенциала для развития Арктики необходимо включить в перечень направлений программы, так как в Арктике, как нигде, ощущается кадровый голод. В рамках этого направления необходимо предусмотреть поддержку создания условий для профессиональной ориентации, адаптации в профессии и развития дополнительных образовательных программ, ориентированных на подготовку кадров.

8. Необходимо максимальное «инвестирование родного языка» в ребенка с младенческого возраста [7]. Наша задача – вернуть язык в семью. В детях самой природой заложены удивительная способность к овладению не только родным, но и вторым языком, еще и возможность приобщения к третьему языку. Чрезвычайно важно не упускать бесценный период времени «от рождения до школы», когда у ребёнка только начинает проявляться когнитивная активность, потребность в познании окружающего мира. [8] Попутным шагом на пути к сохранению родного языка и передачи его подрастающему поколению является проведение информационно-просветительских кампаний для родителей, стимулирование и поощрение семей, воспитывающих детей на этнокультурной основе. Особая роль отводится взаимодействию образовательных организаций с семьей, общественными организациями, различными учреждениями и структурами [9]. Например, в с. Улахан-Чистай Момского улуса результатом взаимодействия средней школы, детского движения «Юный оленевод» и общин коренных малочисленных народов и оленеводов является создание детского оленеводческого стойбища (кочевых лагерей), где погружение в материнский язык происходит в процессе практической деятельности.

В дошкольных и общеобразовательных организациях должна быть создана целостная культурно-языковая среда. Её ключевыми составляющими должны быть «предметно-развивающая среда», «культурно-образовательная среда», «коммуника-тивная среда», в том числе эстетическая и этическая, насыщенные этнокультурной информацией, маркированной лексикой, приобщающие к духовному наследию предков [10]. Сегодня, к сожалению, сложно мотивировать детей на обучение родного языка, когда окружающая среда ориентирована на другие ценности. Именно поэтому так важно применять особый подход к созданию языковой среды в школе, где дети пребывают практически 11 лет.

Особо важным направлением дополнительного образования считаем создание языковых «клубов» (общинные, детские, молодежные, воскресные, летние, виртуальные и т.д.). В диалоге с носителями языков (старейшинами, писателями, учеными, деятелями культуры) дети демонстрируют то, чему научились (чтение стихов, пение, постановка сказок, флешмобы на родном языке и т.д.).

Исследователи выражают беспокойство тем, что в ближайшем будущем могут исчезнуть не только родные языки коренных малочисленных народов Севера, но и могут быть утрачены традиционные знания, жизненно-важные умения и навыки, например, по оленеводству, рыболовству, обеспечению безопасности жизнедеятельности в условиях кочевого образа жизни [11; 12]. В связи с этим необходимо проектирование модели сохранения и развития родных языков коренных народов с Концепцией и Дорожной картой реализации; разработка вариативных технологий и учебников по родным языкам на основе интеграции традиционных педагогических систем коренных народов, современных образовательных практик и информационно-коммуникационных технологий и ресурсов; реализация проектов, мотивирующих семьи и детей к изучению родного языка и приобщению к самобытной культуре через развитие неформального и информального этнокультурного компонента системы образования; создание комплексной культурно-образовательной, языковой среды в образовательных организациях; создание сети проектно-ориентированных образовательных организаций «Арктический форпост», направленных на создание исчерпывающих условий для устойчивого развития регионов.

Значительного финансирования требует укомплектование учебниками и методическими пособиями по родным языкам малочисленных народов. В связи с малой численностью детей, изучающих тот или иной родной язык и литературу, культуру, историю региона, цена за один учебник при тираже 500 экз. составляет более 1500 рублей, при тираже 250 экз. – около 3 тысяч рублей. Чтобы полностью обеспечить школы учебно-методическими комплектами, в том числе по пяти официальным языкам с диалектами только нашей республике нужны средства в размере около 428 млн.

9. Для прорыва в качестве образования необходима государственная поддержка в обеспечении цифрового равенства арктических регионов. Сегодня объективная реальность – это низкая скорость и высокие тарифы интернета по спутниковой технологии. Только в двух школах из 95 школ арктических районов Якутии обеспечена скорость более 100 мегабит в минуту.

В рамках национального проекта цифровые образовательные программы начинают проникать в Арктику, нужно более масштабное вливание финансовых средств в техническое переоборудование, государственное субсидирование операторов связи, обеспечение безлимитного доступа населения к высокоскоростному интернету [13].

Необходимо решать вопросы реализации Космической программы Российской Федерации по запуску спутников связи с высокой пропускной способностью (HTS, high-throughput satellite), которые обеспечивают увеличение общей пропускной способности по сравнению с традиционными спутниками от 2 до 20 и более раз, в том числе по проекту по негеостационарным спутникам связи. Например, проект среднеорбитальной группировки спутников Сфера, высокоэллиптических спутников связи Экспресс-РВ [5].

10. В госпрограмму «Дети Арктики» предлагаем включить также мероприятия по совершенствованию системы дополнительного образования с созданием современной инфраструктуры для развития способностей и талантов каждого ребенка. Среди детей Арктики, несомненно, есть одаренные дети, юные «Ломоносовы». Но только единицы покоряют российский уровень. Среди них: Слепцова Анастасия, ученица 9 класса Борулахской средней школы Верхоянского улуса, победитель Всероссийского конкурса исследовательских краеведческих работ «Отечество» по материалам экспедиции на полюс холода в Верхоянье. Есть призеры из

Анабарского, Аллайховского, Оленекского, Эвено-Бытантайского улусов. В основном они представляют уникальную культуру, арктические ценности, экологическое и этническое мировоззрение народов. Очевидна необходимость поддержки исследовательских проектов детей, в том числе связанных с традиционными знаниями, изменением климата, жизнью человека в Арктике в целом.

В заключение отметим целесообразность комплексного подхода к решению поставленных задач при реализации программы «Дети Арктики», в первую очередь по совершенствованию нормативной правовой базы в сфере образования:

- принятие федеральной программы «Дети Арктики»;
- продолжение работы по узакониванию особенностей образования для детей, ведущих с родителями кочевой или полукочевой образ жизни. Исключение из лицензионных актов требования указания адреса, помещений и земельных участков для кочевых дошкольных групп и классов, которые традиционно называются «кочевые детские сады» и «кочевые школы» [14];
- совершенствование механизмов финансирования в отношении школ с малой численностью обучающихся и заработной платы учителей в арктических регионах Российской Федерации;
- передача в регионы Российской Федерации полномочий в организации разработок основных примерных образовательных программ и учебно-методических комплектов по родным языкам коренных народов с единым подходом, но с учетом состояния родных языков, поликультурных и полилингвальных школ;
- выделение во всех национальных проектах арктической составляющей, в том числе создание цифровой образовательной инфраструктуры, поддержка учителей Арктики, создание условий для успеха каждого ребенка, развитие кочевых школ, обеспечение специализированным транспортом и другие;
- продолжить работу при Министерстве просвещения РФ по арктическому образованию для выработки общих подходов, конкретных механизмов поддержки особенностей развития системы образования в Арктических регионах.

Литература

1. Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.».

2. Arctic human development report: regional processes and global linkages / Joan Nymand Larsen and Gail Fondahl (editors) // - Copenhagen: Nordic Council of ministers. – 2015. – 500 p. https://www.researchgate.net/publication/276548824

3. Синица, А. Л. Повышение уровня и качества образования коренных малочисленных народов Севера: проблемы и перспективы / А. Л. Синица // Уровень жизни населения регионов России. – 2019. - № 3 (213). – С. 70-81. Doi: 10.24411/1999-9836-2019-10074.

4. Митько, А. В. Перспективы развития «Арктического образования» коренных малочисленных народов Севера / материалы всероссийской междисциплинарной конференции "Безопасность социума: стратегические ресурсы обеспечения психологического благополучия и здоровья нации // Москва. – 2018. - 28 февраля. - С. 135-144. - URL : https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36909814

5. Информационно-аналитические материалы Государственного Собрания (Ил Тумэн) / к заседанию Совета по Арктике и Антарктике при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // - Москва. - 2020. – 28 февраля.

6. Sitnikova N. V. Modern Nomads: Education on the Way / N.V. Sitnikova, A. D. Nikolaeva // Journal of Critical Reviews. – 2020. - № 7 (13). – P. 3156-3162. - Doi: 10.31838/jcr.07.13.507. – URL : http://www.jcreview.com/fulltext/197-1599210724.pdf?1603935078

7. Габышева, Ф. В. Как поддержать материнский язык в условиях многоязычия: опыт Республики Саха (Якутия) / материалы международной конференции «Сохранение языков народов мира и развитие языкового разнообразия в киберпространстве: контекст, политика, практика. Секция 7. Общественные движения и языковая политика»: текст выступления // - Якутск. - 2019. - 3 июля.

8. Gruzdeva Ekaterina, Juha Janhunen. Revitalization of Nivkh on Sakhalin // The First International Conference on Revitalizatio. – Barcelona, 2017. – April. URL: www.acdemia.edu/30236264/Revitalization_of_Nivkh_on_Sakhalin (Accessed 30 May 2017).

9. Ситникова, Н. В. Базовые ценности арктической циркумполярной цивилизации при модернизации кочевого образа жизни // Актуальные вопросы научного знания: материалы межрегионального тематического сборника с международным участием / под ред. академика РАН В. Г. Дегтяря, академика МАФО В. П. Клочкова, члена-корреспондента РАО Ф. Ф. Харисова. – Курган : Курганский государственный университет, 09.2020. С.487-494.

10. Роббек, В. А. Научные основы создания системы образования кочевых народов Севера. – Новосибирск : Наука, 2007. – 58 с.

11. Robbek, V. A., Gabysheva, F. V., Nikitina, R. S., Sitnikova, N. V. Promoting educational access for the indigenous reindeer herders, fisherpeople and hunters in the nomadic schools of Yakutia // Traveller, Nomadic and Migrant Education" / edited by Patrick Alan Danaher, Mairin Kenny, and Judith Remy Leder. - NewYork ; London : Routledge, 2009. - P. 74-86.

12. Fedorov, G. M. Educational Programs Forming Ethnocultural and Regional Identity in Children of

Indigenous Peoples of the North and the Arctic // Astra Salvensis V (2018) no 9 p. 403-410

13. Габышева, Ф. В., Ситникова, Н. В. К вопросу о создании открытой цифровой образовательной среды для коренных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока. / Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Родные языки народов Российской Федерации»: preprint // - Москва, 2019. – с. 262-268.

14. Ситникова, Н. В., Габышева, Ф. В. Опыт организации и современные тенденции образования детей коренных кочующих народов // Педагогика. - 2020. - № 9. - С. 78-85. – URL : https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44030478.

УДК 008(98)(=512.157)

О. В. Шлыкова

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РФ

В работе рассматриваются культурное разнообразие этносов, вклад этнокультурных центров коренных малочисленных народов Севера в реализацию национальной и культурной политик России, Уделяется особое внимание роли этнокультурных центров в укреплении межкультурного диалога, сохранении самобытности культур при четком разграничении мер и пределов допустимого и возможного влияния Запада, которые способствуют не разрушению аутентичности, а укреплению «защитных кодов» культуры. Отмечены противоречия между традиционным и промышленным природопользованием, народными представлениями о сохранении, актуализации традиционной культуры и утилитарно-коммерческими подходами к окружающей среде и мемориальной культуре. Обозначены приоритеты в развитии этнокультурного многообразия этносов.

Ключевые слова: *КМНС, этнокультурные центры, межкультурный диалог, сохранение культурной самобытности.*

Olga Shlykova

ETHNO-CULTURAL DIVERSITY OF THE INDIGENOUS PEOPLE OF THE NORTH AS A STRATEGIC RESOURCES OF THE STATE NATIONAL AND CULTURAL POLICE OF RUSSIA

The author considers the cultural diversity of ethnic groups, the contribution of ethno-cultural centers of indigenous peoples of the North in the implementation of national and cultural policies of Russia, emphasizes the role of ethnic and cultural centers in the promotion of intercultural dialogue, preserving the identity of crops, with a clear delineation of the measures and limits and the possible influence of the West, which do not contribute to the destruction of authenticity, and to strengthen the "security codes" of culture. Contradictions between traditional and industrial nature management, folk ideas about the preservation and actualization of traditional culture, and utilitarian and commercial approaches to the environment and memorial culture are noted. Priorities in the development of ethnic and cultural diversity of ethnic groups are outlined.

Key words: *indigenous peoples, cultural centers, intercultural dialogue, preservation of cultural identity.*

Одним их действенных и эффективных инструментов для достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами, преодоления конфронтации выступает культура как стратегический ресурс, обеспечивающий гибкими средствами межкультурный диалог.

Русский Север является особой территорией экологического и социокультурного развития и зоной притяжения внимания не только отечественных, но и зарубежных партнеров. Дело в том, что многие страны разработали собственные стратегии развития своих арктических зон и каждая страна развивает определенные направления, исходя из существующих реалий. В этих условиях усиливается конкуренция за обладание важнейших ресурсов. Всех интересуют пространства чистой природной среды, которые, безусловно, умножили интерес мирового сообщества к Российской Арктике и ее богатой культуре.

А человек Севера примечателен тем, что адаптируется в экстремальных условиях, сохраняя свой уклад жизни, основанный на бережном отношении к природе [12].

Сегодня важно обращение к национальным традициям, народным истокам для того, чтобы в этом движении встраивания в международные проекты, ощущать меру и пределы допустимого и возможного влияния Запада, которое работало не на разрушение аутентичности, а на укрепление « защитных кодов» отечественной культуры. Именно поэтому при обучении нового поколения, принципиальна ориентация на сохранение традиционной культуры этносов и разработку культурных стратегий национальной безопасности [14]. С одной стороны, необходима ориентация на собственный культурный код, выработанный тысячелетиями, но и важна опора на новые ценности, которые формируются в условиях глобализации и стимулируют генерацию инновационных знаний, среди которых особое место занимают процессы цифровизации.

Полноценный культурный имидж России не может быть сформирован без опоры на регионы Российской Федерации. Умение жить на Севере всегда было связано с рациональным природоиспользованием, гармоничным сочетанием духовной составляющей человека и окружающей его среды обитания. Это вносит свой глубокий смысл в понимание Арктической культуры и тысячелетнего опыта региона, который может стать той уникальной платформой для глобального общества, базирующегося на гуманистических ценностях жизни арктических народов: сбалансированность инновационных решений и глубокие корни

духовной жизнедеятельности, традиции и промыслы. Культурные ценности и традиционная культура представляют собой не отдельную область государственного регулирования, а сложную и многоуровневую систему.

Отмечая сложность осмысления актуальной культуры (полипарадигмальность исследовательских позиций, транзитная методология и т.п.), важен акцент на поиске действенных механизмов гармонизации культурного контента и технологических «прорывов», которые, несмотря на аксиологические риски культурной мутации и подмены человека искусственным интеллектом, обладают потенциалом позитивного влияния на мировой порядок через институции, нацеленные на поддержку КМНС.

«Декларация Организации объединенный наций о правах коренных народов» [2] и «Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии» [1], в свое время провозгласили курс на сохранение, укрепление, уважение и развитие многообразия культур, знаний и традиций коренных народов посредством создания разнообразного информационного контента.

В Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. №718, отмечается, что «Этнокультурное многообразие России является важным элементом ее международного имиджа, неотъемлемой частью мирового духовного наследия народов Российской Федерации» [6].

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года общая численность малочисленных народов Севера (включая также вновь выделенных переписью камчадалов, теленгитов, тубаларов, челканцев и чулымцев) составила 257 895 тыс. человек [3].

При этом численность отдельных народов колеблется от 41 тыс. человек (ненцы) до 240 человек (энцы) [8].

Большое влияние на укрепление культурной памяти по сохранению культурной самобытности этнических групп, обеспечению преемственности и передачи традиций из поколения в поколение оказывают этнокультурные и национальные сообщества в полиэтнических пространствах.

Следует отметить, что в настоящее время в Российской Федерации общественные организации коренных малочисленных народов Севера требуют обеспечения права на предварительное, осознанное и добровольное согласие по осуществлению промышленной деятельности в районах традиционного проживания и получению справедливой компенсации за нанесенный ущерб. В некоторых регионах, в первую очередь там, где работают транснациональные корпорации, взаимодействие коренных народов и бизнеса устанавливается в рамках более широкого социального диалога, в котором высвечиваются существующие противоречия между традиционным и промышленным природопользованием, народными представлениями о сохранении, актуализации традиционной культуры и утилитарно-коммерческими подходами к окружающей среде и мемориальной культуре этносов. Диалог способствует не только улучшению социального благополучия КМНС, но и стабильности в обществе, защите геополитических интересов государства.

«Сохранение культурной среды, – как отмечал академик Д. С. Лихачёв, – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его "духовной осёдлости", для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности» [9].

При этом ядром любой традиционной народной культуры является язык. Сравнительно крупные северные народы, например, ханты, чукчи и ненцы, обладающие к тому же титульной этнотерриториальной автономией и проживающие в местах сравнительно компактного расселения, сохраняют языки своих национальностей в достаточно высокой степени, включая преподавание на этих языках в начальной школе. Хуже обстоит дело с эвенками, которые разбросаны по огромным территориям (около половины их проживает в Китае) и имеют различные диалектные группы.

Несмотря на то, что издаются труды по методологии электронных учебников по этнокультурному образованию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ » [10 и др.], к сожалению, масштабных исследований традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока как целостной функциональной системы пока не достаточно. В основном на базе домов культуры, школ, вузов культуры и искусств, общественных организациях и фондах и т.п. либо на индивидуально-семейном уровне развиваются практики этнохудожественного образования.

Традиционная культура востребована для мобилизации этнического самосознания, укрепления культурной идентичности россиян, являющих собой не столько единую нацию, сколько единство разнообразия культур. Именно поэтому в целях сохранения национальной безопасности, самобытных культур страны, а настоящее время консолидируются усилия этнографов, культурологов, этнопедагогов, деятелей культуры, общественных организаций по организации этносоциологических исследований, этнографических экспедиций, конкурсов и фестивалей, нацеленных на сохранение уникального культурного наследия России, в котором особое место принадлежит культуре коренных малочисленных народов Севера.

Трактовки понятия «Этнокультурный центр». Его специфика. На территории России действуют более 6000 этнокультурных центров, негосударственных этнопедагогических центров, детских этнокультурных объединений, молодежных этнокультурных клубов, которые отличаются по своему названию,

характеру деятельности, их ориентиров в будущее.

На сегодня очевидны размытость понятия «этнокультурный» центр (ЭКЦ). В литературе часто отождествляются понятия «этнокультурный центр», «национально-культурный центр», этнографический центр и их производные. Смешение же понятий или их подмена приводит к разрушению тех смыслов и ценностей, которые вкладываются в исходное значение слова.

Кроме того, на выявление сущности ЭКЦ влияет разная ведомственная подчиненность и их статус, недостаточная нормативно-правовая обеспеченность данного феномена. До сих пор слабо разработаны вопросы типологии этнокультурных центров, что, в свою очередь, усложняет решение ряда прикладных вопросов, в частности объективной и корректной оценки качества их деятельности.

Так, одни ученые этнокультурный центр отождествляют с национально-культурным центром. Другие видят в нем центр, который не только занимается сохранением традиции, но и занимается фольклоризмом, «экранизацией» аутентичной культуры.

Всё это находит отражение в соответствующей нормативной базе – Уставе, Положениях о работе центра и т.д. – очевидна разная мотивация у центров, которые функционируют в структуре учреждений культуры или образования, и теми, которые инициированы внутренними потребностями общины, ассоциации коренных малочисленных народов Севера, т.е. не «спущены сверху» и т.д.

Поэтому важный методологический вывод из данного заключения состоит в том, что, с одной стороны, существуют принципиально разные типы ЭКЦ. Необходимо изучать детально и самостоятельно каждый их них, используя различные методики и четко различая состав субъектов деятельности центров.

С другой стороны, управление этнокультурными центрами КМНС должно иметь целью формирование единого пространства традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, которое может включать в себя, как организации, подчиненные органам управления культурой, так и акторов, активно формирующих и поддерживающих культурное наследие КМНС. К сожалению, такие механизмы еще недостаточно проработаны, хотя имеют место быть многочисленные попытки, предпринятые в этом направлении.

Такого рода исследования представляют собой, прежде всего, анализ деятельности этнокультурных центров с точки зрения характера их фольклористической направленности, а также разработку этнообразовательных программ, связанных с реализацией концепции, которая отстаивает две основные принципиальные позиции:

1) *аутентичную* направленность процесса освоения народных обрядовых традиций в условиях национальных культурных центров России;

2) *параллельное, сравнительно-сопоставительное* изучение культуры и календарных аграрно-праздничных традиций двух народов: на территории России – это русского и народа-соотечественника, входящего в Российскую федерацию (карелы, удмурты, чуваши и т.п.), либо русского и народа другого государства, чья диаспора живёт в России (украинцы, белорусы, болгары, финны, немцы, азербайджанцы, армяне и др.).

Исследование культурно-образовательной деятельности этноцентров происходит по нескольким каналам:

- через непосредственные контакты с руководителями и творческими работниками центров или объединений;
- с помощью Интернет-ресурсов (личное общение, переписка и получение информации с веб-страницы).

Изучение культурно-образовательной деятельности этнокультурных объединений позволяет составить определённое представление о существующих культурных приоритетах, которые культивируются в этих сообществах.

Судя по тем позициям, которые отражены в уставах этнокультурных объединений, их деятельность направлена на сохранение самобытных культурных черт, на изучение национальной культуры, истории, языка своего народа, на развитие и поддержание межнациональных культурных связей, на утверждение взаимного уважения и дружбы между народами.

Поэтому вполне корректно определение этнокультурного центра как формы самоорганизации этнической группы, проживающей в полиэтническом окружении.

«К таким этническим объединениям относятся автономии, землячества, ассоциации, центры, союзы, конгрессы и т.д., которые рассматриваются как добровольное самоуправляемое объединение граждан – представителей этнических общностей, проживающих вне своих государственно-территориальных образований и реализующих право на национально-культурное самоопределение народа в целях сохранения национально-культурной идентичности, развития национального самосознания» [13].

На наш взгляд, в такой трактовке ЭКЦ, участвовать, например, в конкурсах и смотрах ЭКЦ могут общины и те организации, которые основаны на принципе самоорганизации. Центры, создаваемые внутри государственных учреждений культуры (а их сегодня большинство), не входят в данную категорию.

Ядром ЭКЦ являются этнические группы, отдельные личности и исполнители, которые объединены главной целью - сохранять, изучать и популяризировать традиции народной культуры, используя существующие механизмов сохранения культурного наследия: нормативно-правовые, морально-аксиологические,

воспитательно-обучающие научно-преемственные художественно-творческие и др.

В ЭКЦ его каждый член имеет возможность усваивать культуру, выступать объектом культурного воздействия и, развиваясь в культурной среде, ее и создавать, актуализировать.

Опыт изучения КМНС в Интернет-пространстве.

Для получения данных, отражающих «лицо» коренного народа в зеркале Интернета, Кемеровским государственным институтом культуры было проведено пилотажное исследование, в основе которого лежали выявление и анализ контента сайтов, содержащих сведения о малочисленных коренных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и выявление путей оптимизации отражения культурного наследия коренных народов в Интернет-среде. Анализ 98 сайтов, содержащих сведения о малочисленных коренных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, показал следующие результаты [7].

Анализ сайтов показывает, насколько разнообразны администраторы сайтов, владельцы, которые занимаются сбором информации о КМНС и фиксацией состояния данных на сайтах общественных организаций, музеев, образовательных учреждений. Лидируют – «общественные организации», в которых достаточно широко представлены носители различных этнокультур.

Чаще всего это – ассоциации нескольких и отдельных коренных малочисленных народов, центры общественных инициатив, центры содействия коренным малочисленным народам, центры национальной культуры, общины коренных малочисленных народов, фонды исторического наследия и др.

В целом анализ принадлежности сайтов к определенной группе владельцев показывает, что развитие сайтостроения в предметной области «культурное наследие коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» имеет двунаправленный характер. Преимущественно их поддержка осуществляется как за счет органов власти, учреждений науки, образования культуры, так общественных организаций коренных малых народов.

Разнообразие моделей этнокультурных центров и их типология

Функционирование этнокультурных центров в регионах разнится в зависимости от того, что

- вкладывается в понятие «этнокультурный центр»,
- какова социокультурная инфраструктура в регионе,
- форматы поддержки от государственных и муниципальных органов, общественных организаций,
- наличие ассоциаций и фондов в поддержку КМНС.

Например, в целях развития досуга населения, повышения доступности и качества предоставления услуг культуры в Чукотском автономном округе запланировано создание этноэкологического туристского кластера в Анадыре.

При этом, предполагается, что поскольку отрасль культуры в Чукотском автономном округе представлена достаточно хорошо (25 учреждения культуры, из них: 21 муниципальное учреждение культуры и 4 государственных учреждения, в рамках которых работают ГБУК Чукотского автономного округа «Чукотско-эскимосский ансамбль «Эргырон»; Государственное бюджетное учреждение Чукотского автономного округа «Музейный Центр «Наследие Чукотки», «Центр развития народных промыслов «Уэленская косторезная мастерская», Региональная общественная организация «Ассоциация коренных малочисленных народов Чукотки»; Общественная организация эскимосов Чукотского автономного округа «Инуитский приполярный Совет Чукотка» и др., то считается, что задачи этнокультурного развития населения решаются данными организациями.

В силу этого на уровне округа рассмотрен вопрос объединения этих учреждение в единый комплекс, который и станет основой для целостного регионального этнокультурного центра.

Существуют и другие классификации ЭКЦ. Одним из оснований для выделения индентификационных маркероов испольуются следующие основания:

1. форма собственности;
2. вид деятельности, вид продукта (результат труда);
3. основные направления деятельности (функциональный признак);
4. способ хозяйственной деятельности.

Кроме того, классификации могут строиться на основе наличия многообразных культурных потребностей общества, социальных групп, отдельных индивидов определяет появление достаточно разнообразных видов центров.

- При общеобразовательных учебных учреждениях – школах, центрах дополнительного образования (детские музыкальные, художественные школы, школы искусств, хореографические школы). (Например, государственное бюджетное общеобразовательное учреждение РС (Я) «Экспериментальная школа-интернат «Арктика»» с углубленным изучением предметов гуманитарно-культурологического профиля г. Нерюнгри и др.);
- При высших и средних специальных учебных заведениях (например, ЭКЦ КМНС Молодежный этнокультурный центр коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока «Тенгри» («Небесный Бог») при Кемеровском институте культуры или Этнокультурный центр Института народов Севера ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»);

- при библиотеках (Центр этнокультурного диалога при Государственной научной библиотеке Красноярского края)
- при родовых общинах (например, Территориально-соседская община коренных малочисленных народов Приморского края «Родник»);
- при домах культуры (АУК РБ Гос. Республиканский Центр эвенкийской культуры «Арун», Бурятия;
- домах народного творчества (МУК «Центр культуры национального творчества», Ханты-Мансийск);
- филармониях,
- музеях и культурных комплексах (Этно-культурный комплекс под открытым небом «*Ымай*» при Саяногорском краеведческом музее, Хакасия).
- В связи с новыми явлениями в сфере культуры и досуга данный перечень можно дополнить, включив в него:
- организации туризма и экскурсионного обслуживания;
- новые организации шоу-бизнеса,
- В настоящее время, классифицируя ЭКЦ **по форме собственности**, можно выделить ЭКЦ, являющиеся:
- федеральной собственностью или собственностью субъектов Российской Федерации;
- муниципальной собственностью;
- частной собственностью юридических и физических лиц.

Анализ форм деятельности ЭКЦ КМНС этнокультурных центров региона на основе анкетных опросов и мониторинга веб-представительств, показал, что, в контент деятельности входят объекты культурного наследия, подлежащему внимательному изучению и сохранению, включены самые разнообразные объекты культурного наследия: материальные и нематериальные. Так, материальные объекты культурного наследия этнических диаспор включают: художественно-ценные объекты; исторические раритеты или «места памяти»; традиционные промыслы, занятия, художественные произведения и предметы быта; архитектурные сооружения.В современной социально-культурной практике с успехом применяются технологии реставрации культурного наследия – традиционные обрядово-ритуальные формы, применяемые как экспериментальные историко-культурные региональные программы, программы охраны памятников истории и культуры, организации семейного досуга и т.д. [12].

Исследование этнокультурных центров КМНС Севера, Сибири и Дальнего Востока показало, культурно-образовательный опыт национальных культурных центров чаще всего недостаточно связан с практикой освоения подлинной традиционной народной культуры. В их деятельности преобладают стилизованные, концертно-сценические, выставочно-экспозиционные формы народной культуры.

Для значительной части Российской Арктики промышленное ее освоение сопряжено с сохранением традиционной культуры. Однако есть понимание того, что в современных условиях КМНС актуальна концепция культурно-ориентированной модернизации и многовариантного саморазвития коренных малочисленных народов Севера, предполагающая не просто «этническое выживание», но обеспечение условий устойчивого развития северян при сочетании разных типов хозяйственной деятельности, включая освоение современных профессий, утверждение механизмов самоорганизации и устойчивого диалога в системе власть-бизнес-институты гражданского общества.

Литература

1. «Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии». Принята 2 ноября 2001 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // Организация объединенных наций : сайт. - URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml.

2. «Декларация Организации объединенных наций о правах коренных народов»: Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года. // Организация объединенных наций : сайт. - URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ indigenous_rights.shtml.

3. Указ Президента Российской Федерации № 296 от 02.05.2014 г. «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» // Сайт Президента России. - URL : http://www.kremlin.ru/acts/bank/38377.

4. Указ Президента РФ «О стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.» // Гарант.Ру : информационно-правовой портал. - URL : https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1418757/.

5. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2019 году // Министерство культуры Российской Федерации : сайт. – URL : http://culture.gov.ru/upload/iblock/eae/eaedf136a89568759f15297ed82c763a.pdf.

6. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» // Консультант-плюс : сайт. - URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162193.

7. *Гендина Н. И., Колкова Н. И., Анульев Н. С. Культурное наследие коренных народов: проблемы*

*сохранения и развития с использованием Интернет-ресурсов // RUDOCS : база данных. - URL : http://rudocs.exdat.com/docs/index-260167.html*8. Коренные малочисленные народы Приамурья. – Комсомольск на Амуре, 2009. – 33 с.

9. Лихачёв, Д. С. Экология культуры// Памятники Отечества. – 1980. – № 2. – С.15-16.

10. Материалы Всероссийского семинара по вопросам методологии разработки современного учебника по этнокультурному образованию (Якутск, 22-23 марта 2016 г.)/ Отв.ред. Семенова С.С., Болотаева О.Л., Леханов С.Б.. – Якутск, 2016. – 64 с.

11. Симпозиум 3 : Коренные малочисленные народы России. Роль науки и права в разработке «Стратегий защиты». Секция 1. Историко-культурное наследие коренных народов Севера и Сибири: вызовы современности // IX конгресс этнографов и антропологов России. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. – Петрозаводск, 2011. – с. 230.

12. Современная культура Российской Арктики: субъекты, художественно-проектные и цифровые практики: Коллективная монография / Арктический гос. институт культуры и искусств; под общ. редакцией доктора культурологии, профессора О.В. Шлыковой. – Новосибирск: Наука, 2019. – 216 с.

13. Солодухин, В. И. Деятельность этнокультурных центров в регионах России по приобщению молодежи к народной культуре // Социосфера : научно-издательский центр : сайт - URL : http://sociosphera.com/publication/conference/2015/96/deyatelnost_etnokulturnyh_centrov_v_regionah_rossii_po_priobweniyu_molodezhi_k_narodnoj_kulture.

14. Традиционная народная культура в современной социально-культурной деятельности и образовании: Коллективная монография /общ. ред. Бакланова Т. И. Среди авторов Шлыкова О. В. и др. – Саратов: Вузовское образование, 2016. – 143 с.

УДК 378(571.56)

Р. И. Пшеничникова

СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА КУЛЬТУРЫ РОССИИ: 20-ЛЕТИЮ АГИКИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

В статье представлена история зарождения и развития с 1989 года «Арктического государственного института культуры» – от «учебно-консультационного пункта (УКП) ВСГИК-ВСГАКИ-ВСГИК» до современного вуза. Обозначены главные идеи, опыт совместного сотрудничества и перспективы развития уникального вуза на севере страны, поистине ставшей северной звездой культуры многонациональной России.

Ключевые слова: *Учебно-консультационный пункт (УКП), ВСГИК-ВСГАКИ-ВСГИК, народная художественная культура, вселенная, космогонический подход.*

Raisa Pshenichnikova

NORTHERN STAR OF THE RUSSIAN CULTURE: DEDICATED TO THE 20TH ANNIVERSARY OF THE ARCTIC STATE INSTITUTE OF CULTURE AND ARTS

The article presents the history of the origin and development of the "Arctic State Institute of Culture" since 1989 – from the Training and Consulting Center of the East Siberian State Institute of Culture, East Siberian State Academy of Culture and Arts to the contemporary higher school. The main ideas, experience of joint cooperation and prospects for the development of a unique higher school in the north of the country, which has truly become the northern star of the culture of multinational Russia, are outlined.

Key words: *Training and Consulting Center, East Siberian State Institute of Culture, East Siberian State Academy of Culture and Arts, folk art, universe, cosmogonic approach.*

Уникальная история Арктического государственного института культуры тесно связана с Восточно-Сибирским государственным «институтом-академией-институтом» культуры – первым вузом в Сибирской Евразии и третьим в России, после Ленинградского и Московского.

Именно «ВСГИК-ВСГАКИ-ВСГИК» явился мощным «творящим ритмом» созидания истории АГИКИ на далеком Севере России.

Следует отметить огромную роль «ВСГИК-ВСГАКИ-ВСГИК» как Ресурсного центра развития во второй половине девятнадцатого века, инновационных на тот момент, образовательных структур: учебно-консультационных пунктов, представительств, филиалов на огромной территории Сибири, Дальнего Востока и Севера. Такая ситуация была обусловлена государственной национальной политикой России, усиливающимся интересом народов к своей истории, национальной культуре и развитию национального самосознания.

В соответствии с поставленными в те годы Правительством страны задачами «ВСГИК» уделял огромное внимание взаимодействию и сотрудничеству в области подготовки профессиональных кадров культуры с территориями Западной и Восточной Сибири, Севера и Дальнего Востока.

В результате, за первые десять лет (1960-1970 гг.) были созданы Учебно-консультационные пункты (УКП) в городах: Омске, Хабаровске, Красноярске. В восьмидесятые и девяностые годы – в Иркутске, Кызыле, Якутске.

В создании УКП и представительств большую роль сыграли средние учебные заведения культуры территорий – училища и колледжи, так как УКП открывались главным образом на их базе.

В результате появилась инновационная модель подготовки кадров – двухмодульная, по системе: училище или колледж – вуз, которая полностью оправдала себя. Большие преимущества данной модели заключались в двух аспектах: эффективное сотрудничество среднего и высшего звена, совместная работа в научном плане и сокращение сроков обучения. Плодотворность и результативность данной модели проявилась в обеспеченности кадрами учреждений культуры территорий, на которых она действовала, что способствовало повышению качества человеческого ресурса и активизации многих направлений развития самих территорий: культурного, духовного, образовательного, экономического, информационного и других.

Доказательством тому являются открытые впоследствии: Хабаровский государственный институт культуры, в Омске – филиал Алтайского государственного института культуры, в Красноярске – филиал Кемеровского государственного института культуры, а в 2000 году – открыт Арктический государственный институт культуры.

Итак, история АГИКи началась в 1989 году, когда на базе Якутского колледжа культуры и искусств был создан учебно-консультационный пункт ВСГИК. Именно здесь родилась идея о двухмодульной системе образования – «колледж – вуз».

Авторами ее были Р. И. Пшеничникова проректор по учебной работе ВСГИК, Н. Б. Дашиева –

заведующая кафедрой ВСГИК и А. Д. Макарова – директор Якутского колледжа культуры и искусства (1992-2019 гг.). Идея была поддержана Правительством Саха (Якутия) и лично министром культуры и духовного развития – А. С. Борисовым, который был тогда уже известен в России как талантливый режиссер, как министр оригинальных идей развития национальных культур. Личность яркая, незаурядная, сыгравшая огромную роль в развитии своей уникальной Республики и ее культуры. Помню, как мы все восхищались открытой А. С. Борисовым «Высшей школой музыки» и талантливыми детьми – это было потрясающе. Как человек глубоко Духовный, с огромным творческим потенциалом, Андрей Саввич всегда поддерживал инновационные идеи, многие из которых были реализованы благодаря ему. В том числе, в Саха (Якутии) появился свой институт культуры – «Арктический», первым ректором которого стал он, оставаясь в то же время министром культуры. Звание «Почетного профессора» ВСГИК одному из первых было присвоено именно А. С. Борисову – Яркой звезде Севера.

Не менее значимую роль в рождении АГИКи сыграла директор «Якутского колледжа культуры и искусства» – Аграфена Дмитриевна Макарова, талантливый руководитель, Удивительный человек, Человек, несущий энергии добра, света любви к своим ученикам, коллегам, своей родине и ее культуре.

Якутское УКП было открыто на базе колледжа, где Аграфена Дмитриевна, несмотря на очень стесненные условия с помещениями, сложностями материально-технической базы делает всё возможное и невозможное для обеспечения полноценной деятельности УКП.

Первой заведующей Якутского учебно-консультационного пункта была В. П. Ефремова. Однако А. Д. Макарова искала более креативного, молодого, перспективного руководителя на эту должность, и в 1999 году руководителем становится С. С. Игнатьева. Надо отдать должное прозорливости и мудрости Аграфены Дмитриевны – она как будто бы предвидела, что Саргылана Семеновна станет в будущем ректором института. В поддержку молодому руководителю в организации учебного процесса, в формировании документации УКП А. Д. Макарова поручила завучу колледжа Марии Константиновне Дарбашкеевой оказывать всяческое содействие. Поэтому вклад Аграфены Дмитриевны в том, что появился Арктический государственный институт культуры – трудно переоценить.

Среди первых преподавателей Якутского УКП следует назвать профессоров ВСГАКИ Д. С. Дугарова, доктора Н. Б. Дашиеву, докторов наук, профессоров якутских высших учебных заведений – А. И. Гоголева, А. С. Федорова, И. С. Сивцева, А. А. Бурцева, Б. Н. Попова, Ю. И. Шейкина, – все известные, популярные педагоги высшего класса. Естественно, что уровень подготовки студентов УКП был высокий.

В 1994 году УКП решением ученого совета ВСГИК был переименован в Якутский факультет национальной культуры и искусств, деканом которого стала С. С. Игнатьева, а ее заместителем С. В. Максимова.

В 1996 году факультет был переименован в якутское представительство ВСГАКИ, руководила которым к.п.н. С. С. Игнатьева (1994-2003 гг.), а заместителем осталась С.В. Максимова, ныне Саргылана Васильевна – директор Национальной библиотеки Саха (Якутия). Библиотека известна и популярна своими уникальными проектами не только на Севере, но и в России, а также за рубежом. Тесное и эффективное взаимодействие библиотеки с учреждениями культуры, образования, правительственными структурами, общественными организациями, сделало ее популярной и любимой в республике.

Самым первым направлением подготовки профессиональных кадров работников культуры явилась «Народная художественная культура», учебный план для которого был разработан профессором Н. Б. Дашиевой, заведующей кафедрой этнологии ВСГИК.

Почему именно данное направление стало основным, центральным в работе Якутского представительства? Ответ на вопрос простой: именно народная художественная культура связана с развитием человеческого потенциала, его творческих и других возможностей, что народная культура является способом организации человеческого бытия, нашедшего отражение и поддержание в обрядовой, праздничной народных культурах и национальном фольклоре.

В народной культуре, подчеркивает в своем знаменитом труде «Философская антропология народной культуры» Я. В. Чеснов «целая личность себя не афиширует, а прячется под ролевыми масками. Эта культура перформативна, укрывая свое ядро в далеком прошлом, в традиции» [1]. В народной культуре можно найти ответы на все вопросы: как взаимодействовать с Природой, с разными природными стихиями, Небом и Землей, о Символах жилища, тотемных животных, о сверхъестественных существах, найти сакральные знания о Времени и Пространстве и т.д.

Надо было разрабатывать программы, методические пособия, педагогические технологии обучения. Якутскому представительству ВСГИК-ВСГАКИ повезло, так как Д. С. Дугаров, А. И. Гоголев, А. С. Федоров, И. С. Сивцев, А. А. Буруев, Б. Н. Попов, Ю. И. Шейкин были мощными корифеями, знатоками, исследователями, известными учеными, в разных сферах народной художественной культуры: Дугаров и Шейкин в области национальной музыкальной культуры, Федоров и Гоголев – специалисты в обрядовой и традиционной культурах и т.д.

В результате, были достигнуты огромные успехи в организации учебного процесса, научного поиска студентов, осознании ими основных мыслеобразов и символов народной художественной культуры.

Особо следует отметить огромный вклад во всех достижения студентов Афанасия Семеновича Федорова, известного фольклориста, автора проведения обрядов знаменитого национального праздника «Ысыах Туймаады» автора учебной программы «Ухуйуу» для студентов. В этих древних традициях

заложены технологии защиты психики детей и молодежи через прохождение, проживание, ощущение, постижение некоторых эзотерических знаний. Как утверждает ученый Чеснов Я. В. история культурогенеза полна примерами, что самое необходимое и нужное для жизни – это «знаки нереальности», то есть такие символы, которые разрушают стереотипизированную реальность и выводят общество на курс «Вселенной». Выше названные педагоги и «выводили» студентов на курс «Вселенной», что является уникальным достижением Якутского представительства ВСГИК-ВСГАКИ.

С 1994-95 годов ЯП ВСГАКИ начал осуществлять набор по направлениям «социально-культутрная деятельность», «народная хореография», «театральное искусство», «библиотековедение и библиография», «прикладная информатика в социально-культурной сфере», «менеджмент в социально-культурной сфере», «музеология и охрана памятников».

Организовывали работу по данным направлениям: Т. Ю. Смирнягина (ВСГАКИ), А. Н. Цыденов (ВСГАКИ), А. И. Каржаубаева (ВСГАКИ), Р. Х. Христофорова (Бурцева) – сначала как педагог ВСГАКИ, а затем уже как педагог Якутского представительства, Д. В. Дугаржапов (ВСГАКИ), А. Н. Аммосова (ЯП), С. А. Езова (ВСГАКИ), С. В. Максимова (ЯП), Е. Ю. Ажеева (ВСГАКИ), А. Р. Баторов (ВСГАКИ, затем ЯП), Э. Б. Батуева (ВСГАКИ), Т. Ф. Ляпкина (ВСГАКИ), Е. Ю. Перова (ВСГАКИ).

Всю организационную работу и ведение документации осуществляли в разные годы методисты Якутского представительства – Петрова Н. И., Эльберякова Л. Н., Румянцева Н. А., Хандеева Р. Р.

Со стороны ВСГАКИ этим занимались факультеты и кафедры, учебно-методический отдел, юридический отдел, заочное отделение, проректоры вуза. Но главным структурным центром организации всей многоплановой деятельности Якутского представительства занимался Центр дополнительного профессионального образования и переподготовки кадров, который с 2004 г. возглавляла Е. Ю. Перова, кандидат экономических наук, доцент, креативный и очень ответственный руководитель современной формации, ныне ректор ВСГИК.

Работа центра была очень непростой: организовывать взаимодействие всех названных выше структур, скоординировать их деятельность, проконтролировать точность выполнения учебных планов и программ, на должном уровне вести всю документацию: экзаменационные ведомости, зачетные книжки, графики проведения учебных занятий, командировки педагогов и т.д. Благодаря слаженной работе центра, под руководством Е. Ю. Перовой за все годы сотрудничества с Якутским представительством не было никаких проблем. Через такое взаимное сотрудничество ВСГАКИ разрабатывала и осваивала новые методики и технологии работы с огромной северной территорией страны, а сотрудники представительства во главе с Игнатьевой С. С. приобретали бесценные опыт работы по подготовке кадров высшего звена.

В целом деятельность Якутского представительства ВСГАКИ и самой академии по формированию образовательного, культурного и информационного пространства на огромных территориях Сибири и Севера трудно переоценить. Можно сказать, что ВСГАКИ успешно реализовывала Правительственные задачи национальной политики многонациональной России.

Важным в этом сотрудничестве является совместная деятельность по развитию Науки о культуре.

Совместная деятельность по разработке проектов и программ Народной художественной культуры, осмысление и осознание многих древних артефактов, ритуалов и мифов, праздников, условий быта, системы воспитания детей и молодежи в далеком прошлом, народные древние ремесла, древние музыка и магические танцы, изучение культурного пространства Севера – все это способствовало появлению уникальных знаний «расширяющих» сознание современного человека и понимание того как мало мы знаем самих себя, а потому являемся плохими пользователями своих возможностей. Все открытия внедряли в учебный процесс и вызывали у молодежи огромный интерес, способствовали развитию их «ландшафтного» мышления и пониманию глубокой связи со своей особенной – арктической территорией и ее энергиями. Так основатель Римского клуба А. Печчеи подчеркивал в своей книге, которая стала мировым бестселлером «Человеческие качества», что «культурная эволюция является важнейшей целью и основой человеческого развития и это единственный путь сохранять постоянный паритет с изменяющейся вселенной» [2].

Арктика – важнейшая часть мира, слабо изученная, хранящая множество тайн и загадок в своей истории. Древние структуры и парадигмы этой Земли, ее географии, истории и культуры ждут современных исследователей. Известно, что Земля имеет свое лицо, свои духовные каналы и чакры, о которых написано в древних эзотерических трактатах, знания, зафиксированные в древних культурах – все это есть доказательство важности и глубинного смысла появления на уникальной территории вуза «Арктический государственный институт культуры», который играет огромную роль в геополитике России. Важно это потому, что все обряды, ритуалы, праздники, вся Народная художественная культура Саха (Якутия) направлены на расширение возможностей Человека к восприятию космических сил, космических энергий Неба и Земли с учетом особенностей самой территории и ее народа. По-существу речь идет о сохранении жизненного пространства Земли.

Древняя Северная, Арктическая культура это по-существу – древний театр творчества и жизни народа, сформировавшего культурно-модифицированный аспект инстинкта самосохранения – главного режиссера Эволюции Мира.

Сегодня важно исследовать, например, метод «созерцания» - древнейший, сохранившийся в самой древней религии – шаманизме.

Или изучить психоэнергитические характеристики Древнего магического ландшафтного театра, магического танца, древней магической музыки и пения. Необходимо расшифровать мыслеобразы и тайны, связанные с мощным Символом Якутского народа – волшебной Чашей вечной жизни и Энергии – Чороном.

И в этом плане необходимо активное сотрудничество АГИКИ и ВСГИК в разных направлениях и аспектах: через совместные научно-исследовательские проекты, повышение квалификации кадров, сотрудничество с педагогами и т.д.

Так в 2019 году на берегу Священного Байкала (древнее имя – Саэльвотор) прошла совместная, очень важная и значимая для развития будущего России научно-практическая конференция, посвященная проблеме стратегических инициатив в деятельности современных национальных библиотек страны.

В целом, следует отметить, что восемнадцать вузов культуры России, находящихся на уникальных территориях страны, отражающих через Народные художественные культуры их Древнюю историю и «творящие ритмы» Земли, направленные на развитие будущего, предопределяют необходимость поиска новых моделей взаимодействия на основе современной цифровизации и Космогонических подходов, во имя развития Великой многонациональной России.

Литература

1. Чеснов, Я. В. Философская антропология народной культуры /Я. В. Чеснов. – Москва : Канон РООЧ Реабилитация, 2014. - 496 с.

2. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи. – Москва : Прогресс, 1980. - 302 с.

УДК 327:008(98)

С. С. Игнатьева, Н. М. Боголюбова, А. Е. Кузнецова, А. С. Матвеевская,
Ю. В. Николаева, Е. В. Осадчая, Н. К. Харлампьева

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ И АРКТИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ПО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ТУРИЗМУ В АРКТИКЕ

В статье рассматривается опыт и перспективы сотрудничества международников Санкт-Петербургского государственного университета и коллектива Арктического государственного института культуры и искусств по межкультурной коммуникации и развитию экологического туризма в Арктике. Подготовка и издание научно-популярного журнала «Культура и искусство Арктики» на русском и английском языках, а также организация совместных научных мероприятий в рамках арктической тематики показали следующие перспективы: а) в образовательных программах и в учебных практиках СПбГУ по специальности «международные отношения» – включение особенностей межкультурной коммуникации и развития экологического туризма в Арктике; б) в создании межкультурного пространства коренных малочисленных народов Арктики – содействовать в подготовке высококвалифицированных кадров, в) обратить внимание на качество оформления уникального продукта – научно-популярного журнала «Культура и искусство Арктики».

Ключевые слова: *международные отношения, коренные малочисленные народы Арктики, межкультурное пространство, экологический туризм, научно-популярный журнал, культура и искусство Арктики.*

Sargylana Ignatieva, Natalia Bogolybova, Alisa Kuznetsova, Anna Matveevskya, Julia Nikolaeva,
Ekaterina Osadchaya, Nadezhda Kharlampieva

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY AND THE ARCTIC STATE INSTITUTE OF CULTURE AND ARTS: EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR COOPERATION IN INTERCULTURAL COMMUNICATION AND TOURISM IN THE ARCTIC

The article examines the experience and prospects of cooperation between international affairs specialists of St. Petersburg State University and the staff of the Arctic State Institute of Culture and Arts on intercultural communication and the development of ecological tourism in the Arctic. The preparation and publication of the popular science journal "Culture&Art of the Arctic" in Russian and English, as well as the organization of joint scientific events in the framework of the Arctic theme showed the following prospects: a) in educational programs and in educational practices of St. Petersburg State University in the specialty "international relations" - inclusion of the features of intercultural communication and the development of ecological tourism in the Arctic; b) in the creation of an intercultural space of the indigenous small-numbered peoples of the Arctic - to assist in the training of highly qualified personnel, c) to pay attention to the quality of the design of a unique product – the popular science magazine "Culture&Art of the Arctic".

Key words: *international relations, indigenous small-numbered peoples of the Arctic, intercultural space, ecological tourism, popular science magazine, Culture& Art of the Arctic.*

Межправительственный форум «Арктический Совет», появившийся в регионе, населенном «разнообразными экономическими системами и обществами» [1] в Исландии, Дании, Норвегии, Канаде, США, России, Швеции и Финляндии начал свою деятельности в 1996 г. Главным и важным отличием данного межправительственного объединения от других международных региональных форумов является равноправное участие в процессе принятия решений – постоянных участников, представителей организаций коренных народов Арктики от Алеутской международной ассоциации, Арктического совета атабасков, Международного совета гвичинов, Приполярного совета инуитов, Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и Союза саамов. Такой состав участников Арктического совета позволяет выполнить миссию по «содействию сотрудничеству, координации и взаимодействию между арктическими государствами, коренными общинами и остальными жителями Арктики» [2].

Общественному объединению «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (АКМНССиДВ) Российской Федерации, активно ведущему свою международную региональную деятельность исполнилось тридцать лет [3]. Двадцатилетний юбилей отмечает Арктический государственный институт культуры и искусств. В этой статье остановимся на небольшом итоге взаимодействия международников Санкт-Петербургского государственного университета и коллектива Арктического государственного института культуры и искусств. Сотрудничество началось с реализации идеи выпуска научно-популярного журнала «Культура и искусство Арктики» на русском и английском

языках в 2015 г. [4]. Началась разработка концепции журнала и представление ее в АГИКИ. Выпуск двух номеров вызвал большой интерес не только среди авторов, но и научного сообщества российской Арктики, в Санкт-Петербурга, Москвы и за рубежом. Началось обсуждение тем и направлений журнала на совместных научных мероприятиях [5], которые позволили выявить суть популяризации результатов научно-исследовательской и образовательной работы культурологов, руководителей государственных служб, общественных объединений и специалистов по международным гуманитарным связям. Оказалось, что современная Арктика открыта многим социальным инновациям и накопила достаточно «лучшей практики» и «наиболее доступных технологий», говоря языком международников, в сфере межкультурной коммуникации.

Следует отметить такие направления, которые включены в программы и учебные практики СПбГУ по специальности «международные отношения»:

- эволюция ценностей и самоидентификации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, коренных народов Арктики и северян в образовательном курсе, например, «Арктика в современной политической системе: межгосударственные отношения и методология исследования» магистерской образовательной программы «Мировая политика» [6]:
- игры народов Арктики и их популяризация в сфере спорта и физической культуры [7], фестивальная деятельность [8] в курсах кафедры «Международное гуманитарное сотрудничество»,
- развитие экологического туризма в Арктике [9] в программе курса «Экологический туризм» магистерской программы «Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды и развития»,
- образы и особенности перевода с языка оригинала на русский и английский языки [10; 11] в программе «Английский язык для международников». Вкратце остановимся на каждом из этих направлений, которые удалось за короткое время ввести в образовательные программы.

Эволюция ценностей и самоидентификации в рамках понятий «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока», «коренные народы Арктики» и «северяне».

Эволюцию ценностей и самоидентификации коренных народов Российской Арктики можно найти в малоизученной истории национальных административно-территориальных районов, их вкладов в формировании социокультурной жизни краев, областей, республик Советского Союза, новой России. Кроме того, общественно-политическая роль создания и укрепления научной школы североведения, закрепившая понятие «северяне» в 70-90 гг. XX в., активная общественная деятельность АКМНС и ДВ РФ, ее роль в росте гражданского самосознания в начале 90-х гг. XX в. [12], в институционализации региональной международной организации Арктический Совета [13] свидетельствуют и составляют существенную часть становления общественного политико-правового пространства России и заслуживают достойного внимания.

Игры и фестивальная деятельность народов Арктики. Преподаватели образовательных дисциплин кафедры «Международное гуманитарное сотрудничество» СПбГУ в ходе подготовки первого номера журнала справедливо отметили его межкультурно-коммуникационную роль. Далее началась эмпирико-аналитическая исследовательская работа с студентами по изучению роли и места: а) игр народов Арктики и их популяризации в мире спорта и физической культуры [14], б) фестивальной деятельности на Севере и в Арктике [15] в контексте проблемы поиска подходов и оригинальных форм сохранения и популяризации уникального наследия Арктического региона в мире. Так, арктические зимние игры и фестивальная деятельность на Севере и в Арктике, выполняя важнейшую роль в межкультурном диалоге и сотрудничестве в Арктике, в укреплении узнаваемости региона вполне могут стать частью современного культурного наследия Арктики. Вместе с тем отмечается популяризация наследия Арктики отражается в программах кинофестивалей, выставок и мастер-классов, посвященных народной культуре и декоративно-прикладному искусству народов Арктики, фестивалей ледокольного флота и др.

Экологический туризм в Арктике. Развитие экологического туризма в Арктике, включен как один из лучших опытов разработки полярного туризма в программе курса «Экологический туризм» магистерской программы СПбГУ «Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды и развития». Данная тематика началась с совместного семинара представителей постоянных представительств Арктической зоны Российской Федерации в Санкт-Петербурге, студентов магистерской программы вузов Санкт-Петербурга, а том числе обучающихся из арктических регионов при участии сотрудников отдела гидрологии устьев рек и водных ресурсов ГНЦ РФ «ААНИИ» по изучению водно-бассейнового принципа в развитии безопасного туризма в Арктике в 2015 г. [16]. В условиях спада интереса путешествующих к традиционным местам отдыха отмечается рост туристских потоков в районы, ранее оцениваемые как мало аттрактивные для рекреации. К таким дестинациям, безусловно, следует отнести Арктику. В пределах Русской Арктики, где проживают коренные народы и потомки русских поселенцев, появляются организаторы этнического туризма. Осмысливается зарубежный опыт правового регулирования предпринимательства по организации экологического туризма в сочетании научных исследований и традиционных знаний коренного и местного населения Арктики [17]. Арктический международный туризм уже является важным фактором в развитии межкультурного взаимодействия и формирует новую политику взаимоотношений.

Образы и особенности перевода с языка оригинала на русский и английский языки. Образы и особенности перевода с языка оригинала на русский и английский языки плотно вошли в исследовательскую практику специалистов и в образовательную программу «Английский язык для международников» СПбГУ

[10; 11].

Популярность арктической тематики в англоязычном мире: в детских и взрослых аутентичных учебниках по английскому языку, включения темы в заданиях всех четырех видов речевой деятельности (разговор, чтение, аудирование, письмо), а также – в лексики и грамматики, в подготовку к экзаменам FCE (First Certificate in English) изучены специалистами СПбГУ. Выявление особенностей лексических и фонетических ошибок среди российских студентов, изучающих английский язык в рамках арктическойтематики также стало объектом внимания преподавателей, готовящих специалистов-международников. Интерес к арктической тематике возник с началом сотрудничества в рамках перевода текстов авторов, представлявших материалы для журнала «Культура и искусство Арктики», в ходе Круглого стола, организованного с целью презентации журнала в СПбГУ. Вдохновила переводчиков встреча с ректором АГИКИ, главным редактором журнала С. С. Игнатьевой, министром культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) В. И. Тихоновым, авторами статей – Л. П. Будай, научным сотрудником Российской академии образования, Ш. С. Жабко, директором отдела национальной литературы Российской национальной библиотеки, а также – с японским коллегой Лео Тадагава, преподавателем Института этномузыкологии (Токио).

В результате корректуры и перевода материалов журнала составляется словарь, который формируется для удобства работы. Содержание этих словарей постоянно пересматривается и анализируется, что позволило разделить слова, связанные с арктической тематикой, на три категории: а) флора, фауна, почва, ископаемые и местность в целом, б) культура народов и в) сами народы.

Материалы статей журнала «Культура и искусство Арктики», датированные 2015-2018 гг. уникальны и актуальны. В ходе работы над материалом были сделаны следующие выводы технического характера: переводческая работа большого объема требует тщательного долгосрочного и краткосрочного планирования со строгим выполнением намеченного графика; на редактирование текста нужно оставлять столько же времени, сколько и на сам перевод, поскольку это кропотливая и трудоемкая работа. В научно-методической направленности особую трудность представляет лексика, когда из множества вариантов, предложенных словарем, нужно выбрать единственно верный, так как неносителю языка невозможно учесть все тонкости и нюансы значений, особенно в случае с узкоспециализированной терминологией, редко употребляемым словами и словосочетаниями, а также касающихся политической корректности, это с одной стороны С другой, в словарях могут отсутствовать варианты переводов. Арктическая лексика также может использоваться в учебных пособиях по General English, English for Specific Purposes, и в материалах, содержащих арктическую тематику.

Особенности оформления научно-популярного журнала «Культура и искусство Арктики». Опыт дизайнерской работы в подготовке научно-популярного журнала «Культура и искусство Арктики» позволил обратить внимание на особенности популяризации уникальных материалов арктической тематики. Появление журнала в то время, когда стали популярными качественные видео-фото материалы, позволяет обратить внимание на качество оформления, поскольку именно дизайн журнала в современном мире является определяющим фактором для читателя, не имеющего достаточно времени на глубокий анализ. Как и в каждом журнале важно обратить внимание на общие его сведения, оформление и строение журнала, значение иллюстраций, виды и форматы иллюстраций, доступные ресурсы фотоматериалов, авторство, понять что изображение подходит для публикации в журнале, и главное, правила и способы передачи иллюстраций и таблиц на верстку журнала.

Вывод. Подготовка и издание трех пилотных номеров журнала, а также обсуждение вопросов тем культуры и искусств Арктики на ежегодных семинарах в Якутске, Санкт-Петербурге, Москве и в Дудинке на Таймыре позволяют говорить о необходимости наличия подобной площадки вокруг научно-популярного журнала «Культура и искусство Арктики» с целью: а) выявления и развития центров сохранения и развития материального и нематериального наследия и ценностей коренных народов российской и зарубежной Арктики; б) расширения исследовательского и образовательного потенциала арктической тематики на материалах международной коммуникации и развития полярного туризма, в том числе арктического; в) создания условий для обсуждения вопросов научно-обоснованной оценки ценностей культуры и искусств коренных народов, ведения постоянного учета их истоков, состояния и условий сохранения, поиска путей помощи в сохранении и развитии; г) участия в сопоставлении и обогащении культур и искусств коренных народов в современных условиях понимания ценностей разнообразия культур.

Литература

1. Нуукская Декларация по случаю Седьмой Министерской Сессии Арктического Совета от 12 мая 2011 года, Нуук, Гренландия. – Режим доступа: URL: http:// https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/779/Nuuk_Declaration_Rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y.

2. Арктический Совет. – Режим доступа: URL: https://arctic-council.org/ru/

3. Празднование 30-летия Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. – Режим доступа: URL: http://www.raipon.info/info/anounces/4108/.

4. Культура и искусство Арктики/Arctic Art&Culture : научно-публицистический журнал. – Режим доступа: URL: http://agiki.ru/kultura-i-iskusstvo-arktiki.

5. Игнатьева, С.С. Роль и место журнала «Культура и искусство Арктики/Arctic Art&Culture» в стратегии устойчивого развития Арктики / С.С. Игнатьева, Н.К. Харлампьева. – // Гражданская солидарность в реализации государственной культурной политики: взаимодействие власти, общества и бизнеса : сб. материалов Культурного форума регионов России (Якутск-Москва, 25 сентября 2015 года) / составитель: О.В. Коротеева ; общая редакция О.Н. Астафьева. – Москва : ИП К.В. Лядов, 2015. – С.483-487.

6. Харлампьева, Н. К. Арктика в современной политической системе: межгосударственные отношения и методология исследования: учебно-методическое пособие / Н. К. Харлампьева. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2012. 127 с.

7. Николаева, Ю. В. Арктические зимние игры и их роль в региональном культурном сотрудничестве / Ю. В. Николаева. // Международное научное сотрудничество в Арктике / под редакцией Н. К. Харлампьевой. – Санкт-Петербург : СПГУ, 2017. - С. 62-66.

8. Боголюбова, Н. М. Фестивальная палитра Арктики / Н.М. Боголюбова. // Международное научное сотрудничество в Арктике / под редакцией Н.К. Харлампьевой. – Санкт-Петербург : СПГУ, 2017. - С. 67-71.

9. Матвеевская, А. С. Русская Арктика как перспективная международная туристическая дестинация / А.С. Матвеевская // Международное научное сотрудничество в Арктике / под редакцией Н. К. Харлампьевой. – Санкт-Петербург : СПГУ, 2017. - С. 33-37.

10. Журавская К. А. Трудности перевода статей по арктической тематике с английского на русский и с русского на английский языки / К. А. Журавская, А. Е. Кузнецова. // Международное научное сотрудничество в Арктике / под редакцией Н. К. Харлампьевой. – Санкт-Петербург : СПГУ, 2017. – С. 73.

11. Kuznetsova Alisa,, Zhuravskaya Ksenia, Grigoriev Ivan. The bilingual scientific journal arctic art and culture: proofreading, translation, and vocabulary // 2nd International Conference on Pedagogy, Communication and Sociology (ICPCS 2020).. - ISBN: 978-1-60595-663-3 ; DOI 10.12783/dtssehs/icpcs2020/33882.

12. Харлампьева, Н. К. Общественно-политическое движение коренных народов / Н. К. Харлампьева. // Реальность этноса : материалы международной конференции РГПУ. – Санкт-Петербург : Астерион, 2008. – С. 632-637.

13. Харлампьева, Н. К. Коренные народы Севера в процессе глобализации / Н. К. Харлампьева. // Мир коренных народов. Живая Арктика. – Москва, 2001. - № 5. – С. 24-28.

14. Николаева, Ю. В. Арктические зимние игры и их роль в региональном культурном сотрудничестве / Ю.В. Николаева. // Международное научное сотрудничество в Арктике / под редакцией Н. К. Харлампьевой. – Санкт-Петербург : СПГУ, 2017. - С. 62-66.

15. Боголюбова, Н. М. Фестивальная палитра Арктики / Н. М. Боголюбова. // Международное научное сотрудничество в Арктике / под редакцией Н. К. Харлампьевой. – Санкт-Петербург : СПГУ, 2017.- С. 67-71.

16. Арктический туризм в России / под редакцией Ю. Ф. Лукина, Н. К. Харлампьевой ; Северный (Арктический) федеральный университет, Санкт-Петербургский государственный университет. – Архангельск : САФУ, 2016. - 256 с.

17. Матвеевская, А. С. Особенности организации экологического туризма в Арктике / А. С. Матвеевская, В. Л. Погодина. // Арктика: общество, наука и право : сборник статей / под редакцией Н. К. Харлампьевой. – Санкт-Петербург : СПГУ, 2200. - С. 200-206.

АРКТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЦЕННОСТИ ЦИРКУМПОЛЯРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

УДК 378(98)

У. А. Винокурова

ПАРАДИГМА АРКТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье предпринята попытка обосновать парадигму арктического образования в отличие от ныне существующих атлантической и тихоокеанской систем образования. Арктическое образование нацелено на подготовку специалистов с арктической идентичностью, владеющих комплексными компетенциями для повышения качества жизни в условиях Арктики. Принципы арктического образования нацелены на обращенность к креативной коэволюции со всем сущим, следование Indigenous methodology, включают экософское мировоззрение, признающего права Земли как живой планеты.

Ключевые слова: *парадигма образования, арктическое образование, арктическая идентичность, экософия, Indigenous methodology, геообразовательное пространство.*

Ulyana Vinokurova

PARADIGM OF ARCTIC EDUCATION

The article attempts to substantiate the paradigm of Arctic education in contrast to the currently existing Atlantic and Pacific education system. Arctic education is aimed at training specialists with an Arctic identity who have comprehensive competencies to improve the quality of life in the Arctic. The principles of Arctic education are aimed at addressing creative co-evolution with all that exists, following the Indigenous methodology, an ecosophical worldview that recognizes the rights of the Earth as a living planet.

Keywords: *education paradigm, arctic education, arctic identity, ecosophy, indigenous methodology, geo-educational space.*

1. Арктическое образование и вызовы XX1 века. Система образования является одним из решающих механизмов воспроизводства и развития нации, накопления человеческого капитала страны – главного ресурса государства. Признание инноваций в системе образования в качестве ведущего ресурса конкурентоспособности государств и личностей вызвало необходимость глобальных миро-системных исследований, охватывающих целые континенты и цивилизации.

Особую научную актуальность приобретает осмысление парадигмы образования в контексте политико-исторического, социокультурного аспектов географического и исторического факторов развития образовательных систем. Важно исследовать векторы международных трендов в цивилизационных и страновых измерениях, созданных мировыми океанами, определить оптимальные пути интеграции коренных народов в глобальной образовательной сети, формирования национальной и региональной идентичности через различные системы образования.

Формируется направление геообразовательных исследований мировых систем образования. Геообразовательное пространство представляет собой территориальные образовательные сочетания образовательной политики, образовательных потребностей населения и человеческого потенциала региона, что усиливает значение культурно-пространственных факторов, влияющих на развитие глобального и регионального человеческого капитала.

Миро-системный анализ социально-исторического развития человечества, предпринятый российским социологом Новожиловой Е. О. [1], позволил определить три исторических типа социально-экологических систем, сменяющих друг друга в результате трех этапов экологических трансформаций. К историческим типам социально экологических систем отнесены: экосистемные общества, биосферные общества и ноосферное общество. Одним из миро-системных исследований образовательных систем стран Атлантики и Азиатско-Тихоокеанского региона является совместное исследование Майкл Барбера, Кейтлин Доннелли и Саад Ризви [2]. Они отмечают, что наиболее успешные страны создали эффективные системы образования. В качестве доказательства авторы приводят список 20 стран, чьи учащиеся получили самые высокие баллы по результатам PISA-2009 [3, с. 150]. Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)/ United Nations Development Programme (UNDP), провела исследование, выявившее индекс уровня образования в странах мира (Education Index). Он измеряет достижения страны с точки зрения уров-

ня образования ее населения по двум показателям:

1. Индекс грамотности взрослого населения (2/3 веса).
2. Индекс совокупной доли учащихся, получающих начальное, среднее и высшее образования (1/3 веса).

Исследования проходили с 1980 года по настоящее время, и было изучено 187 стран мира. Примечательно, что в 2013 году в первой двадцатке рейтинга присутствуют страны Арктического круга (Норвегия, Канада, Швеция, Финляндия), которые не относятся ни к Атлантике, ни к Тихоокеанскому региону. Отсюда вытекает необходимость в изучении третьей модели образования – Арктической. Арктические страны – Исландия, Швеция, Финляндия, Норвегия, Канада признаны успешными как в создании эффективной системы образования, так и в обеспечении качества жизни и окружающей среды. По уровню развития человеческого капитала, качеству жизни и благополучию окружающей среды страны Арктического региона, за исключением России, являются лидерами мирового сообщества.

Культурологический контекст, сложившийся со времен колониального дискурса Запад-Восток, также выявляет существенные отличия в системе образования, исходящие из культурных основ обучения. Цзинь Ли, американский учёный китайского происхождения, утверждает, что концептуальное различие между западной и восточной системами образования состоит в том, что первая ориентирована на познание внешнего мира с опорой на разум, а вторая – на познание человеком самого себя с опорой на добродетель. Западная модель образования ставит своей целью воспитание разума для понимания мира, а восточная – прежде всего, нравственное и социальное самосовершенствование. Эти глобальные образовательные традиции проявлены и в методах обучения, и в конечном итоге, в формировании личности человека Запада и Востока [5].Модель глобального поколения западной модели, по выводам Майкл Барбера, Кейтлин Доннелли и Саад Ризви, представляет собой хорошо образованного человека по формуле: Хорошо образованный =Э (З+ М + Л)» где Э – этика выражает универсальные ценности осознания «Один мир» (уважение мнений людей, признание многообразия форм жизни на земле, их взаимозависимости, законность и порядок в обществе и т.д). З – знания, М – мышление, Л – лидерство.

Мы полагаем, что в успешных арктических странах складывается образовательная парадигма, ключевой особенностью которой является обращенность не к разуму, как в странах Атлантики, не к добродетельному обществу, как в странах Тихого океана, а обращенность к креативной коэволюции с планетой Земля и Вселенной. Необходимость поиска ответов на экологические вызовы актуализирует обращение к «внутренней интеллектуальной собственности» экосистемных обществ, то есть к Indigenous methodology, формированию научно-творческого интереса к интеллектуальному наследию и мировоззрению экосистемных обществ, аккумулированию и «упаковке» их в современную научно-образовательную парадигму биосистемных обществ, в национальные образовательные системы с тем, чтоб ценности экосистемных обществ ввести в систему зарождающихся духовных ценностей ноосферного общества.

Объективная реальность Арктики, в особенности, российской – суровые геообразовательные условия, схема малонаселенного расселения, языковое и культурное разнообразие, традиционные виды занятости в условиях кочевания, слабая инфраструктура и транспортная труднодоступность, малочисленность школ и слабая обеспеченность педагогическими кадрами, низкое качество жизни и ограниченность доступа к информационным источникам, – все это сохраняется и XXI в. Плюс к ним добавились новые вызовы XXI века, связанные с глобализацией, информатизацией, цифровизацией образования, этномиграцией, сменой стратегий жизнеобеспечения, глобального изменения климата, образовательных стандартов, технологий и критериев качества образованности, компетенций постграмотности и soft skills.

Достижение компетенций постграмотности – IT-грамотности, художественной грамотности, культуры здоровья, полилингвизма, экологической культуры – эти требования к современному человеку представляют собой актуальные вызовы XXI века. Информационно-коммуникативные технологии сегодня являются уже не столько инструментом, дополняющим систему образования и функционирования научно-образовательного знания, но и частью виртуального образования, т.е. источником формирования новой «электронной» культуры. И поэтому молодому поколению народов Арктики и Севера, живущему в эру «IT-технологий» для формирования целостной самоидентичности с дошкольного возраста, требуется внедрение инновационных образовательных программ по усвоению и применению знаний, этноэкологических и социальных ценностей с учетом социокультурных специфик региона.

Устойчивое заселение, освоение и развитие Арктики возможно лишь при условии создания и реализации особой арктической парадигмы образования как креатосферы Арктики, поддерживающего соответствующий уровень человеческого капитала, культуры, стабильности населения, особенно молодого, эффективно действующего в беспрецедентно холодных природно-климатических условиях вечной мерзлоты, полярной ночи Северного Полюса и Полюса Холода.

На наш взгляд, такой прорыв в 20-м веке оказался возможным благодаря созданию особого типа локальной цивилизации – арктической циркумполярной цивилизации. Эта цивилизация является симбиозом традиционных этических и экологических ценностей народов Арктики с современными инновационными технологиями атлантической и тихоокеанской цивилизаций. Глобальное изменение климата, особая хрупкость экологии арктических территорий, природосберегающие ценности коренных народов Арктики, политика коэволюции и взаимопомощи коренных и пришлых народов на основе традиционных ценностей

сосуществования человека и природы в суровых природно-климатических условиях Арктики, – все эти наработанные носителями циркумполярной цивилизации ценности становятся основой формирования новой парадигмы арктического образования. У арктических народов веками сложились духовно-нравственные ценности этнической педагогики, нацеленной на приоритет этических норм взаимопомощи, эмпатии, установки на позитивное взаимодействие с окружающей социальной и природной средой, признание и реализацию миссии человека, ответственного за сбережение природы как сакральной красоты и основу всего сущего на Земле. Этническая педагогика основывается на живой логике, одухотворяющей земную жизнь и осмысливает жизнь человека как части неразрывной взаимосвязанности всего сущего, что формирует мышление человека с позиций пользы для всеобщего блага.

Следовательно, помимо атлантической, тихоокеанской парадигмы образования, реально успешно действует арктическая парадигма образования. Понятие «арктическое образование» мы определяем, как инновационная модель непрерывного общего и профессионального практикоориентированного образования, направленную на подготовку специалистов с арктической идентичностью, владеющих комплексными компетенциями для повышения качества жизни в условиях Арктики.

2. Каким должно быть арктическое образование в России?

Понятие «арктическое образование» в настоящее время не введено в ФЗ РФ «Об образовании», хотя практически оно реализуется на всех уровнях образования, являясь преемницей советской политики народного просвещения и школы Крайнего Севера. 4-м принципом образовательной политики в Российской Федерации признается «единство образовательного пространства на территории Российской Федерации, защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства» [6]. Одним из ведущих государственных приоритетов признано создание ускоренного развития человеческого потенциала Дальнего Востока и Арктической зоны РФ.

Инструментальный подход к арктическому образованию стало следствием приоритета отношения технократической цивилизации к человеку как производителю материальных ценностей и средств производственных отношений. Ценность специалиста, укорененного на арктических, северных и дальневосточных территориях, измеряется категориями вклада в социально-экономическое, креативное, культурное, демографическое развитие региона. Жизнь региона не сводится к интересам бизнеса и работодателя. Исходя из государственной арктической политики, должно быть установлено сочетание интересов бизнеса-региона-человека в формировании образовательной политики и защиты региональных и личностных ценностей, что предполагает использование геообразовательного подхода к реализации образовательной политики на северных территориях России.

Миграционная ситуация и тенденции демографического движения в Арктике и ДФО характеризуются исходом населения и трудностями привлечения и укоренения населения. Профессиональные образовательные организации выполняют функции стабилизации молодого населения на северо-восточном форпосте России, и эта их важнейшая функция должна быть учтена в механизмах поддержки в виде региональной специализации как промоутеров российского развития в специфическом геообразовательном пространстве. Исследователи объясняют проблемы неравномерности распределения вузов по территории Российской Федерации исторически сложившейся неравномерностью распределения производительных сил [7, с. 25], что не соответствуют современным требованиям доступности и качества образования. Однако, при разработке программ развития российского образования географическому фактору достаточного внимания не уделялось. [8, с. 75].

Российская система образования включает все уровни и виды образования: дошкольное, дополнительное, среднее общее и профессиональное, высшее профессиональное. Ценностным основанием арктической парадигмы образования становится воспитание поколения, укоренённого в культурах населения Арктики, готового к служению обществу и открытого миру. Соответственно, принципами арктического образования следует признать:

1) геокультурные и этнокультурные особенности образа жизни коренных народов, созданного в условиях сдвоенного холода -воздуха и криолитозоны Земли;

2) структурированность образовательного пространства. Арктическое пространство отличается низкой проницательностью, труднодоступностью для внешнего проникновения, наличием автономных ресурсов в виде культур коренных народов. Следовательно, должен быть применен системный подход в создании геообразовательного пространства, сочетающего все уровни и виды образования;

3) наличие культурного ядра. Ответом арктических аборигенов на «вызов суровых земель», по А. Тойнби, является «***принцип номандизма***» – закон сохранения движения, ибо только в движении можно сохранить жизнь в суровых условиях Арктики. Беспрерывное кочевничество привело к освоению огромных пространств циркумполярной Арктики и создало ее единую культуру. В настоящее время распознавание, признание, восстановление, сохранение и возрождение единства культурных истоков аборигенов Арктики становится актуальной гуманитарно-политической задачей современности, гуманитарной миссией арктического образования в процессе надгосударственного панарктического сотрудничества.

4) сформированность региональной идентичности. В последние годы важное место в оценке социального и культурного развития в Арктике заняли понятия «арктическая идентичность», «мир арктического человека». Арктическая идентичность как проявление самоидентификации жителей различных регионов

циркумполярного мира обладает специфическими проявлениями локальной сегментарности в арктическом циркумполярном мире.

5) единые духовно-культурные ценности. Социально-психологические нормы сосуществования, выработанные суровым жизненным миром Арктики, создали единые духовно-культурные ценности, способные стать ценностной основой арктического образования. Социокод арктической цивилизации состоит из системы трёх ведущих ценностей, являющихся фундаментальными для парадигмы арктического образования:

- власть над судьбой, что выражается в освоении компетенций постграмотности, соответствующей специфике Арктики;
- культурная целостность как принадлежность к жизнеспособной местной культуре, проявленная в модели выпускника как носителя ценностей родной этнической, локальной и региональной культур места происхождения;
- ценность природы, выражающейся в коэволюции с исконной средой обитания, что позволяет человеку стать частью биосферы, адаптировать собственные физиологические и психологические ресурсы к жизнеустройству к естественным требованиям природно-климатических условий Арктики;

6) культура достоинства. Жизнь арктического человека по его восприятию не является выживанием, а полноценной жизнью, формирующей культуру достоинства. Культура достоинства распространяется и на отношения к природному миру, о чем свидетельствует свод обрядов, обычаев, ритуалов обращения к природным явлениям, духам, животным, присущих в формах и содержании хозяйственно-культурного уклада жизни. Культура достоинства формирует личность свободную и ответственную, способную к безопасному самостоянию, что исключительно важно в условиях автономной жизни в Арктике. Культура достоинства воспитывается посредством педагогики радости, умения жить в условиях ограниченности круга общения, природных сезонных и инфраструктурных ограничений мобильности, преобладания микро-социального общения над макро-социальным. Воспитание культуры достоинства представителя малочисленного этноса предполагает также формирование у него ценностного сознания и толерантного отношения к культурному разнообразию во вмещающем социуме.

7) сочетание ценностей природосбережения и ценности жизни человека. Этика и эстетика народов Арктики исходят из понимания места человека в координатах биосферы, этносферы, социосферы, ноосферы и космосферы.

Модель личности в Арктике как территории природосообразного гуманистически ориентированного геообразовательного пространства представляет собой Личность, укоренённую в своих родных культурах, готовую служить обществу и открытую, конкурентоспособную миру и обладающую:

- экософским мировоззрением, признающим права Земли как живой планеты.
- арктической идентичностью, сочетающей мировидение соотношения талассократии и теллурократии (Океана+Суши);
- интегральными методами познания, в том числе владением Indigenous Metodology - методологией ученых, представителей коренных народов Арктики.

На основе этих принципов современное арктическое образование может получить особый правовой статус в образовательном пространстве РФ и осуществить культурологический поворот образования в глобальном цивилизационном пространстве Арктики в изменяющихся условиях климата Земли.

Литература

1. Новожилова, Е. О. Социально-историческая экология / Е.О. Новожилова. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. - 240 с.

2. Барбер, М. Океаны инноваций. Атлантический океан, Тихий океан, мировое лидерство и будущее образования / Майкл Барбер, Кейтлин Доннелли, Саад Ризви ; пер. с англ. Н. Микшиной // Вопросы образования. – 2012. - № 4. – С. 109 – 185.

3. Программы развития Организации Объединенных Наций : официальный сайт. – URL: http://hdr.undp.org/ (Дата обращения: 07.04.20

4. Ли, Ц. Культурные основы обучения. Восток и Запад / Цзинь Ли ; пер. с англ. А. Апполонова, Т. Котельниковой ; под науч. ред. С. Филоновича. – Москва : ИД Высш. шк. экономики, 2015. - 462 с.

6. Об образовании в Российской Федерации : официальный сайт . – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 7.04.2020).

7. Белякова, С. А. Российское высшее образование: модели и сценарии развития / С. А. Белякова, Т. Л. Клячко. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХ и ГС, 2013. – 316 с.

8. Образовательная геодемография России / под ред. М. П. Карпенко. – Москва : Современная гуманитарная академия, 2011. – 224 с.

УДК 39:572.9

Отто Чампаи

СМЕНА ПАРАДИГМ В ЭТНИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ)

Данное научное исследование обобщает теории, имеющиеся в этнической антропологии на сегодняшний день, и результаты дискуссий между ними. В науке они в качестве парадигм повлияли на дальнейшее мышление и направление исследований ученых. Первая серьезная смена парадигмы началась во второй половине 19-го века, она демонстрирует античеловечную видовую дискриминацию. После второй мировой войны началась вторая смена парадигмы, суть которой в ненаучном соглашении о том, что ученые не должны говорить о биологическом виде и расе. Третья смена парадигмы произошла на пороге 21-го века, когда вследствие массовой миграции началась научная дискуссия об идентичности, о достоинствах рас, об отношениях с другими культурами; параллельно вновь формулировались вопросы вокруг человеческих видов.

Ключевые слова: *парадигма, раса, антропологический тип, расизм, колониализм, идеология.*

Otto Csampai

PARADIGM SHIFT IN ETHNIC ANTHROPOLOGY (THEORETICAL SYNTHESIS)

The study summarizes the theories so far in the field of ethnic anthropology and the results of the discussions between us. As a paradigm in science, they have influenced scientists' further thinking and the direction of their research. The first major paradigm shift began in the second half of the 19th century, pointing to anti-human race discrimination. After the Second World War, a second paradigm shift began, the essence of which is a non-scientific consensus that scientists will not talk about type of man and race. The third paradigm shift began at the dawn of the 21st century when, mainly as a result of the practical experiences of mass migration, the scientific debate about identity, values, relationships with other cultures began, and at the same time, questions about race were redefined.

Keywords: *paradigm, race, anthropological type, racism, colonization, ideology.*

История, в общем понимании, представляется как история народов и наций, она изучает их прошлое и их развитие. Но все же, ответ на вопрос, где заканчивается прошлое и начинается настоящее или будущее время, уже неоднозначный. Более того, чуть переигрывая, мы могли бы сказать, что будущее – это тоже история: история, которая пока не произошла. Но это также означает, что для лучшего понимания будущего, мы должны вернуться в прошлое.

Многие ученые современного мира сомневаются по поводу того, можем ли мы говорить о нациях в стандартном понимании этого термина. Если нации существуют как общественные формации, что мы должны иметь в виду? Помимо социологического определения нации и этноса, нам необходимо отметить, что если нация – это политическое сообщество, то этнос – это биологическое и культурное сообщество (в случае этнических групп этнографы делают акцент на общее происхождение, а культурологи – на общую культуру). **В любом случае, как нация, так и этнос – это группа людей, значит в обоих случаях речь идет о биологическом сообществе.**

Существуют предположения, что современному гомо сапиенсу удалось покорить нашу красивую голубую планету, двигаясь из Африки и постепенно по другим континентам, а евразийские неандертальцы вымерли, прежде чем современные люди смогли бы туда прибыть. Здесь возникает вопрос о том, кто такой на самом деле человек? Еще древние философы размышляли над этим вопросом. Платон определил человека двуногим существом без перьев. Но Диоген опровергнул это утверждение с помощью ощипанной курицы. Позже Блез Паскаль (1623-1662 гг.), известный французский философ, математик и физик, с гуманной точки зрения подтвердил, что человек остается человеком даже без ног, а курица без перьев никогда не станет человеком. С течением времени многие задавали вопрос: кто же есть человек? Животное, создающее инструменты (Фридрих Энгельс), или одомашненные приматы (Бенджамин Франклин)? Кажется, наиболее подходящий ответ на этот вопрос дали французский философ, один из ученых, обнаруживших пекинского человека (sinanthropus pekinensis), **Пьер Т. де Шарден** (1881-1955 гг.) и российский ученый **Владимир И. Вернадский** (1863-1945 гг.). Согласно их размышлениям самой главной особенностью человека является его способность создавать культуру, он создает размышляющий слой, окружающий Землю – **ноосферу** (измененная деятельностью человека биосфера). После геосферы и биосферы **ноосфера** – третья фаза развития Земли. Каждая следующая фаза изменяет предыдущую. Ноосфера была создана с появлением первого мыслящего человека, она постоянно отражается в геосфере и биосфере в форме вмешательств человека. В ноосфере отображается физическое и экономическое развитие Земли. Ноосфера, созданная человеком, является **«мыслящим слоем»**, который окружает Землю и объединяет сферу души.

Когда антропологи пытались навести порядок в достаточно запутанном положении дел, которое правило в структурах концепций различных артефактов, они пришли к мнению, что в настоящее время существует один единственный человеческий род – это гомо сапиенс-сапиенс. Была принята парадигма (от греч. παράδειγμα – пример, образец из истории, взятый для доказательств или сравнения): гомо сапиенс, как и современный человеческий вид (one species of mankind), произошел из семейства гоминид в отряде приматов. В то же время, объединяя некоторых людей, человеческую расу поставили в конец списка разных видов животных. Это заставляет задуматься: вместо признания тайны, принадлежащей человеку, во имя науки человека причисляют к виду животных, зачастую замалчивая уникальное человеческое существование и душу.

Формирование рас[1] так же, как и все остальное, начинается с объяснений из Библии: Ною было пятьсот лет, и родил Ной Сима, Хама и Иафета. (*1 Моисей 5: 32).* Сии трое были сыновья Ноевы, и от них населилась вся земля. (*1 Моисей 9: 19).* Сима и его потомки заселяли азийские терриории, Хама – африканские, Иафет – европейские территории. Согласно науке, в особенности антропологии, единый человеческий род под воздействием географических факторов (природно-климатических условий, высоты над уровнем моря, близости моря, флоры и фауны) разделился на так называемые большие расы (виды). Окружающая человека географическая среда вызвала в нем заметные изменения. Таким образом, современная наука различает европеоидную, монголоидную, негроидную, веддо-австралоидную расы (на немецком языке – Hauptrassen, на французском – grand-races, об английском выражении – далее в тексте), однако об этом иногда стараются не говорить, опасаясь обвинений в расизме. Даже сам факт того, что на протяжении многих лет эти наименования менялись на европейские, азиатские, африканские, позже белокожие, желтокожие, чернокожие приводит к мысли о том, что о некоторых вещах нельзя говорить. В любом случае расы объективно существуют, генетически они различны, и говорить о них или называть их – это ещё не расизм!

Итак, расу или вид мы могли бы определить, как группу людей, в которой природа под влиянием окружающей среды сформировала внешние черты и генетические единицы, отличающиеся от других групп. Расы имеют свои различные особенности, среди которых можно выделить внешние, морфологические (кожа, цвет волос, пропорции тела), внутренние, физиологические особенности (терморегуляция и группа крови), а также генетически наследственные свойства.

К формированию указанных особенностей привели следующие факторы и процессы: географическая оторванность (изоляция), приспособление к внешней среде (адаптация) и последний, но не менее важный процесс, – изменение в генофонде (мутация).

Первые четкие указания на разделение рас появились в позднем палеолите. Согласно современной науке разделение на три главные расы (европеоидную, монголоидную, негроидную) могло произойти, когда люди покинули исконные земли. В конце эпохи плейстоцена (25000 лет до н.э.) различные этнические группы заселили все континенты, за исключением Антарктиды [5]. Предполагается, что в процентном соотношении результаты этих заселений на сегодняшний день следующие: белокожие – 45%, желтокожие – 40%, чернокожие –11%, остальные – это смесь разных рас.

Несмотря на это, разделение человечества на расы по сей день многие, даже признанные, мыслители считают проявлением негуманной и ненаучной идеологии.

Давайте кратко опишем несколько эпохальных теорий об отличиях человеческих видов.

Известный шведский ботаник **Карл Линней** (1707-1778 гг.) в публикации 1735 года «***Systema naturae sive regma tria naturae***» разделял виды (***species***)[2] человека на четыре подвида (европейский, азиатский, африканский и американский) в соответствии с четырьмя континентами, известными в то время. В 1758 году в связи с экспедициями по распространению теорий в десятом издании указанной книги Линней пересмотрел свои взгляды и внес два новых варианта: Homo sapiens ferus, то есть дикий человек, и Homo sapiens monstrosus, к которому относятся готтентоты и патагонцы.

Радикальную альтернативу этой морфологической концепции предложил француз **Жорж-Луи Леклерк, граф де Бюффон** (1707-1788 гг.). Он расширил концепцию species через временную и пространственную репродукцию. Суть данной концепции заключалась в том, что каждый человек происходит от одного вида, но географически человечество делится на расы (виды).

Даже известный немецкий философ-классицист **Иммануил Кант** (1724-1804 гг.) занял свою позицию по вопросу видов человека. В 1775 году в рамках лекции, посвященной физике и географии, он поднял вопрос о проблеме различия человеческих рас. Согласившись с концепцией Бюффона, Кант заявил, что все расы относятся к одному человеческому виду, так как имеют изначально идентичное происхождение.

Француз **Ж.А. Гобино** (1827-1911 гг.) – первый социолог, который в своих трудах подробно обсуждает неравенство человеческих рас. В его издании о неравенстве человеческих рас [4] он выделяет три основные расы: белокожую, желтокожую и чернокожую. Внешние физические черты он дополнил ещё и психологи-

---

[1] Слово «раса» происходит от арабского языка, где оно означает «голова». Французский термин "La Race" (раса) в современном смысле еще в 1684 году его начал использовать Франсуа Бернье (1620-1688 гг.).

[2] species [лат.] – вид *[подраздел рода].*

ческими. Согласно его взглядам, природная и общественная обстановка меньше влияет на формирование человека, чем врождённые свойства. Виды человека, на его взгляд, не равны между собой, как в психосоматических, так и в психологических характеристиках (например, белокожие тевтоны достигают самой высшей точки гармонии тела). Он считает, что белокожие обладают большой энергией и высоким интеллектом, кроме того, чувством порядочности, храбрости и выдающимся мастерством боевых искусств, то есть такими свойствами, которые ставят его выше желтокожего вида. Хотя желтокожие интеллектуальны и старательны, но склонны к идеализму и нерациональному воображению. Менее ценной является чернокожая раса, представители которой чувственные, но вместе с этим ленивые, бесчувственные к красоте и искусству, абсолютно неспособные к организации. Нам неизвестно, что подтолкнуло Гобино к написанию этого творения. Скорее всего, это интеллектуальные стремления возвысить европейскую культуру и цивилизацию в глазах других наций, так как, по его утверждению, белокожие обладают мыслительной энергией, имеют чувство к полезным вещам, способны осознавать препятствия и находить орудия для их преодоления, имеют очень развитое стремление к порядку, они жизнелюбы. Белокожие отличаются от других видов понятием «порядочность», которое, по мнению Гобино, незнакомо чернокожим и желтокожим.

Современник Гобино немецкий философ **Х. С. Чемберлен** (1855-1926 гг.), родившийся в Англии, беспокоится о чистоте рас и утверждает превосходство тевтонов. Примерно в это время начинается **первая большая смена парадигм**, которая демонстрирует античеловеческую расовую дискриминацию. В особенности Чемберлен интересовался «видами» внутри белокожей расы. Грекам он прописал чувство поэзии, искусства и философии, римлянам – чувство формирования прав, государства и организации семьи, евреям – любовь к религии, у тевтонов (германцы, кельты и западные славяне) обнаружил создателей самой высшей цивилизации [9]. По его мнению, культурное наследство Европы зависело от расовых ценностей некоторых наций, которые отличались друг от друга. Чемберлен делал акцент на необходимости чистоты рас, которую нужно защищать, в особенности от проникновения еврейских частей, по его мнению, ослабляющих «расу тевтонов».

Основателем, так называемого, научного расизма был **Френсис Гальтон** (1822-1911 гг.), который начал использовать научные методы с целью доказательства того, что люди «низших сортов» недостойны жизни. Гальтон является автором книги «Hereditary Genius» («Наследственный гений»), а также основателем Евгеники – направлением в общественной философии, пропагандирующим вмешательство для улучшения наследственных и психических (умственных) свойств человека.

Француз Альфред Бине (1857-1911 гг.) является основателем IQ-теста (психологический тест). Основная цель данного теста – выявление умственно отсталых детей. Эксперименты, проведенные в США, показали, что уровень интеллекта у представителей негроидной расы ниже, чем у белокожих людей. Этот факт использовали как доказательство существований расовых различий в психике человека.

Ряд ученых и псевдоученых доказывают, что указанные теории связаны с развитием западной цивилизации. Отсюда происходит колонизация – агрессивное проникновение на некоторые континенты. Возможно, самым ярким символом колонизации считается надпись, размещенная британцами, у входа в Шанхайский парк Хуанг-пу: «Вход для китайцев и собак запрещен». Конечно, британская историография пытается смягчить этот факт, утверждая, что непосредственного доказательства документального распоряжения о низведении китайцев до уровеня собак не существует.

Согласно современным теориям страны Центральной Европы, в том числе Венгрия, связаны с западной цивилизацией [7], но мы должны добавить, что Европа неравномерная культурная и цивилизационная единица. Более того, географически нельзя говорить о Европе, но о Евразии. Как в прошлом, так и в настоящем многие мыслители назвали своими достижения западноевропейских и восточно-европейских культур и цивилизаций. К этому следует добавить, что на западной части евразийского материка существует приблизительно тысячекилометровая зона, разделяющая Восток и Запад двумя вертикальными линиями. Одна из таких линий начинается вблизи Калининграда и заканчивается в глубине Днестровского лимана возле Одессы, доходя до Черного моря, – эта линия представляет собой в указанной зоне восточный край. Вторую – западную окраину указывает Щецин и на северном конце Адриатического моря находящийся Триест [13]. Природу этой зоны хорошо описывает немецкое название «Zwischeneurora» (между Европой). В прошлом, распложенные здесь Венгерские королевства и современные маленькие государства и нации имели и имеют два общих кошмара: Германию и Россию. В то же время, в отношении нашего предмета вовсе не является незначительным тот факт, что с помощью англичан и французов, чехами, румынами и сербами был свергнут старый режим Центральной Европы, который был несравненно более терпеливым. По сравнению с национальностью и этносом Венгерского королевства, которые часто отличались даже видом от венгров, ни массовых убийств, ни виселиц, ни концентрационных лагерей, ни политику колонизации никогда не использовали.

Указанная первая парадигма была основой для самых грубых практических проявлений расовой ненависти Гитлера. Однако расистская доктрина гитлеризма была хранилищем демагогических девизов, пропитанной взглядами, приближенными к мистицизму (например, концепция «нордической души немецкой нации», мысли Гимлера о перевоплощении китайцев в арийцев и т. д.)

Параллельно с этим с XIX столетия в Европе и Америке существовала так называемая теория

«природного происхождения видов», суть которой состоит в том, что том превосходство культуры белых и западных христиан является очевидным и естественным. Это часто сопровождалось гуманным отношением со следующими аргументами: моральным обязательством белых есть улучшение условий жизни отсталых черных общин. При этом представители черных общин должны были принять достижения Европейской цивилизации.

Но уже в 1935 году два британских биолога **Джулиан Хаксли** и **Альфред Гадон** в своей книге [8] писали о желательном изгнании термина «раса» из научного лексикона, если он употребляется по отношению к группам людей.

После Второй Мировой войны, вслед за предложением Хаксли, который стал первым генеральным директором ЮНЕСКО, стали созываться совещания, посвященные обсуждению вопросов о различиях между расами, их биологических свойствах, о расовых предрассудках. Первую декларацию всеобщих прав человека написали в 1950 году в Париже. В его разработке в значительной мере участвовали социологи. С биологической точки зрения текст являлся неверным, поэтому в 1951 году в редакции второго текста участвовали 12 антропологов и генетиков. На этом совещании был разработан текст, который тоже оказался небезупречен, и далее его изменяли дважды (в 1964 и 1967 годах).

Результатом неточности, отклонений и плотной лжи в этих декларациях стала **вторая смена парадигм**, которую искусственно навязали научному обществу. Суть этого – ненаучное соглашение, согласно которому не обсуждается человеческий вид и раса. Произошел огромный сдвиг парадигм в ущерб компетентной науке. В науке появилось понятие «политически корректная речь». Новая парадигма расового равенства парадоксально афишировала равенство между расами, с такой концепцией: между людьми нет никакой разницы, то есть расы не существуют. Виды человека, как соматические группы, обладающие внешними особенностями, которые имеют собственный менталитет, манеры поведения и культуру были выведены из интеллектуального и социального обмена мнений. Хотя данный подход тоже пришел с Запада, но как раз именно в западной «развитой» демократии был самым частым и выразительным расизм: в XX столетии еще работали «человеческие» зоопарки [1], связанные с именем Клауса Готфрида Карла Гагенбека; в Брюсселе в 1958 году на всемирной ярмарке выставили напоказ целое население колонии конголезцев, в том числе и детей; в 1944 году во французском сафари-парке появились жители целой деревни Кот-д'Ивуар в качестве экспонатов.

По сути, речь идёт о некой псевдо-гуманистической парадигме, которая сегодня находится в кризисе. С идейно-ценностной точки зрения мы можем охарактеризировать это такими понятиями, как, например, мультикультурализм, эквивалентность и равенство культур, гендерная теория, права сексуальных меньшинств и т.д.

В антропологии и в принадлежащих ей научных секторах «царит» хаос. Как и в других сферах, здесь появились различные -измы: расовый скептицизм (расы не существуют), расовый конструктивизм (расы существуют, но не как биологический тип, а как созданный личностями конструкт), натурализм расовой популяции (расы существуют как биологические популяции, но не предлагают каких-либо биологически обусловленных общественных значений) [12].

Ко всему вышеуказанному следует добавить, что идея равенства и равноправия возникла из идей всеобщего христианского равенства и из традиций гуманистической философии. Идеал мультикультурализма, который доминировал между 1960 и 2010 годами, произошел от чувства вины Запада в связи с колонизациями и геноцидами. Однако эта гуманная парадигма постепенно сменилась практикой доказывания правового равенства человека разными псевдонаучными фактами. Так называемая идея «расовой равности» уже открыто выступала против всех очевидных биологических и антропологических различий между человеческими группами.

Несмотря на эту идеологическую позицию, парадоксально возникали стратегии широкого спектра, разделявшие на протяжении многих лет ресурсы (финансовые и общественные) в рамках концепции «расы» или «этнической принадлежности».

В нашем регионе смущение усиливало огромное количество научной литературы, переведенной с английского языка, в которых выражения людской вид (human race) и виды человека (human races) идентичны. Термин **Race** (вид) используют для единой целой человеческой расы (**human race**), так как для человеческих видов (рас) – **human races**. При этом самые огромные научные и публицистические дискуссии происходили и происходят как раз о понятии вид, раса (race). Одим из многих примеров может служить базовый учебник «Социология» британского автора Энтони Гидденса, используемый у нас и в Западной Европе при подготовке социологов, профессиональных психологов, а также других профессионалов в общественной сфере, например, журналистов. В пятом англоязычном издании в главе «Race, Ethnicity and Migration», между прочим, находится текст, который выглядит следующим образом [3]:

---

[1]Около двухсот пятидесяти уроженцев также посетили Будапешт, их привел на празднование тысячелетия 1896 года агент Лиона, бывший французский морской офицер. Так о них пишет выпуск газеты Vasárnapi Ujság 30 августа *в статье под названием Кусочек Африки в Будапеште.*

By virtue of these facts, the scientific community has virtually abandoned the concept of race. Many social scientists concur, arguing that race is nothing more than an ideological construct whose use in academic circles only perpetuates the commonly held belief that it has a biological grounding (Miles 1993).	В силу этих фактов научное сообщество практически отказалось от концепции расы. Многие социологи сходятся во мнении, утверждая, что раса – это не что иное, как идеологическая конструкция, использование которой в академических кругах только укрепляет широко распространенное мнение о том, что она имеет биологическое обоснование (Miles 1993).

Итак, возникает вопрос: почему нужно отказаться от понятия «раса»? Согласно науке, «раса» выражает целостность крови и общее происхождение. Отвергнув это, мы отвергаем не только нашу человеческую сущность, но и изначальное происхождение. Или на самом деле это и есть цель? Поскольку, если в науке не допускать выражения «раса», то мы не можем говорить и о типах человека (антропологический тип, расовый тип, расовый вариант), так как они появились внутри некоторых рас (или при их смешении). Этот вопрос касается и нас – венгров, так как только через типы мы можем исследовать наше реальное происхождение. На примере венгров со времен завоевания родины Бартус Лойош представил конкретные данные: тураниды и равнинные люди – 25-30 %, восточные европейцы – 20 %, динары – 20 %, альпийцы – 15 %, монголоиды – 4-5 %, нордийцы – 4 %, и т.д. [1] С очень тщательной подготовкой такое же исследование совершил Генкей Дюла с венграми карпатского бассейна [6].

Парадоксально, но даже законодательство, обеспечивающее «расовое равенство», увеличило путаницу в использовании терминов: британский закон гражданских прав «*Civil Rights Act*» 1866 года гласит, что каждый гражданин "**несмотря на расу или цвет кожи**" имеет равные права, то есть негласно закон подтверждает существование рас. Также проблематичной является практика по введению понятия «смешанная раса» (**mixed races**), впервые примененная во время переписи британского населения в 2001 году. Данное понятие не намеренно, но обозначает тот факт, что, если существуют «смешанные расы», соответственно должны существовать и чистые расы. В таблице переписи британского населения 2011 года [2], появляются категории, в которых уже сложно разобраться, например, у белокожих (White – English/ Welsh/ Scottish/ Northern/ Irish/ British/ Gypsy or Irish Travellers), у смешанных (Mixed/multiple ethnic groups-White and Black Caribbean, White and Black African, White and Asian), у азиатов (Asian-Indian, Pakistani, Bangladeshi, Chinese), у чернокожих (Black-African, Caribbean). Не появляется понятие раса, но это только маска, которая пытается прикрыть очевидные этнические различия между людьми, в том числе цвет кожи. Самое поразительное, что цыган причислили к белокожим.

Томас Кун (1922-1996 гг.) американский философ в своей книге **«Структура научных революций»** [11] сформулировал теорию, согласно которой для объяснения новых фактов ученые создают новые гипотезы, в связи с чем и возникают новые теории и парадигмы. Для этого необходима революция в науке, после которой старая (правящая) парадигма распадется и появится новая. Этот период рано или поздно произойдёт (в первую очередь под влиянием практического опыта массовой миграции), так как и в научных кругах начались некие обсуждения собственной идентичности, ценностей, отношение к другим культурам, внешних характеристик населения и т.д.

В 2010 году в Европе впервые из уст главных политиков прозвучали заявления о том, что мультикультурализм не состоялся. Подобные заявления 2-3 года назад в политике не могли появиться, так как они были социально нежелательны, и автор такого рода высказываний стал бы изгоем.

Таким образом, указанные обстоятельства дали своего рода «толчок» развитию науки, освободившейся и уже открыто начинающей переоценку собственных понятий.

Заключение.

Учитывая культурные и антропологические различия иммигрантов, которые являются проблемой для европейских стран, очевидно, изменятся формулировки вопросов о человеческих расах в научных дискуссиях. Эти дискуссии порождены не только миграционными волнами в Европу, но и полицейскими действиями по отношению к черному населению в США и их последствиями, подавлением этих протестов. Определенные проявления протестов возникают и в других частях света.

В то время как в США возникает вопрос как это возможно. что после полицейского насилия в 2020 году вновь открываются раны рабства, запрещенного ещё в 1865 году, в западной и северной части Европы начинают доминировать представители черной расы со своей культурой и религией - ислам, отличающейся от христианской?

Мы вступили в период переоценки вопросов как о мультикультурализме, так и о существовании рас. Мы пока не можем предвидеть конечные результаты этих дискуссий, но убеждены, что демократия, принцип равенства человека и человеческих прав не будут нарушены, и только идеологические крайности будут исправлены, такие, как, например, позитивная дискриминация или муьтикультуральный самообман, согласно которому, иммигрантам из другой культурной среды не нужно усваивать ценности принимающих

стран.

Несмотря на то, что наука, безусловно, должна быть ценностно нейтральной, ученый не может отстраниться от научных результатов, а также от собственных ценностей. В определённые периоды, особенно, когда научное развитие находится в кризисе, когда для объяснения новых фактов необходимо создавать новые гипотезы, учёные также должны очень ясно провозглашать, что могут и что не могут принять. Истинный ученый, в гуманном отношении которого невозможно сомневаться, профессор Петр Питха, пражский католический священник на этом этапе смены парадигм говорит так: «Признаю, я белокожий человек, признаю различия человеческих рас и вместе с тем достоинство каждого, но отказываюсь стать чернокожим или желтокожим, или изменить свои пропорции и цвет своих глаз». Хотя его мысли звучат как своего рода заявление, они выражают философию жизни ученого. Продолжение речи автора, который большую часть своей жизни провел за трибуной университетов, раскрывает систему его мыслей: «Я европеец, потому что я венгр. Я родился у венгерских родителей, вырос в Словакии, на земле, которая была венгерской, принимаю всерьёз бедность моей нации и славу тоже. Я горжусь как нашей красотой, так и культурой моей нации, поэтому отказываюсь раствориться в бездушном единообразии потребительской мультикультуры».

Литература

1. Bartucz Lajos: Magyar ember, típus, faj. In: Mi a magyar. Magyar Szemle Társaság. – Budapest, 1939 (reprint Helikon Kft. 1992).

2. Classification of ethnicity in the United Kingdom. - Hozzáférési mód: https://en.wikipedia.org/wiki/Classification_of_ethnicity_in_the_United_Kingdom

3. Giddens, Anthony. Sociology / Anthony Giddens. - Fifth Edition. - Cambridge : Polity Press, 2006.

4. Gobineau, M. A. de. Essai sur l'inégalité des races humaines. Tome premier / M. A. de. Gobineau. - Paris : Librairie de Firmin Didot Frères, 1853

5. Hagget, Peter. Geográfia. Globális szintézis / Peter Hagget. - Budapest : Typotex, 2006.

6. Henkey Gyula. A magyar nép etnikai embertani képe / Gyula Henkey // Magyar történelem. Tízezer év – ezer oldalról., Zürich – Budapest : Zürichi Magyar Történelmi Egyesület, 2002.

7. Huntigton, Samuel, P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / Samuel P. Huntigton ; Touchstone Books. - Budapest : Európa Könyvkiadó, 1998. – 2002.

8. Huxley, Julian S. – Haddon, Alfred C. We Europeans. A Survey of Racial Problems / Julian S. – Haddon Huxley, C. Alfred. - London : Jonathan Cape, 1935.

9. Chamberlain, Houston S. Die Grundlagen des 19-ten Jahrhunderts (Erste Hälfte) / Houston S. Chamberlain. – München, 1942.

10. Chardin, Teilhard de. Út az Ómega felé. Válogatás Teilhard de Chardin Műveiből / Teilhard de Chardin. - Budapest : Szent István Társulat, 1980.

11. Kuhn, Thomas S. A tudományos forradalmak szerkezete / Thomas S. Kuhn.– Budapest : Osiris, 2002.

12. Mallon, Ron. 'Race': Normative, Not Metaphysical or Semantic / Ron. Mallon // Ethics / The University of Chicago. – 2006. - 116 (3).

13. Padányi Viktor. Egyetlen menekvés / Viktor Padányi. - Budapest : Gede Testvérek BT, 1995.

УДК 725:945(571.56)

Марджори Мандельштам Балзер

СИМВОЛЫ, ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ И ЦЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Автор обобщает свои многолетние полевые исследования меняющихся значений символизма, посредством изучения отдельных памятников и священных мест в Якутске и различных улусах Республике Саха (Якутия). Как общественные памятники в Республике Саха могут соответствовать ключевым местным ценностям? Какие дебаты развертываются вокруг них? Выявлены несколько аспектов символических ценностей: во-первых, священное место для саха олицетворяет связь людей с их родиной; во-вторых, отражает историческую перспективу самооценки этноса; и в-третьих, представляют собой сложное сочетание русского православия, тюркской космологии, анимистической и шаманской философии.

Ключевые слова: *священные места, Республика Саха (Якутия), символизм, ценности, общественные памятники.*

Marjorie Balzer

SYMBOLS, HISTORICAL DEBATES AND VALUES IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

The author summarizes his many years of field research on the changing meanings of symbolism through the study of individual monuments and sacred sites in Yakutsk and various districts of the Republic of Sakha (Yakutia). How can public monuments in the Sakha Republic correspond to key local values? What debates are unfolding around them? Several aspects of symbolic values have been identified: first, the sacred place for Sakha embodies the connection of people with their homeland; secondly, it reflects the historical perspective of the ethnos' self-assessment; and thirdly, they represent a complex combination of Russian Orthodoxy, Turkic cosmology, animistic and shamanic philosophy.

Key words: *sacred places, the Republic of Sakha (Yakutia), symbolism, values, public monuments.*

«После того, как весь мир чуть не потерял связь с природой,
он стремится восстановить её. Возрождение тенгрианства
делает это для людей – это нужно как никогда.
Дело не в политике и власти, а в приоритетах».
Андрей Саввич Борисов,
бывший министр культуры
Республики Саха 27.06.2020.

Введение. Воспоминания и размышления о лучших временах могут быть одним из многих способов, помогающим коренным обществам выжить. Ностальгия конструктивного, созидательного характера может служить вполне прагматичным целям без шовинизма или мстительности (Boym 2001). Она часто связана с процессом, который порождает серьезные общественные дебаты по поводу избирательного отношения к прошлому, что особенно актуально в свете смены поколений. Восстановление и реконструкция различных вариантов прошлого, то есть адаптация удобных для использования традиций, часто также включает в себя различные виды интенсивной, вдохновляющей духовности, ритуала и символизма.

В данном эссе представлены рассуждения о меняющемся значении символизма, посредством изучения отдельных памятников и священных мест. В качестве культурной основы для анализа важных мировых тенденций использованы материалы периодических полевых исследований в Якутске и различных улусах Республике Саха (Якутия). В основе лежит глубокое уважение к той роли, которую современные постсоветские учреждения, такие как Арктический государственный институт культуры и искусств и Министерство культуры, сыграли в повышении осведомленности общества о богатом внутреннем культурном разнообразии Республики Саха (Якутия). Частично это осознание должно проистекать из откровенной дискуссии о том, как признавать и преподавать об общественном разделении в критические моменты истории, особенно в колониальном, семиколониальном и неоколониальном контекстах [Etkind 2011; Balzer 2004].

Дебаты вокруг исторических памятников в США накалились до такой степени, что некоторые мемориалы гражданской войны и памятники Христофору Колумбу были снесены или переданы в музеи за последние 5 лет, став мишенями демонстрантов, политиков и ученых. Пересмотр оценки ценности военных героев, особенно всадников-мужчин на жеребцах, стал важным способом повторного анализа колониализма и неоколониализма. Наше мнение о том, кого считать героями и героинями и наши ожидания от их лидерства меняются со временем. Работа французского ученого Бруно Латура об «иконоборчестве» раскрывает значение внутренних общественных дискуссий для лучшего понимания потенциальных позитивных направлений культурных изменений [Latour 2002]. Помимо дискуссий, понимание и уважение цивилизаци-

онного вклада многих народов в мультикультурное наследие Республики Саха (Якутия) может помочь нам понять возможности неконфликтных ситуационных идентичностей, а также синергетических новых идентичностей в мир е, отчаянно нуждающемся в некотором консенсусе по поводу устойчивых экологических решений в ответ на глобальные потрясения [Винокурова 2011; Винокурова и Яковец 2016; Винокурова 2018].

Смещение объектов исследования, создание и перемещение памятников. Если включить исследования в Западной Сибири у обско-угорских хантов, мои периодические полевые исследования в Сибири и на Дальнем Востоке длятся с 1975-76 годов. Этот продолжительный опыт научил меня замечать смену тенденций в прославлении тех или иных героев и ключевых исторических моментов, а также мою собственную реакцию на эти сдвиги. Дебаты вокруг символизма и мифотворчества памятников представляют собой перспективу, сквозь которую, как увеличительное стекло, лучше видно социальные изменения. Само русское слово *памятник* является интригующим, так как оно включает в себя материальные, часто крупные городские скульптуры, а также нематериальные объекты духовного и памятного значения. Здесь я описываю изменение подходов к физическим скульптурам, находящимся на видных общественных оспариваемых территориях, прежде чем обратиться к нематериальности священных мест, более ценимой на местном уровне.

Памятники и их символика могут выступить в роли громоотводов, подчеркивающих их социальное и эмоциональное наследие, выходящее далеко за рамки их художественных достоинств. На Первомай 1986 года в качестве приглашенного стипендиата по обмену в Якутском государственном университете меня настоятельно попросили явиться на официальную смотровую площадку под статуей Ленина на площади Ленина в Якутске, чтобы увидеть парад, посвященный рабочему классу, вместе с рабочей элитой КПРФ Якутии, далекой от этого класса. Мой уважаемый научный руководитель, этнограф Анатолий Гоголев, у которого, как и у меня, не было выбора в этом вопросе, должен был сопровождать меня в качестве *арыалдьыт*. Мы и не догадывались тогда, что через десять лет эта площадь и более крупная рядом станут ареной самого разного рода демонстраций, хотя некоторые из тех, кто тогда маршировал перед нами под флагом университета, только что участвовали в студенческом протесте из-за межэтнической драки, закончившейся репрессиями студентов со стороны полиции [Argounova-Low, 2012]. Статуя Ленина с поднятой к небу правой рукой и намного больше натуральной величины, похожая на другие статуи везде по всему Советскому Союзу, обладала аурой постоянства и уверенности, что делало немыслимым то, что само ее существование может быть поставлено под сомнение.

В 1992 году мой «заклятый друг» (не все мои собеседники саха – мои друзья) посетил меня в Кабин Джон, штат Мэриленд, и провел со мной игру разума. Он заявил с лукавой ухмылкой, что после распада Советского Союза памятник Ленину в Якутске убрали, и поинтересовался о моём мнении по этому поводу. Я поверила ему, но интуиция подсказывала мне, что нужно быть осторожным, и я сказала что-то вроде: «Люди сами должны решать о таких вещах». Только следующим летом выяснилось, что он пошутил. Статуя все еще стояла на площади, и типичный ответ тех, кого я спрашивала о ней, был: «Почему мы должны скрывать наше советское прошлое? Понятно, что Ленин – часть нашей истории, и стереть его мы не можем. Нам просто нужно больше узнать о прошлом». Это были дни, когда все говорили о «заполнении белых пятен истории» и выходе за рамки вездесущей советской пропаганды, на которой они выросли и в основном принимали ее.

Моих друзей больше интересовал еще один возможный катарсис, драматичное изменение в городском пейзаже: снятие бюста первого шефа секретной полиции молодой советской республики - Феликса Дзержинского и изменение названия главной улицы, носившей его имя, на имя интеллектуала из саха и одного из первых этнографов Алексея Кулаковского. Хоть Дзержинский и остался на своём пьедестале, появился новый памятник Кулаковскому, и в его честь была названа улица поменьше возле университета. Между тем, наметилась новая, более тревожная тенденция: за последнее десятилетие в республике появилось пять статуй Сталина, в том числе один небольшой, но резонансный бюст, который в настоящее время находится перед частным банком в Якутске, мэр едва не разместил на площади Ленина[1].

В период с 1986 по 2013 год я брала интервью у всех, кого могла, о мемориале на площади Победы на набережной реки Лены, где расположена гигантская колонна с летящим воином-всадником. Поначалу мнения разделились поровну по поводу того, был ли огромной драматической многоголосой фигурой Манчаары, народный герой XIX века, похожий на Робин-Гуда (одобренный коммунистами), или более далеким предком саха Ньургуном Боотуром из знаменитого эпоса олонхо, популяризированного Платоном Слепцовым-Ойунским. Каждая интерпретация возвеличивала лидера саха, и статуя по-прежнему любима местными саха и русскими, хотя некоторые возмущаются, что она была создана не художником-саха. В последние годы я обнаружила, что представления о личности крылатого всадника по-прежнему расходятся, но больше людей говорят, что он эпический герой Ньургун, чем лесной разбойник Манчаары, который воровал у богатых, чтобы отдавать бедным. Хоть репутация Манчаары и слегка потускнела со временем,

[1]О политике, стоящей за приключениями этого бюста Сталина, см. Balzer (2015). Сравните https://www.exo-ykt.ru/articles/02/535/23547/?fbclid=IwAR1YyFWlc_GTXX-J9BSusTOjvC9WeDDYTXnMfxbIfqcsU3PLorXSl_VSxN8 [дата обращения 10/1/2020].

спортивные соревнования 2017 года в Верхневилюйске были названы в его честь.

Спорные скульптуры казаков появились в постсоветский период в Республике Саха. Первая фигура прославляет предполагаемого «основателя» Якутска казака Петра Бекетова, не признавая того, что центр торговли и поселение народа саха уже были на месте Якутска в 1632 году. Бородатый Бекетов, опирающийся на топор и сидящий на бревнах, призван изобразить дальновидного строителя. Рядом находится богато украшенная новая русская православная часовня, а вниз по улице у набережной реки Лены находится отреставрированный комплекс Русского православного собора и семинарии, недалеко от контрастирующего с ним Арчы дьиэтэ. Бекетов вызывает неприятие у некоторых саха из-за его жестокого и коварного завоевания князей-саха, в том числе предка саха Тыгына Дархана. Еще более изощренная статуя изображает казака Семена Дежнева с его любовницей/женой саха Абакаядой, похожей на стереотипную индейскую принцессу Покахонтас с длинной косой и ребенком. (Дежнев, ранее уже женатый на другой женщине, как известно, бросил ее, чтобы завоевывать территории на Востоке.)

В конце 1990-х один друг-саха повел меня посмотреть эти статуи и выразить сожаление по поводу того, что градостроители не проводили больше слушаний о них. В туристических проспектах памятник Дежневу и Абакаяде представлен как «первый межнациональный брак между русским поселенцем и его женой-саха, а также их ребенком – символом сближения двух народов»[2]. Похоже, что благонамеренные, но невежественные российские чиновники, обеспокоенные исчезновением советской пропаганды о «братстве народов» и осознавая упадок межэтнических браков в постсоветский период, решили создать памятник ассимиляции. Был ли другой, лучший способ выразить ценность межнациональной дружбы и сотрудничества?

Саха в республике имеют право выражать альтернативные взгляды на историю, не будучи обвиненными в шовинистическом национализме [Cruikshank, Argounova 2000]). Одна из таких альтернатив – монументальный валун с символикой саха и мемориальная доска, созданная в начале 1990-х годов на окраине села Нам в честь жертв с обеих сторон в гражданской войне в Якутии после революции 1917 года. Участники его посвящения признали, что гражданская война в республике длилась дольше и была кровавее, чем указывается в советских учебниках истории. Еще одно контрпредставление – великолепное гигантское сэргэ с орлом, Хотой сэргэ, на окраине Техтюра, недалеко от дороги Якутск-Покровск, в честь предка-воина-шамана Тыгына Дархана, установленный и посвященный в 1995 году группой Кут-Сюр[3].

Как общественные памятники в Республике Саха могут соответствовать ключевым местным ценностям? Какие и где находятся другие памятники, которые имеют особенно важное значение для коренных жителей, будь то саха, эвены, эвенки или юкагиры[4]? Утверждаю, что самые значимые памятники – это те, которые связаны с землей, священными местами по всей республике.

Значительный перечень священных мест был задокументирован Министерством культуры, и эти места имеют различные виды защиты на улусном, республиканском и федеральном уровнях. Некоторые объекты пересекаются с местными природными охранными зонами, например, великолепные Ленские столбы, признанные объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2012 году, однако по закону особое внимание уделяется местам с особыми культурными следами. Оксана Тагытовна Михайлова, смешанного татаро-русского происхождения и якутянка по самоопределению, с энтузиазмом подошла к этому вопросу. Она была ответственна за помощь в составлении этого списка, который был передан федеральным властям в Москву. В 2013 году она объяснила мне, что они подали заявки на «158 прекрасно задокументированных археологических памятников, из них около 20 являются священными местами». Она добавила: «У нас идет новый процесс с этим списком, и поэтому мы не знаем, как наши предложения будут проверяться. Мы уверены, что 100% они не будут приняты. Мы сдали 40 килограммов документов. Утверждение наших предложений будет означать, что для их защиты потребуются деньги»[5].

Поскольку финансирование на проекты по сохранению культурного наследия было сокращено, и новый министр, больше связанный со спортом, чем с культурой, сменил режиссера театра Андрея Борисова, некоторые из этих ходатайств о защите действительно были отклонены. Тем не менее, остается принцип, согласно которому крайне важно обеспечивать безопасность мест выдающегося культурного наследия, используя федеральные субсидии, если это возможно, и обходясь без них через более широкое сотрудничество с местными сообществами, если необходимо. Среди основных мест – захоронения; усадьбы с сэргэ (коновязи и родовые памятники) старше 40 лет; священные рощи с высокими деревьями, украшенные подношениями и сопровождаемые сэргэ; а также многие места церемоний летнего солнцестояния Ыһыах,

---

[2]"*Памятник Абакаяде*" http://wikitravel.org/en/Yakutsk [дата обращения 10/1/2020]? Зинаида Иванова-Унарова (2016).

[3]Для меня было честью присутствовать на церемонии посвящения обоих памятников в Намском и Кангаласском улусах, соответственно. О происхождении Саха и связанных с этим противоречий, включая связанных с первопредками Элляем и Омогоем, см. у Гоголева (1993), и Ушницкого (2016), в числе многих других.

[4]Здесь я использую определение «Коренные народы», принятое ООН. См. также Balzer (2017).

[5]Личный разговор, полевые записи 6/26/2013, интервью в кабинетах Министерства культуры.

такие как Ус Хатын, на окраинах деревень и городов [Яковлев 2009].

Одним из ключей к определению священного места саха является то, что оно олицетворяет связь людей с их родиной, с духовностью того, что в эпосах саха называется «срединным миром», орту дойду, основой природного и социального мира сиэр-туом, ритуальное уважение в системе верований саха итэ5элэ [Федоров 2011]. Духовное возрождение в республике с позднего советского периода принимало множество форм, некоторые из которых конкурировали друг с другом, часто вовлекая сложное сочетание русского православия, тюркской космологии, анимистической и шаманской философии.

В общем, поддержание памятных мест с помощью ритуалов является решающим способом синергетического почтения предков и воссоединения с землей. Особенно важна защита земли священных мест (Ытык кэрэ сирдэр), определяемая как можно более широко [Matunga 1994]. Ульяна Винокурова [2017 : 92] считает, что «чувствительность к экологическим рискам составляет одну из самых сильных мобилизующих ценностей Саха». Помимо важности стимулирования «экосистемного общества», она подчеркивает ценности, которые поддерживают традиционную двойственность, поскольку они выражаются в ключевых динамических партнерствах: мужчина – женщина, человек – животное, человек – место жительства, и личность – социальная взаимосвязанность в экстремальных условиях Севера (человек – социум).

Выводы. Когда самооценка проистекает из широких цивилизационных идентичностей, она имеет тенденцию смягчать более узкие, резкие и шовинистические смыслы национализма. Евразийство, тюркская и монгольская культурная гордость и арктическая солидарность формируются по отношению друг к другу. Разнообразный либеральный (не шовинистический) национализм и лояльности коренных народов формируются как часть этого процесса. Гибкие ситуативные идентичности нормальны для граждан России, как и везде. Как зарубежный антрополог, я не в состоянии решить, какой вес следует придавать одной тенденции идентичности над другой. Я подозреваю, что это различается у разных людей, по времени (в том числе в течение жизни одного человека) и по улусу, так что обобщение методологически неразумно [Бурнашева 2020].

В 2020 году, напоминая мне о своих «саха, казацких и тунгусских» корнях, бывший министр культуры Андрей Саввич Борисов в подробном интервью объяснил, что с нетерпением ждет открытия Арктического центра эпоса и искусств в Якутске в 2022-2023: «Да, мы древнетюркский народ. Но уже тысячу лет мы на Севере. Мы действительно северяне»[6]. Его вера в множественную идентичность и общественную деятельность напоминает мне, что концепция индигенности в русском языке, коренной, что означает «укоренившийся», может быть многогранной и широко распространенной, как здоровые корни дерева.

История становится более увеличенной каждый раз, когда мы о ней пишем. Как отмечают ирокезский (мохок) антрополог Одра Симпсон (2014) и многие другие, опасность искажения распространена в отношении взаимодействия коренных народов с «государствами, основанными поселенцами». В Северной и Южной Америке возобновление отрицания «открытия» Христофором Колумбом «нового мира», который давно уже был населен, подчеркивает необходимость постоянно критиковать наше отношение к истории и позиционировать себя в отношении свергнутых героев. То же самое и с нашей потребностью в переоценке истории казачества в Сибири и на Дальнем Востоке. Культурная антропология всегда остается незавершенной, а иногда и новаторской [Biehl and Locke 2017; Appiah 2020]. Надеюсь, нам удастся повысить нашу осознанность и разбудить совесть для рефлексивной и участливой антропологии при поддержке таких институтов, как Арктический государственный институт культуры и искусств.

Благодарности. Я благодарна Арктическому государственному институту культуры и искусств, особенно Ульяне Алексеевне Винокуровой за то, что она периодически принимала меня в республике и за приглашение принять участие в праздновании 20-летия института. В я также благодарна ректору АГИКИ Саргылане Игнатьевой, Зинаиде Ивановой-Унаровой и Дарье Бурнашевой, которая в короткие сроки перевела эту статью с английского языка. Благодарю коллег в Министерстве культуры, особенно Андрея Саввича Борисова и Оксану Тагитовну Михайлову, и коллег из СВФУ им. М.К. Аммосова, среди них особенно Анатолия Игнатьевича Гоголева , кто помогал мне в течение многих лет полевых исследований в Республике Саха. Статья адаптирована из моей книги «Пробуждая ностальгию: индигенность и суверенитет в Сибири» [Cornell University Press, 2021].

Литература

Argounova-Low, Tatiana. 2012. The Politics of Nationalism in the Republic of Sakha (Northeastern Siberia), 1900-2000. Lewiston: Edwin Mellon.

Appiah, Kwame Anthony. 2020. "The Defender of Differences." New York Review of Books. 5/28/2020. https://www.nybooks.com/articles/2020/05/28/franz-boas-anthropologist-defender-differences/ [accessed 5/28/2020].

Balzer, Marjorie Mandelstam. 2017. "Indigeneity, Land and Activism in Siberia," In Land, Indigenous Peoples & Conflict, eds. A. Tidwell and B. Zellen, 9–27. New York: Routledge.

---

[6]Эта цитата и эпиграф взяты из замечательного интервью, организованного по телефону 6/27/2020, за которое я выражаю свою особую благодарность.

Balzer, Marjorie Mandelstam. 2015. "Local legacies of the GULag in Siberia: Anthropological reflections." Focaal 73: 99-113.

Balzer, Marjorie Mandelstam. 2004. "Whose Homeland Is It? Shifting Boundaries and Multiple Identities in the Russian Federation North." In Properties of Culture—Culture as Property. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia, ed. E. Kasten, 233–56. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Biehl, João, and Peter Locke, eds. 2017. *Unfinished: The Anthropology of Becoming. Chapel Hill: Duke.*

Boym, Svetlana. 2001. The Future of Nostalgia. New York: Basic Books.

Burnasheva, Daria. 2020. "Arctic Identity: Between Frontier and Homeland" M. M. Balzer, ed.

Anthropology and Archeology of Eurasia 58(4).

Cruikshank, Julie and Tatiana Argounova. 2000. "Reinscribing Meaning: Memory and Indigenous Identity in Sakha Republic (Yakutia)," Arctic Anthropology 37(1): 96-119.

Etkind, Alexander. 2011. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge: Polity Press.

Fedorov, Afanasy S.. 2011. Öbüge siere-tuoma. [Sacred Lands Ritual]. Yakutsk: Bichik.

Gogolev, Anatoly I.. 1993. Yakuty: Problemy etnogenez i formirovaniia kul'tury. Yakutsk: Min. Kul'tury.

Ivanova-Unarova, Zinaida; L. N. Solov'yeva. 2016. Eduard Pakhomov: Skul'ptor. Yakutsk: Salama.

Latour, Bruno, ed.. 2002. Iconoclash: Beyond the Image Wars in Science, Religion and Art. Boston: MIT Press.

Matunga, Hirimi. 1994. "Waahi Tapu: Maori Sacred Sites." In Sacred Sites, Sacred Places, ed. D. Carmichael et al, 217-26. London: Routledge.

Ushnitskiy, Vasily V. 2016. "The Problem of Sakha People's Ethnogenesis: A New Approach"

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 8 (9): 1822-1840.

Vinokurova, Uliana A. 2011. Tsirkumpoliarnaia tsivilizatsia: idei i proyekty. Yakutsk: AGIIK.

Vinokurova, Uliana A. 2017. "Yakutskie tsenosti v nachale XXI veke" Novye Issledovaniia Tuvy. 3: 84-99. https://nit.tuva.asia/nit/article/view/727 [accessed 5/30/2020].

Vinokurova, Uliana A. 2018. "Indigenous Peoples of Siberia and the Challenges of the Twenty-First Century." Sibirica 17(3): 3-15.

Vinokurova, U.A., & Iakovets, Y. 2016. Arkticheskaia tsirkumpoliarnaia tsivilizatsiia. Novosibirsk: Nauka.

Yakovlev, Villiam. 2009. "Ytyk sirdérgé suruyiyy – Bylyr, biligin, kélér kémngé." In Sviashchennye mesta Yakutii: izuchenie, okhrana and ispol'zovanie, eds. U. A. Vinokurova, V. F. Yakovlev, V. I. Bochnina, L. A. Leont'eva, and L. G. Popova, 107-112. Yakutsk: AGIIK.

УДК 373(98)

Лииса Э. Холмберг

АРКТИЧЕСКОЕ ИНДИГЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И КИНО

Цель данной статьи – описать проблемы, с которыми сталкиваются образование и исследования коренных народов Арктики в самых северных сообществах и решения, которые могут предложить современные цифровые медиа-технологии. Сегодня возникает потребность в высшем образовании и исследованиях в сообществах коренных народов. В центре внимания – потребность в учителях и исследователях из числа коренных народов, обладающих индигенным мировоззрением. Решением могло бы стать использование новой технологии для средств массовой информации и кино, документирующих жизнь на местах и использование онлайн-методов и инструментов обучения для широкого охвата студентов на больших расстояниях.

Ключевые слова: *индигенное образование, индигенные исследования, Арктика, новая технология, фильм и медиа.*

Введение. Для будущего Арктического региона важно наличие исследовательских знаний и образования, основанных на традиционных экологических знаниях саамов и других коренных народов. Это принесет дополнительную пользу развитию Арктики. В своей статье я попыталась ответить на вопросы о том, как развивать исследования и образование вместе с фильмами и средствами массовой информации таким образом, чтобы в этом процессе участвовали коренные народы и сообщества Арктики.

Начну свой анализ с утверждения, что фильмы коренных народов Арктики вместе с образованием и научными исследованиями основываются на трех основных предпосылках: процесс повествования имеет первостепенное значение для широкого культивирования знаний и традиций коренных народов; кинопроизводство – это среда, поддерживающая устные традиции и развивающая сетевой опыт рассказывания историй; анализ наряду с массовым распространением информации увеличивает свободу выражения голосов коренных народов. Голос коренных народов получит широкую аудиторию как внутри академических кругов, так и за их пределами.

Университет Арктики (UArctic) – это сеть университетов, колледжей, исследовательских институтов и других организаций, занимающихся образованием и исследованиями на Севере и вокруг него (https://www.uarctic.org/about-uarctic/). На панельной дискуссии коренных народов «Как научные исследования и образование формируют будущее Арктики» на Конгрессе Университета Арктики 2018 года лидеры сообществ коренных народов заявили, что исследователи из числа коренных народов имеют возможность проводить научные изыскания в своих сообществах и больше не должны изучаться посторонними. Однако более крупные и более богатые в денежном отношении учреждения часто получают больше средств на изучение вопросов, которые коренные общины предпочли бы изучить сами. Участники дискуссии утверждали, что целостная наука, основанная на знаниях коренных народов, ценна и должна финансироваться как таковая (https://www.uarctic.org/news/2019/1/education-and-training-needs-for-arctic-indhibited-peoples-report-from-uarctic-congress-2018). Традиционные знания следует рассматривать как ресурс, и они должны быть включены в мир академических исследований. Исследовательские парадигмы и отправные точки всегда рассматриваются глазами исследователей. Академический мир задает вопросы и анализирует ответы по-своему. Однако это должно сопровождаться изменениями, при которых проблемы Арктики должны подниматься в нашей собственной работе, а результаты также должны анализироваться на основе наших знаний. Тогда есть возможность добиться устойчивого экономического и социального роста.

Признание ценности языков и культурных традиций коренных народов расширяет включенность коренных народов. Необходимо создать основу и возможности для коренных народов развивать свои собственные традиции с помощью современных технологий. Потенциал виртуальных технологий в языковом и культурном образовании, а также использование средств массовой информации, кино и музыкальных традиций как средств повышения осведомленности и самобытности должен быть полностью использован на всей территории коренных народов Арктики.

Образование и исследования, проводимые коренными народами Арктики. Существует острая потребность в ученых, исследователях и учителях из числа коренных народов, которые проживают в Арктике и являются представителями коренных народов. Важнее всего то, что академический мир получит более глубокое понимание ситуации, людей и природы в Арктике. Институт образования саамов (СОГСАКК) – это институт образования для коренных народов в Финляндии, расположенный за Полярным кругом, с тремя кампусами на родине саами. Учреждение организует междисциплинарные программы получения степени по традиционным средствам к существованию саамов с упором на развитие саамских языков и саамских культур, чтобы продвигать профессии и трудоустройство, связанные с природой (http://www.sogsakk.fi/%2Fen).

Понимание принципов, которыми руководствуются исследования, является важным шагом к

определению его целей, а также того, как и кем оно будет использоваться. «Как только исследователь осознает эти проблемы, пора начинать процесс структурирования самого исследования… [и перейти к] начальным этапам структурирования расследования: планированию дизайна исследования» [LeCompte и Schensul 2010]. То же самое можно сказать о разработке технического задания для консультантов и других прикладных контрактов, а также о разработке педагогических программ и мероприятий. Вопрос в том, «как?».

«Все исследования опираются на конкретные мировоззрения или точки зрения, которых придерживается ученый в рамках своей дисциплины. Эти точки зрения называются парадигмами. Парадигма представляет собой способ взгляда на мир; интерпретацию того, что видят; и решение, что из видимого реально, достоверно и стоит документирования» [LeCompte и Schensul 1999].

Например, Институт саамского образования дает профессиональное образование, и как организация коренных народов имеет прекрасные возможности для внедрения устойчивых способов традиционного образа жизни, например, в образовании саамских оленеводов. СОГСАКК адаптировал некоторые из традиционных саамских способов землепользования и методов выпаса к учебной программе оленеводов. Институт также предоставляет образование в соответствии с собственными саамскими культурными методами преподавания и обучения. Использование культурно-чувствительных критериев для оценивания наших студентов дает лучшее представление о влиянии образования. Например, 50 % обучения проводится на местах – молодые оленеводы работают со своими оленями больше половины трехлетнего обучения. Затем на настоящих рабочих местах проводится мониторинг, проведение тестов и оценка показателей. Например, показателями являются, насколько хорошо они распознают своих собственных оленей (следы от ушей), выделяют их различные типы, чтобы добиться успеха, насколько хорошо они осведомлены о своих пастбищах, как они умеют планировать использование пастбищ и т.д.

В статье о традиционных знаниях саамов Елена Порсангер объяснила, каким образом саамские знания являются частью жизни на Севере. Diehtu в концепции традиционных знаний саамов (árbediehtu) проистекает из практики и прагматики жизни на Крайнем Севере с его характерными, медленно возобновляющимися ресурсами. Árbediehtu – это коллективная мудрость, практические навыки и теоретическая компетенция, выработанная и приобретенная саамами на протяжении веков для обеспечения своего экономического, социального и духовного существования. Человек рассматривается как неотъемлемая часть окружающей среды [Porsanger 2011].

В Саамском образовательном институте смена парадигмы – непрерывный процесс. Адаптация к последствиям глобального потепления возвращает нас к природе. Вместо теории и учебы в аудитории студенты больше времени проводят со своими оленями и приходят в школьные «стойбища» только для изучения некоторых предметов, таких как математика и экономика. В обучении саамскому ремеслу – duoddji – понимание изменений, происходящих вокруг природы, так же ценно, как и навыки самого ремесла. Традиционные знания – árbediehtu – являются важной частью планирования и реализации образования.

Культура имеет большое значение в сообществах коренных народов. Во время пандемии важность культуры была отмечена во всем мире. Это также будет все более важным фактором жизнеспособности Арктики в будущем. Футурист Амос Тейлор пишет в своей колонке «Культура как катализатор»: «Если культура является катализатором изменений, то должны быть исследованы и реализованы сценарии, касающиеся культуры и общества. Это потребует междисциплинарного подхода» (https://jatkumo.weebly.com/blogi/culture-as-a-catalyst-strange-attractors-canned-futures-and-post-pandemic-scenarios-by-amos-taylor).

Возрождение и сохранение языков зависит от жизнеспособности сообществ. Если саамское оленеводство исчезнет как древняя традиционная индустрия, саамы теряют свой язык и многие другие традиции, такие как ремесла и дизайн, продовольственная безопасность и связь с природой. Программы массовых исследований могут помочь сохранить эти жизненно важные средства к существованию в этом районе.

Институт саамского образования был пионером в создании дистанционного обучения языкам коренных народов. Институт образования участвует в дистанционном обучении с 2009 года, особенно с образовательными учреждениями коренных народов России. Пандемия COVID-19 вынудила организации коренных народов Арктики более интенсивно использовать новые формы образования. Весной 2020 года эти образовательные учреждения коренных народов обменялись информацией о том, какие программы дистанционного обучения целесообразно использовать, и как решать проблемы с учебными материалами и другие вопросы, связанные с учебными планами и содержанием. Учебные заведения обмениваются онлайн-лекциями друг с другом и ищут новые курсы, например, по оленеводству, бизнесу, рыбалке и туризму.

Арктические сообщества в повседневной жизни страдают от серьезных последствий изменения климата. Традиционный образ жизни быстро меняется из-за изменений в окружающей среде, например, оползней, эрозии, таяния многолетнемерзлых грунтов и льдов. Во многих местах добыча полезных ископаемых, строительство новых морских путей и портов, нефте- и газопроводов захватывают сухопутные территории, привозя туда всё больше новых людей.

Новые технологии и кино. Международный институт саамского кино (ISFI) находится в Норвегии и с 2009 года работает над созданием платформы для саамских кинематографистов с целью производства

фильмов, основанных на их собственной культуре и языках. С самого начала ISFI работала на международном уровне в северных странах и России, а также в Канаде, Гренландии, Австралии и Новой Зеландии. Цель состоит в том, чтобы укрепить общины саами и коренных народов и создать новые возможности для бизнеса в их родных регионах. Основное направление деятельности – поддержка разработки и производства высококачественных фильмов и телепрограмм, создание новых цифровых технологических инноваций для аудиовизуальной отрасли коренных народов (https://www.isfi.no/en/about/).

ISFI расширила свою обширную и всеобъемлющую сеть фильмов с начала 2011 года. Партнерство охватывает Арктику от коренных общин Скандинавии и Гренландии до Европы, Канады, США и Австралии. В 2013-2014 годах ISFI спродюсировал «Круг фильмов коренных народов» с участием кинематографистов Канады, Бразилии, Австралии и Саапми. В 2015-2017 г.г. последовал «Арктический кинокруг», где было снято 4 короткометражных фильма с участием режиссеров из Аляски, Канады, Гренландии и Сапми.

Фильмы и особенно документальные фильмы, снятые представителями коренных народов, имеют сильный политический посыл, который может иметь огромное значение для самих коренных сообществ и их традиционного образа жизни. Примером этого является фильм Алетеи Арнакук-Баррилл «Angry Inuk» (2016), в котором решительно защищалось отстаивание традиционных прав инуитских сообществ на рыболовство и охоту в Северной Канаде. Как результат, Евросоюзу пришлось отменить ограничения на охоту на тюленей, которые ранее нанесли большой ущерб небольшим общинам инуитов в Канаде (https://www.cbc.ca/cbcdocspov/episodes/angry-inuk).

Важно, чтобы в исследовательской и образовательной работе прозвучал голос коренных народов Арктики. Во время пандемии COVID-19 Международный институт саамского кино снял 15 короткометражных фильмов, охватывающих весь саамский регион. Эти фильмы представляют собой обзор событий весны 2020 года на севере Швеции, Финляндии, Норвегии и России. Позже эти фильмы станут пилотным проектом для более крупного проекта под названием «Академия кино коренных народов Арктики» и «Очевидец кино» совместно с Йоркским университетом и Юконским университетом.

В рамках Университета Арктики существует ряд тематических сетей, которые поддерживают языки, культуру и образ жизни коренных народов. Одной из этих сетей является BEBO (https://www.uarctic.org/organization/thematic-networks/bebo-for-the-future-of-reindeer-husbandry), международная совместная организация в области оленеводства и других традиционных занятий коренных народов Арктики.

Во время пандемии COVID-19 ещё более очевидной для организаций коренных народов Арктики стала важность сотрудничества и поиска новых решений в образовании и научных исследованиях. Для упрощения сотрудничества в условиях изоляции важно использовать новые технологии, а также решения, которые могут предоставить кино и медиа.

Во время Covid-19, короткометражные фильмы также использовались в деятельности тематической сети Университета Арктики «Навыки коренных народов Арктики» (https://www.uarctic.org/organization/thematic-networks/arctic-indinent-skills). Цель тематической сети – поддерживать традиционные навыки и образование коренных народов Арктики, организуя ежегодные соревнования по навыкам традиционного жизненного уклада.

Поскольку коронавирус не позволил участникам путешествовать, участники из разных северных областей сняли короткометражные фильмы о собственном мастерстве, которые позже были проанализированы экспертами. Эти фильмы являются частью конкурса Arctic Skills, но их можно использовать в качестве независимых ресурсов, которые в будущем будут доступны для просмотра на веб-сайте школы. Короткометражные фильмы служат не только средством проведения соревнований по традиционным навыкам на обширных территориях Арктики, но и средством создания новых учебных и исследовательских материалов для арктических исследований.

Заключение. Важно преодолеть разрыв между сообществами коренных народов и университетами, колледжами через сеть Университета Арктики.

Это поможет коренным народам Арктики в таких направлениях как:

- Деколонизация;
- Новые инициативы по предотвращению ущерба от изменения климата;
- Международное сотрудничество внутри кинобизнеса и академических кругов;
- Сочетание науки и культуры.

В данной статье поднимаются вопросы о том, как развивать Арктический регион таким образом, чтобы в этом процессе участвовали сами арктические народы и сообщества. Люди и сообщества будут играть важную роль при рассмотрении долгосрочного устойчивого экономического и социального роста Арктического региона. Люди в Арктике, в особенности коренные народы, живут между традициями и современностью. Вопрос в том, как включить местные традиционные знания в академические исследования и как включить их в учебные программы.

Развитие использования новых технологий в поддержку образования и научных исследований, а также успешное использование фильмов и средств массовой информации предлагают новые решения, которые помогут навести мосты между арктическими сообществами и университетами.

Источники
https://www.uarctic.org/about-uarctic/
https://www.uarctic.org/news/2019/1/education-and-training-needs-for-arctic-indigenous-peoples-report-from-uarctic-congress-2018
http://www.sogsakk.fi/%2Fen
LeCompte M. D. and Schensul J.J. 1999 Analysis and Interpretation of Ethographic Data. Altamira Press. NJ. Book
LeCompte M.D., Schensul J.J. 2010 Ethnographers Toolkit. Altamira Press. NJ. Books
Porsanger, J. Guttorm G. (2012) Working With Traditional Konwledge: Communities, Institutions, Information Systems, Law and Ethics. Dieđut 1/2011 Sámi University of Applied Sciences Kautokeino
https://jatkumo.weebly.com/blogi/culture-as-a-catalyst-strange-attractors-canned-futures-and-post-pandemic-scenarios-by-amos-taylor
https://www.cbc.ca/cbcdocspov/episodes/angry-inuk
https://www.uarctic.org/organization/thematic-networks/bebo-for-the-future-of-reindeer-husbandry
https://www.uarctic.org/organization/thematic-networks/arctic-indigenous-skills

УДК 008:39(=512.157)

А. Г. Лукина

НАРОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ АРКТИКИ И СЕВЕРА КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ АГИКИ

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью сохранения культурного наследия народов Арктики и Севера и определяется необходимостью внедрения в образовательную систему культурного наследия народов Арктики и Севера. Функционирование традиционных ценностей в современном обществе особенно актуальны и важны в эпоху глобализации. Время ставит вопрос об интеграции культурного наследия в современную культурную жизнь. В статье проводится анализ двадцатилетней образовательной деятельности кафедры народной художественной культуры. Арктического государственного института культуры и искусств, концептуального видения в подготовке кадров в области культуры и искусства в контексте требований времени и сохранения традиционных ценностей коренных малочисленных народов Арктики и Севера

В статье выявляется значимость и ценность культурного наследия и уникальных образцов народного художественного творчества в формировании специалистов в области культуры и искусства в вузе, рассматриваются параметры требований к подготовке кадров с учетом современных реалий.

Ключевые слова: *культурное наследие, образование в Арктике, этнокультура, кадры в сфере культуры, кафедра народной художественной культуры*

A. G. Lukina

FOLK ART CULTURE OF THE PEOPLES OF THE ARCTIC AND THE NORTH AS A FUNDAMENTAL VALUE OF AGIKI

The relevance of this topic is due to the need to preserve the cultural heritage of the peoples of the Arctic and the North and is determined by the need to include the cultural heritage of the peoples of the Arctic and the North into the educational system. The functioning of traditional values in modern society is especially relevant and important in the era of globalization. Time raises the question of integrating cultural heritage into modern cultural life. The article analyzes the twenty years of educational activity of the Department of Folk Artistic Culture. Arctic State Institute of Culture and Arts, conceptual vision in training personnel in the field of culture and art in the context of the requirements of the time and the preservation of traditional values of the indigenous small-numbered peoples of the Arctic and the North

The article reveals the significance and value of the cultural heritage and unique samples of folk art in the formation of specialists in the field of culture and art at the university, the requirements for training are examined considering modern realities.

Key words: *cultural heritage, education in the Arctic, ethnoculture, personnel in the field of culture, department of folk-art culture.*

Государственная политика в сфере культуры и образования предполагает развитие и реализацию культурного и духовного потенциала каждого народа, каждой личности и всего общества. Стратегия развития системы художественного образования предопределяется состоянием и тенденциями социокультурной ситуации в обществе. Образование является ведущим фактором прогресса. В нашей стране в контексте социально-экономических преобразований в сфере высшего образования ставятся новые приоритеты. Новая парадигма высшего образования выстраивается с учетом глобальных задач современного общества и мира. Реформы высшего образования в сфере культуры и искусства связаны с повышением требований к подготовке высококвалифицированных специалистов.

Подготовка высокопрофессиональных работников в области культуры и искусства имеет особое значение для сохранения, развития и интеграции уникальной, самобытной культуры коренных малочисленных народов Севера и Арктики, проживающих в экстремальных природно-климатических условиях, вдали от признанных центров цивилизации. Арктический государственный институт культуры является единственным институтом культуры и искусств на севере–востоке страны, который вот уже двадцать лет вносит значимый вклад в развитие художественного образования, формирует культурные реалии современной Арктики и Якутии.

Арктический институт культуры и искусства по своему географическому расположению и концептуальному подходу к художественному образованию является форпостом не только сохранения и развития культурного наследия коренных малочисленных народов, но и учебным заведением, который определяет перспективные направления и тенденции развития культуры и искусства в Арктике и Севере. Миссия АГИКИ – возрождение, сохранение, развитие и трансляция культурного наследия народов Севера и

Арктики в культурном пространстве мира. Вся научная, учебная, творческая, организационная деятельность института направлена на реализацию данной миссии. Создание института способствовало усилению исследовательской и научно-практической линии в освоении культурного наследия северных и арктических народов, а также послужило стимулом для генерации креативных идей в области культуры и искусства.

В состав педагогического коллектива Арктического института входят талантливые представители научной, творческой, просветительской интеллигенции, известные не только в Якутии, но и в Российской Федерации. В институте работают молодые и перспективные специалисты. И ветераны, и молодежь являются лауреатами престижных международных, всероссийских, региональных конкурсов, фестивалей, художественных выставок. В АГИКИ идет активный процесс формирования креативных специалистов со своим видением, неповторимым почерком и свежими идеями в области культуры и искусства северного края. Институт развивается в ногу со временем, осваивая и претворяя в жизнь современные педагогические технологии в изучении и исследовании уникальных образцов народной художественной культуры.

Одним из ключевых векторов художественного образования является направление – народная художественная культура. Народная художественная культура представляет собой один из действенных способов формирования и поддержания идентичности народа, этноса. Функциональные особенности народной художественной культуры способствуют выживанию народов и цивилизации в наше не простое время. Сегодня активизация интереса к традиционной культуре является конструктивной задачей, которая должна решаться в вузах культуры и искусства. Народная художественная культура, функционирование традиционных ценностей в современном обществе особенно актуальны и важны в эпоху глобализации. Время ставит вопрос о позитивности и конструктивности традиционных ценностей в современной цивилизации.

Для сохранения и дальнейшего развития традиционных культур, их теоретического изучения и практического освоения, сохранения богатого культурного наследия народов Арктики и Севера необходимо усилить духовно-нравственное воспитание студентов. Наряду с профессиональными знаниями студенты должны получать и воспитательное воздействие, которое является незыблемой основой формирования нового поколения, профессионалов новой формации. Для реализации поставленных задач в АГИКИ разрабатываются и апробируются передовые методы и подходы к образовательному процессу.

Воспитание творчески мыслящего, самостоятельного, эрудированного, ориентированного на практику будущего специалиста является приоритетом культурной и политической стратегии государства. Арктический государственный институт культуры стремится не только к высокому уровню профессиональной подготовки своих выпускников, но к тому, чтобы они владели универсальными знаниями, широким кругозором в области культуры и искусства. Настоящее время настоятельно требует молодых специалистов, обладающих глубокими познаниями и пониманием тенденций развития современной культурной ситуации, существующих проблем культуры Арктики и Севера.

Акцент на проблемы и перспективы развития региона прослеживается в научной, педагогической, образовательной, творческой, воспитательной деятельности вуза. Это особенно важно для сохранения и развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Арктики и Севера в период агрессивной глобализации, приводящей к утрате традиционных форм жизнедеятельности и традиционных ценностей.

АГИКИ способствует раскрытию духовного потенциала каждого студента, формирует его в стенах института как творческую личность. Приоритетом в процессе обучения является индивидуальный подход к каждому, нацеленное на максимальное раскрытие способностей и возможностей молодых людей.

Научная и образовательная деятельность преподавателей и студентов АГИКИ имеют большую общественную значимость. Деятельность педагогического коллектива направлена на реализацию актуальных задач сохранения и возрождения культуры, трансляции национальной культуры коренных народов в мировое культурное пространство и при этом учитываются запросы и требования к уровню подготовки специалистов не только нашей республики, но и региона в целом. Институт с самого своего основания планировал расширение ареала подготовки специалистов в сопредельных регионах. Задача обеспечения близлежащего региона высококвалифицированными кадрами в области культуры и искусства, поставленная перед институтом успешно реализуется, особенно в последние годы. Подготовка высококвалифицированных кадров в области культуры и искусства для Камчатки, Чукотки, Красноярского края является достижением института. Кафедра народной художественной культуры в решение этой задачи внесла свой ощутимый вклад.

Руководствуясь целями и задачами художественного вуза, в АГИКИ стремятся выработать широкий взгляд на формирование компетенций у студентов. Сегодня нужны специалисты, умеющие не только принимать творческие решения, но и создавать, инициировать принципиально новое, воплощать большое количество оригинальных замыслов, способные решать проблемы неординарным способом, избегать стереотипных подходов к народной художественной культуре. Преподаватели Арктического института культуры и искусств вырабатывают собственный подход для решения современных проблем и ситуаций в области культуры и искусства с учетом природно-климатических и ментальных особенностей северян. Разрабатываемые педагогические технологии углубляет и обогащает содержание учебного процесса, способствует разработке индивидуальных приёмов обучения применительно к условиям и особенностям Севера и Арктики.

Жизнь стремительно меняется, общество подвергаются быстрым переменам, ускоряется темп и ритм повседневной жизни, все это заставляет искать интересные необычные решения во всех сферах жизнедеятельности россиян. Не может оставаться в стороне культурная политика государства, его образовательная система. Требованием времени стало формирование духовного потенциала и гражданской позиции студента. Стране нужны специалисты новой формации, осознающие социальные и культурные проблемы современного общества, связанные с кризисом сознания, падением уровня общей культуры, ростом агрессивности, конфликтности, противостояния в обществе. Распространение агрессивных форм массовой культуры вызывает дефицит духовности и культуры. Прослеживается утрата духовных ориентиров, расцвет потребительского отношения к жизни, примитивизм сознания, размытость моральных ценностей, равнодушие к социальным вопросам жизни общества и т.д.

Глобализация наступает стремительными темпами и не признает никаких границ. Она неизбежно приводит к нивелированию национальных особенностей, унификации культурных норм и способов видения мира, к утрате разнообразия культур. Обезличиваются ментальные и культурные особенности народов. Мир неуклонно устремляется к однообразию, к преобладанию потребительской психологии. Возникает парадоксальная ситуация: процессы глобализации «сужают» мировое пространство, делают его маленьким и уязвимым перед лицом общих социально-экономических и политических тенденций XXI века. От такого «глобального» напора особенно страдают коренные малочисленные народы Севера.

В этих условиях принципиально важно воспитание молодого поколения, осознающего миссию возрождения традиционный народной культуры, сохранения и развития, созданного наследия нашими предшественниками, приумножения духовного богатства новыми ценностями современного мира. Изучить, развивать и транслировать традиции народной художественной культуры, народного художественного творчества, актуализировать современные проблемы народной художественной культуры невозможно без художественного образования с его комплексным подходом к явлениям и процессам культурной и общественной жизни. Этнокультура и этнохудожественное образование ищет новые пути и подходы сообразно к явлениям и процессам современной жизни.

Народная художественная культура является важным и определяющим фактором национального самосознания, гарантом сохранения ключевых ценностей народа. Ее изучение, постижение является, по сути, восстановлением глубинной системы народного знания, народной мудрости. Поэтому значимость народно-художественного образования как формы обучения, выполняющей социальные функции духовного становления и роста личности, очевидна.

Художественное образование направлено на эстетическое, нравственное и духовное и патриотическое воспитание подрастающих поколений. Эти аспекты становления и взросления личности средствами народной художественной культуры и национально-культурных традиций народов России носят как никогда злободневный характер. Особенно они актуальны для коренных малочисленных народов Арктики и Севера, чьи культурные ценности находятся в наиболее уязвимом состоянии перед лицом глобализации.

Система отечественного художественного образования в области искусства и культуры имеет детально разработанные методологии и методы обучения на протяжении многих десятилетий. Эти разработки прошли испытание временем, успешно апробированы на различных исторических этапах. Художественное образование в России выстраивалось на таком принципе как преемственность поколений. Преемственность поколений один из самых ключевых требований в сохранении и актуализации культурного наследия народов. Благодаря его действию специалисты и деятели культуры и искусства страны и республики востребованы во всем мире, что тоже свидетельствует об успешности миссии сохранения культурного потенциала народов нашей страны. При необходимости модернизации и реформировании художественного образования нельзя забывать о сохранении его специфики как системы, концентрирующей в себе культурные традиции предшествующих поколений. Преемственность культурных традиций прослеживается на всех уровнях образовательного цикла Арктического государственного института культуры и искусств.

Специфика АГИКИ как единственного арктического вуза культуры и искусств на Севере–Востоке Сибири предполагает формирование актуальных профессиональных компетенций в области народной художественной культуры и народного художественного творчества. В образовательной системе АГИКИ художественная составляющая является доминирующей частью. Это означает формирование комплексных творческих подходов в практико-ориентированной системе образовательного процесса. Надо отметить, что за двадцать лет АГИКИ создал творческую и постоянно усовершенствующую систему, отвечающую запросам современного общества северо-востока страны.

В своей деятельности АГИКИ придерживается ведущей педагогической идеи – развитие художественного образования на основе народных традиционных знаний гармонично сочетающегося с интеллектуальными требованиями современного мира. Эта ведущая идея пронизывает все уровни художественного образования в АГИКИ, стала гарантом формирования духовно-нравственных основ творческой личности.

Современное художественное образование должно развиваться на традициях, «вечных» ценностях, сформировавшихся в народе столетиями и тысячелетиями. Только при этом условии можно говорить не только о сохранении, но и перспективах развития культурно-исторического и национально-культурного наследия народов нашей страны, в том числе народов Арктики и Севера. Активная позиция АГИКИ в формировании последовательности и системности действий в вопросах сохранения, возрождения, транс-

ляции традиционных форм культуры, их адаптации и гармоничного «встраивания» в структуру образовательной системы - одна из первостепенных задач нашего института. Такой фундаментальный подход в АГИКИ дает возможность реализовать в своей деятельности основные нормативные акты ЮНЕСКО, правительства РФ, РС(Я) по сохранению и развитию культурного наследия народов Арктики и Севера.

Культурное развитие личности немыслимо без введения в образовательную систему традиционной культуры народов России. Традиционная культура народов России не является музейным экспонатом. Культура как явление всегда находится в динамичном, беспрерывном процессе постоянного развития и трансформации. В этом заключается феномен традиционной культуры и народного художественного творчества. Осмысление и осознание значения традиционной культуры на различных этапах развития общества является одной из важных принципов художественного образования в АГИКИ.

Становление личности и формирование ее нравственных установок происходит в стенах вуза. Глубокое погружение в культуру и искусство, интенсивное «вживание» в нее также происходит в процессе обучения. Непосредственная передача способов художественного освоения мира актуализируется в процессе творческой реализации студента в течении учебного процесса. Педагоги как мастера своего дела делятся своим бесценным опытом, из рук в руки передают секреты своего мастерства. Художественное образование является основой и мотивом идентификационных процессов. Утраченные ценности должны возвращаться к студентам через образовательную систему.

Как известно в условиях российской полиэтничности в последнее время возрастает интерес к проблемам идентичности. Этническое сознание играет важную роль в духовной жизни народов. Высшее художественное образование культивирует способность анализировать, осознать, осмыслить, активизировать интеллектуальный ресурс будущего специалиста в области культуры и искусства.

В АГИКИ реализуются задачи не только «общего образования» или «общего просвещения», но и задачи достижения осознания и понимания современных реалий, углубленного понимания конкретных задач будущими специалистами. Понимание и признание культурных ценностей не только своего народа, но и других культур, признание и принятие сложной структуры многообразия культур приходят студентам во время интенсивного обучения. Такой подход особенно актуален сейчас как один из действенных способов достижения взаимопонимания между народами, уважения к культуре другого народа. Такой подход к образованию является одним из самых позитивных и перспективных подходов в установлении дружеских, человечных отношений между народами. В наше непростое время недооценка роли культуры в обществе, роли художественного образования чреваты сложными и тяжелыми последствиями.

В 2000 году известный фольклорист и эпосовед, кандидат филологических нак А. Е. Захарова впервые в республике основала в АГИИК факультет «Фольклора и этнокультуры народов Арктики». Факультет подготовил для республики специалистов высокой квалификации. Благодаря арктическому компоненту в образовательных программах студенты, представили коренных малочисленных этносов, изучали язык, фольклор, культуру народов Арктики. На факультете были открыты специальности: «Народное художественное творчество» с квалификациями «Руководитель этнокультурного центра, преподаватель», «Руководитель хореографического коллектива, преподаватель», «Художественный руководитель студии декоративно-прикладного творчества, преподаватель», а также направление «Декоративно-прикладное искусство» и народные промыслы (бакалавриат), специальность «Художественный металл» (бакалавриат).

Это был первый в республике факультет, выпускающий специалистов высшего звена по народному художественному творчеству. Безусловно, открытие такого учебного подразделения стал стимулом в подготовке высококвалифицированных специалистов по широкому спектру народного творчества. Агафья Еремеевна Захарова, будучи бессменным деканом факультета с 2000 по 2015 гг., разработала и внедрила концепцию развития факультета фольклора и этнокультуры народов Арктики. За годы ее заведования были успешно реализованы множество проектов и планов по сохранению культурного наследия народов РС(Я), создан работоспособный коллектив, проведена содержательная научная, учебно-методическая, творческая, организационная и воспитательная работа. Таким образом А. Е. Захарова заложила педагогическую основу развития народного художественного творчества, декоративно-прикладного искусства и народных промыслов.

Помимо Агафьи Еремеевны Захаровой у истоков факультета фольклора и этнокультуры народов Арктики и кафедры народной художественной культуры стояли доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ, заслуженный работник культуры РС(Я) Ангелина Григорьевна Лукина, доктор социологических наук Ульяна Алексеевна Винокурова, к.ф.н. Дария Ивановна Чиркоева, Надежда Радомировна Харлампьева, засл. работник культуры РФ Афанасий Семенович Федоров, д.ф.н., профессор Галина Ивановна Варламова–Кэптукэ, д.и.н., профессор Романова Екатерина Назаровна, д.ф.н., профессор Надежда Володаровна Покатилова, д.и.н., профессор Сардаана Ильинична Боякова, к.ф.н. Светлана Дмитриевна Мухоплева, к.и.н. Нина Дмитриевна Васильева, композитор Николай Савельевич Берестов и другие. Впоследствии членами кафедры народной художественной культуры были д. иск., профессор Ангелина Григорьевна Лукина, д. социологии Ульяна Алексеевна Винокурова, д. культурологи Татьяна Федоровна Ляпкина, к.п.н. Евдокия Степановна Сергина, к. культурологи Ольга Даниловна Коврова, к.и.н. Ольга Михайловна Харайбатова, Дария Васильевна Бурнашева .

Преподавателями факультета фольклора и этнокультуры народов Арктики, а затем и кафедры

народной художественной культуры являлись ведущие ученые, профессора, доктора и кандидаты наук, историки, философы, этнографы, фольклористы, искусствоведы, культурологи, социологи, педагоги и представители других направлений, которые внесли и вносят в учебный процесс дух академизма науки. Ученые делились со студентами глубокими знаниями и своим бесценным опытом, приобщая их к академической культуре, исследовательской работе. Такой подход к образовательной системе обогащает и углубляет содержание учебного процесса. Ведущими преподавателями факультета и кафедры народной художественной культуры являются выдающиеся культурные деятели яркие творческие личности, практики, внесшие неоценимый вклад в развитие культуры и искусства нашего северного края. Среди них засл. работник культуры РФ, засл. артист Саха академического театра Афанасий Семенович Федоров, разработавший авторскую образовательную методику, засл. деятель искусств РФ, народный артист РС(Я) Геннадий Семенович Баишев, засл. работник культуры РФ, засл. работник культуры РС(Я) Любовь Алексеевна Никитина, засл. работник культуры РС(Я) Сима Петровна Толстякова, засл. работник культуры РС(Я) Клавдия Иннокентьевна Охотина, отличники культуры РС(Я) Роза Христофоровна Бурцева, Зоя Андреевна Стрекаловская, Надежда Ивановна Докторова и другие.

Талантливые и опытные преподаватели за двадцать лет подготовили сотни высококвалифицированных специалистов в области народного художественного творчества и народной художественной культуры.

У истоков кафедры фольклора по профилю «Руководство этнокультурным центром» бакалавриата стояли преподаватели заслуженный работник культуры РФ Афанасий Семенович Федоров, Николай Евсеевич Жирков, Нина Дмитриевна Васильева, Анастасия Афанасьевна Кардашевская. На кафедре по вышеназванному профилю успешно работали отличник образования РС(Я) Евдокия Степановна Сергина, доктор культурологи, профессор Татьяна Федоровна Ляпкина, артистка Национального оркестра ННТ РС(Я) им. С. А. Зверева-Кыыл Уола Анна Ивановна Томская и др.

При факультете «Фольклора и этнокультуры народов Арктики» в 2003 была создана кафедра хореографии, которая также подготовила высококвалифицированных специалистов, руководителей танцевальных коллективов, ансамблей, преподавателей хореографии для республики. Основателем и заведующим кафедры хореографии АГИКИ являлась д.иск., профессор кафедры хореографии, засл. деятель искусств РФ А. Г. Лукина. Кафедра хореографии готовила специалистов по профилю «Руководство хореографическим любительским коллективом». Впервые в республике кафедра хореографии подготовила специалистов хореографов с высшим образованием, что явилось толчком для бурного развития народной хореографии в республике. А. Г. Лукина являлась зав. кафедры в период с 2003 по 2015 годы. В первые годы создания кафедры хореографии членами кафедры хореографии были преподаватели заслуженный работник РС(Я) Сивцев Михаил Захарович, засл. деятель искусств, заслуженный артист РС(Я) Сергей Викторович Афонасевич, основатель Национального театра танца РС(Я) им. С. А. Зверева–Кыыл Уола Геннадий Семенович Баишев, заслуженный работник РС(Я) Клавдия Иннокентьевна Охотина, засл. артистка РС(Я) Ирина Иннокентьевна Борисова, Наталия Кралина, засл. работник культуры РФ и засл. работник культуры РС(Я) Любовь Алексеевна Никитина, заслуженный работник культуры РС(Я) Сима Петровна Толстякова, Анна Матус, Аюна Игоревна Шадрина, выпускница АГИКИ отличник высшего профессионального образования Анастасия Марковна Сидорова, отличник культуры РС(Я) Роза Христофоровна Бурцева, выпускник Агики Ньургун Игоревич Индеев и др.

Концепция факультета фольклора и этнокультуры народов Арктики была пронизана идеей сохранения и развития традиционной культуры коренных народов республики.

В течение двадцатилетней деятельности факультета фольклора и этно-культуры народов Арктики и его преемницы кафедры народной художественной культуры проделана большая работа по подготовке кадров в области культуры. В системной и многоплановой работе кафедры приняли участие работе много известных ученых, специалистов в области культуры и искусства, руководителей культурных учреждений республики.

В 2015 году в институте была открыта кафедра народной художественной культуры. Основателем кафедры является д.иск., профессор Лукина Ангелина Григорьевна,она заведовала кафедрой народной художественной культуры с 2015 года по 2019 года, ставшей преемницей и продолжательницей традиций факультета фольклора и этнокультуры народов Арктики. Кафедра народной художественной культуры является титульной кафедрой АГИКИ, перед которой стоят задачи сохранения и развития, трансляции культурного наследия коренных малочисленных народов Севера и Арктики в мировое культурное пространство, расширение ареала подготовки выпускников регионов Арктики и Севера, углубление научного изучения народного художественного творчества и народной художественной культуры в современном социо-культурном контексте, изучение проблем функционирования и развития традиционной культуры как системы в условиях современного общества. Для того, чтобы достичь вышепоставленные цель и задачи в 2019 году кафедра народной художественной культуры открыла магистратуру.

Членами кафедры народной художественной культуры по профилю «Руководство этнокультурным центром» являются Зоя Андреевна Стрекаловская, с 2019 года зав. кафедрой, доктор социологических наук Ульяна Алексеевна Винокурова, к.п.н. Сергина Евдокия Степановна, кандидат культурологии Ольга Даниловна Коврова, доктор культурологии Татьяна Федоровна Ляпкина, доктор PhD Дария Васильевна Бурнашева, преподаватель Анастасия Даниловна Алексеева. По профилю «Руководство хореографическим

коллективом» плодотворно работают доктор искусствоведения, профессор Ангелина Григорьевна Лукина, доцент, отличник культуры РС(Я) Роза Христофоровна Бурцева, выпускница института, отличник профессионального образования Анастасия Марковна Сидорова.

В рамках направления 51.03.02 «Народная художественная культура» кафедра готовит специалистов по следующим профилям: Руководитель этнокультурного центра. Преподаватель; Руководитель любительского хореографического коллектива. Преподаватель; «Педагог – хореограф». На данном этапе кафедра народной художественной культуры открыла возможность получения новых компетенций у студентов, благодаря которым в последние годы ощутимо повысилась конкурентноспособность выпускников. Выпускники востребованы не только в Республике Саха (Якутии), но в сопредельных регионах Севера. Одной из успешно реализованных задач кафедры в последние годы является расширение ареала подготовки специалистов в регионе. Было выпущено более пятидесяти высококвалифицированных специалистов в области культуры из числа коренных малочисленных народов Камчатки, Красноярска (Таймыр), Чукотки, Хабаровского края.

Дипломы бакалавра руководителей этнокультурных центров и хореографических коллективов получили коряки, чукчи, эвены, эвенки, долганы, ительмены. АГИКИ за эти годы доказал способность обеспечения востребованными специалистами регионы Севера и Арктики.

Кафедра народной художественной культуры укрепляет теоретическую и методическую почву образования, развивает практический опыт. Только органическое сочетание этих двух частей дает возможность студентам приобрести знания, навыки, умения в стенах института.

Цикл дисциплин федерального и регионального компонентов направления народной художественной культуры нацелен на воспитание граждан, открытых к восприятию других культур, уважающих вероисповедания и достоинство народов, свободных и независимо мыслящих, понимающих процессы, события, происходящие в современном мире, знающих его проблемы, обладающие духом терпимости к другим народам.

Традиционная культура и художественное творчество – ценности мировой культуры, достояние всего человечества. Выпускники института культуры и искусств должны быть широко образованными, ценящие общечеловеческие ценности, свободно и глобально мыслящие личности со своим видением, преодолевшие узость, ограниченность, консерватизм, изоляцию. Такова модель специалиста новой формации, воплощающая идеи, инновационный подход к развитию культуры и искусства.

Кроме специального цикла общеобразовательных дисциплин в учебный план введены дисциплины арктического компонента, направленного на расширение и углубление изучения специфики и особенностей культуры коренных народов Арктики и Севера. Арктический компонент позволяет привести в соответствие учебного плана к запросам региона. Такой специалист является востребованным в регионе профессиональным работником . Введение в учебный план дисциплин арктического компонента означает оценку и учет реальных условий в области культуры, что формирует новый взгляд на профессию, наиболее приближенную к жизненным реалиям Арктики. Арктический компонент один из эффективных способов, формирующих нравственное здоровье молодого поколения. Знание народных традиций позволяет студентам корректировать свое отношение к миру, природе, людям им ко всему, что его окружает. Традиционные ценности, выработанные веками – эффективный и апробированный метод в воспитании высоконравственной личности. Студент художественного вуза должен обладать эстетической восприимчивостью к красоте традиционного искусства народов. Арктический институт культуры и искусства стремится готовить специалиста, умеющего «видеть», «слышать» и понимать красоту во всем, что его окружает.

Арктический компонент художественного образования углубляет и расширяет знания студентов об этнической картине мира, многонациональности и политкультурности нашей стране. Понимание и осознание студентом взаимосвязи, взаимовлияния и взаимозависимости народов важная часть в его обучении. Содержательная часть арктического компонента ведет к осознанию равенства народов и рас, толерантности. Толерантность является показателем интеллектуального уровня человека, стремящегося к саморазвитию и самореализации в не простых условиях современного мира. Арктический компонент укрепляет и поддерживает толерантную установку человека и является одним из важных разделов программы обучения студентов в вузе, проживающих в многонациональной стране, направленный на воспитание специалистов неравнодушных к историческим судьбам и традиционной культуре народов России.

В 2019 году кафедра открыла магистратуру 51.04.02. Народная художественная культура, профиль «Культурные и креативные индустрии Арктики» со сроком обучения два года по очному обучению, два с половиной года по заочному обучению. Новый уровень образования включает научно-исследовательскую, педагогическую, организационно – управленческую виды деятельности. Магистратура решает множество задач, связанных с проведением теоретических и прикладных научных исследований в области теории, истории, организации и руководства развитием народной художественной культуры, народного художественного творчества этнокультурного воспитания и образования. В перечень задач магистратуры входят выявление и анализ актуальных проблем теории и истории народной художественной культуры, научный поиск, анализ, систематизация фольклорных произведений и традиций, преподавание этнокультурных и этнохудожественных учебных дисциплин, курсов в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования. Актуальными задачами являются разработка и

внедрение инновационных этнокультурных и этнохудожественных образовательных систем, педагогических технологий, учебников и учебно-методических пособий. Программа магистратуры прививает студентам навыки аналитического и критического мышления, акцентирует внимание студентов на современные проблемы народной художественной культуры в контексте мировой культуры, педагогического мастерства, связанного с возрастающей потребностью общества в контексте тенденций модернизации образования. Магистерская программа направлена на развитие у магистрантов комплекса аналитических компетенций, практического опыта, необходимых для исследования народной художественной культуры. Учеба в магистратуре готовит фундамент для научной или управленческой карьеры. Магистратура как второй уровень высшего образования открывает возможность получения новых востребованных компетенций, повышается не только квалификация, но и конкурентная способность специалиста.

Художественное образование – это система интеграции культур, открытая творчеству, инициативам, самостоятельности, индивидуального восприятия современной действительности. В вузе одновременно происходит освоение студентом образовательной программы и формирование его личности, интеллекта, интеллектуального потенциала и эрудиции. По сути, за годы обучения в институте формируется личность. Личность творческая, инициативная, активная, неравнодушная к проблеме культуры и искусства.

В Арктическом государственном институте культуры особый акцент делается на творчество студентов как на одного из эффективных методов реализации творческих возможностей, способностей, задатков студента. Кафедра народной художественной культуры многие годы поддерживает студенческое творчество. В студенческих ансамблях создан оригинальный, интересный репертуар, отражающий традиционную культуру коренных малочисленных народов Арктики и Севера. В репертуаре студенческих ансамблей, творческих коллективах содержатся не только фольклорные образцы традиционной культуры, но и современные сценические интерпретации традиционных жанров народного творчества. Традиционные песни, танцы, образцы устного народного творчества народов, населяющих не только Якутию, но и близлежащие регионы Севера – это лучшие образцы самобытной культуры и народного художественного творчества якутов, эвенов, эвенков, чукчей, юкагиров, коряков, долган, ительменов и др.

На кафедре успешно работают, признанные в мире, в стране студенческие ансамбли: фольклорный танцевальный ансамбль «Аар Аартык» («Светлый путь») под руководством д. иск., профессора А. Г. Лукиной, молодого педагога–репетитора А. М. Сидоровой, фольклорный ансамбль «Долун» под руководством зав. кафедры З. А. Стрекаловской. Ансамбли являются неоднократными лауреатами Международных, Всероссийских, региональных конкурсов, фестивалей, смотров. Ансамбли имеют богатый содержательный репертуар, в котором отражены эпическое, песенное и танцевальное наследие народов Арктики. С каждым годом повышается мастерство исполнителей, повышается интерес студентов к творческой деятельности. Ансамбли за годы своего существования достигли высоких творческих результатов и получили признание зрителей.

Арктический компонент образования направлен на сохранение особенностей культур в период глобализации и основанной на ней унификации культур. Сегодня важно целенаправленное включение в учебную программу огромного потенциала традиционной культуры и народного художественного творчества.

Научная, преподавательская, творческая деятельность кафедры народной художественной культуры направлены не только на развитие интеллектуальных способностей студента, овладение им профессиональных знаний, навыков и умений, но прежде всего, на формирование творческой индивидуальности с четкой нравственной и профессиональной позицией. Цель кафедры формирование творческой, разносторонне развитой личности, востребованной на рынке труда.

Профессиональная позиция специалиста предполагает высокий уровень мировоззрения, овладение системой ценностных ориентиров, умение адаптироваться к новым реалиям, новым вызовам современного мира. Крепкая база знаний, умений и навыков, полученных в стенах института, со временем пополнится профессиональным и жизненным опытом специалиста. Для этого институт должен не только обучать, но и способствовать развитию самостоятельности, инициативности студента с самого начала его обучения.

Художественное образование непосредственно выполняет социальный заказ государства и общества. Задача вуза - подготовка высококвалифицированных специалистов, знающих и понимающих традиционные ценности народов России в их связи с современными реалиями и в России, и в мире. Во времена глобализации, утраты и нивелирования национальных культур выпускник Арктического государственного института должен быть хранителем уникальной культуры коренных народов Арктики и Севера, умеющим интегрировать ее в мировом культурном пространстве мира и отечества.

«Выйти» к общечеловеческим ценностям, духовной близости с другими народами, можно, только сохраняя, осваивая, уважая самобытную культуру своего народа, страны и мира.

Уникальные особенности этнических культур должны быть заложены и сконструированы в структуру образовательной системы художественного вуза. Примером может быть включение арктического компонента в образовательную систему. Для устойчивого развития современного мира во избежание разрушительных процессов в отношениях между народами и нациями необходимо внедрение в образовательную систему механизмов национально-регионального компонента, расширяющих и углубляющих содержание учебного процесса. Это действенный механизм, включающий в образование идеи культурного разнообразия и являющийся одной из форм достижения гармоничного сочетания образования и воспитания. Такой

подход будет соответствовать стратегии развития современного общества. Арктический компонент «вольется» в траекторию формирования современного, духовного человека. Этот механизм обеспечит эффективный рост духовного и интеллектуального потенциалов студентов вуза.

Сегодня прослеживается активизация интереса к народной художественной культуре. В области культуры и искусства как никогда нужны молодые специалисты с новым взглядом, новым подходом, которые должны быть активно задействованы в глобальном культурном процессе, который можно назвать «возвращением к истокам в новом качестве, с новыми идеями». Арктический государственный институт культуры и искусств успешно решает эту задачу вот уже двадцать лет. В данное время разрабатываются программы внедрения с учетом новейших педагогических технологий, ставящие цель – теорическое и практическое освоение культурного наследия народов Арктики и Севера, его гармоничное функционирование в системе современной культуры.

В перспективе Арктический институт культуры и искусств будет одним из ключевых и опорных учебных заведений на Северо-Востоке страны в деле сохранения и развития уникальной, неповторимой культуры коренных малочисленных народов Арктики и Севера. АГИКИ – хранитель Полярной звезды, символа вечности Севера и чистоты души северных народов на культурном небосклоне Российской Федерации.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской федерации : Федеральный закон № 273 : [принят Государственной думой 20 декабря 2012 года : одобрен Советом Федерации 26 сентября 2012 года.

2. О Федеральной целевой программе «Культура России (2012-2018 годы) : постановление Правительства Российской федерации от 3 марта 2012 года № 186 (с изменением на 17 февраля 2017 года)».

3. Лукина, А. Г. Традиционные танцы саха : идеи, образы, лексика / А. Г. Лукина ; ответственный редактор д. ист. н. А. И. Гоголев ; автор иллюстраций. Н. И. Докторова ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Якутский государственный университет им. М. К. Аммосова. - 2-е изд., испр. - Новосибирск : Наука, 2005. - 354, [2] с., [2] л. цв. ил. : ил.

4. Фольклор и художественная культура. Современные методологические и технологические проблемы изучения и сохранения традиционной культуры : сборник статей и материалов научной конференции / составители: Н. А. Хренов, В. А. Колотаев.– Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2004. - С. 3-4. – (Серия «Сохранение и возрождение фольклорных традиций». Вып.13.).

УДК 394.21(=512.157)

Т. И. Аргунова-Лоу

ПРАЗДНОВАЛСЯ ЛИ ЫСЫАХ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ: ПУБЛИЧНЫЙ И СКРЫТЫЙ ТРАНСКРИПТ

Статья рассматривает изменения, произошедшие с некоторыми национальными праздниками, включая ысыах, традиционный и значимый праздник якутского народа, в советское время. Автор предлагает анализировать такого рода трансформации используя концепцию публичного и скрытого концептов.

Ключевые слова: *национальный праздник, советская праздничная культура, ысыах, якутский праздник.*

Dr Tatiana Argounova-Low

WAS YHYAKH CELEBRATED IN THE SOVIET PERIOD: PUBLIC AND HIDDEN TRANSCRIPT

This preliminary research focuses on how ethnic festivals were transformed in the Soviet Union. The author draws special attention to the yhyakh, a national festival for the Yakut people. The author suggests analysing such transformations using the concept of public and hidden transcript.

Keywords: *ethnic festival, Soviet festival culture, Sakha, Yakut, yhyakh.*

В период советской власти представления людей об их национальной принадлежности и о выражении такой принадлежности были под сильным влиянием советского государства, идеологических и политических давлений. Принадлежность к нации, выражение национальной принадлежности через культурные ритуалы и праздники, также оказались под сильным влиянием перемен в этот период. Такие изменения были масштабными и произошли во всех национальных регионах огромной советской страны. Трансформации любых культурных и социальных процессов неизбежны, ведь этничность и культура подвижны и не стоят на месте. Однако, трансформации, происходящие естественным и логическим путем развития, не сравнимы с трансформациями форсированными, привнесенными по указу сверху. Такие насильственные трансформации наносят огромную травму, и порой непоправимый урон. Традиционные этнические и конфессиональные праздники были сильно модифицированы по всей стране, и в Якутии значение проводимых ысыахов сильно поменялось именно в этот период. Данная небольшая работа обсуждает изменения, которые потерпели этнические и религиозные праздники, включая ысыах, в советское время.

Молчание. Тема молчания очень важный аспект в данной статье[1]. Молчание в атмосфере идеологического климата в советский период могло выражаться и передаваться по-разному [11], в данной работе молчание рассматривается как ответная реакция на давление со стороны идеологического аппарата или авторитарного режима. Тоталитарные режимы, где бы то ни было, вызывают несогласие и конфликт с идеологической линией руководства, но чаще как результат такие режимы порождают «молчание, пассивность, и отсутствие участия» [Portelli 1991: 113]. Формы молчания всегда одинаковы по утверждению Бассо, функции такого молчания могут варьироваться [Basso 1970: 215] и причины молчаний тоже могут различаться [Achino-Loeb 2006; Zerubavel 2006]. В данной работе мы говорим о молчании, которое вызвано доминирующим режимом, молчание, которое не является позитивным, которое страшит, беспокоит, и угрожает. Такое молчание, следуя Портелли [Portelli 2003: 247], является метафорой для противостояния, высказывания правды в лицо. Вот цитата, описывающая такое молчание: "Молчание – это не место смерти и не место где нет ничего. В действительности, молчания не бывает без речи. Нет молчания и без того, чтобы заставить молчать, без затыкания рта, без лишения прав, без удушения, без просьбы придержать язык за зубами, без вырезания языка, без потери голоса. Молчание – это агрессия и речь или язык, письменный или устный, это свобода" [Maitland 2008: 28].

Молчание является повсеместным феноменом, но здесь мы говорим о молчании как результате «диалектики скрытия и наблюдения, которыми пронизаны взаимоотношения между сильными и слабыми" [Scott 1990: 4]. Такая форма молчания есть результат социального контроля публичного пространства гегемонией силы. Тоталитарный режим вырабатывает определенную форму публичной речи и регулирует пространство публичной речи, таким образом, создавая взаимоотношения между речью и молчанием [Gray 1991].

Молчание равноценно невозможности говорить в виду политических и идеологических ограничений, оказанных на людей. Можно сравнить с тем, как Фонтейн говорит об этом: "это такое молчание,

[1]Финнсирование научного проекта «Говорящие экспонаты» осуществлялось AHRC, Научным Советом по Исследованиям в Области Искусства и Гуманитарных Наук.

которое испытывается при потере чего-то» и “молчание гнева, а не радости» [Fontein 2006: 77]. Можно утверждать, что в советском идеологическом пространстве молчание было вызвано невозможностью действовать и превратилось в форму социального паралича. С другой стороны, такое молчание породило в людях установку к скрытому действию.

При работе над проектом нам часто приходилось слышать мнения о праздновании ысыаха в советское время, часто противоречащие. По представлениям одних, празднование ысыаха, главного праздника в культуре якутов, было запрещено в советское время, как были запрещены осуохаи (круговые танцы) и все, что было связано с этой древней традицией. В частности, в Якутске, политическом и адлминистративном центре республики, празднования ысыахов не проводились совсем. По мнению других, ысыахи проводились всегда и никаких запретов на проведение праздника не существовало. Мы решили попытаться разобраться в этих противоположных мнениях. Данная работа представляется как промежуточный результат, работа еще не завершена и исследование в этом направлении продолжается. Будем рады любым комментариям, которые смогут расширить и углубить данное исследование.

Был ли ысыах запрещен в Советское время? Чтобы дать ответ на данный вопрос, необходимо сделать экскурс в историю создания советского государства. Исследователи, изучающие советские праздники и фестивали, отмечают важный аспект того времени: новому государству были необходимы все возможные инструменты влияния и управления массами, а также убеждения и конвертации в правильности политики и идеологии государства. Для выполнения такой невероятно огромной по масштабу работы использовались различные механизмы. Одним из таких механизмов влияния на массовое сознание было создание новой праздничной культуры [12; 3; 13; 15]. Советская праздничная культура должна была противостоять религиозным традициям, верованиям и народной традиционной культуре. «Проведение советских праздников рассматривалось как одна из форм идеологической борьбы и приравнивалось к политическим кампаниям. Их проведение требовало нового ритуала празднования» [3]. Карен Петроне считает, что новые советские праздники служили многочисленным задачам Советского государства, развития преданности и патриотизма в людях, и создания механизма конвертации и пропаганды.

Государственные праздники были каналом, по которому государство занималось образованием и просвещением людей, оно влияло на них политически и распространяло новые идеи, используя праздники как кондуит. Неудивительно, что праздники были зонами пристального внимания государственной власти. Такие праздники должны были продемонстрировать всему миру советский образ жизни, и убедить всех и себя в том, что «жить стало лучше, товарищи» согласно выражению Сталина [13, с. 4-6]. Конечно, одновременно задачей проведения таких праздников было поднятие морального духа у людей, после отягощенных политическим радикализмом и аскетизмом 1920-х годов: “появилась возможность провести официально санкционированные праздники» [13, с. 6]. Обратим внимание на термин «официально санкционированный», используемый Карен Петроне, который важен в данном исследовании.

Данный идеологический проект был огромен, как уже говорилось, и в географическом масштабе и в этническом аспекте [13, с. 11]. Религиозные традиции и практики, христианские, исламские или шаманские отвергались государством. Таким образом, советские праздники и торжества должны были противостоять религиозным практикам и заменить их полностью санкционированными и идеологически чистыми празднествами [13, с. 11]. Со всеми религиозными праздниками проводилась борьба, а там, где такие ритуальные празднования были глубоко укоренены, советские власти пытались их узурпировать [15, с. 42]. Поэтому советская праздничная культура представляла собой «синкретичную смесь традиционных и советских праздничных практик» [13, с. 19]. Религиозные праздники были кооптированы в советскую официальную систему, советские парады напоминали христианские процессии и Крестные ходы, а портреты Ленина, Сталина, и других политических деятелей заменили иконы святых, в то время как тело Ленина в Мавзолее на Красной площади заменило святые мощи для пилигримов [13, с. 11-12]. Религиозные фестивали, где преклонялись перед Богом и духами, были запрещены и полностью заменены в светском советском обществе, пьедестал преклонения заняли коммунистические лидеры.

Согласно инструкциям Совета Народных Комиссаров РСФСР «О еженедельном отдыхе и праздничных днях», опубликованном в Кодексе законов о труде от 1918 года следующие праздники были включены в список, иными словами были санкционированы: Новый год (1 января), День 9 января 1905 года (22 января), День низвержения самодержавия (12 марта), День Парижской Коммуны (18 марта), День Интернационала (1 мая), День Пролетарской революции (7 ноября)» [4, с. 76]. Все празднования и торжества проходили согласно сценарию, обеспеченному центральными властями и адаптированному для регионов. Такие сценарии и методические пособия готовились для проведения торжеств, они издавались и распространялись широко, при этом власти не позволяли допускать импровизаций и либерального трактования сценария праздника [4].

Даже когда праздники казались спонтанными, они были организованными и приготовленными по сценарию, одобренному и утвержденному с руководством. Организация таких праздников превратилась в своего рода отрасль идеологической работы, создавались комиссии, издавались инструкции, рекомендации по проведению публичных торжеств. Такие комиссии издавали специальные пособия, устанавливали нормативы и стандарты для проведения праздников. Общие сценарии, планы праздников и массовых торжеств распространялись по всем регионам, это означало, что структура советских праздников была

одинакова, независимо от региона проведения, проводилась одинаково и с едиными политическими лозунгами. Согласно сценарию, торжества начинались с речи политического руководителя, который делал отчет о производственных достижениях и отмечал недостатки. Затем торжество продолжалось культурными и развлекательными номерами. Для людей, которые проводили такие мероприятия, работа по сценарию, была своеобразной гарантией идеологической выдержанности и защитой от политических обвинений. Рольф объясняет, как идеологические иерархии создавали свои комиссии и комитеты по организации праздников и торжеств в регионах, которые занимались обеспечением и соответствием идеологическим канонам и содержанию [15, с. 52]. За массовиками, или словами Кристел Лейн (1981), «специалистами по ритуалам», также закреплялась роль инструктора и цензора, следившего за соответствием политическим и идеологическим стандартам [Рольф 2009].

Этнические праздники и события связанные, с национальными праздниками, во всех регионах СССР считались анахронизмом, они ассоциировались с отсталостью, религией и этого было достаточно, чтобы цензурировать такие мероприятия или вовсе запрещать их проведение. В Казахстане весенний праздник Навруз (Новруз) был запрещен и долгое время не отмечался [7]. В Азербайджане в советское время Новруз считался националистическим и религиозным праздником и его было запрещено праздновать в течении длительного периода [14]. В этом регионе празднование Новруза запрещали и восстанавливали несколько раз, в зависимости от политической ситуации. В начале 1920-х годов Новруз праздновался согласно государственному распоряжению и привлекал большие группы людей. Но это распоряжение действовало недолго, и в 1929 году праздник был исключен из списков разрешенных праздников. В республике воцарилась атмосфера цензуры и пристального контроля, а запрещенные праздники были заменены новыми революционными торжествами. Члены атеистической команды открыто подвергали нападкам тех, кто придерживался религиозного и национального праздничного календаря. Они проводили рейды по кварталам и дворам, осуждали и наказывали тех, кто демонстрировал праздничные предметы, ритуальную еду и разводили костры [9].

В 1937 году с принятием Конституции, празднования по религиозному и этническому календарю, включая Новруз в республиках Средней Азии, были запрещен, согласно Физули Сабироглу (2016). Этот официальный запрет продлился в течение 20 лет. После смерти Сталина Новруз трансформировался в советский праздник и с 1967 года стал проводиться с новым названием – Праздник Весны, получив статус официального праздника.

Похожие изменения в роли и в функциях происходили с празднованием ысыаха в Якутии. Трансформации праздника, относящиеся к советскому периоду, были самыми существенными. «Ысыах, как и другие праздники народов СССР, стал выполнять своего рода заказ “Партии и правительства” на конструирование картины мира советского человека.” [8, с. 31-32]. Как было упомянуто ранее, уклонение от заданного идеологического направления преследовалось. Праздник постепенно превращался из сакрального ритуального действа в праздник труда, оформленный с использованием символизма и атрибутики в соответствии со стандартами советского времени [8].

Таким образом, различные источники утверждают, что национальные праздники в советское время были предметом цензуры, идеологического контроля, и могли быть запрещены. Физули Сабироглу (2016) упоминает различные уровни запретов праздника Новруз в Азербайджане и считает, что принятие Конституции 1937 могло послужить тем самым официальным законодательным документом, согласно которому многие религиозные и национальные праздники на территории Советского Союза могли быть запрещены. По мнению исследователей, работающих в Таджикистане, празднование Навруза также проходило через периоды запрета и разрешенности. В результате многочисленных запретов, к празднику появилось отношение настороженности и подозрительности. В последствии новый праздник Новбахор должен был заменить Навруз полностью (Абашин 2020. Персональное интервью). Тамара Молотова пишет о марийском праздник Семык: “В годы господства идеологии атеизма праздник был под запретом» [8, с. 40].

Многие информанты, опрошенные для нашего проекта, соглашались с тем, что празднование ысыаха было запрещено. Такое же мнение мы находим в работе местных исследователей, где говорится, что празднование ысыаха было запрещено в городах, в первую очередь в Якутске [8, с. 34]. В Якутске, столице республики и ее политическом и административном центре, регулярно проводились спартакиады, которые проводились в летнее время и служили своего рода заменой празднику.

Несмотря на то, что никто из исследователей не указывает конкретный документ, который бы четко фиксировал запрет на праздник, из цитат и комментариев из интервью наших информантов становится очевидным, что ограничения с проведением праздника и в некоторых случаях отсутствие праздника вообще, воспринималось и расценивалось населением как официальный запрет. Скорее всего, всеобщая атмосфера идеологического пространства в Советском Союзе создавала такое ощущение запрета и того, что нарушение такого запрета может повлечь серьезные последствия. Угроза, конечно же, была реальной, преследование за несоответствие, выражение этнической принадлежности или же действия и поведение, которые не укладывались в рамки дозволенного, могли трактоваться как проявление национализма и могли быть серьезно наказаны [11].

В тех случаях, когда этнические и конфессиональные праздники дозволялись, советская идеологическая машина, использовала эти мероприятия для того, чтобы повлиять на воззрения людей и убедить их в

правильности советской идеологии. Поэтому содержание таких традиционных праздников было сильно видоизменено, чтобы соответствовать социалистическим принципам [13, с. 19]. Их сакральное и религиозное наполнение было изъято и заменено соответствующим и согласованным содержанием. Праздники в отдаленных от центра местностях, населенных пунктах, все же проводились, однако они были организованы в соответствии с требованиями организаторов и идеологов. Праздник был богато украшен советской символикой, в буквальном и фигуральном смыслах [10, с. 14]. Видимая, официальная часть праздника ысыах, украшенная красными флагами и лозунгами, представляла таким образом официальный и публичный нарратив [16].

Однако, в то же самое время, мы можем утверждать, что существовал и другой нарратив, менее официальный, предназначенный для другого, более узкого круга. Ысыахи, проводимые вдали от зоркого официального взгляда, в более тихой обстановке, несмотря на идеологическую обертку, тем не менее, давали небольшим сельским якутским общинам создать ощущение выполненных традиций и исполнения положенных традиционных ритуалов. Обращаясь к идее, предложенной Джеймсом Скоттом [16], мы можем утверждать, что такие ысыахи, проведенные в советское время, служили «скрытым транскриптом». Такие праздники, хоть и сильно модифицированные, смогли все же удержать дух праздника. С одной стороны, советский ысыах демонстрировал конформизм и принятие режима, с другой, этот праздник можно интерпретировать как противостояние и субверсию идеологическим догмам и установкам касательно этнической принадлежности.

Проведенный в 1995 году в городе Якутске ысыах, был своего рода открытием для многих жителей города. Это был один из первых массовых ысыахов, проводимых в городе. На территории городского ипподрома, большом открытом месте, стояла сцена, но которой выступали танцевальные и песенные коллективы. Зрители, мужчины, в большинстве своем пожилые, были в привычных парадных костюмах с поблескивающими медалями на лацканах пиджаков, а небольшая группа женщин бодета в национальные костюмы. Такая публичная демонстрация этнической принадлежности была для того времени очень выразительна. Глядя на фотографии с того ысыаха, становится ясным, что состоялся еще пока очень сдержанный, как бы в полголоса, праздник. Многие традиционные элементы ысыаха отсутствовали: не было привычных теперь киосков с ассортиментом напитков, традиционного кумыса и явств из жеребятины. Также заметным было отсутствие красных флагов, портретов политический деятелей, советской символики – ысыах освободился от груза идеологии. Даже в таком скромном виде ысыах стал открытием для многих. Отмечаемый впервые за многие годы в постсоветском пространстве, ысыах стал заявлением на наследие предков и в то же самое время видимой прокламацией и артикуляцией якутской идентичности. Ысыах помог многим приобрести национальное самосознание, вернуть наследие и корни.

Литература

1. Абашин, С. Персональное интервью. – 2020.
2. Абдрахманова, К. К. Советские праздники в повседневной жизни Казахстана / Вестник КарГу. – URL : https://articlekz.com/article/15448/ (дата обращения: 1.09.2020).
3. Лебедева, Л. В. Формирование советской праздничной культуры в 1920-е годы: новые ритуалы в процессе социального конструирования / Л. В. Лебедева. // Фундаментальные исследования, 2015. - №2 (8). – С. 1784-1787.
4. Мамышева, Е. П. Советские праздники в Хакассии в 1920-е годы: особенности восприятия / Е. П. Мамышева. – Текст : непосредственный // Журнал Хакасского Государственного университета им Н.Ф. Катанова, 2018. – С. 76-78.
5. Меньков, С. В. Процесс организации советских государственных праздников на Алтае в 1930-е годы / С. В. Меньков. // Вестник Томского университета. - 2016. - №411. – С. 84–87.
6. Молотова, Т. Л. Праздник семык в культуре современных марийцев / Т. Л. Молотова. – Текст : непосредственный // Этнографичнеское обозрение, 2011. - №4. – С. 40-47.
7. Нагаева, А. Навруз – запрещенный в СССР праздник весны : интервью на радио. – 2017. – 19 марта. – URL : https://lv.sputniknews.ru/radio/20170319/4207564/navruz-prazdnik-vesny.html (дата обращения: 2.09.2020).
8. Романова, Е. Якутский национальный праздник ысыах в ситуации перехода: исторический миф, этнокультурный образ и современный праздничный нарратив / Е. Романова, В. Игнатьева. // Этнографическое обозрение. - 2011. - №4. – С. 29-40.
9. Сабироглу, Ф. Мифы советского времени о Новруз Байрамы. Азерайджанский взгляд : электронный журнал. – 2016. – 21 марта. – URL : Vzglyad.az (дата обращения: 2.09.2020).
10. Уткин, К. Д. Якутский ысыах: проблемы национального и интернационального / К. Д. Уткин. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1994.
11. Argounova-Low, T. The Politics of Nationalism in the Republic of Sakha (Northeastern Siberia) 1900-2000: Ethnic Conflicts Under the Soviet Regime / T. Argounova-Low. - Lewiston: Edwin Mellen Press, 2011.
12. Lane, C. 1981. The Rites of the Rulers. Rituals in Industrial Society – The Soviet Case. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Petrone, Karen. 2000. Life Has Become More Joyous, Comrades. Celebrations in the Time of Stalin.

Bloomington: Indiana University Press.

14. Regnum. 2011. В Азербайджане отмечают Новруз.- Режим доступа: URL: https://regnum.ru/news/society/1385556.html (дата обращения: 02.09.20.).

15. Rolf, M. Soviet Mass Festival: 1917-1991 / M. Rolf. - Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. - 2013.

16. Scott, J. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance / J. Scott. - New Haven: Yale University Press, 1985.

УДК 008+378(98)

К. Р. Такасаева

ДАРЫ МУЗЫ

О долгосрочном сотрудничестве Арктического государственного института культуры и искусства с Факультетом Артес Либералес Варшавского университета. Эти отношения можно представить в виде символа – айсберга, а методы сотрудничества можно назвать методом снежного кома.

Ключевые слова: *цивилизации, indigenous methodology, Запад-Восток, Арктика.*

Kunney Takasaeva

GIFTS OF THE MUSE

About the long-term cooperation of the Arctic State Institute of Culture and Art in Yakutsk with the Faculty of Artes Liberales of the University of Warsaw. These relationships can be represented as a symbol - Iceberg, and methods of cooperation can be called the Snowball Method.

Key words: *civilizations, indigenous methodology, West-East, Arctic.*

Поздравления всему коллективу Арктического государственного института культуры и искусства в Якутске выражаем в лице ректора Института – кандидату педагогических наук, профессору, заслуженному работнику культуры Республики Саха (Якутия), почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации, член-корреспонденту Российской академии естественных наук – *Саргылане Семеновне Игнатьевой.*

Многолетнее сотрудничество Арктического Государственного Института Культуры и Искусства в Якутске и факультета Артес Либералес Варшавского университета приносят плодотворные результаты. Эти взаимоотношения можно представить символом – Айсберга, а методы сотрудничества назвать Методом Снежного кома.

В рамках сотрудничества при Варшавском университете, проводились выездные семинары и лекции, печатались совместные научные публикации, успешно проходили стажировки и обучение магистрантов из АГИКИ. Необходимо отметить неиссякаемый энтузиазм профессора Ульяны Алексеевны Винокуровой – руководителя Научно-исследовательского центра циркумполярной цивилизации, благодаря которой в международном научном сообществе поддерживается интерес к Арктическим культурам.

Среди ежегодных мероприятий международного сотрудничества, отмечу отдельные из них, проведенные в последние годы. В апреле 2018 года в Варшавском университете проходила презентация-дебаты по книге «Арктическая циркумполярная цивилизация», написанной профессором Ульяной Винокуровой и академиком Юрием Яковцом. Положения научного труда обсуждали среди участников Лаборатории междисциплинарных исследований Artes Liberales Варшавского университета. В дискуссии принимали участие профессора, аспиранты Варшавского и Познаньского университетов, а также представители Южного Федерального университета из России. Дебаты проходили в рамках работы исследовательской программы «Польско-сибирская рабочая группа» и семинара «Поиск идентичности: глобальные вызовы, местные традиции». Встречу открывал руководитель Польско-Сибирской научной группы Варшавского университета – профессор Ян Кеневич, отметивший, что счастлив представить эту книгу и рад поздравить её авторов. По его словам, особую ценность этой книги представляет дидактический материал, а также научно-популярный характер повествования. Прежде всего, он отметил, что авторы концепции показали не абстрактный подход к исследованию цивилизаций, а использовали возможность практического применения теории цивилизации, что само по себе является серьезным вызовом.

Особое внимание во время дебатов было уделено тому, что в книге делается акцент на глобальный характер текущих экологических проблем Арктики, и одновременно с этим, звучит призыв обратить внимание на культуры коренных жителей этих территорий, ведущих свою историю от палеолита, которые являются творцами арктической экосистемы.

Было отмечено, что международные ученые, применяя indigenous methodology (методологию коренных народов), смогли представить Арктику как отдельную цивилизационную общность, объединяющую континенты, и тем самым обеспечить новое, альтернативное видение мира со сложившейся осью Запад-Восток.

Профессура Варшавского университета отметила, что авторы затрагивают глобальные аспекты человечества, тем самым подчеркивая над-региональный, над-этнический характер Арктической циркумполярной цивилизации. Таким образом, пан-арктическая цивилизация приобретает универсальный характер, так как является цивилизацией не этносов, а среды, что в свою очередь возвращает нас к истокам – пониманию цивилизации в тесной связи с окружающей средой.

Было отмечено, что данная книга – это и нулевая точка, и крик души, и предостережение. Арктика – по-

следний полигон взаимодействия человека и среды, который может научить многому. Это цивилизация – ровесник человечества, и она позволяет выстроить модель развития человеческой цивилизации. Поднимался вопрос угрозы и спасения Арктики, как всемирного заповедника. Арктическая цивилизация уже появилась на мировой арене и ставит важные вопросы не только для тех, кто занимается цивилизациями, но и ищет ответы на сложные проблемы экологического будущего.

Также в мае 2018 года на международной конференции «Наше мифическое детство...» о классической античности в мировой детской и юношеской культуре, я имела честь выступить с докладом, посвященным Образу Чысхана –Хранителю Холода в современной Якутии на английском языке «Chyskhaan: The Lord of the Cold in Contemporary Yakutia». Этот доклад стал логическим продолжением в совместном проекте с Арктическим Государственным Институтом Культуры и Искусств под названием: Международный инновационный центр «Школа Чысхаана – хранителя мирового холода» на базе Оймяконской средней школы (28-29 ноября 2018 г.). Результаты проведения WorkShop по брендированию образа Чысхаана были подведены в рамках Триеннале – 2018 (1-5 декабря 2018, в АГИКИ). Проект направлен на взаимодействие образовательных организаций высшего образования и средних школ. В его рамках продолжаем планировать международные творческие семинары, конкурсы, выставки, фестивали, публикации и организацию детских летних лагерей художественно-экологической направленности.

Например, по результатам работы Зимней школы Чысхаана, организованной в 2018 году в Оймяконе, планируется выпуск альбома комиксов в качестве учебно-методического пособия для обучения коренным исчезающим языкам в рамках образовательного проекта COLING «Minority Languages, Major Opportunities» на грант Евросоюза, существующего на базе Факультета Артес Либералес Варшавского Университета.

Необходимо также упомянуть проект «Кочующие Свитки Сибири», начаший свое шествие в Европе с Польши - Варшавы в мае 2016 года. Выставка по-польски называлась «Nomadyczne zwoje Syberii» и где большинство выставленных работы были представлены авторами – преподавателями АГИКИ.

27 июня 2019 года докторант факультета "Artes Liberales" Варшавского университета Дарья Бурнашева под научным руководством профессора АГИКИ, доктора социологических наук Ульяны Алексеевны Винокуровой с отличием защитила диссертацию на английском языке на тему "Arctic Identity: Global, National and Local Processes of Construction and Transformation".

В декабре 2019 года в третьем томе цикла Artes Liberales Lectures была опубликована лекция на английском языке профессора Ульяны Алексеевны Винокуровой: «Экософия: ответ на глобальное изменение климата» прошедшей 1 июля 2019 года в рамках симпозиума "Nature and Culture in Inner And North Asia Perspectives". В серии лекций Artes Liberales публикуются тексты выдающихся ученых, читавших лекции на факультете Artes Liberales, все тома этой серии доступны в Интернете. Лекция профессора Винокуровой была дополнена комментарием профессора Яна Кеневича под названием «В поисках новой цивилизационной парадигмы», а перевод лекции на английский язык осуществлен Дарьей Бураншевой.

Культура народа Саха и других коренных народов Арктики в XIX веке считались вымирающими. Сегодня мы можем констатировать сохранение языка и культуры, но и они видоизменяются в период глобализации, происходит процесс гибридизации культур, т.е. наслоение различных культурных цивилизационных кругов. Наша Республика Саха занимает стратегическое место в транс-цивилизационных отношениях благодаря своему местоположению и выбор арктической перспективы для государственного института культуры и искусства делает ее весьма уникальной и многообещающей.Преимущества качественного развития современного искусства Арктики напрямую зависят от развития АГИКИ, что задает тон в процессах современной реактивации культуры для многих коренных народов, и не только Арктики. Поэтому попытка сосредоточиться на преимуществах искусства, включают в себя гораздо более широкий спектр бенефитов, помимо духовно-физического здоровья наций. Безусловно влияние развития искусства на межличностные и транс-культурные отношения, т.е. получение и социальных вознаграждений, в том числе определяющих экономические выгоды для общества.

Искусство обладает универсальным и свободным языком. Часто искусство может сказать больше, чем мы можем выразить устно на любом другом языке. Вокруг искусства можно дискутировать на любые сложные темы, а в стенах АГИКИ есть уникальная возможность через искусство стать свободным.

Литература:

1. Цивилизационный выбор и пограничье / ред. Я. Кеневич // Debaty Artes Liberals. – 2011. – Tom IV. – URL: http://al.uw.edu.pl/pliki/publikacje/elektroniczne/Debaty%20IBI%20AL%20-%20t%20IV%202011.pdf.

2. Syberia: tradycja i modernizacja / red. Kamil Wielecki // Debaty Artes Liberales. – 2015. - Tom IX. – URL: http://www.al.uw.edu.pl/pliki/Debaty%20AL%20IX.pdf.

3. Domańska, E. Humanistyka nie–antropocentryczna a studia nad rzeczami. - Warszawa, 2008. – URL: https://www.nck.pl/upload/archiwum_kw_files/artykuly/2._ewa_domanska_-_humanistyka_nie-antropocentryczna_a_studia_nad_rzeczami.pdf

4. Łukaszyk, E. Humanistyka, która nadchodzi…W poszukiwaniu kondycji transkulturowej. - Wydawnictwo DiG. Warszawa 2018.

ТРАДИЦИОННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО АРКТИКИ

УДК 39:069(98)

З. И. Иванова-Унарова

ИССЛЕДОВАНИЕ СИБИРСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ НАРОДОВ АРКТИКИ В МУЗЕЯХ США (С УЧАСТИЕМ АРКТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ)

В статье описывается работа над созданием альбома-каталога сибирской коллекции, находящейся в фондах Американского музея естественной истории в Нью Йорке и Национального музея естественной истории Смитсоновского института в Вашингтоне. В каталоге впервые публикуются подробные сведения об этнографической коллекции народов саха, эвенов и юкагиров, хранящихся в крупнейших музеях Америки. Работа выполнена в рамках проекта «Материальная и духовная культура народов Якутии XVII – начала XX веков в музеях мира» и входит в структуру монументального проекта «История Якутии».

Ключевые слова: *Джезуповская экспедиция, коллекция, саха, эвены, юкагиры.*

Zinaida Ivanova-Unarova

THE INVESTIGATION OF THE SIBERIAN COLLECTION IN MUSEUMS OF USA (WITH THE PARTICIPATION OF OF THE ARCTIC STATE INSTITUTE OF CULTURE AND ART)

In this article considered the work on the Catalogue of Siberian collection of the American Museum of Natural History in New York and Smithsonian National Museum of Natural History in Washington D.C. This Album-Catalogue brings together for the first time the detailed information on ethnographic collection of the Sakha, Even, Yukaghir peoples, which are stored in the great museums of USA. This Album-Catalogue was prepared as part of the «Material and Spiritual Culture of the People of Yakutia of the 17th-beginning of the 20th Centuries in World Museums» Project, which is a part of a larger, monumental History of Yakutia Project. Author of Catalogue (718 pages) – professor of the Arctic State Institute of Culture and Arts.

Keywords: *Jesup expedition, collection, Sakha, Even, Yukaghir.*

Одним из крупных событий по исследованию культуры народов Арктики является издание уникальной книги-альбома «Материальная и духовная культура народов Якутии XVII-начала XXв.в. в музеях США», выполненной в рамках монументального проекта «История Якутии», получившего государственную поддержку [11]. Арктический государственный институт культуры и искусств (АГИКИ) входит в перечень организаций-участников проекта **(фото 1)**. Работа над созданием Каталога началась в 2006 г. и завершилась изданием альбома-монографии в 2017 г. **(фото 2)**. На самом деле изучение сибирской коллекции в Американском музее естественной истории (АМЕИ) началось намного раньше, в далеком 1992 г. когда я работала ответственным секретарем правления Союза художников Якутии; затем после длительного перерыва продолжилось в 2012 г. О существовании коллекции сибирских народов в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке, никем еще до сих пор не исследованной, мы с мужем Владимиром Харлампьевичем узнали в феврале 1991 г. от посла США в России Джека Мэтлока и его супруги Ребекки Мэтлок, задержавшихся на два дня в Якутске по приглашению общества «Саха омук» по пути следования в Хабаровск. Их интересовала культура народов Сибири и Дальнего Востока и в первый же день приезда посетили Союз художников. Уже в следующем году, благодаря гранту Сороса, поддерживавшего в те годы российскую науку, мы оказались в Нью-Йорке. Коллекция, которую называют «сибирской», оказалась огромной и состоит из этнографических артефактов чукчей, коряков, юкагиров, эвенов, эвенков и саха. Действительно, никто еще детально не изучал ее, и более того, мало кто видел, поскольку всё хранится в фондах, но для посетителя есть большой отдел «Азия», где представлены все народы континента. Там же находится диорама, изображающая интерьер якутской избы с камельком, наполненный разнообразной утварью, берестяными и меховыми ковриками. У постели больной женщины, лежащей на нарах, камлает шаман, сзади удерживает его помощник *кутуруксут,* за сценой наблюдает нарядная женщина. Манекены из воска в натуральной одежде выглядят вполне реально. Все предметы диорамы позже вошли в наш каталог с подробным описанием. В фондохранилище поддерживается температура и влажность, время от времени чистят серебро и одежду, так что вещи более чем за столетие находятся в хорошем состоянии. Вся коллекция

сибирских народов, переданная участниками Джезуповской экспедиции В. Иохельсоном и В. Богоразом в конце XIX в., датирована 1902-ым годом. Рабочий каталог составил сам Владимир Иохельсон в 1922 г., для чего специально приехал из России и в силу разных обстоятельств не смог вернуться на родину. Каталог составлен по народам, с названиями каждого предмета, с инвентарными номерами, размерами и маленькими черно-белыми фотографиями. С тех пор коллекцию никто серьезно не изучал и наш приезд в музей был встречен радушно. Разрешили работать не только с коллекцией всех народов, но и в архивах, где хранятся редкие фотографии, письма. В те годы у нас не было хорошего фотоаппарата. Мы делали записи в тетрадях и все экспонаты с их сложными узорами рисовали от руки. Эти записи потом пригодились и стали основой для будущего нового проекта. Связь с АМЕИ еще долго поддерживалась. В 1996 г. Владимир Харлампьевич вместе с юкагирским лингвистом Гаврилом Николаевичем Куриловым снова вернулся в музей для того, чтобы снять фотоотпечатки с подлинных негативов Иохельсона и его жены Дины Бродской для иллюстрации монографии Иохельсона "Юкагиры и юкагиризированные тунгусы", которую взялся переводить с английского на русский. Работу над переводом мы с ним завершили в 1997 г., но книга вышла только в 2005 в Новосибирске в издательстве «Наука» в серии «Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» [6]. В 1997 году Американский музей организовал Международную конференцию в Нью-Йорке, посвященную 100-летию Джезуповской экспедиции и 140-летию со дня рождения Франца Боаса. В работе этой конференции приняли участие шесть человек из Якутска, в том числе доктор социологических наук Ульяна Алексеевна Винокурова. Материалы конференции опубликованы в сборнике статей «Constructing Cultures: Then and Now» (2003), куда вошла наша совместная с Ивановым-Унаровым статья «The Revitalization of the Traditional Culture of Northeast Siberian Peoples» [4]. Здесь же была помещена большая статья профессора Джортаунского университета Маржори Балзер, посвященная памяти В. Х. Иванова-Унарова (1937-2000), так и не увидевшего опубликованные труды: перевод монографии Иохельсона на русский язык [6], альбом «Сибирская коллекция в Американском музее естественной истории», содержащий 360 объектов [12], изданный в 2011 г. при финансовой поддержке Национального Комитета РС(Я) по делам ЮНЕСКО по проекту «Циркумполярная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра», свою монографию «Этнокультурные взаимосвязи и взаимовлияния народов Северо-Востока Сибири» [3].

Как попали в Америку ценные экспонаты народов азиатской Арктики? Ни в одном музее России нет равных юкагирским и эвенским изделиям, какие хранит Американский музей естественной истории, самый крупный музей данного профиля, основанный в 1869 году. Антропологическая коллекция музея сегодня насчитывает 530 000 каталожных единиц всех народов планеты. Редкие предметы народов Азии, индейских племен Северной Америки и Канады собраны Джезуповской экспедицией. Целью грандиозной по масшта-

Фото 1: Организации – участника проекта.

Фото 2: «Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII -нач. XX в.). Том 1. Сибирская коллекция в музеях США. Каталог-альбом». Автор-составитель З.И. Иванова-Унарова. (Якутск: Бичик, 2017. – 784 с.).

Фото 3: Презентация Каталога в Организации Объединенный Наций, 17 апреля 2017 г. в Нью-Йорке.

бам экспедиции было всестороннее изучение материальной и духовной культуры коренных народов, населяющих Северо-Тихоокеанское побережье, в том числе северо-восток Азии. Инициатора экспедиции Франца Боаса интересовали генетические и этнокультурные связи между народами Российской Арктики и Северной Америки. Боас полагал, что жизнь индейцам Америки дали предки коренных народов севера Сибири - чукчей, коряков, юкагиров, которые переходили в американский континент через существовавший когда-то сухопутный «мост», ставший Беринговым проливом. Научная Северо-Тихоокеанская экспедиция, которая должна была подтвердить теорию заселения Америки из Азии, получила название Джезуповская в честь мецената, директора музея естественной истории в Нью-Йорке Томаса Джезупа. За семь лет работы (1897-1904) участники экспедиции исследовали все северное побережье Тихого океана, Амурскую область и Северо-Восток Сибири. По рекомендации Российской Академии художеств сибирская сторона была поручена В. И. Иохельсону и В. Г. Богоразу, только что отбывшим политическую ссылку в Якутии. В течение 1900-1902 гг. они изучали языки, быт, культуру народов Севера, часто кочуя с ними зимой и летом по тундре, тайге и горам. Франц Боас требовал от всех участников экспедиции знание языков изучаемых народов. Иохельсон сначала овладел якутским языком, затем юкагирским и корякским, позже, работая на Аляске, выучил алеутский язык. Составил грамматику и словарь двух диалектов юкагирского языка. Богораз, находясь на Чукотке, свободно заговорил на чукотском. Оба были хорошо знакомы с регионом и культурой народов еще в ходе работы в предыдущей сибиряковской экспедиции. По условиям контракта весь собранный материал был отправлен Американскому музею естественной истории. Результаты научных исследований опубликованы в 10 монографиях в серии «Ученые записки Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции". В библиотеке музея находятся капитальные монографии В. Иохельсона на английском языке "Народы Азии", "Якуты", "Юкагиры и юкагиризированные тунгусы", "Коряки" и В. Богораза "Чукчи", "Чукотская мифология"; "Сибирские эскимосы".

В начале 2006 г. Председатель Государственного собрания Ил Тумэн Республики Саха (Якутия) Александр Николаевич Жирков предложил проект, подразумевающий сбор и каталогизацию предметов материальной и духовной культуры народов Якутии XVII - нач. XX вв., вывезенные за границу до 1917 г. Было выявлено, что крупные этнографические коллекции народов Якутии хранятся в музеях США, Германии, Великобритании, Франции и Скандинавских стран. Работа над этим крупным проектом была возложена на Национальный художественный музей (музеи Германии, Дании, Великобритании), Якутский государственной музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского (Музеи Франции и России) и Арктический государственный институт культуры и искусств (музеи США). Идею издания Системного Каталога по музеям мира поддержал Постоянный форум ООН по делам коренных народов мира в лице руководителя Секретариата Чандры Рой-Хенриксен. Забегая вперед, напомню, что презентация Каталога прошла 17 апреля 2017 г. в Нью-Йорке на Форуме ООН **(фото 3)**. Александр Николаевич Жирков, не только крупный государственный деятель, но историк по образованию и призванию, тщательно подготовил новый проект: выбор стран и музеев, сроки командировок и, главное, решена финансовая сторона. Было принято решение начинать работу над новым проектом с музеев США, откуда был собран первоначальный материал. На этот раз поставлена задача всестороннего исследования материальной и духовной культуры народов, имея в виду сбор не только этнографических артефактов, но и фотографий, музыкальных и фольклорных записей, переписки всех участников сибирской экспедиции. Для издания каталога артефактов требовались фотографии с высоким разрешением. В список исследуемых музеев кроме АМЕИ, вошел Национальный музей естественной истории (НМЕИ) Смитсоновского института в Вашингтоне. Но при этом было введено ограничение: требовалось исследование не всей сибирской коллекции музеев, а только народов, проживающих на территории Якутии – это саха, эвены, юкагиры. Остались за бортом амурские эвенки, коряки, чукчи с их богатыми артефактами, хотя в предыдущие поездки мы их также описывали.

Итак, в музей я вернулась в 2012 и 2014 годах в сопровождении фотографа Максима Унарова. Собранный материал обрабатывался дома в свободное от основной работы время. В результате издан Каталог объемом 93 п.л. или 718 страниц, куда вошли якутская, эвенская и юкагирская коллекции из Американского музея естественной истории в Нью-Йорке, собранные Иохельсоном и Богоразом, и небольшая по объему якутская коллекция Смитсоновского Национального музея естественной истории в Вашингтоне, поступившая путем обмена из Музея антропологии и этнологии имени Петра Великого (Кунсткамера). Общее количество артефактов в каталоге 1612. Если обратимся к отчету Иохельсона 1902 года, то должно было быть 917 якутских, 300 юкагирских и 480 эвенских предметов. Из этого числа в настоящее время фактически в музее насчитывается 821 единица из якутской коллекции, 293 юкагирских и 425 эвенских артефактов. Потери минимальны за 100 лет бурной истории в мире. Кроме этого, Иохельсон и Богораз предоставили Американскому Музею 139 восковых цилиндров, на которых записан музыкальный фольклор якутов, коряков, юкагиров, эвенов, чукчей, сибирских эскимосов и русских старожилов из селения Русское Устье. Восковые цилиндры Американский музей передал в архив традиционной музыки Индианского университета, откуда был нам любезно предоставлен оцифрованный музыкальный диск. Все фотографии, музыкальные записи, полевой дневник Иохельсона и деловые переписки участников мы отдали по назначению в Академию наук РС(Я).

Полагаю, что своими публикациями мы способствовали возвращению имени В. И. Иохельсона в российскую науку. Выдающийся первый этнограф-северовед Владимир Ильич Иохельсон, чьи труды давно

известны зарубежным исследователям, был забыт на родине после эмиграции в Соединенные Штаты в 1922 г. В научных статьях советских историков до 1990-х гг. участие Иохельсона в Сибиряковской, тем более в Джезуповской экспедициях упоминается лишь мимоходом. Его монографию «Якуты», изданную в Нью-Йорке в 1933 г., историки раскритиковали за буржуазные взгляды, она до сих пор не переведена на русский язык [15]. Положительный отзыв дал Ксенофонтов Г. В. в рецензии к монографии: «*Последний труд Иохельсона «Якуты» по широте программы мало в чем уступает «Якутам» В. Серошевского и задуман с очевидной целью восполнить недостатки последнего по новейшим достижениям этнографической науки о якутах...Коренное отличие от труда Серошевского заключается в наличии весьма компактных и содержательных глав по антропологии и языку, т.е. как раз тех разделов якутологии, которые все дальше продвинуты членами сибиряковской экспедиции* [10, с. 101]. Этот отзыв мог стать дополнительным пунктом в обвинении в шпионаже расстрелянного в 1938 г. Г. В. Ксенофонтова. Так или иначе имя Иохельсона вычеркнули из истории российской науки до конца XX в. Богораз, оставшийся на родине, имел более счастливую судьбу, став признанным ученым и общественным деятелем. По его инициативе были основаны Институт народов Севера, Музей истории религии, вместе с Л. Я. Штернбергом, также бывшим народовольцем и политическим ссыльным, организовал этнографический факультет в Ленинградском университете. Вклад Иохельсона в российскую науку признавал И. С. Гурвич (5). В 1963 г. он опубликовал часть записей дневников В. И. Иохельсона и Д. Л. Бродской, как «*ценнейший источник для освещения архаической культуры народов Сибири и Севера*» [1, с. 248]. В 1994 г. во Владивостоке выходит статья востоковеда Н. В. Кочешкова об Иохельсоне в серии с характерным названием «Забытые имена» (8). В 1993-1994 гг. выходят наши статьи в местной печати (4) и статья В. Х. Иванова в сборнике «Памятники культуры народов Арктики и Севера» [2, с. 119-128]. И только в 2005 г., к 150-летию со дня рождения В. И. Иохельсона появились обстоятельные статьи Н. Вахтина , Н. Вдовина, С. С. Слободина о Джезуповской экспедиции, о жизни и творчестве Иохельсона и Богораза. Выход монографии Иохельсона в нашем переводе тоже совпал с этой датой хотя был завершен в 1997 г., но не было возможности издать раньше. Что касается американской печати, то истории Джезуповской экспедиции и лично роли Франца Боаса посвящена обширная литература, но при этом вне поля их зрения оставался сибирский отряд с Иохельсоном и Богоразом. Прорыв в этом вопросе произошёл в связи с подготовкой к 100-летию Джезуповской экспедиции и юбилею Боаса в 1997 г. Центр Арктических исследований Смитсоновского института в Вашингтоне начал работу по проекту «Джезуп II» с целью проследить глобальные изменения в жизни коренных народов Северо-Тихоокеанского побережья за прошедшее столетие, исследовать этнокультурные контакты народов Арктики [9]. Не удивительно, что в Германии заинтересовались личностью Иохельсона, для которого немецкий язык был вторым родным языком. В 2017 г. в серии «Kulturstiftung Sibirien» вышел сборник статей «Валдемар Иохельсон. Российский Дальний Восток. Труды на немецком языке», составленный Эрихом Кастеном [7]. Татьяна Аргунова-Лоу переиздала монографию Иохельсона "The Yakut", заново подчеркивая ее ценность в сохранении традиций, в частности в проведении ысыаха в наше время [13].

Труды Джезуповской экспедиции и издание каталога "Материальная и духовная культура народов Якутии XVII 1- нач. XX вв. в музеях мира" являются бесценным источником в изучении культуры и искусства народов Арктики.

Литература

1. Гурвич, И. С. Полевые дневники В. И. Иохельсона и Д. Л. Иохельсон-Бродской : очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии / И. С. Гурвич- Москва, 1963. - С. 248-258.
2. Иванов, В. Х. Владимир Иохельсон и Дина Иохельсон Бродская – исследователи этнической культуры народов Северо-Востока Сибири / В. Х. Иванов. // Циркумполярная культура: Памятники культуры народов Арктики и Севера : сборник. - Якутск : Северовед, 2000. – С. 119-128.
3. Иванов, В. Х. Этнокультурные взаимосвязи и взаимовлияния у народов Северо-Востока Сибири (по материалам традиционного декоративно-прикладного искусства) / В. Х. Иванов. – Новосибирск : Наука, 2001. – 158 с.
4. Иванова-Унарова, З. И. Дневник Иохельсона / З. И. Иванова-Унарова. // Илин, 1999. - № 3-4. – С. 52-59.
5. Иванова-Унарова, З. И. Иохельсон В. И. и Богораз В. Г. – начало североведческой традиции : сборник конференции «Эхо арктической Одиссеи: судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов, посвящено 100-летию со дня рождения И. С. Гурвича / З. И. Иваноа-Унарова. // НБ РС (Я), 2019. – С. 229-240. – URL: https://e.nlrs.ru/online/34938 .
6. Иохельсон, В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / В. И. Иохельсон ; перевод с английского В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск, 2005. - 675 с.
7. Кастен, Э. В. И. Иохельсон и Сибиряковская экспедиция (1894-1897) / Э. В. Кастен ; перевод с немецкого Эриха Кастена в обработке Тьян Заочной. // Материалы XXXIV Крашенинниковской конференции, 2017. - С. 155-159.
8. Кочешков, В. Н. Российский этнограф Владимир Ильич Иохельсон: Забытые имена : статьи и очерки / В. Н. Кочешков ; составитель и научный редактор И. Г. Стрюченко. - Вып. I. - Владивосток, 1994. С.

92-101.

9. Крупник, И. И. Изучение аборигенных культур Северо-Тихоокеанского региона от Джезуп-1 к Джезуп-2: Сибирская коллекция в Американском музее естественной истории: циркумполярная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра / И. И. Крупник. // Национальный комитет РС (Я) по делам ЮНЕСКО. – Якутск, 2011. – С. 42-49.

10. Ксенофонтов, Г. В. Урангхай – сахалар : очерки по древней истории якутов / Г. В. Ксенофонтов. // Якутск, 1992. – 2 т. – С. 94-103.

11. Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII-начало XIX вв.): Сибирская коллекция в музеях США / автор-составитель З. И. Иванова-Унарова. – Якутск, 2017. – 1 т. – 784 с.

12. Сибирская коллекция в Американском музее естественной истории: циркумполярная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра / автор-составитель З. И. Иванова-Унарова. - Национальный комитет РС (Я) по делам ЮНЕСКО. – Якутск : Офсет, 2011. – 252 с.

13. Argounova T. Waldemar Jochelson's Monograph the Yakut and Continuing Traditions of Ysyakh // Jochelson, Bogoras and Shternberg. A Scientific Exploration at Northeastern Siberia and the Shaping of Soviet Ethnography. Ed. Erich Kasten / Kulturstiftung Sibirien. 2018. P. 113-130. https://books.google.com/books/about/Jochelson_Bogoras_and_Shternberg.html?id=9GV5DwAAQBAJ&printsec=frontcover&source=kp_read_button#v=onepage&q&f=false

14. Ivanov-Unarov, V. and Ivanova-Unarova Z. The Revitalization of the Traditional Culture of Northeast Siberian Peoples // Constructing Cultures Then and Now. Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition. Laurel Kendall and Igor Krupnik, eds. "Contributions to Circumpolar Anthropology", vol. 4. 2003. Washington, DC: Arctic Studies Center, P. 336-347.

15. Jochelson W. The Yakut // Anthropological papers of the American Museum of Natural History. – Vol.XXXIII, Part II. – New York City, 1933, 225 p.

УДК 39:069(98)

И. И. Крупник

АРКТИЧЕСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В СМИТСОНОВСКОМ ИНСТИТУТЕ: ОКНО В АРКТИКУ ИЛИ ПУТЬ К ЕЕ ЖИТЕЛЯМ?

В статье рассматривается история арктических этнографических коллекций в Национальном музее естественной истории Смитсоновского института, с особым упором на коллекции по коренным народам Саха-Якутии. Большинство сибирских коллекций Смитсоновского института возникли в результате обмена с российскими музеями. В настоящее время этнографические коллекции все чаще рассматриваются не только как «собственность» соответствующих музеем, но и как важнейший ресурс для культурного возрождения аборигенных народов, их традиционных знаний, языков и народного искусства.

Ключевые слова: *Актические музейные колекции, Смитсоновский институт, музейный обмен, культурное возрождение.*

Igor Krupnik

SMITHSONIAN ARCTIC ETHNOGRAPHIC COLLECTIONS: GATEWAYS TO THE ARCTIC OR A PATH TO ITS PEOPLE?

The paper overviews the history of the Arctic ethnographic collections at the National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, with a special emphasis on collections from Indigenous people of the Sakha/Yakutia. Most of the Smithsonian Siberian collections were the outcomes of exchange with various Russian museums. It is becoming increasingly common to view historical ethnographic collections not only as 'properties' of their host museums but also as resources for today's cultural revitalization of Northern Indigenous people, their traditional knowledge systems, languages, and artistic traditions.

Keywords: *Arctic museum collections, Smithsonian Institution, museum exchange, cultural revitalization.*

Смитсоновский Институт (Smithsonian Institution, Смитсониан) в Вашингтоне был основан актом Конгресса США в 1846 г. и назван в честь его донора-основателя Джеймса Смитсона (ок. 1765–1829). Джеймс Смитсон, английский ученый-аристократ, химик и минералог, член Лондонского королевского научного общества [10], стал донором-основателем учреждения, которое впоследствии стало главным национальным музейным комплексом США. В своем завещании он провидчески оставил средства «Соединенным Штатам Америки для организации в Вашингтоне нового учреждения под названием Смитсоновский институт, для приращения и распространения знаний между людьми». Первый действующий музей в составе Смитсоновского Института был открыт в 1858 г.; с 1881 г. он назывался «Национальный музей США» (United States National Museum). С 1958 г. его основная часть, которая включает этнографические и археологические коллекции, стала «Национальным музеем естественной истории (НМЕИ – **фото 1**).

Как все ранние музеи той эпохи, Национальный музей США собирал и хранил практически все виды экспонатов – камни и минералы, растения, чучела птиц и шкурки животных, змей и бабочек, кости динозавров, индейские наконечники стрел, а также картины, скульптуры, исторические экспонаты, книги и этнографические предметы разных народов. Потребовались специальные усилия, в первую очередь Спенсера Бэйрда (1823–1887), второго Секретаря (директора) Смитсоновского института, чтобы Национальный музей превратился в научное учреждение мирового уровня, с активной программой сбора коллекций, в том числе этнографических и археологических предметов из разных районов Северной Америки и всего мира. Этнографические коллекции, собранные среди разных народов, должны были содействовать подробной документации богатства естественного мира, включая человеческие группы, и сохранения его многообразия в виде музейных экспонатов – для систематического научного изучения и просвещения публики [11].

Смитсониан двигается в Арктику. Будучи натуралистом широкого профиля, прежде всего, орнитологом и ихтиологом, Бэйрд живо интересовался проблемой связей Старого и Нового света, в частности происхождением американских индейцев и их языков. Он считал Арктику и особенно Аляску наиболее перспективным регионом для исследования взаимоотношений между древними обитателями Старого и Нового света [13]. В первые свои десятилетия молодой Смитсоновский Институт уделял очень много внимания изучению Арктики и, в целом, северных областей [13, с. 62].

В течение первых пятидесяти лет такой «естественно-исторический» подход был главным методом сбора арктических коллекций для Смитсоновского института, а самыми успешными коллекционерами стали профессионально обученные натуралисты. Эти люди, которых принято сейчас называть «Бэйрдовыми натуралистами» [11], собрали самые богатые арктические коллекции из различных районов севера Север-

ной Америки, которые хранятся в НМЕИ. Многие из этих первых коллекционеров-натуралистов—Уильям Долл (1845–1927), Эдвард Нельсон (1855–1934), Джон Мэрдок (1852–1925), Люсьен Тэрнер (1848–1909) и другие—опубликовали этнографические монографии, основанные на своих полевых записях и материалах, но также статьи об арктических птицах, млекопитающих, рыбах или моллюсках по сборам из тех же путешествий. Такой систематический «естественно-исторический подход», в сочетании с прекрасной документацией выгодно отличает ранние арктические коллекции Смитсоновского института от собраний других крупнейших музеев, особенно северо-американских. В последних основную часть этнографических поступлений составили сборы путешественников, китобоев, врачей, военных офицеров, миссионеров и других лиц, оказавшихся в Арктике. Более поздние смитсоновские приобретения 20 в. далеко уступают этим ранним коллекциям по размеру, широте охвата и своей научной ценности.

Арктические коллекции Смитсониана: краткий обзор. В последние годы многие ведущие этнографические и естественно-научные музеи мира, включая Смитсониан, сделали свои коллекции доступными на музейных сайтах. Фактически речь идет об открытых для поиска электронных базах данных (каталогах), где предметы размещаются вместе с фотографиями, коллекционными номерами и короткими описаниями. Подготовка таких открытых электронных баз данных – дорогой и длительный процесс; но он позволяет «заглянуть» в музейные хранилища с помощью компьютера, не совершая далёких поездок. Это также впервые дало возможность исследовать и сравнивать коллекции крупнейших музеев мира по их размеру, времени сбора и распределению по народам и регионам.

Музейные коллекции большинства регионов мира включают, помимо этнографических предметов, также фотографии, музыкальные и видео записи, исторические документы (дневники, письма и другие записи собирателей), произведения искусства, а также остеологические и другие антропологические материалы и тысячи предметов, включая кости животных из археологических раскопок. Обычно эти разные коллекции хранятся в отдельных фондах. Так же обстоит дело в НМЕИ, где этнологические, археологические и антропологические коллекции составляют разные фонды, в то время фотографии и документы хранятся в специальном Национальном антропологическом архиве (National Anthropological Archives, http://anthropology.si.edu/naa/index.htm - NAA), а видео- и аудио-материалы – в фильмо-архиве «Исследований человека» (Human Studies Film Archives (http://anthropology.si.edu/naa/home/hsfahome.html).

Свои арктические коллекции из примерно 1000 этнографических предметов и многих тысяч фотографий и документов есть у еще одного Смитсоновского музея – Национального музея американских индейцев (National Museum of the American Indian, NMAI); но в нем мало археологических материалов и практически нет антропологических коллекций. Другой Смитсоновский музей – Национальный музей американской истории (National Museum of the American History) хранит предметы, относящиеся к американским экспедициям в Арктику: инструменты, личные вещи путешественников, документы, письма и т.п. Понятно, что определить *общее количество* предметов, относящихся к Арктике, в коллекциях Смитсониана весьма затруднительно.

Другую трудность представляет само определение «Арктики», которым пользуются разные музеи. В НМЕИ все этнографические и археологические коллекции разделены по так называемым «культурным областям» (culture areas). При таком определении «Арктикой» считается только самая северная часть северо-американского континента, а именно территория расселения эскимосов и алеутов. Коллекции по народам американской таежной зоны попадают в другую культурную область, называемую «Субарктикой». Народы, населяющие тихоокеанское побережье Аляски и Канады, входят в область под названием «Северо-западное побережье» (Northwest Coast) и тоже не считаются «Арктикой». Многие другие музеи не придерживаются такого деления, и соответственно их арктические коллекции включают предметы, относящиеся к народам лесной и прибрежной зоны Аляски и северной Канады. Следовательно, сравнение «арктических» коллекций в разных музеях мира должно обязательно учитывать, что считается «Арктикой» в каталогах каждого музея.

Согласно электронной коллекционной базе НМЕИ, арктические этнографические коллекции музея насчитывают свыше 18.000 предметов; это число включает более 15 тыс. предметов по эскимосам и алеутам Аляски, около 1800 предметов по эскимосам (инуитам) Канады и более 950 предметов из Гренландии. Сюда же надо добавить около 3.000 предметов, принадлежащих индейским группам таежной зоны Канады и более 1800 предметов из юго-восточной Аляски («Северо-западное побережье»). Коллекции НМЕИ по северным народам Старого света очень скромные: более 400 предметов из Сибири (см. ниже) и свыше 50 саамских предметов из северной Скандинавии. В это число не включаются фотографии, документальные и лингвистические материалы, в том числе ранние фотографии, начиная с 1870-х гг.

Получить более точные цифры пока не представляется возможным, учитывая, что за десятилетия хранения в музейных фондах некоторые предметы могли быть ошибочно каталогизированы, перемещены в другие ящики или просто утеряны – вещь обычная для старых музеев с ранними коллекциями. Северные этнографические коллекции Музея американских индейцев (НМАИ) намного скромнее: примерно 1000 предметов по эскимосам и алеутам Аляски, Канады и Гренландии («Арктика»), 600 предметов по таежным группам индейцев Канады («Субарктика») и 450 предметов из южной Аляски («Северо-Западное побережье»). В НМАИ нет никаких вещей из Сибири или других северных районов Старого света.

Этнографические коллекции НМЕИ наиболее богаты и представительны по районам, где когда-то работали «Бэйрдовы натуралисты», то есть, в первую очередь по Аляске. Наибольшая доля предметов

происходит из западной Аляски, особенно из междуречья рек Юкон и Кускоквим (одна лишь коллекция Э. Нельсона насчитывает около 5 тыс. предметов); северной части Берингова моря и района Берингова пролива (около 4,5 тыс. предметов, в том числе более 1000 с о-ва Св. Лаврентия); и северной и северо-западной Аляски (свыше 2 тыс. предметов). В НМЕИ имеются превосходные старые коллекции по некоторым районам северной Канады в количестве более 1550 предметов, собранные из района устья р. Макензи (сборы начиная с 1850-х гг.); северного Лабрадора и залива Унгава; и из центральной части Канадской Арктики. Фонд по Гренландии относительно невелик (около 900 предметов), но в нем имеется множество ценных ранних вещей второй половины 19 в. из западной Гренландии и района Аммассалик в восточной Гренландии, полученные по обмену с Датским национальным музеем в Копенгагене.

Сибирские этнографические коллекции в Смитсоновском институте. Как ни парадоксально, самые ранние арктические этнографические коллекции в НМЕИ происходят не с севера Аляски или Канады, а с азиатского побережья Берингова пролива, то есть крайнего Северо-Востока России. Это – небольшая группа из 23 предметов, переданных музею лейтенантом Джоном Роджерсом, командующим Северо-Тихоокеанской исследовательской экспедицией США в 1853–1856 гг. Экспедиция Роджерса обследовала побережье и острова Северо-Восточной Азии и Аляски вплоть до 72° с.ш.; предметы, которые Роджерс передал в музей, вместе со своими картами, рукописями и словарями местных языков, были собраны летом-осенью 1855 г., на восточном побережье Чукотки, вблизи знаменитого древнего памятника «Китовая аллея» [1, с. 92–93]. Они включают гарпуны и поплавки для охоты, лыжи-снегоступы, остроги для лучения рыбы, другое охотничье снаряжение. Есть в этой маленькой коллекции особо ценный предмет – составной пластинчатый чукотский (эскимосский?) панцырь (**фото 2**) вероятно, один из самых ранних образцов такого защитного доспеха из Северо-Восточной Азии в музеях Северной Америки.

В целом, сибирские этнографические коллекции НМЕИ немногочисленны и насчитывают около 400 предметов. В это число не входят несколько десятков археологических предметов, костных (скелетных) материалов, а также рукописи и многие сотни исторических фотографий конца 19–начала 20 в. Сибирские коллекции НМЕИ не только скромны по размеру, но и охватывают лишь отдельные районы или группы населения Сибири: Чукотку (азиатские эскимосы и чукчи – 162 предмета), Приамурье (110 предметов, в основном нанайских), Корякию и Камчатку (коряки и ительмены – 25 предметов), Ямал (ненцы, недавние приобретения – 19 предметов) и Саха-Якутию (52 предмета – см. ниже). Большинство предметов из района Чукотки-Корякии-Берингова моря составляют поступления американских мореплавателей, китобоев и офицеров пограничной службы США, которые посещали тихоокеанское побережье России в 1870-1880-х гг. Меньшая по размеру коллекция по народам Приамурья состоит из двух поступлений: от российского исследователя и писателя В. К. Арсеньева (1872–1930) и польского этнографа Станислава Понятовского (1884–1945) [6]. Они поступили по обмену с Хабаровским краевым музеем (ныне Музей им. Н. И. Гродекова в Хабаровске), в период, когда В. К. Арсеньев был его директором.

Смитсоновские сибирские коллекции трудно сравнивать с богатейшими этнографическими собраниями из Сибири в фондах Американского музея естественной истории (АМЕИ) в Нью-Йорке. Коллекции АМЕИ по чукчам, корякам, эвенам, юкагирам, саха/якутам, насчитывающие в общей сложности более 6,500 предметов и свыше 2,000 ранних фотографий – одни из самых богатых в мире и самые богатые за пределами России [2; 3]. И все же несмотря на свою малочисленность и ограниченное этнографическое представительство, они включают немало редких и ценных предметов и даже некоторые «звезды» со своей удивительной историей.

Смитсоновские коллекции из Саха / Якутии. Небольшая коллекция из 51 предмета в фондах НМЕИ (раздел «этнология») по записям числится как «якутская» (Yakut). Она состоит из двух неравных частей: основная группа из 42 предметов поступила в музей в 1932 г., согласно инвентарным описям – из «Музея Академии Наук в Ленинграде» (ныне Санкт-Петербург). Все эти предметы имеют стандартную идентификацию, «район рек Алдан и Лена» и, по всей видимости, являются результатом одного поступления по обмену с Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ-Кунсткамера) РАН. В 1930–1931 гг. МАЭ получил большое число этнографических предметов, собранных в 1925–1930 гг. Якутской экспедицией АН СССР (ее полное название Комплексная экспедиция АН СССР по изучению производительных сил Якутской Республики). Этнографические предметы, собранные Якутской экспедицией, были первоначально выставлены на большой выставке, организованной Академией Наук в Ленинграде, а потом были переданы на хранение в МАЭ (личное сообщение Ю. А. Купиной). Некоторые предметы, считавшиеся «дубликатами», были затем отправлены в специальный обменный фонд МАЭ для обменов с зарубежными музеями и в итоге оказались в Национальном музее США, ныне – НМЕИ в Вашингтоне.

Согласно Ю. А. Купиной, участники Якутской экспедиции сознательно собирали десятки похожих предметов, чтобы создать обменный фонд для советских музеев, в первую очередь, МАЭ в их международных контактах с зарубежными музеями. Кураторы МАЭ были особенно заинтересованы получить изделия американских индейцев из центральных районов США, куда российские и потом советские музеи не имели доступа. Поэтому обмен этнографическими коллекциями – сибирскими и американскими – был в интересах обоих музеев. К сожалению, полученные по обмену коллекции из Саха-Якутии никогда не выставлялись в НМЕИ и до недавнего времени специально не изучались. Недавно опубликованные каталоги систематическое описание коллекций из Саха-Якутии в американских музеях [2], позволили «донести» эти предметы в

районы их изготовления и сделать их доступными для музейных специалистов в Саха-Якутии и во всем мире.

Лейтенант Харбер и его «якутская» одежда из дельты Лены. Обследование З. И. Ивановой-Унаровой саха (якутских) коллекций Смитсоновского Института в 2014 г. принесло одно замечательное «открытие». Оно началось с ее короткого комментария в ноябре 2014 г., когда мы вместе осматривали большую верхнюю мужскую меховую рубашку («кухлянку»), которая числится среди предметов якутской коллекции НМЕИ [17]. Бросив беглый взгляд на кухлянку, Зинаида Ивановна тихо сказала: «Не наша!» (**фото 3**). Заинтригованный ее комментарием, я попросил объяснить, что она имела в виду.

По своему виду и покрою, эта глухая верхняя меховая рубашка сильно отличается от традиционной распашной мужской одежды саха (якутов), эвенков или эвенов и, по мнению Ивановой, больше всего напоминает одежду коряков. Это – обычная по типу зимняя рабочая мужская национальная одежда с капюшоном, сделанная из двух слоев оленьих шкур (мехом наружу и мехом внутрь) и широко известная в Восточной Сибири под названием «кухлянка». Кухлянка в коллекции НМЕИ – явно ношеная, но в относительно хорошем состоянии, притом очень большого размера (длина 105 см). Поскольку традиционная корякская зимняя одежда обычно шилась длиной чуть ниже колен, кухлянка из коллекции НМЕИ явно изготовлена для очень высокого мужчины (особенно учитывая средний рост аборигенных жителей Сибири).

Внимательно осмотрев ее, мы обнаружили на внутренней части воротника (нагрудника) выцарапанную надпись латинскими буквами «Lt. G.B. Harber USN». Личность этого человека удалось быстро установить: лейтенант американского военно-морского флота (US Navy – USN) Гилес Бэйтс Харбер (1848–1926). Харбер оказался в Якутии в 1882 г., куда он был направлен разыскать следы пропавшей американской экспедиции Джорджа Делонга (Де-Лонга) на корабле «Жаннетта». В честь его названы острова Де-Лонга в Восточно-Сибирском море и пролив Лонга, отделяющий от побережья Сибири о. Врангеля. Корабль Делонга был раздавлен полярными льдами в центральной части Восточно-Сибирского моря и затонул в июне 1881 г. 32 члена экипажа «Жаннетты» под руководством Делонга совершили героический переход через морские льды к побережью Сибири, волоча через ледовые поля провизию, собранные коллекции и три судовые шлюпки [16]. Многие участники перехода погибли по пути или умерли от голода, уже на сибирском берегу, включая самого Делонга; их тела были вскоре обнаружены на побережье дельты Лены и были временно захоронены на вершине сопки, которая по преданиям с тех пор называется «Америка-Хайа» (американская сопка).

Харберу было поручено задание невероятной сложности: разыскать тела Делонга и его спутников, извлечь их из временной могилы на пустынном сибирском побережье и доставить в Америку для надлежащего захоронения. По возвращении из Якутии в мае 1884 г., Харбер составил 80-страничный официальный отчет о своей миссии. Этот отчет, вместе с его заметками, письмами, фотографиями и другими записями помог

Фото 1. Национальный музей естественной истории (НМЕИ) Смитсоновского института в Вашингтоне. Фото И.И. Крупника.

Фото 2. Чукотский (эскимосский?) пластинчатый панцирь с восточной Чукотки – сборы экспедиции Дж. Роджерса, 1855. NMNH E2437.

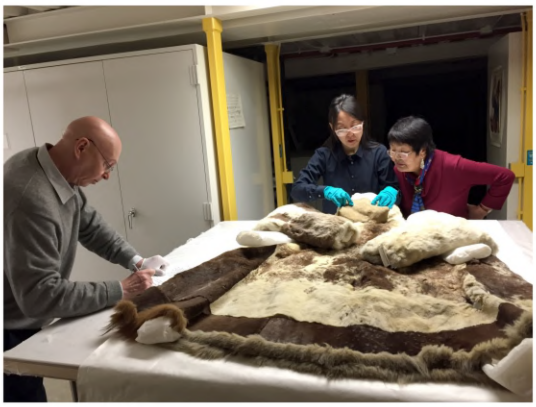

Фото 3. Игорь Крупник, Зинаида Иванова (справа) и Евгения Иванова-Унарова (в центре) обследуют меховую одежду Харбера (кухлянка) в хранилище НМЕИ. Фото Максима Иванова-Унарова, ноябрь 2014.

разрешить загадку харберовской «кухлянки» и осветить одну из самых трагических страниц в истории освоения Арктики.

Гилес Харбер родился в 1848 г. в американском г. Янгстаун в штате Огайо. Он рано поступил на военную службу и имел обычную карьеру молодого флотского офицера, с периодической сменой кораблей и портов приписки до тех пор, пока в феврале 1882 г. ему не было предписано отправиться в Сибирь на поиски экипажа «Жаннетты». Он вернулся спустя два года и впоследствии сделал блистательную карьеру на флоте, закончив ее в звании полного адмирала и в одно время – командующего тихоокеанским флотом США. Он умер в 1926 г. в своем родном городе Янгстауне.

Самым заслуженным достижением Харбера в ходе его двухлетней миссии в Сибирь было обнаружение останков погибших членов экспедиции Делонга. Вместе с еще одним американским моряком, Вильямом Шютце, Харбер пересек на пароходе Атлантический океан и затем через Париж, Берлин, С-Петербург и Москву добрался до г. Нижний Новогород, который в тот момент был самым восточным пунктом России с железнодорожным сообщением. Оттуда оба американца пересекли на санях Урал, Западную и Центральную Сибирь, добрались до истоков Лены и сплавились на катере вниз по реке до самой дельты, где в июле 1882 г. начали свои поиски. Пешком и на лодках они обследовали сотни километров пустынного побережья в поисках следов экипажа «Жаннетты», пока не добрались до места захоронения на «Американской сопке». Им потребовалось еще 15 месяцев и несколько путешествий из дельты до Якутска и обратно для получения официального разрешения российского правительства на эксгумацию тел и доставку их в Якутск для последующей транспортировки в Америку. В ноябре 1883 г. большой караван саней с 10 гробами вышел из Якутска и два месяца спустя добрался до ближайшей русской железнодорожной станции. Оттуда в специальном вагоне тела Делонга и его спутников проследовали через Москву и Берлин в Гамбург и затем на пароходе в Нью-Йорк, куда они прибыли в феврале 1884 г. Сразу после официальных похорон Делонга и его спутников лейтенант Харбер вернулся к своей обычной флотской службе. Три месяца спустя, раздавленные обломки «Жаннетты» были найдены во льдах недалеко от г. Юлианехааб (ныне Какорток) у побережья юго-западной Гренландии. Они проделали пятилетний дрейф во льдах через центральную часть Северного Ледовитого океана, подтвердив идею Делонга о возможности достигнуть Северный полюс на корабле, вмерзшем в дрейфующие полярные льды у побережья Восточной Сибири. Через 15 лет план Делонга успешно воплотила норвежская экспедиция Ф. Нансена на корабле «Фрам».

Через восемь лет после возвращения из Сибири, в январе 1892 г. Харбер подарил свою коллекцию сибирской одежды из 11 предметов Национальному музею США (теперь НМЕИ). В приемочной описи под номером 1 значится большая мужская меховая рубашка названная «куклянка», которую мы с З. И. Ивановой обследовали в ноябре 2014 г. Коллекция одежды, подаренная Харбером, также включает меховые сапоги, чулки, наколенники, рукавицы, шапку (капор) из лисьих шкур, путевую сумку, а также подобие «боа» из беличьих хвостов, чтобы закрывать лицо от сильного мороза – короче, полный набор одежды для зимнего путешествия. В Национальном антропологическом архиве сохранилось также несколько фотографий Харбера 1892 г., на которых он позирует в своей сибирской одежде (**фото 4**). На них запечатлен крупный усатый мужчина, одетый в полный костюм полярного путешественника.

Нам даже известно, когда именно эта зимняя одежда (или ее более ранний прототип) была пошита и приобретена Харбером. В августе-октябре 1882 г., во время поисков следов экспедиции Делонга Харбер и его партия посетили русскую полярную станцию в Сагастыре, в дельте Лены, работавшую по программе (первого) Международного Полярного Года (МПГ), а также ближайшие к ней якутские и эвенкийские стойбища. Русские морские офицеры-участники МПГ: Николай Юргенс, Александр Бунге и Адольф Эйгнер – содействовали Харберу в поисках пропавшей американской экспедиции и помогли ему установить контакт с местными жителями, которые и обеспечили группу Харбера теплой одеждой (как он сообщил в своем отчете 1884 г.).

Скорее всего, эта одежда из оленьей шкуры была пошита в якутском селении Китах вблизи полярной станции Сагастырь, в котором было тогда 60–70 жителей. Известно, что в этом селении Харбер и его спутники провели несколько дней в октябре 1882 г. Якутские мастерицы использовали для одежды шкуры диких оленей, добытых ранее группой Харбера, а также купленных или обмененных им у жителей близлежащих стойбищ. На некоторых предметах зимнего костюма Харбера в коллекции НМЕИ видны следы носки, в то время как другие выглядят как новые и скорее всего были приобретены им в Якутске в ноябре 1883 г., перед началом обратного путешествия в Америку. Судя по их большим размерам и отсутствию орнамента, они были изготовлены для приезжего путешественника и сильно отличаются от предметов национальной одежды саха (якутов) и эвенков в музейных коллекциях и каталогах. У некоторых предметов в коллекции Харбера (меховых сапог, рукавиц, носок) имеется внутренняя подкладка из ткани, а на его меховой «кухлянке» нашиты спереди два больших кармана, которые немыслимы для традиционной национальной одежды сибирских охотников и оленеводов.

Возникает вопрос: почему якутские мастерицы в дельте Лены в 1882 г. пошили для Харбера зимнюю кухлянку «корякского типа»? Могу предположить, что это был один из ранних примеров «культурной глобализации». Традиционный национальный костюм саха/якутов, эвенков и эвенов был плохо приспособлен для больших европейских мужчин, которые, попав в Арктику, нуждались в теплой, проверенной веками зимней одежде. Поэтому местные женщины достаточно быстро выработали некий стандартный «сибир-

ский» вариант меховой одежды для приезжих европейских путешественников. Европейские исследователи, китобои, торговцы, учителя, врачи и миссионеры самим своим присутствием в Арктике создали новый рынок продуктов питания, мехов, транспортных услуг, ездовых собак, музейных предметов, но прежде всего – теплой меховой одежды и обуви, без которой они не могли выжить. Имеется много свидетельств из северных селений второй половины 19 в., где женщины в зимние месяцы были заняты коммерческим шитьем меховых торбасов, шапок, рукавиц и верхних кухлянок, которые следующей весной продавались или обменивались командам евро-американских судов.

Естественно, местные мастерицы стремились по возможности сохранить основные детали национальной одежды, но вынуждены были упрощать форму и украшение своей продукции для европейских заказчиков, которым требовались, в первую очередь, прочные и ноские изделия. Точно так же поступают современные мастерицы при коммерческом пошиве унтов, шапок, рукавиц и тапочек. Как и сейчас, мастерицы 19 века активно экспериментировали в поисках практичных материалов и удобного кроя. Результатом стали смешанные, «креольские» по сути формы одежды для путешествующих европейцев – вроде комбинации «корякской» верхней кухлянки с типичной якутской меховой шапкой. Многие из таких изделий – как сибирская зимняя одежда лейтенанта Харбера – в итоге оказались в музейных коллекциях, чтобы много лет спустя поведать нам свои удивительные истории.

Смитсоновские арктические коллекции в 21-м веке. Как отмечалось выше, сибирские коллекции НМЕИ до последнего времени практически не изучались с момента их поступления и, за исключением отдельных предметов, ни разу не выставлялись. Сама идея, что коллекции музеев должны быть открыты для потомков людей, которые их создавали, а не только «лежать в хранилищах» или находиться в витринах под бдительным присмотром кураторов – относительно новая. В НМЕИ она была впервые испробована на практике в начале 1980-х гг. Тогда передвижная выставка под названием «Инуа – дховный мир эскимосов Берингова моря» из собраний Э. Нельсона на Аляске в 1878–1880 гг., после ее открытия в НМЕИ в 1982 г., отправилась в тур по городам Анкоридж, Фэрбенкс и Джуно. Вскоре после этого был подготовлен уменьшенный вариант этой передвижной выставки, известный как «мини-Инуа». Эта выставка, вместе со своим популярным каталогом [15] и подготовленным набором образовательных программ посетила небольшие города и местные музеи на Аляске, в Канаде и Гренландии, включая небольшой аляскинский город Бетель в местах работ Нельсона в долине р. Кускоквим в 19 в. [13]. Огромный успех «мини-Инуа» открыл путь для серии подобных начинаний НМЕИ в 1990-х и 2000-х гг.

В 1995 г., после успешного тура следующей большой арктической выставки НМЕИ «Crossroads of Continents / Перекрестки континентов: культуры Сибири и Аляски» [14] был подготовлен аналогичный уменьшенный вариант передвижной выставки, который мы назвали "мини-Перекрестки /mini-Crossroads". К нему также был подготовлен небольшой иллюстриро-

Фото 4. Лейтенант Гилес Б. Харбер в своем сибирском костюме, экспедиция по поиску экипажа Делонга (подпись на обороте фотографии, Национальный антропологический архив, INV 04121700).

Фото 5. Эскимосская (юпик) мастерица Мари Тунучук (в центре) демонстрирует народную технику изготовления непромокаемых плащей и мешков из тюленьих кишок в Аляскинском офисе Арктического центра в Анкоридже. Вместе с Тунучук (слева направо): мастерица Соня Келлихер-Комбс (инупиак-атапаскан) и студенты программы «Искусство народов Аляски» в Университете Анкориджа Даниела Ларсен и Ева Менденхол. Во втором ряду – хранители Келли Мак-Хью (НМАИ) и Моника Шах (Анкориджский музей). Фото: Уэйд Кэролл для Арктического центра, 2014. А. Кроуэлл.

ванный каталог [Chaussonnet, 1995] с участием местных авторов из числа коренных жителей Аляски и комплект программ для школьников и популярной аудитории. В течение полутора лет выставка путешествовала по местным («районным») музеям Аляски, посетив небольшие северные города Ном, Бетель, Барроу, Ситка, Кодьяк, Кетчикан, Хомер и более крупные центры как Анкоридж, Фэрбенкс и Джуно (Fitzhugh 2003). В 1996-97 гг. состоялся российский тур «мини-Перекрестков» по местным музеям в Хабаровске, Благовещенске, Владивостоке и Южно-Сахалинске, опять же со специально подготовленным русским каталогом [7] и набором программ для школьников и местной аудитории. Хотя наша выставка не попала тогда в Якутск (как вначале предполагалось), некоторое число русских каталогов было отправлено в учреждения культуры Республики Саха-Якутии, а также в Магадан, Анадырь и Петропавловск.

С конца 1990-х гг. Арктический Центр при НМЕИ, через свой Аляскинский офис в г. Анкоридже начал устраивать местные выставки и учебные программы с использованием Смитсоновских арктических коллекций [8 ; 13]. Главным достижением здесь стало открытие в 2010 г. долговременной выставки в Анкориджском музее под названием "Living Our Cultures, Sharing Our Heritage: The First Peoples of Alaska» (что примерно можно перевести как «Аборигенные народы Аляски: Наши живые культуры, наше передаваемое наследие»»). Выставка составлена из почти 700 наиболее ценных аборигенных предметов из коллекций НМЕИ и НМАИ в Вашингтоне, в основном из собраний 19 в. В течение последних десяти лет выставка в Анкоридже превратилась в своеобразное «окно» Смитсония на Аляску и служит постоянной площадкой для учебных программ для школьников, народных мастеров, классов по поддержанию родных языков и ремесел, семинаров старейшин и большого числа публичных мероприятий (Crowell 2020; **фото 5**). К выставке был создан специальный сайт www.alaska.si.edu (в настоящий момент заменен новой версией https://learninglab.si.edu/org/sasc-ak) с доступным электронным каталогом всех предметов, серией образовательных видео через Смитсоновский YouTube канал и выходом на сайт Анкорижского музея для видеотура выставки: https://www.anchoragemuseum.org/exhibitions/current-exhibitions/living-our-cultures-sharing-our-heritage-the-first-peoples-of-alaska/. Так новые идеи и современные технологии позволяют через 100 и даже 150 лет «возвращать» предметы из музейных запасников и превратить их в важный ресурс для культурного возрождения аборигенных народов Севера, сохранения их традиционных знаний, языков и народного искусства.

Благодарность.

Я признателен З. И. Ивановой-Унаровой (АГИКИ, Якутск, Россия), Ю. А. Купиной (Российский этнографический музей, С.-Петербург, Россия) и моим смитсоновским коллегам – Уильяму Фицхью и Арону Кроуэллу (Арктический Научный Центр, НМЕИ), а также Фелисии Пикеринг и Дэвиду Розенталю (Антропологические коллекции, НМЕИ) и Таду Бенникоффу (Архив Смитсоновского Института) за их помощь в исследовании якутских коллекций НМЕИ в 2014 г.

Литература

1. Арутюнов, С. А. Китовая аллея. Древности островов пролива Сенявина / С. А. Арутюнов, И. И. Крупник, М. И. Членов. – Москва : Наука, 1982.

2. Иванова-Унарова, З. И. Национальный музей естественной истории. Смитсоновский институт. Вашингтон: National Museum of Natural History. Smithsonian Institution. Washington, D.C. / З. И. Иванова-Унарова. –// Материальная и духовная культура народов Якутии XVII – начало XX века в музеях мира. - Якутск : Бичик, 2017. – С. 415-442.

3. Кендалл, Л. Американский музей естественной истории и его коллекция: The American Museum of Natural History and its Collections / Л. Кендалл . // Материальная и духовная культура народов Якутии XVII – начало XX века в музеях мира. – Якутск : Бичик, 2017. – С.14-31.

4. Крупник, И. И. Арктические, сибирские и якутские (саха) этнографические коллекции в Смитсоновском Институте: Arctic (Siberian) Sakha Collections at the Smithsonian Institution / И. И. Крупник. // Материальная и духовная культура народов Якутии XVII - начало XX века в музеях мира. – Якутск : Бичик, 2017. – С. 32-47.

5. Купина, Ю. А. Утраты или приобретения? (История коллекционных обменов МАЭ РАН с американскими музеями) / Ю. А. Купина. // Курьер Петровской кунсткамеры. — 2004. — Вып. 10–11. — С. 52–85. — Библиогр.: С. 83–85.

6. Роон, Т. П. Коллекции народов Амуро-Сахалинского региона в музеях США. / Т. П. Роон. // Известия института наследия Бронислава Пилсудского, 2000. - № 4. – С. 139–157.

7. Шоссонет, В. Перекрестки континентов. Культуры коренных народов Дальнего Аостока и Аляски. Каталог выставки. Вашингтон-Москва: Арктический научный центр и Российский институт культурного и природного наследия / составитель В. Щоссонет ; редактор И. Крупник. – 1996.

8. Crowell, Aron L. 2004. Terms of Engagement: The Collaborative Representation of Alutiiq Identity. *Études/Inuit/Studies* 28(1): C. 9–35.

9. Crowell, Aron L. 2020. Living Our Cultures, Sharing our Heritage: An Alaska Native Exhibition as Indigenous Knowledge Nexus// Alaska Journal of Anthropology 18(1):4–22.

10.Ewing, Heather. 2007. The Lost World of James Smithson: Science, Revolution, and the Birth of the Smithsonian. New York: Bloomsbury

11.Fitzhugh, William W. 1988. Baird's Naturalists: Smithsonian Collectors in Alaska. In *Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska.* W.W. Fitzhugh and A.L. Crowell, eds. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, pp. 89–96.

12.Fitzhugh, William W. 2003. Heritage Anthropology in the "Jesup-2" Era. Exploring North Pacific Cultures through Cooperative Research. In *Constructing Cultures Then and Now: Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition.* L. Kendall and I. Krupnik, eds. *Contributions to Circumpolar Anthropology* 3, pp. 287–304. Washington, D.C.: Arctic Studies Center.

13.Fitzhugh, William W. 2009. "Of No Ordinary Importance": Reversing Polarities in Smithsonian Arctic Studies. In *Smithsonian at the Poles. Smithsonian Contribution to the International Polar Year Science.* Igor Krupnik, Michael Lang and Scott Miller, eds. Washington D.C.: Smithsonian Institution, pp.61–77

14.Fitzhugh, William W. and Aron L. Crowell, eds. 1988. Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press.

15.Fitzhugh, William W. and Susan Kaplan, eds. Inua: Spirit World of the Bering Sea Eskimos. Exhibition catalog. Smithsonian Traveling Exhibition Service. Washington, D.C.: Smithsonian Institution.

*16.Guttridge, Leonard F.*1988. Icebound: The Jeannette Expedition's Quest for the North Pole. Shrewsbury: Airlife Publishing.

17.Krupnik Igor. 2015. 'Not Ours': Objects Reveal Smithsonian Link to the Lost DeLong Expedition (1879–1881). *Arctic Studies Center Newsletter* 22:54–57.

УДК 7.031.2; 728.03

А. Г. Петрова

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОГО ИСКУССТВА САХА

В статье рассматриваются природно-климатические и историко-культурные факторы формирования традиционного искусства саха — северных номадов, создавших уникальную материальную культуру. Изучаются вопросы формирования этнической общности и традиционной культуры саха. Автор отмечает влияние климатических, ландшафтных условий и природных материалов на строительство жилищ, технологию обработки, конструкцию, пластику, форму, декор и композиционное решение предметов традиционного искусства, на ансамбль традиционного костюма.

Ключевые слова: *природно-климатические условия, художественно-предметный мир, традиционное искусство саха, архитектура.*

Anna Petrova

NATURAL CLIMATE AND HISTORICAL CULTURAL FACTORS OF THE FORMATION OF THE TRADITIONAL ART OF SAKHA

The article considers natural and climatic and historical and cultural factors of the formation of traditional art of saha — northern nomads who created a unique material culture. The issues of formation of ethnic community and traditional culture of Sakha are being studied. The author notes the influence of climatic, landscape conditions and natural materials on the construction of dwellings, processing technology, construction, plastics, form, decor and composite solutions of traditional art objects, to the ensemble of traditional costume.

Keywords: *natural and climatic conditions, artistic-object world, traditional art of sakha, architecture.*

Якутия — самый холодный из освоенных человеком регионов Земли, природно-климатические условия которого характеризуются как экстремальные. Обширная территория отличается многообразием природных условий и ресурсов, на ней существуют несколько климатических районов, включающих степную зону, горный ландшафт, таежную зону (таежные леса занимают почти 80% площади), сменяющуюся к северу зоной лесотундры и тундры. Резко-континентальный климат отличается продолжительным зимним и коротким летним периодами. Континентальная территория Якутии представляет собой зону сплошной многовековой мерзлоты.

Традиционное природопользование основывалось на биологической продуктивности природы, и благополучие людей в полной мере зависело от качества природной среды. Характер традиционного быта коренных народов Севера и Арктики, по определению Л. Гумилева, «вписывался» в ландшафт, который был органичной его частью. Отсюда и неповторимый характер традиционного искусства, архитектурных представлений, основанных на принципе обратной связи, минимального воздействия на природу.

На территории Якутии, «начиная с раннего железного века V в. до н. э. — V в. н. э. и с приходом в VI–VIII вв. н. э. тюркских племен завершается первобытный тип художественной культуры Якутии» [5, с. 68]. Исследователи отмечают, что предпосылки формирования новой этнической общности якутов-саха происходят в середине и во второй половине I тыс. н.э. в результате взаимовлияния и взаимодействий палеоазиатских, тунгусских и тюрко-монгольских этнических групп. «Хозяйство, культура и антропологический тип якутов окончательно сформировались на Средней Лене. Приспособление хозяйства и культуры южных пришельцев к новым природно-климатическим условиям севера происходило за счет дальнейшего усовер-

шенствования своих исконных традиций. Но естественная для новых условий эволюция культуры выработала многие специфические особенности присущие только якутской культуре» [3, с. 126]. Оседлое отгонное скотоводство стало определяющим в этногенезе саха, обусловило специфику расселения на обширной территории. Наибольшей плотностью населения отличались места с относительно благоприятными условиями для ведения сельского хозяйства. «Малонаселенные небольшие поселения якутов были равномерно разбросаны по многочисленным аласам (лесным полянам с озером) и долинам мелких речушек. Лишь по долинам крупных рек Лены, Алдана, Амги, Татты имелись возможности для более компактного расселения» [1, с. 160].

Основу животного мира Якутии составляют арктический и сибирский типы фауны, включающие множество видов зверей, птиц, рыб. Промысловая охота издревле являлась одной из традиционных жизнеобеспечивающих занятий населения Якутии. Ландшафт, климатические условия определяли использование материалов для строительства жилищ, изготовления одежды, посуды, орудий труда, вооружения. Природные материалы задавали технологию обработки, конструкцию, пластику, декор, цвет, ритм, форму и композиционное решение предметов традиционного искусства, тесно связанного с домашним ремеслом.

В дальнейшем, являясь самыми северными номадами, якуты-саха создали уникальную материальную культуру, своеобразную эффективную форму взаимодействия со средой. Каждая этнокультурная традиция — неповторимый опыт человеческого самопознания и взаимоотношений с миром: жилище, одежда, вещи отражают сложные взаимосвязи между предметной средой и ее создателем — человеком. Южная тюркомонгольская основа материальной культуры и художественно-предметного мира саха, соединившаяся с традициями древней северной автохтонной культуры, испытала влияние культуры народов этноконтакной зоны. «Оседлое скотоводство, сочетающее с рыболовством и охотой, жилища и хозяйственно-бытовые постройки, одежда, обувь, орнаментальное искусство, религиозно-мифологические воззрения якутов имеют южносибирскую, в своей основе тюркскую платформу» [3, с. 125]. Становление традиционной культуры саха длилось примерно с VI–XVI вв.

Влияние природно-климатического окружения на формирование традиционного костюма проявлялось в используемых материалах, его составности, комплектности. Древнеякутский костюм отличается стилевой неоднородностью, многосоставностью, комбинированием различных материалов [2, с. 15]. Основное сырье — шкуры домашнего скота, мех промысловых животных. Тканые материалы были довольно редки и в основном использовались для украшений и деталей нарядной одежды. Обработанная вручную кожа придавала одежде свободный покрой, ее декорировали швами, техникой аппликации, оторочкой мехом. Одежда, обладавшая прекрасными изоляционными качествами, функциональной целесообразностью, красотой по цветовому сочетанию, соответствовала мобильному полукочевому полуоседлому образу жизни саха. В конструктивных решениях верхней наплечной одежды саха ярко отразились этнические связи и взаимовлияния. Существуют два типа конструкций: восточноазиатский тип покроя одежды характерный для народов Южной Сибири, Забайкалья и нижнего течения Амура, которому присущи элементы монгольской и маньчжурской одежды, и второй тип, наследующий традиции одежды северных аборигенов [2, с. 17]. В целом, традиционная одежда саха, в силу своих цвето-пластических качеств, органично вписывалась в природную среду, соотносилась со всеми компонентами созданного человеком архитектурного и художественно-предметного пространства.

Архитектура якутов имеет несколько истоков. Одним из самых ранних примеров жилищ являются сооружения т.н. культуры «малых домов» — переходной эпохи от раннего железного века к раннеякутской культуре, еще не знакомой со скотоводством, датируемой XV–XVI вв. Первые скотоводческие поселения XVI–XVII вв. обозначены «кыргыс-этехами». Малые дома — дома 4 х 4, 5 169 х 5 м, окруженные низкими земляными валами, по внешним сторонам которых имелись неглубокие ямы, расположенные с четырех сторон. Эти дома отдаленно напоминали якутские балаганы, их обитатели жили рыболовством и охотой. Кулун-атахская археологическая культура — культура скотоводов, возводивших четырехугольные и круглые

в плане дома от 24 и до 42 кв. м. Соотношение сторон кулун-атахских построек с направлениями света, при строительстве домов имело особое структурообразующее значение. Жилища кулун-атахцев, конструктивно являвшиеся жилищами вертикально-столбового типа, что достаточно распространено у некоторых народов Западной Сибири, делятся на две группы: малые четырехугольные дома и большие постройки с круглым или округлым основанием от 36–42 кв. м. Двери жилищ были ориентированы на восток, как это наблюдалось и в позднеякутских юртах. Очаг располагался с правой, т.е. северной стороны от входа. Большое место занимали постройки для стойлового содержания скота. Эти жилища напоминали якутские зимние жилища с примыкавшим к нему хлевом. Круглые в основании жилища представляли, возможно, легкие летние жилища типа ураса. В целом формы жилища кулун-атахской культуры аналогичны формам культур Прибайкалья, Южной и Западной Сибири, в основном датируемым курыкано-уйгурским временем [3, с. 125]. Исследователи также отмечают конструктивную близость якутской берестяной урасы (могол ураса) к решетчатой цилиндрической юрте южных алтайцев. А якутская деревянная юрта балаган и многоугольный сруб бабаарына, ампаар дьиэ, срубные амбары на столбах сближаются с таковыми у северных тубаларов и шорцев. Жилища многоугольного типа, появившиеся у таштыкцев Южной Сибири, стали основой якутско-хакасских многоугольных домов.

Ампаар дьиэ — многоугольный (6–8) срубный дом, сезонное летнее жилище, нижние венцы которого до 6–8 возводились вертикально, затем, постепенно суживаясь, переходили в земляную, слегка выпуклую крышу. Зимний хлев *хотон* часто представлял собой упрощенный тип юрты-*балаган.* Летний хлев *титиик* сооружали в стороне, за пределами усадеб. В большинстве своем были четырехугольные, но могли быть и многоугольными. Разнообразие по назначению изгородей *кюрюё, бютэй* их широкое применение являются одним из маркеров оседлого скотоводства, освобождающего человека от необходимости постоянного присмотра за скотом. С развитием земледелия появились функционально новые типы сооружений, например, мельницы *миэлингсэ*. Известны также крепостные, укрепленные сооружения, например, осадные амбары, служившие временным укрытием во времена междоусобиц для всех жителей *алааса*. Коновязный столб *сэргэ* занимает особое место в деревянном зодчестве якутов, и по функциональному назначению можно выделить надворные коновязи, культовые и ритуальные.

Облик малых архитектурных форм и предметов, наполнявших жилище, зависел от природного сырья, уровня технической культуры. Гармонично объединенные в ансамбле юрты-*балаган,* или *урасы,* они представляли органичное целое, синтез функциональности и пластической выразительности. Раннекочевнический пласт культуры саха, сформированный на Западе Центральной Азии и в Южной Сибири, несет черты преемственности скифо-сибирского времени: элементов скотоводческого хозяйства, трудовых навыков и пр. Отголоски этого общего для тюркских народов наследия достаточно ярко проявляются в якутской материальной культуре: в одежде, ювелирном и орнаментальном искусстве, резьбе по дереву, ремесленных традициях. У степных скотоводов центра Азии, как впрочем, во всех номадических культурах, предметный мир был обусловлен подвижным образом жизни. Необходимые вещи были предельно легки, мобильны. Средства передвижения, посуда, утварь, мебель изготавливались в условиях домашнего производства из наиболее доступных, легких и прочных материалов — кожи, дерева, бересты. Следует отметить чрезвычайную близость якутской традиционной посудной пластики и утвари древнетюркской. «У древних тюрок Алтая наибольшее распространение получила мобильная посуда из прочных материалов — дерева, металла, а также «сложносоставные» и, по-видимому кожаные и берестяные сосуды» [4, с. 71–72]. Одно из древних и сакральных ремесел саха — керамика, изготавливаемая вручную, — как самостоятельное производство просуществовала до начала XX века. Металлобработка и кузнечное ремесло являются одним развитых ремесел с богатейшей традицией. В способах художественной обработки металла применялись широко распространенные у многих народов Сибири литье, ковка, гравировка, штамповка, чеканка и др. По композиционным качествам, структуре, ансамблевости традиционные якутские металлические украшения близки таковым туркмен, узбеков, казахов, киргизов [6, с. 135]. Широко распространенные кожаные изделия редко

декорировались, но отличались гармоничностью форм и выраженным функциональным обликом.

Таким образом, природно-климатические факторы оказывали заметное воздействие на характер расселения саха на обширной территории. Традиционный быт был основан на принципе обратной связи, ландшафтные условия определяли материалы для строительства жилищ, изготовления одежды, посуды, орудий труда, вооружения, задавали технологию обработки, конструкцию, пластику, форму и композиционное решение предметов традиционного искусства. Влияние природно-климатического окружения на формирование традиционного костюма также проявлялось в используемых материалах, его составности, комплектности. Архитектура саха имеет несколько истоков, наиболее ранние из которых — это т.н. культура «малых домов» и южносибирское начало, проявляющаяся в летних формах жилищ.

Художественно-предметный мир саха обусловлен этногенезом и представляет собой гармонично объединенное в ансамбле жилища органичное целое.

Литература

1. Борисов, А. А. Якутские улусы в эпоху Тыгына. — Якутск: НКИ «Бичик», 1997. — 160 с.172 2. Гаврильева Р.С. Одежда народа Саха конца XVII — середины XVIII века. — Новосибирск: Наука, 1998. — 144 с.

3. Гоголев, А. И. Якуты: (проблемы этногенеза и формирования культуры). — Якутск, 1993. — 136 с.

4. Кубарев, Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). — Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. — 400 с.

5. Покатилова, И. В. Пластический фольклор в художественной культуре Якутии. — Новосибирск: Наука, 2013. — 184 с.

6. Саввинов, А. И. Традиционные металлические украшения якутов: XIX — начало XX века. — Новосибирск: Наука, 2001. — 171 с.

УДК 008:398.22(=512.157)

Т. Ф. Ляпкина, З. А. Стрекаловская, Ф. В. Шишигина

ОЛОНХО В КУЛЬТУРНЫХ ИНСТИТУЦИЯХ И В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

В статье рассматривается деятельность научно-исследовательских институтов, общественных и культурных организаций которые занимаются сохранением и ревитализацией олонхо. Цель статьи – проанализировать логику и последовательность организации деятельности по пропаганде и сохранению олонхо, в контексте современной культурной жизни Якутии. Процесс институционализации представлен как действия общества по созданию социальных институтов, обеспечивающих и поддерживающих преемственность в передаче национальной традиции от старшего поколения к младшему. Деятельность таких институций формирует устойчивые культурные практики в области науки, образования и творчества. Подобные формы организации работы способствуют интеграции региональных сообществ разных поколений. Авторы приходят к выводу, что только системная работа правительства, министерств, научных, общественных и творческих организаций может обеспечить тиражирование и популяризацию эпической традиции олонхо в современную культуру. Чем более организована деятельность культурных институций, тем больше активизируется память и преемственность между поколениями.

Ключевые слова: *эпос, олонхо, институты, культурные практики, научно-исследовательские институты, ассоциация олонхо, театр олонхо, программы, педагогика олонхо.*

Tatyana Lyapkina, Zoya Strekalovskaya , Fevronya Shishigina

OLONHO IN CULTURAL INSTITUTIONS AND IN SOCIO-CULTURAL DESIGN

In the article against the background of a wide historical and cultural context, which was formed by the activities of research institutes, public and cultural organizations around the masterpiece of intangible heritage of Yakuts - olonkho (2005). The purpose of the article is to analyze the logic and consistency of the organization of activities for the promotion and preservation of olonkho, in the context of the modern culture of Yakutia. The phenomenon of olonkho received double support. On the one hand, the policy of the Republic of Saha (Yakutia) was considered, on the other hand, support was provided for the development of cultural institutions by public organizations of creative youth. Reports of public organizations and foundations, as well as studies of the authors of the article were used as the main material. In addition, materials on the activities of the theatre are involved in the analysis. The authors established some patterns in the institutionalization of cultural institutions. The process of institutionalization is represented as the actions of society to create social institutions that ensure and maintain continuity and the transfer of national tradition from older generations to younger generations. The activities of such institutions shape sustainable cultural practices in science, education and creativity. Such forms of organization contribute to the integration of regional communities across generations. And then the tradition that develops from pre-school age to older generations becomes important. The article also notes that only the systematic work of the Government, ministries, social, scientific and creative organizations can ensure the replication and popularization of the epic tradition of olonkho into modern culture. The more organized cultural institutions are, the more memory and continuity between generations are enhanced.

Keywords: *epic, olonkho, institutions, cultural practices, research institutes, olonkho association, Olonkho Theater, programs, olonkho pedagogy.*

Широкое наступление массовой культуры и глобальные процессы заставляют этно-региональные сообщества искать возможные варианты присутствия и ревитализации традиционной культуры в контексте современной культуры саха. В республике за последнее десятилетие выработан механизм деятельности, позволивший транслировать эпос олонхо, сделать его популярным, доступным для широких слоев населения. В качестве таких практик мы предлагаем рассмотреть деятельность научных институтов и общественных организаций, которые обеспечивают и поддерживают преемственность и передачу эпической культуры. В данной статье, институционализацию, мы рассматриваем не только как процесс развитие эпоса олонхо, но и как актуализацию эпической культуры в современной социокультурной среде.

Проблема институционализации, как явление общественной жизни, была изучена мыслителями, философами, социологами, культурологами и других ученых. Однако, обратим внимание на то, что история изучения социальных институтов начинается с трудов основоположника социологии О. Конта [14] и его представителя Г. Спенсера [24], которые уделили большое внимание различным формам исторически сложившейся организации социальной деятельности. Их взгляды легли в основу институционального

подхода, суть которого заключается в том, что социальные институты – это органы самоорганизации и управления, а основной задачей таких организаций становится изучение синхронного взаимодействия социальных институтов, что позволяет выявить основное свойство социального организма – взаимодействие его частей [7, с.2].

Французский социолог Э. Дюркгейм в работе «Метод социологии» он интерпретировал понятие «институт». Ученый определил его как организационную форму, которая преподносит в социальную систему какой-то новый результат [6, с. 20]. М. Вебер [4] в понятии определении «институт» отметил не только статусно-ролевой и нормативный порядок, но и систему организаций, обладающих соответствующими полномочиями, аппаратом и механизмами социального контроля [17, с. 44]. Таким образом, социологами понятие «институт» трактуется как сознательно организованная форма деятельности людей, отличающаяся устойчивой структурой.

Отдельного внимания требует термин «институционализация». Институционализация – это процесс превращения, когда некая общественная потребность начинает осознаваться как общесоциальная, а не частная, и для ее реализации в обществе устанавливаются особые нормы поведения, готовятся кадры, выделяют ресурсы [1]. Так, например, культуролог Т. Г. Бортникова под институционализацией этнического понимает становление, поддержание, изменение и приведение конкретных культурных форм и норм жизнедеятельности этнической группы [2, с. 9].

Понятие института связано с еще одним близким ему понятием - «культурный институт». Английский антрополог Б. Малиновский дает подробное описание истоков понимания культуры через культурные институты. По его мнению, культура – это единое целое, состоящее частью из автономных, а частью из согласованных между собой институтов [16, с. 44]. Исследование Б. Малиновского позволяет нам глубже понять то, что культура – это продукт деятельности индивида и традиций, посредством которых формируется человек. А организованные социальные институты обеспечивают и поддерживают преемственность и передачу традиции от старших поколений к младшим. Так, к культурным институтам обычно относят учреждения и организации, которые напрямую осуществляют функции возрождения, трансляции, развития, изучения культуры и культурно значимых явлений. Например, музеи, театры, библиотеки, творческие и профессиональные союзы, образовательные организации, имеющие отношение к сфере культуры. Кроме того, к культурно значимым учреждениям можно отнести общественные организации по охране культурного наследия.

Итак, обобщив вышеизложенное, мы можем сказать, что процесс институционализации – это действия общества по созданию социальных институтов, которые обеспечивают и поддерживают преемственность и передачу традиции от старших поколений к младшим. Эти действия должны привести к возрождению, становлению, поддержке, возрождение конкретных культурных форм и норм жизнедеятельности социальной группы. Теперь наша задача – рассмотреть, к каким активным институциональным действиям привел процесс возрождения олонхо у саха. Отметим, что все институции в отношении олонхо можно свести к двум основным: тем, которые занимаются научными исследованиями, и тем, кто занимается активной общественной деятельностью, транслирует, популяризирует и т.п.

В Якутии актуализация вопросов изучения языка, литературы, фольклора, истории начинается со дня образования первого научно-исследовательского института языка и культуры при Совнаркоме ЯАССР, 17 сентября 1935 года. Организатором и первым директором был основоположник якутской литературы, общественно-политический деятель, ученый Платон Алексеевич Ойунский [20].

В целях изучения якутского фольклора в институте была сформирована самостоятельная структурная единица. Были организованы научные экспедиции по районам республики для сбора фольклорных и этнографических материалов. Изучение якутского фольклора основывалось на научных традициях дореволюционных исследователей.

В 1940 году по инициативе Правительства Якутской АССР и Института языка и культуры в республике был объявлен конкурс на запись лучшего текста олонхо [13]. Тексты олонхо должны были отвечать следующим требованиям: высокое идейно-художественное качество; распространенность в народной среде; оформление, в соответствии с требованиями научной записи фольклорного материала. За лучшую запись эпоса олонхо были установлены премии [10, с. 27]. Как нам известно, в настоящее время 126 полных записей олонхо хранятся в архиве ИГИиПМНС СО РАН. А в результате собирательской деятельности института был создан бесценный фонд фольклорно-этнографических материалов, который хранится в архиве института [11, с. 27].

Рукопись одного из участников конкурса, текст олонхо талантливого сказителя Усть-Алданского улуса П. Н. Соловьева-Намыын, расшифрован и опубликован одним из авторов данной статьи. И это только часть эпического творчества П. Н. Соловьева, хотя в анкете олонхосута указаны названия шести олонхо, четырех традиционных лиро-эпических песен, одной лирической песни, трех сказок и загадки. Из всего наследия полностью записано только одно олонхо «Кюн Нюргун» и сюжет олонхо «Эр Соготох» [12].

Текст олонхо «Кюн Нюргун» П. Н. Соловьева-Намыын был записан учителями Чаранайской школы Усть-Алданского улуса. В ходе изучения текстов нами атрибутировано 17 разных почерков. Среди них был один текст на латинице. К сожалению, фамилия исследователя не была указана, но известно, что рукопись состоит из 263 страниц, 8384 строк. В конце рукописи указана дата 21/XII 1940 года [12]. Мы полагаем, что

это дата окончания записи.

Как видим, научно-исследовательский институт языка и культуры стал первым социальным институтом культуры по сбору и сохранению текстов эпоса олонхо. Благодаря институту регулировалась деятельность культурных и образовательных учреждений республики, популяризировался эпос олонхо в обществе. Работы сотрудников института стали основой научного фундамента исследования эпоса олонхо. Сегодня институт занимается фундаментальными, поисковыми и прикладными научными исследованиями по сохранению и изучению культурного наследия Северо-Востока России, исследование эпоса народа саха находится в центре внимания сотрудников отдела фольклора и литературы. В 2015 году институтом был реализован крупный научный проект «Устная традиция народов Северо-Востока Сибири: текстологические, диахронические, типологические аспекты» [18]. По итогам работы защищены диссертации, опубликованы тексты олонхо [5; 16].

Крупным событием в культурной жизни республики стало создание в 2010 году научно-исследовательского Института Олонхо при Северо-Восточном федеральном университете им. М. К. Аммосова. Цель института – осуществление научно-исследовательской работы по комплексному научному исследованию проблем якутского героического эпоса олонхо в контексте жанровой системы якутского народного творчества и сопоставление с эпическим наследием народов мира. Основными направлениями деятельности института стали организация и проведение фундаментальных и прикладных научных исследований эпического наследия якутского народа, создание теоретических основ сохранения и распространения эпического наследия якутского народа, укрепление международного статуса его научных исследований в области эпосоведения, лингвистики и фольклористики, также развитию международного сотрудничества и совместных научных проектов.

Одним из результатов деятельности института стали переводы и издание текстов олонхо на английском, французском, корейском, киргизском языках, что создало условия для полноценного изучения якутского эпоса учеными разных стран. Институт провел множество международных, региональных научно-практических конференций, опубликованы десятки текстов олонхо на якутском языке, организованы научные экспедиции, налажено сотрудничество с зарубежными партнерами.

В 2011 году Институтом Олонхо была разработана и введена в систему, сеть Интернет научно-образовательная информационная система «Олонхо» [21]. Цель информационной системы –сбор, обработка, структурирование, хранение, распространение, отображение и использование информации по олонхо в интересах ее пользователей. Информация на сайте Олонхо доступна на якутском и русском языках. Есть информация на английском, французском, немецком, и частично на турецком, корейском, японском, китайском языках.

В рамках проекта началась оцифровка рукописных записей олонхо, аудио- и видеозаписей исполнителей олонхо, образована электронная библиотека текстов олонхо, научные публикации. На сайте можно найти научную, научно-популярную литературу, учебно-методические материалы по олонхо, фотографии, аудио- и видеозаписи олонхосутов, современных исполнителей, участвовавших в мероприятиях, посвященных олонхо.

Работу по популяризации олонхо ведет также научно-исследовательский институт национальных школ Республики Саха (Якутия), который занимается научно-методическим обеспечением внедрения «Педагогики Олонхо» в образовательные учреждения республики. «Педагогика Олонхо» стала частью системы этнокультурного образования, воспитывая детей и молодежь в традиционных духовно-нравственных ценностях народа.

В целом, «Педагогика Олонхо» сегодня играет важную роль в укреплении связи времен, сохранении традиций, в привитии чувства любви к родине, воспитании патриотизма. Это особенно актуально в условиях глобализации. Когда исчезают причины различения культур. Культурные практики становятся общими. Среди педагогов все больше укрепляется уверенность в необходимости передачи знания и мудрости предков молодому поколению. Это позволит нашим потомкам в будущем дольше сохранить свою этничность.

Важным фактом институционализации олонхо является не только деятельность научных институтов, но и общественных организаций и фондов. С целью объединения усилий специалистов, знатоков, энтузиастов, любителей и общественных движений для возрождения, сохранения и пропаганды эпоса, сектор якутского фольклора Института гуманитарных исследований в 1999 году инициировал создание республиканской общественной организации «Ассоциация Олонхо» при поддержке Правительства Республики Саха (Якутия). «Ассоциация Олонхо» была зарегистрирована 13 мая 1999 года № 1004 Управлением Министерства юстиции РФ по РС (Я). Президентом ассоциации был избран первый президент РС (Я) М. Е. Николаев [3].

В данное время Ассоциация Олонхо является одной из самых крупных общественных организаций республики. Она имеет свои филиалы в 23 улусах и городах республики. Республиканская ассоциация олонхо ведет широкую пропаганду эпоса через средства массовой информации, систематически проводят Дни олонхо, круглые столы, семинары. Например, во многих селах улусов инициировано и завершено строительство Домов Олонхо. Отметим, что данная работа проводится на чистом энтузиазме самих жителей наслегов.

Важно осознавать значение в репрезентации олонхо в культурную и социальную жизнь региона, через Дома Олонхо, построенные в рамках Целевой Программы. Там, в улусах, проходят республиканские Ысыахи Олонхо, которые также являются объектом изучения как события, сыгравшие значительную роль в вхождении эпоса в современную культурную и экономическую жизнь республики. Такие дома были построены в Сунтарском, Усть-Алданском, Горном, Мирнинском, Нюрбинском, Мегино-Кангаласском, Хангаласском, Чурапчинском, Верхоянском и Вилюйском районах [19].

Деятельность Домов олонхо направлена не только на возрождение устной сказительской традиции, но и на развитие традиционной культуры саха, на формирование отношения к культуре как основе духовности. В Домах олонхо круглогодично проводятся различные обряды, в основном это обряды благопожелания – алгыс, обряды очищения – арчы для новорожденных, новобрачных и юбиляров.

Одним из направлений работы Домов олонхо является изучение и пропаганда фольклорного наследия своего района. Специалисты собирают материалы, фонозаписи, воспоминания об известных исполнителях своего района, проводят юбилейные даты олонхосутов, тем самым обогащая местные архивные фонды. На базе Домов олонхо функционируют самодеятельные фольклорные коллективы, которые участвуют в районных и республиканских культурных мероприятиях. Ежегодно проводятся районные конкурсы, фестивали по жанрам фольклора. Особое внимание уделяется развитию прикладного творчества, проводятся традиционные выставки народных мастеров, умельцев. Многогранная деятельность Домов Олонхо направлена на сохранение, возрождение, распространение традиционной культуры и фольклора саха.

С целью содействия дальнейшему сохранению и развитию эпической культуры, повышению её социального статуса, в обществе с 2013 года по инициативе «Ассоциации Олонхо» учреждаются ежегодные премии: «Лучший олонхосут», «Лучший филиал Ассоциации Олонхо», «Меценат Олонхо», «Педагог-мастер по обучению сказительскому искусству». Все эти звания и награды ежегодно вручаются в День Олонхо – 25 ноября.

Для трансляции эпического наследия саха в 2000-е годы в РС (Я) были разработаны и приняты определенные меры, сыгравшие большое значение в популяризации эпического наследия саха [8; 9; 22; 25; 26; 27]. Ориентиром для реализации этих мер, в частности, стал Указ Президента РС (Я) от 26 декабря 2009 года № 1776 о принятии Республиканской целевой программы «Сохранение, изучение и распространение якутского героического эпоса олонхо» на период с 2009 по 2011 годы, а реализация ее основных направлений до 2015 года [26] послужила основой совместной работы культурных институтов.

Для результативной работы целевой программы был создан Национальный комитет по организации и проведению 10-летия олонхо с 2009 по 2015 годы. Затем и второе десятилетие (2016-2025) олонхо в Республике Саха (Якутия) проводил Национальный комитет. Организация работы комитета была поддержана Президентом РС (Я) Е. А. Борисовым. В состав Комитета вошли руководители отраслевых министерств, общественных организаций, представители науки, деятели культуры и искусства.

Все эти меры были обусловлены как социально-политическими событиями, на стыке двух веков, так и сменой поколений, уходом из жизни людей, являющихся носителями и знатоками эпоса народа саха, пониманием того, что нарушение механизма культурной преемственности может способствовать полному исчезновению эпических традиций, которые могут уйти не только из активного фонда культуры, но и из социальной памяти народа.

Сначала финансирование мероприятий, связанных с олонхо, планировалось с участием ЮНЕСКО, однако из-за того, что целевая Программа не была ратифицирована Российской Федерацией, финансовая часть была возложена на регион. Но эти трудности не помешали процессам сохранения и приумножения духовного достояния саха. Основным объектом программы стал героический эпос олонхо – выдающийся шедевр нематериального наследия. Программа состояла из пяти подпрограмм: Создание Центров Олонхо и активизация научных исследований эпоса народов РС (Я); Защита, хранение и обеспечение сохранности эпического наследия; Сохранение и возрождение аутентичной устной эпической традиции в РС (Я); Создание образовательной системы Олонхо как средства воспитания, образования, развития детей и молодежи; Создание Театра олонхо как особого явления художественной культуры якутов [8]. Осуществление целевых подпрограмм помогло выявить новых знатоков и исполнителей эпоса, а также институтов олонхо.

В 2008 году был организован Республиканский Центр Олонхо при Республиканском центре культуры им. А. Е. Кулаковского. Центр Олонхо был и является активным организатором и соорганизатором республиканских и международных мероприятий, посвященных распространению и развитию якутского эпоса. Сегодня Центр Олонхо организует крупные республиканские фестивали исполнителей эпоса олонхо среди детей дошкольного и школьного возраста «Я – дитя земли олонхо» и для молодежи «Мунха олонхото», также ежегодную Декаду Олонхо, Ысыах Олонхо.

В 2015 году Центр Олонхо был переименован в Центр нематериального культурного наследия народов Республики Саха (Якутия), что способствовало расширению его поля деятельности. Сотрудниками центра велась и ведется работа по сохранению исчезающих образцов устной традиции, декоративно-прикладного творчества и ремесел народов республики.

Знаковым событием для вхождения олонхо в структуру современной культурной жизни республики стало открытие в 2008 году Театра олонхо. Цель театра – создание новой сценической формы эпоса олонхо.

Эпос наиболее близок по содержанию и структуре театральному искусству. В древности олонхо не всегда исполнялось одним олонхосутом. Были в практике и коллективные чтения. Еще политический ссыльный В. Л. Серошевский, отмечал, что якуты обладают редким творческим качеством и хоровым и сольным драматизированным пением, которое устраивалось таким образом: группа певцов, собравшихся вместе, договаривалась исполнить какую-либо всем известную песню сообща [23, с. 572]. В момент исполнения олонхо всегда была публика, наблюдавшая за коллективным действом. Неудивительно, что в таких случаях исполнение якутского эпоса воспринималось как своеобразное театральное представление.

Сегодня Театр олонхо – своеобразная форма бытования эпической культуры. Такая практика стала одной из эффективных культурных практик эпоса в наше время. Постановки Театра олонхо наиболее адаптированы для современной публики. Во всех постановках театра прослеживается рождение новых идей художественного воплощения вербального текста визуальными, пластическими средствами. Они основаны на эпическом мышлении, внедрении эпического сознания в драму, включении важных эпических кодов в структурный механизм драматического произведения – все это делает традицию олонхо живой. Родившийся на рубеже XX–XXI веков театр олонхо пробуждает в зрителе культурную память и создает условия для введения его в свой уникальный театральный язык.

Кроме профессионального театра – популяризатора олонхо в республике успешно функционирует еще одна общественная организация по сохранению эпоса олонхо – это «Молодые олонхосуты» (2016). Основной целью организации является содействие развитию творческой деятельности молодых исполнителей олонхо и воспитание эпической аудитории среди молодежи. Главным проектом стали традиционные прослушивания олонхо в исполнении молодых олонхосутов. Чтения проводятся в условиях, максимально приближенных к традиционной эпической среде. Мероприятия проводятся ежемесячно в балагане олонхо - творческой лаборатории научно-исследовательского института Олонхо СВФУ им. М. К. Аммосова. Также каждый месяц в прямом эфире национальной вещательной компании «Саха» транслируются телевизионные и радиопередачи об олонхо. В программе «В эфире выступает молодежь» слушатели знакомятся с лучшими молодыми исполнителями олонхо, отличившимися на конкурсах и фестивалях. Организация ежегодно проводит свой республиканский конкурс по исполнительскому искусству среди молодежи «Куйуур олонхото».

Итак, обобщив вышеизложенное, мы можем сказать, что процесс институционализации – это действия общества по созданию социальных институтов, которые обеспечивают и поддерживают преемственность и передачу традиции олонхо от старших поколений к младшим. Исследуя те явления и процессы, которые происходят в современной культурной жизни республики через деятельность институтов и иных общественных организаций, мы видим, что в Якутии ведутся планомерные работы по популяризации и поддержке эпоса олонхо. Культурные институции олонхо занимают значимое место, в современном культурном пространстве Республики Саха, становясь не только символическим, но и политическим, социокультурным, экономическим фактором сохранения народного наследия. Сегодня это приоритетное направление в культурной политике Республики Саха (Якутия).

Литература

1. Андрияш, В. И. Институционализация: понятие и содержание / В.И. Андрияш. // URL: http://web.snauka.ru/issues/2014/11/39534 (Дата обращения: 18.07.2019).

2. Бортникова, Т. Г. Институционализация этнического: культурологический анализ : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии / Т. Г. Бортникова; Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. – Москва, 2004. – 33 с.

3. Васильев, Н. Ассоциация тустэннэ / Н. Васильев. – // Учуутал аргыьа. – 1999. – Муус устар. 29 к.

4. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. - URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/06.php (Дата обращения 14.07.2019).

5. Данилова, А.Н. Образ женщины-богатырки в якутском олонхо / А. Н. Данилова. – Новосибирск : Наука, 2014. – 166 с.

6. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм ; перевод с французского, составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. – Москва : Канон, 1995. – 352 с.

7. Ефимова Т. В. Социальные институты: опыт культурологического анализа / Т. В. Ефимова. // Культурологический журнал. – 2013. - №1 (11). – С.2-13.

8. Законы. Республика Саха (Якутиия). О Государственной целевой программе по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса Олонхо на 2007-2015 годы № 485 от 6 ноября 2006 г.

9. Законы. Республика Саха (Якутиия). О защите и сохранении эпического наследия коренных народов Республики Саха (Якутия) от 19 февраля 2009 г.

10. Игнатьева, В. Б. Олонхо и общество: тезаурус современных и этнокультурных представлений о героическом эпосе народа саха / В. Б. Игнатьева, Е. Н. Романова, О. В. Осипова [и др.] ; под общей редакцией С. Г. Жамбалова.– Якутск, 2013. – 272с.

11. Илларионов, В. В. Десятилетие государственной целевой программы олонхо: итоги и задачи / В. В. Илларионов. // Северо-восточный гуманитарный вестник. - 2015. - № 3 (12). – С. 108-115.

12. Записи героического эпоса олонхо, 1925–1969 гг. Д. 73. Кун Ньургун бухатыыр. Соловьев Прокопий Наумович – сказитель. Усть-Алданский район, Батагайский наслег. Запись учителей Чаранайской школы. Кун Ньургун / Олонхосут П. Н. Соловьев-Намыын // Рукописный отдел ИГИиПМНС СО РАН. - Ф. 5. Научные документы. - Оп. 7. – 263 л.

13. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. // Рукописный отдел. ИГИиПМНС СО РАН. - Ф. 5. - Оп. 5. - Д. 41.

14. Конт, О. Курс положительной философии / Огюст Конт. – Санкт-Петербург, 2009. - С.205-224.

15. Кузьмина, А. А. Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы / А. А. Кузьмина. – Новосибирск : Наука, 2014. – 160 с.

16. Малиновский, Б. Научная теория культуры / Бронислав Малиновский ; перевод с английского И. В. Утехина ; составитель и автор вступительной статьи А. К. Байбурина- 2-е изд., исправл. – Москва : ОГИ, 2005. – 184 с.

17. Михалева, К. Ю. Концепция социального института в социологической теории / К. Ю. Михалева, Н. Р. Полякова. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. - 2012. - № 2. - С. 117-132.

18. Отчет о научно-исследовательской работе (Государственное задание) (промежуточный) за 2015 год. - Якутск, 2015. – 65 с.

19. Отчет Ассоциации олонхо за 2019 год.

20. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирское отделение Российской академии наук : официальный сайт. – Якутск. - URL: http://igi.ysn.ru/index.php?page=istoriya (Дата обращения: 03.03.2020).

21. Портал информационной системы «Олонхо» : [сайт]. – Якутск. - URL: http://www.olonkho.info (Дата обращения: 12.04. 2018).

22. Распоряжение Президента РС (Я) от 9.04. 2001 г. № 511-р «О мерах по обеспечению сохранности эпоса олонхо» : офиц. текст.

23. Серошевский, В. Л. Якуты : опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский ; предисловие С. А. Степанов ; комментарии: М. Я. Жорницкая, Ш. Ф. Мухамедьяров. - 2-е изд. - Москва : Российская политическая энциклопедия, 1993. - 713 с. : ил.

24. Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские: пер. с англ. / Г. Спенсер ; пер. с англ. под ред. Я. А. Рубакина. – Москва : Директ-Медиа, 2009. – 2664 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=41211 (дата обращения: 30.03.2020). – ISBN 9785998915185.

25. Указ Президента РС (Я) от 29.12.2005 г. № 2491 «Десятилетие олонхо на 2006-2015 годы» : офиц. текст.

26. Указ Президента РС (Я) от 26.12.2009 г. № 1776 «Сохранение, изучение и распространение якутского героического эпоса Олонхо» : офиц. текст.

27. Указ Президента РС (Я) от 19. 06.2014 г. № 2719 «Об объявлении второго десятилетия олонхо в Республике Саха (Якутия) на 2016-2025 годы» : офиц. текст.

УДК 398(=512.212)

М. П. Яковлева

ФОЛЬКЛОР ЭВЕНКОВ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

В статье рассматривается функциональная специфика фольклора эвенков, заключающаяся во взаимосвязи с повседневной жизнью в современных условиях. Целью исследования является рассмотрение этой специфики, обзор исторического развития фольклора эвенков. Для решения поставленных задач автором использованы типологический и эмпирический методы. Фольклор эвенков до сего времени во многих отношениях утилитарен. Это объясняется его функциональностью, замещающей письменность. Мировоззренческие представления передавались от поколения к поколению посредством устного народного творчества. Жизнь в окружении и непосредственном нахождении в природе как способ жизни, хозяйствования и развития кочевого общества выработала свои принципы общения с живым миром. Эти принципы и позволили сформировать эвенкийскую культуру, составной частью которой является устно-поэтическое творчество.

Ключевые слова: *Фольклор эвенков, традиция, обычай, эпос, миф, сказка, мировоззрение эвенков.*

Margarita Yakovleva

EVENK FOLKLORE: TRADITIONS AND INNOVATIONS

The article deals with the functional specifics of Evenk folklore, which is related to everyday life in modern conditions. The purpose of the research is to review the specifics and historical development of Evenk folklore. To solve these problems, the authors used typological and empirical methods. The folklore of the Evenks to this time in many respects utilitarian. This is due to its functionality replacing writing. Worldview ideas were passed down from generation to generation through oral folk art. Life in the environment and direct presence in nature as a way of life, management and development of nomadic society have developed their own principles of communication with the living world. These principles allowed to form the Evenki culture, which includes their oral and poetic creativity.

Keywords: *The Evenki folklore, tradition, custom, epic, myth, fairytale, worldviewoftheEvenks.*

Изучение фольклора бесписьменных этносов является актуальной научной проблемой, прежде всего, в виду того, что это устное народное творчество наиболее приближено по своему содержанию и форме к понятию «неписаная история». Внимательное обращение к фольклору бесписьменных народов связано «с открытием все новых возможностей художественного познания истории, то есть, в конечном счете, с развитием народного осмысления исторической действительности и с расширением народного исторического опыта» [13, с. 167]. В архаическом фольклоре народов, развивавшихся длительное время в условиях органической взаимосвязи «человек/природа», функциональные связи с повседневным бытом, этнографическими традициями и этнической историей проступают отчетливее, что обусловлено выраженной и н к л юзивностью – участием фольклора в системе жизнедеятельности этноса [12, с. 59, 73]. Данные тезисы достаточно точно характеризуют фольклор эвенков, отражающий в художественной форме опыт социальных отношений, систему мировоззрения, этнографические традиции и этапы этнической истории эвенков, считается весьма актуальным направлением в современной фольклористике.

Для определения важнейших этапов исторического развития этноса эвенки применяли народную терминологию, основанную на фольклорных традициях, а именно, термины, обозначающие наименование жанров: «В архаическом фольклоре эвенков черт отображения конкретных событий и фактов политической истории, исторических имен, исключая отдельные предания о реальных лицах. Но общественно-социальная жизнь в ее историческом развитии не только присутствует, она изображена довольно четко и соответствует системе жанров в эвенкийском фольклоре» [2, с. 21]. Г.И. Варламова выделяет три основных периода, соответствующие фольклорным жанрам эвенков: наиболее древний – *нимнгакан бинэхин* (соответствует жанру *нимнгакан*в значении миф и эпос); период войн и расселения оленеводов – *буллэмэкит* (соответствует жанру *улгур* – предание); период формирования современных групп эвенков – *эвэски* (досл. «поближе к нам, эвенкам», так же соответствует жанру *улгур*) [2, с. 21-22].

Если рассмотреть более детально, то для наиболее древнего исторического периода, обозначающегося в соответствии с названием жанра *нимнгакан* (в значении миф) используется имя эвенкийского творца земли и создателя человека *Сэвэки* – «*Сэвэки одярин – Время дел Сэвэки*». По древнему мировоззрению эвенков и текстам их мифов среднюю землю *Дулин Бага* (землю) создал бог-творец *Сэвэки*, который создал так же все живое на земле, в том числе и человека [2, с. 20-24]. Древняя эпоха *нимнгакан бинэхин* обоснованно охватывает мифологический и эпический жанры, т.к. в структуре эвенкийского эпоса зачин представляет собой художественное преломление мифологических традиций, а также повествует о событиях эпохи творения земли. «Эпохой нимнгакана» в эвенкийских фольклорных традициях охватывается самый

длительный период истории, начиная с доэтнической эпохи, продолжая становлением раннего тунгусского этнографического комплекса и формированием эвенков как этноса, завершая эпохой расселения эвенков.

К истории раннего средневековья относится период, именуемый эвенками «*Чаҳитыл бингэхитын - Время чангитов*». *Чаҳиты* – древнее и многочисленное этническое племя, с которым эвенки были вынуждены вести длительное военное противостояние в Забайкалье и прилегающих территориях. Предания о *чаҳитах*сохранились до настоящего времени и у эвенков Якутии в Алданском, Олекминском, Нерюнгринском районах. Исторические предания о *чангитах* свидетельствуют, что им был свойственен каннибализм, поэтому указанный исторический период имел и уточняющее название «*Чангитыл, дептыгирил бингэхитын – Чангитов и каннибалов время – (букв.: Чангитов и каннибалов время)*. Этот исторически-реальный период в истории эвенков продолжался до средневековья.

Третий период своей этнической истории эвенки называли *«Булэмэкит – Период убийств»* – это был период межродовых и межплеменных войн. К этому времени сформировались основные рода эвенков, многие из которых сохраняются в настоящее время. В фольклоре данный период также оставил свой глубокий след целым циклом различных исторических преданий о межродовых войнах эвенков. Это было время кровной родовой мести, поэтому и называлось *Булэмэкит*, т.к. уточненный перевод указанного названия будет *«Период убийств самих себя»*, т.е. эвенков эвенками.

Исторический период, сменивший период межродовых войн и кровной мести называется эвенками *«Эвэски – Современное время»*. Буквально оно переводится как *«Ближе к нам»*, т.е. период современности. Период охватывает время проникновения первых русских, взаимодействия с другими этносами, а также историю отдельных родов.

Важной специфической чертой эвенкийского фольклора является его инклюзивность – вовлеченность в повседневную жизнь. Длительное сосуществование этноса с миром природы выработало уникальные принципы общения с окружающим миром. Эти принципы повлияли на формирование культурных традиций, в т.ч. систему устно-поэтического творчества. Фольклор эвенков до сего времени во многих отношениях утилитарен. Современный охотник в своем Алга (заклинании), обращаясь к Буга (Небу) или местному духу, ставит главной целью приобретение охотничьей удачи *сингкэн*. Заклинание бывает кратким в виде одного слова или предложения. Вероятно, такая форма и была наиболее древним выражением общения с духовным миром природы, божествами и духами: *«Боридякал*! – Таким же одаривай!» (адресовано божеству Небу-Буга). В ряде случаев обращение к духовным образам бывает образным, а в некоторых случаях, поэтическим. Отправляясь в далекий путь, эвенк обращается к дороге, духам своей земли, а в пути приносит дары и обращается с просьбой к местным духам (перевалов, рек), чтобы его поход оказался удачным. Как видим, функциональность в эвенкийском фольклоре является неотъемлемой чертой. Характеризуя современный фольклор эвенков, можно выделить следующие его функции:

– сохраняет практическую функцию (исполнение обрядов с обязательным словесным сопровождением для исполнения желаний человека);

– сохраняет древние мировоззренческие представления человечества;

– характеризуется как фольклор, возникший на основе общемировоззренческого синкретизма, имеющий внеэстетические и эстетические цели.

Устное наследие эвенков включает в себя не только язык, фольклор, но и многие культурные тексты, обучающие жизни в природе и в своем социальном обществе. К примеру, заповедь *Иты*, облеченная в форму устойчивого высказывания, учит соблюдать традиции охотничьей и социальной жизни: «То, что дается тебе природой *Буга*, ни для кого не жалей – делись безвозмездно, соблюдая обычай *Нимат* (обычай равного дележа добычи между людьми)». Как отмечает Г. И. Варламова, «*Иты* – это заповеди общечеловеческого содержания, по которым следует жить эвенку. *Иты* составляют общий свод положений и подобны библейским типа: не убий, люби ближнего своего» [3, с. 57]. Традиций *иты* придерживаются эвенки и в настоящей жизни.

Стройная система мировидения изложена эвенками в их мифологическом цикле творения мира. Духбожество *Сэвэки* создает землю, все живое на ней и человека; затем творец усовершенствует мир, дает человеку речь и т.д. Мифологический цикл творения свидетельствует о высокоразвитом уровне мышления народа. Создав мифы о творении мира своим божеством, объединив эти повествования в единый, особый фольклорный цикл, эвенки осмысляли его как маркер своей этничности. Итожится собрание мифов творения тем, что божество-творитель завещает людям традиции *Иты* – свой «кодекс жития», называемый этнографами «обычным правом». *Иты* представляет систему запретов-оберегов и нравственного свода законов, в переводе на русский язык буквально означает «Правопорядок», «Закон». Эта система обычного права изложена как продолжение фольклорного цикла о творениях творца-божества *Сэвэки*. *Иты* регламентируют поведение человека в окружающем его мире природы, а также регламентирует поведение людей в человеческом обществе. Не имея письменности, тунгусы закрепили эти нормативные правила в полуфольклорную форму: краткие изречения, подобные пословицам и поговоркам, но отличающиеся от них тем, что их требуется выполнять неукоснительно. Полуфольклорная форма заповедей породила поэтические тексты обращений-просьб, благопожеланий *алга* и т.д. Многие *одё* являются образцами кратких текстов обрядовой поэзии. Именно выполнение рекомендаций *одё*в виде произнесения обращений-просьб явилось у эвенков началомпоявления художественных текстов обрядовой поэзии [2, с. 124- 175].

Для современных этнографов фольклор – прекрасный источник древних представлений о мире, где не все еще описано и осмыслено. К примеру, существует у эвенков еще не описанный в научной литературе образ земли-матери *Дуннур Эни* (буквально: Земляная Мать). Земляная мать *Дуннур Эни*, по мировоззрению эвенков, живет в земле, это старушка с большими ушами, иногда до пояса выходящая из земли. Показывалась охотнику в очень редких случаях. Охотник должен был подержаться за ее уши – так он получал удачу в охоте, в деньгах и богатстве. Ее нужно было благословлять осенью, чтоб она хорошо пережила зиму. Осенью следовало прощаться до весны, а уезжая с родимого места, нужно было просить извинения. Приводим текст, представляющий один из образцов обрядовой поэзии эвенков, сопровожденный пояснениями исполнителя:

«Дуннур-эниду hулганни: «Дуннур-эни бивки, дуннэ додун. Балдыдяк дуннэдукки hурон ӈэнэдэви некэми, тар Дуннур-эниду оноктокоро hулгадиӈас – посленней урикитту, hурудюлми. Таду алгадиӈас: - Дуннур-эни, / Балдыдяк дуннэви эмэндем, / Hурон hурудюрув — /Таргачин киhалга оран / Экэл hэннырэ, гунденэ: / «Балдыдяк дуннэви / Эмэнэн, энэ-кэт hулгара» / Ая hоктоёвун букэл, / Энэ эруе дялдāра. / Багар окин-мал мучудиӈāвун, / Багар hурон бидиӈэвун… / Эрилвэ синду hулгадярав, / Аят эмэнмукэл!»; Перевод: О Земле-матери: «Земля-мать внутри земли [живёт]. Когда с родной земли навсегда уехать собираешься, той Земле-матери лоскутки подаришь - на последней стоянке, когда уезжаешь. При этом благословишь: / Земля-мать, / Землю, на которой родился, я оставляю, / Навсегда уедем - / Такая нужда пришла. / Не обижайся, говоря: / «Родную землю / Оставил, даже не сделав приношения». / Хорошую дорогу нам дай, / Плохого не думая. / Может быть, когда-нибудь и вернёмся, / Может быть, навсегда уедем… / Вот тебе подношение делаем, / Всего хорошего!» [11, с. 138, 139].

Из обрядовых текстов можно почерпнуть сведения о небесных богинях *АйинМаин и АйихитЭни*, по представлениям эвенков, курирующих судьбу человека. Приводим обращения-*алга* к этим богиням и своим предкам: *«Айин Майин, / «Айихит-эникэкун / Амиӈахал, / Эниӈэхэл – / Карайдякаллу мунэвэ!;* Перевод: Айин-Майин, / Айихит-Матушка, / Матери-отцы (ушедшие в мир иной), / Бабушки-дедушки (ушедшие в мир иной), / Храните нас!» [11, с. 204].

Эвенкийский фольклор имеет еще одну специфическую черту – большинство фольклорных произведений связаны с пением. В. Я. Пропп писал: «Все фольклорные жанры можно делить на две большие категории: решающую роль здесь будет играть музыка. Один ряд жанров исполняется музыкально, другой исполняется без участия музыки. Народ совершенно не знает того, что мы называем стихотворной поэзией. Все, что укладывается в стихи, народом только поется» [15, с. 174]. Удивительно, как совпадает точка зрения В. Я. Проппа с традицией выделения жанров в своем народном фольклоре эвенками. Они делят фольклор на два основных вида, что поется и не поется (рассказывается) – *нимӈакама нимӈакан* поются, *улгур* рассказывается. Фиксируют эту традицию тем, что только исполнители поющихся форм имеют профессиональные термины их обозначения: *нимӈакалан, хиргэлэн, алгалан, икэлэн.* Исполнителям *улгуров* в народе отказано в профессиональном термине их обозначения.

Дальнейшая жизнь и изменяемость фольклорных жанров, сюжетов, мотивов есть процесс трансформации, так или иначе восходящий к этнографическим истокам. Процесс трансформации всегда был связан с «этнографическими» (по высказыванию В. Я. Проппа) истоками. В понятие «этнографическая традиция» входит понятие исторических социальных условий, специфически-этнографических традиций, в которых формировался тот или иной этнос. А именно специфика кочевого образа жизни, охота, оленеводство и своя древняя социальная организация общества. Древняя история человечества создала предпосылки для возникновения в составе первобытной культуры фольклорного художественного творчества.

Фольклор эвенков очень богат в жанровом и видовом разнообразии, в нем представлены практически все известные фольклорные жанры. Наиболее значительный жанр эвенкийского фольклора – героический эпос *нимнгакан*, который по своему многообразию, образности и объему не уступает самым известным образцам эпического жанра других народов. Эвенкийский эпос разнообразен, он включает разные типы сказаний о богатырях и богатырках. Среди героических сказаний выделяется несколько характерных типов о героях-богатырях, где каждый из них, в свою очередь, имеет типичные признаки и характеристику, указывающие на неодинаковую степень развития эвенкийского эпоса как жанра у разных локальных групп эвенков. Героические сказания отражают разные ступени развития эпического творчества эвенков. Именно этот факт является весьма примечательным и интересным для научного мира: в эпическом фольклорном наследии эвенков сосуществовали сказания разного уровня развития. Материал героических сказаний эвенков во всем его типическом многообразии позволяет ученому не только увидеть и проанализировать процесс формирования и развития эвенкийского эпоса, но и при сравнении текстов с образцами эпоса других народов выявить общие ступени развития героического эпоса как жанра.

Прежде всего, следует кратко напомнить о народной фольклорной терминологии, употребляемой эвенками по отношению к произведениям своего фольклора и особенностях фольклора у разных локальных групп эвенков. Как мы выше упомянули, в фольклоре эвенков бытуют два основных фольклорных термина: 1) *нимнгакан (нимӈакан),* 2) *улгур.* Эвенкийский термин *нимӈакан*в широком общепринятом значении объединяет произведения, с точки зрения фольклориста относимые к разным жанрам: миф, сказка, героическое сказание и тип богатырской сказки. Но в этом распространенном значении он употребляется в профанной среде, знатоки же родного фольклора (сказители и рассказчики) различают просто *нимӈакан* в значениях «миф» и «сказка», выделяя свой героический эпос термином *нимӈакаманимӈакан*, буквально:

поющийся *нимңакан,* подобный шаманскому пению*нимңан*. Другой распространенный термин эвенкийского фольклора – *улгур*, обозначает предания (исторические, мифологические) и устные рассказы эвенков (*улгур* - буквально: рассказ). Однако, наличие и бытование жанров фольклора эвенков, равно как и определение и обозначение их народными терминами, не у всех локальных групп одинаково. К примеру, нами не выявлено существование героических сказаний у эвенков северных регионов, а именно, в Эвенкии и на севере Якутии. Не были они отмечены у этих локальных групп и другими, более ранними, собирателями эвенкийского фольклора. Героические сказания распространены преимущественно у эвенков Забайкалья и у восточных эвенков, это подтверждают опубликованные тексты научных изданий эвенкийского фольклора.

Народная терминология западных эвенков отличается от терминологии восточных, а также имеет свои особенности у забайкальских (бурятских) эвенков. Например, западные эвенки не знают термина восточных эвенков *нимңакама нимңакан* (букв.: поющийся *нимңакан,* подобный шаманскому пению*нимңан).* Восточные эвенки также выделяют среди видов *нимңаканов* повествования, определяемые ими как *гумэнимңакан* (букв.: говоримый, т.е. рассказываемый *нимңакан),* соотносимые с богатырскими сказками. Наличие типа эвенкийской богатырской сказки впервые было отмечено Г. М. Василевич во вступительной статье к сборнику «Исторический фольклор эвенков» [8, с. 15]. Говоря о богатырских повествованиях у группы зейско-алданских эвенков, она пишет, что 1) сказания этой группы рассказываются, 2) они ближе к богатырским сказкам, 3) в них немало мотивов из эпоса тюркских и монгольских народов. Однако, она не называет народный термин, которым в большинстве случаев определяют эвенки такой тип повествований – *гумэнимңакан* (букв.: говоримый, т.е. рассказываемый *нимңакан).*

Эвенкийскими сказителями была выработана четкая структура своих эпических произведений, которая включала зачин, сюжет и эпилог. Все структурные части сказания имели эвенкийские термины-обозначения: 1) зачин – называли «*нимңакан тэкэнын* – корень нимңгакана (начало)»; 2) сюжет, основное содержание сказания – «*нимңакан кэңтырэн* – позвоночник сказания»; 3) эпилог, конец сказания – «*нимңакан дугэн (муданин)* – конец-верхушка сказания» [4, с. 46].

Начиная с 2000 г. опубликованы неизвестные ранее научному сообществу тексты героических сказаний эвенков, как отдельными изданиями, так и в приложениях к научным монографиям. В приложениях к научным монографиям опубликованы следующие героические сказания эвенков:

– Чарчикан (Чарчикан) [2, с. 212-217];

– Умунду оскечэ Умусликэн-мата (Одиноким родившийся Умусликэн-богатырь) [2, с. 216- 238];

– Дёлори мевалкан Дёлоргун-мата, хуркэн-куңаканын Ситэри сэнэлкэн Сиңнаны-сониң (Каменное сердце имеющий Дёлоргун-богатырь и его парнишка-ребенок Большую силу имеющий Сиңнаны-богатырь) [2, с. 238- 298];

– Гарпарикан-мата (Гарпарикан-богатырь) [2, с. 238-293];

– Олдонынля-акиянdя тадук Нюңурдок Уняптукэннюн (Старший брат Олдонындя и его сестры Нюнгурдок и Уняптукэн) [3, с. 136-146];

– Со бэе Эринындя-мата (Могучий человек Эринындя-богатырь) [3, с. 146-164];

– Торганай (Торганай) [3, с. 164- 174];

– Дулин Буга Умусликэн (Умусликэн-Одиночка со Средней земли Дулин Буга) [4, с. 180-87];

– Со ая ахи Секакчан тадук Сумулкондук сумулкохол, эвтылэтпи эхи тыктэ Ираны-сониң (Удалая девица Секакчан-Сережка и ее младший брат по имени Из имеющих крепкие жилы самый жилистый, на ребра свои никогда не падающий Ираны-богатырь) [4, с. 188-225].

– Мэнгрундя-мата [15, с. 86];

– Чинанайкун – эвэнки тэкэнын (Чинанаище – первопредок эвенков) [15, с. 17];

За этот же период изучения, сбора и публикаций фольклора эвенков издано два фольклорных сборника по эпосу эвенков – «Сказания восточных эвенков» [15] и «Типы героических сказаний эвенков» [16]. Подготовлено и издано два героических сказания из репертуара известных *нимңакаланов* братьев Николая Гермогеновича и Егора Гермогеновича Трофимовых из рода Бута. Над подготовкой к изданию большого эвенкийского героического сказания «Дулин буга Торгандунин – Торгандун среднего мира» (из репертуара Н. Г. Трофимова) работала к.ф.н. А. Н. Мыреева, опубликовано в 2013 г. [6]. Данный эпос является самым крупным эпическим текстом, уникальным творчеством устного народного творчества эвенков, дошедших до нас. В 2015 году также отдельным изданием подготовлено и опубликовано Г. И.Варламовой, А. Н. Варламовым героическое сказание из репертуара Егора Гермогеновича Трофимова – «Нюңун нюңунтоно Нюңурмок – ахаткан-куңакан» (Шестипрядевые косы имеющая шестикосая Нюнгурмок – девочка-сиротка) [10].

Галина Ивановна Варламова является первым ученым, исследователем, фольклористом изучавшей обрядовые жанры эвенкийского фольклора. В 2014 г. вышел многолетний труд «Обрядовая поэзия и песни эвенков» [11]. Материалы для данного тома она собирала, начиная с 1980-х гг. В том включены 180 текстов – это заклинания, благопожелания, описания обрядов, запевы круговых танцев и песни. Содержание включает 6 больших разделов – это обряды почитания природы, промысловые обряды, скотоводческие обряды, семейно-родовые обряды, шаманские обряды и песни. Труд Г. И. Варламовой помог восстановить многие обряды, которые проводятся сейчас на ежегодном эвенкийском празднике «Бакалдын».

К настоящему времени публикация и фиксация фольклора эвенков продолжается, сотрудниками отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера СО РАН изданы сборник «Эпос алданских эвенков» (2018), в котором представлены, пять сказаний локальной алдано-зейской территориальной группы, имеющих единую эпическую традицию [18]; учебное-пособие «Учим эвенкийский язык» (2018) [14], словарь-указатель «Имена собственные персонажей эвенкийского фольклора» (2018), где включены 106 эпических имен, демонстрирующих наиболее типизированные, характерные и значимые образы эпического наследия северных тунгусов [7]; сборник «Локальные традиции преданий Олекминских эвенков» (2020) [5]. Отдельными изданиями изданы монографии А. Н. Варламова «Специфика историзма в фольклоре эвенков» (2018) [1], М. П. Яковлевой «Специфика эвенкийских героических сказаний в творчестве сказителей рода Бута» (2018) [19]. Также готовятся к изданию сборник «Фольклор эвенков Олекмы», словарь-указатель «Мифологические персонажи эвенкийского фольклора».

Несмотря на то, что в настоящее время фольклор эвенков, его фонд сильно развеян в значительной степени, многое утрачено в связи с изменениями образа жизни, но все еще многое сохранилось и продолжает жить. В основном это касается песен, хороводных запевов и охотничьих обрядов. Жизнь показывает, что адаптивные свойства национальной культуры и ее роль в выживании народов Севера оказываются гораздо сильнее, чем можно было предположить. Рост этнического самосознания, как способ сохранения, как способ социальной и психологической адаптации человека в обществе, зарождение и развитие современных форм культуры и искусства играют в данный момент немаловажную роль. Фольклор, и эпическое наследие, в частности, оценивается самими носителями как одно из наиболее ценных достояний своей культуры. Пока сохраняются основы традиционной жизни северян, роль и функции фольклора не следует умалять, ибо этот процесс не завершен, и фольклор эвенков продолжает жить. Внутренние резервы в виде адаптационных свойств и форм позволяют бытовать эвенкийскому фольклору в современных социальных условиях.

Литература

1. Варламов, А. Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков / А. Н. Варламов. – Санкт-Петербург : Лань, 2018. – 308 с.

2. Варламова, Г. И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора / Г. И. Варламова. – Новосибирск : Наука, 2002. – 376 с.

3. Варламова, Г.И. Мировоззрение эвенков. Отражение в фольклоре / Г. И. Варламова. – Новосибирск : Наука 2004.

4. Варламова, Г. И. Женская исполнительская традиция эвенков : (по эпическим и другим материал фольклора / Г. И. Варламова . – Новосибирск : Наука, 2008. – 230 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока ; Т. 19). – Текст : непосредственный.

5. Габышева, Т.П. Локальные традиции преданий Олекминских эвенков / Т.П. Габышева, А.Н. Варламов. – Новосибирск : Наука, 2020.

6. Эвенки. Дулин буга торгандунин = Торгандун среднего мира / Департамент по делам народов РС (Я), РАН СО Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, Министерство образования и науки РФ, РГПУ им. А. И. Герцена, Институтт народов Севера ; составитель кандидат филологических наук А. Н. Мыреева ; ответственный редактор доктор филологических наук Г. И. Варламова. - Новосибирск : Наука, 2013. - 855, [1] с. : портр. - (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 31).

7. Имена собственные персонажей эвенкийского эпоса : словарь-указатель / составители: Г.И. Варламова [и др.]. – Новосибирск : СО РАН, 2018. - 360 с.

8. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / составитель Г. М. Василевич. – Ленинград : Наука, 1966. – 400 с.

9. Варламова-Кэптукэ, Г. И. Двуногий да поперечноглазый черноголовый человек - эвенк и его земля Дулин Буга = Дюр hалгалкан, эвуныки eһалкан,конгнорин дылилкан, эвэнки - бэе тадук балдыдяк Буҕалканин Дулин дуннэнгин / Галина Кэптукэ ; редактор по Брайлю О. А. Васильева ; Министерство культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия), Республиканская библиотека для слкпых. - Якутск : РБС, 2016. - 1 кн. - (Библиотека журнала Ассоциации народностей Севера Якутии "Розовая чайка" = "Дэги hокмон" ; 1991, N 1, спецвып.). – Текст (тактильный) : непосредственный.

10. Нюнгун нюнгунтоно Нюнгурмок – ахаткан-кунгакан = Шестипрядевые косы имеющая шестикосая Нюнгурмок – девочка-сиротка / РАН СО, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ; составители : Г. И. Варламова [и др.]. – Якутск : ЦИКЛ, 2015. – 184 с.

11. Обрядовая поэзия и песни эвенков / составители: Г. И. Варламова, Ю. И. Шейкин. – Новосибирск : ГЕО, 2014. – 487 с.

12. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность : избранные статьи / В. Я. Пропп ; АН СССР, Институтт востоковедени. - Москва : Главная редакция восточной литературы, 1976. - 325 с., 1 л. портр. – (Исследования по фольклору и мифологии востокая).

13. Путилов, Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора / Б. Н. Путилов ; АН СССР, Институт энтографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. - Ленинград : Наука, 1976. - 244 с.

14.Учим эвенкийский язык : учебно-методическое пособие для изучения эвенкийского языка / Г. И. Варламова [и др.] ; СО РАН ; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера. – Воронеж, 2018. – 192 с.

15. Сказания восточных эвенков / составители : Г. И. Варламова, А. Н. Варламов. – Якутск : ЯФ ГУ изд-во СО РАН, 2004. – 235 с.

16. Типы героических сказаний эвенков / составители : Г. И. Варламова, А. Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 2008. – 228 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и дальнего Востока ; Т. 20).

17. Фольклор. Литература. История / В. Я. Пропп. – Москва : Лабиринт, 2002. - 462, [2] с. : портр. - (Собрание трудов. - Труды).

18. Эпос Алданских эвенков / составители : Г. И. Варламова [и др.]. – Воронеж : Ковчег, 2018. – 456 с.

19. Яковлева, М. П. Специфика эвенкийских героических сказаний в творчестве сказителей рода Бута / М. П. Яковлева. – Воронеж : ООО Ковчег, 2018. – 164 с.

УДК 792.2.071.2(571.56)

В.А. Чусовская

ОБРАЗ. ТЕАТР. ШКОЛА: К 70-ЛЕТИЮ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ СТЕПАНИДЫ БОРИСОВОЙ

К 70-летию народной артистки России,
народной артистки Якутии Степаниды Борисовой
и к 20-летию Арктического государственного
института искусств и культуры.

Статья раскрывает творческий портрет знаменитой театральной актрисы Степаниды Борисовой, её вклад в развитие театра Олонхо. Уникальная актерская техника, сопряженная с виртуозным владением вокала, неповторимый по красоте и силе голос, погружают в древний мир олонхо с его непреходящими ценностями. Отражена деятельность актрисы как режиссера и педагога.

Ключевые слова: *Степанида Борисова, театр Олонхо, тойук, спектакль-олонхо "Кыыс Дэбилийэ", "Угаданки", АГИКИ.*

The article reveals the creative portrait of the famous theater actress Stepanida Borisova, her contribution to the development of the Olonkho theater. The unique acting technique, coupled with the virtuoso mastery of vocals, a voice unique in beauty and strength, immerses oneself in the ancient world of olonkho with its enduring values. The activity of the actress as a director and teacher is reflected.

Keywords: *Stepanida Borisova, Olonkho theater, toyuk, performance-olonkho "Kyys Debiliye", "Ugadanki", AGIKI.*

В этой актрисе Кротость, нежность и яростный бунт. Ее голос! то чарующий, то грозный дышит стихией древнего олонхо. Виртуозное владение вокалом привносит небывалые краски в ее исполнение народных песен, и рок-музыки. Ее тойук (священная песнь) уносит сознание в сферы, вопрошающие мир о его законах и смыслах. Сакральный жест, "многоликая" пластика, от шаманских камланий и вдохновенная просветленность олонхосута живут в ней от рождения, от природы, от мамы с папой. – И потому она – Степанида Борисова – Первая актриса Театра Олонхо. Первая, кому дано пресуществить священную песнь якутов тойук в видимые образы театра, сделать слышимое видимым.

В 80-е годы, когда пение Степаниды Борисовой органично вошло в драматические спектакли театра Саха, популярность ее стала неуклонно расти. Она пела и раньше, и тоже хорошо, даже очень хорошо, но в спектаклях Андрея Борисова ее пение приобрело новое качество. Оно стало самым главным не только для всего спектакля, но и для самой актрисы – ее блестящие способности выстраивать роль пластически отошли на второй план, главным стал интонационный уровень, воплощающий интонацию всего спектакля. Порой это доходило до конфликтных ситуаций: натура драматической актрисы сопротивлялась. Я помню, как на одной из репетиций спектакля "Кудангса Великий" Степанида произнесла гневную тираду: "Я не понимаю, что за роль, если весь спектакль сидеть за бочкой. Что это? В чем смысл?" В ответ раздался вопль Борисова: "Бочка! Бочка! Свет на нее дайте! Вот! (Стеше:) Запела! (актерам:) Чувствуете?! Это мировая скорбь!.. И в то же время просто женщина. Таких бочек полно у нас в Якутске, всегда в них что-то горит, около них греются бродяги. И вот женщина в мужском пальто курит над этой бочкой..." В финале спектакля эта женщина выходит к бюсту Ойунского с маленьким букетиком цветов и начинает петь. В темноте высвечен бюст Ойунского и лицо актрисы. Ее голос берет начало в нижних регистрах, затем от стенаний восходит к рыдающим причитаниям и, наконец, легкий и свободный, воспаряет к тем высотам, где все души сливаются и Платон слышит ее, во всяком случае, мы так думаем. Черное пальто распахивается и сияя ослепительным светом, льется якутское серебро.

Вскоре пение Степаниды стало необходимо всем. Я не говорю о концертах, гастролях, празднествах, - там понятно, но я вспоминаю кинокадры военной хроники из видеофильма о якутянах, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны, – за кадром звучит ее голос, как голос матери-земли; в спектакле МХАТа "Прощание с Матерой" тот же голос поднимает на порядок смысл постановки; этот же голос, идущий как будто из глубины языческих времен, передает мистический ужас героя в первом (дипломном) фильме Алексея Романова "Марфа". Наконец, рок-группа "Чолбон" перерождается с приходом в нее Степаниды Борисовой.

Наверно, особенно это стало заметно после спектакля "Добрый человек из Сычуани" Б. Брехта, где зонги, исполнены С. Борисовой в традиционном стиле. Даже если не знать текстов, невозможно не воспринять интонацию мольбы, отчаяния, надежды, радости – всей гаммы чувств, над которыми властвует неразрвность и непримиримость добра и зла. В исполнении зонгов в современном спектакле, повествующем о трагичности буржуазной морали, традиционное якутское пение является наиболее сильнам моментом,

эмоционально воздействующим на публику, моментом, в котором сконцентрирована вся этическая сила спектакля. Добро и зло. Инь и Ян. Шен Де и Шой Да. Борьба, раздирающая душу женщины, вынужденной идти на компромисс со своей совестью, с наибольшей силой звучит в зонгах, где Степанида Борисова, сбросив маску Шен Де и Шой Да, что соответствует брехтовской эстетике, взывает к небу и к людям. В ее интерпретации и импровизациях проявляется удивительная сила традиционного якутского пения, его нравственного аспекта в особенности.

Ритмы и тембры Вселенной звучат в исполнении Степаниды Борисовой и вся этическоя наполненность представлений о мире, свершается на ином, более высоком порядковом уровне, чем бытовые междуусобные распри. Добро и зло в пении Степаниды – вселенские категории. Современные тексты звучат как заклинания.

Может быть, правы те музыковеды, которые не считают, что исполнение Степаниды Борисовой можно отнести к традиционному якутскому пению, но не парадокс ли? Та, чье пение не считается вполне традиционным, открывает истинные живые токи его воздействия на слушателя!

Рассказывают, как в Мексике, на встрече со зрителями Степанида запела и народ повалил с улицы, и зал не мог вместить всех желающих.

Так что же есть такого в пении Степаниды, только ли ее индивидуальные певческие качества так привлекают нас? Не есть ли в этом пении еще нечто такое, что невозможно изобрести, что существует испокон века, с незапамятных времен, что слышит не только она, но только она может воспроизвести? Откуда этот изумительный звучащий узор мироздания?

Говорят, один человек не может создать театра, и это как будто очевидно, но может ли состояться театр без того актера, который воплощает идеи основателя – режиссера, мыслителя, увидевшего в своем воображении исконный образцовый театр якутов. В 2000 году родился спектакль – олонхо “Кыыс Дэбилийэ”.. Идею Андрея Борисова впервые на сцене Саха театра поставить олонхо смогла воплотиться только с такой актрисой в главной роли Богатырки Кыыс Дэбилийэ. Степанида Борисова создала театральное пространство олонхо, увлекая за собой Актерский ансамбль в стихию нового сценического действа.

Уникальность Театра Олонхо, его созвучие с классическими театрами мира явно обозначилось на театрализованной церемонии закрытия Четвертых спортивных международных Игр Дети Азии, где показали свое искусство актеры классических театров, приглашенных министром культуры и духовного развития РС(Я) Андреем Борисовым на Первый симпозиум Встреча шедевров ЮНЕСКО на Земле Олонхо: японского Но, китайского Кун-Цюй, индийского Куттиятам. Триумфальное завершение театрализованного представления тойуком Степаниды Борисовой и традиционным круговым танцем якутов осуохай продемонстрировало рождение новой эстетики в семье классических театров мира, вспыхнувшей каскадом ярких красок древней традиции саха, ее образцовых форм.

Как сохранить идентичный театр якутов, театр мессианский, консолидирующий народы Якутии на почве исконной традиционной культуры, театр, возрождающий религию и эстетику саха? Как пойдет становление классического театра якутов – ведь Степанида Борисова была в то время не только первой актрисой Театра Олонхо, но и единственной. На заключительном фуршете Игр Дети Азии был произнесен тост за Степаниду Борисову, соединяющую, как серебряная нить древнюю традицию исполнения тойука с театральным искусством.

Драматическая актриса, получившая школу в Высшем театральном училище имени Щепкина, народная артистка Якутии, народная артистка России, Лауреат Государственной премии имени Платона Ойунского, решила сделать тойук у студентов Арктического государственного института искусств и культуры главным предметом. С чего началась школа?

Главное выразительное средство театра Олонхо – тойук Андрей Борисов определил как ритмико-интонационный идеал культуры саха, ее код, первоэлемент. Обучая студентов технике его исполнения Степанида Борисова написала для своих студентов пьесу «Олох долгуннара» (Волны жизни): ряд миниатюр, где происходит перелом в душе молодого человека и жизнь предстает ему по-новому. Это просветление передано тойуком. Дочь прощает свою мать, оставившую ее много лет назад у бабушки, жена жалеет мужа, промотавшего в городе деньги, накопленные на лечение сына, молодая женщина оставшись одна с ребенком на руках, переживает уход мужа и должна найти в себе силы жить дальше. Душа молодых героев возвышается над обыденностью,как будто услышав голос предков, голос совести и высшего разума, открывших истину – видеть в ближнем не причину своих несчастий, а страдающего человека, нуждающегося именно в твоей в помощи.

В спектакле студенты не говорили обычной сценической речью, все диалоги и монологи произносились тойуком. Этим приемом Степанида Ильинична добилась выразительности и интонационного разнообразия, научила легко сочетать физическое действие с пением, с очень непростой техникой тойука, требующей особой постановки дыхания и голоса.

Протяжные монологи и диалоги гармонично сочетаются с динамичными мизансценами. Изобретательность и простота пластики танцев «из народной жизни», поставленных самой Степанидой Ильиничной украсили спектакль ожившей реальностью села, лирическими картинами студенческой жизни. Контраст сцены сияющего огнями города, с которой начинается спектакль под мелодию Шербургских зонтиков, оттеняет тойук, потрясающе ярко звучащий в таком сопоставлении. Тойук – тип гимнического песнопения

не просто был уместен, он составил главную идею, собрал образную структуру, соединяющую будничное существование с силами трех миров мифологического мировидения натурфилософии саха. Жанр студенческого спектакля нельзя определить иначе, чем «тойук-олонхо», то есть первая ступень, первоэлемент Театра Олонхо.

Следующим шагом, показавшим зрелость учеников Степаниды Борисовой, теперь уже выпускников Арктического института искусств и культуры стало участие в профессиональном спектакле Театра Олонхо **«Удаганки» – это режиссерский дебют актрисы Степаниды Борисовой.**

Всеохватный Тойук выстроил целый мир: и квадратный кусок белой ткани превратил в облака, волны, и горы и дом, заговорила олонхосутка (М. Корнилова), запели птицы, зазвучал тойук. Белый квадрат экрана с темными силуэтами персонажей то ли из прошлых времен, то ли из наших дней ожил. Вспорхнули тени и началась страстная озорная и, вместе с тем, поучительная история о том, как оно на свете бывает и откуда берутся дети.

Редкий материал нашла Степанида Ильинична для постановки. Отголоски ритуала вызывания плотской страсти звучат в апокрифических текстах, записанных Э. Пекарским в этом удивительном олонхо. Отсюда богатство интонаций голоса и жеста: эпика и лиризм, ирония, сарказм и нежность, озорство и мудрость народного юмора. И ученики не подкачали, сыграли это со вкусом и азартом. Все они обладают сильным пластичным голосом и кылысахом неповторимой окраски.

Фото 1. Народная артистка России – Степанида Борисова.

Фото 2. Труппа Театра Олонхо на фестивале “Драма”, 2018 г. Греция.

Впервые они показали дуэтное исполнение тойука с динамичными диалогами, невозможными в эпической традиции, но совершенно органичными для сценического воплощения.

Это олонхо игралось без этнических костюмов, сакральной атрибутики, кроме шаманского бубна. Актеры одеты в свободные белые рубахи. Верхом на палочке, как в детских играх скачут всадники с такой пластикой и таким натуральным ржанием, что не нужны никакие ухищрения, чтобы увидеть удаганок и их преследователей, мчащихся на горячих конях. Неожиданный спектакль для Театра Олонхо, но в нем есть все, что требуется: тойук, сочетание канона и импровизации, преображение пространства.

Так же удивительно легко и естественно сплетаются в этом спектакле архаика и новые технологии – белая ткань не простая, она имеет такие свойства, которые позволяют ею «импровизировать» в свободном полете, преображать пространство, подчиняясь воле тойука.

Актеры Нюргуяна Маркова, Елена Маркова, Лена Оленова, Галина Тихонова, Мария Тастыгина, Валентин Макаров, Дмитрий Алексеев, Евгений Сергучев, Гавриил Менкяров Наталья Слепцова, Александр Борисов сделали главное – прозвучали истины, преподанные древним олонхо легко, весело, и, самое интересное – остро и современно.

Второй спектакль Степаниды Борисовой, поставленый с молодыми актерами театра «Таптал талыта» зрители встретили с восторгом, как свой любимый театр.

Сегодня "подрастает" новое поколение актеров Театра Олонхо. Следующий выпуск работает над новой версией спектакля «Кыыс Дэбилийэ», именно над тем спектаклем, который в 2002-м году принес Саха театру первую «Золотую маску». Над пластикой новой эстетики работает Мария Маркеловна Михайлова, над тойуком – Степанида Ильинична Борисова. С каждой постановкой с молодыми актерами – учениками Степаниды Борисовой Театр Олонхо получает новые краски, открывается новыми гранями, добытыми Мастером из глубин древних текстов.

У театра есть будущее. Профессор кафедры актерского искусства АГИКИ Степанида Борисова выучила и выпестовала новое поколение якутских актеров для Театра Олонхо, владеющих не только с драматическим искусством, но и исполнением древних песнопений, словом олонхо развернутом в пространстве сцены, таинством сакрального жеста и магией экстатической пляски для воплощения образов великого эпоса, созданного творческим гением народа. Она создала по сути дела Театр Олонхо, который имеет мировое признание: Япония, Греция, Китай, Индия рукоплескали новому явлению в театральном мире. Все народы, не потерявшие лица с необщим выраженьем, имеют специальные школы духовно-образовательного характера для обучения и воспитания актеров – служителей классического театра. В Республике Саха (Якутия) в Арктическом государственном институте искусств и культуры этот процесс начала Степанида Борисова, создательница театра Олонхо, его первая актриса.

КОМПЛЕКСНЫЕ ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРКТИКИ

УДК 911.53(98)

Д. Н. Замятин, Е. Н. Романова, В. С. Никифорова

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯКУТИИ

В статье освещается деятельность Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики, созданной как платформа для сотрудничества Арктического государственного института культуры и искусств и Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск) в результате реализации совместного научного проекта на средства гранта Российского научного фонда.

Ключевые слова: *геокультура Арктики, модели воображения, культурное наследие, имиджевые ресурсы, коренные народы.*

Dmitry Zamyatin, Ekaterina Romanova, Vera Nikiforova

GEOCULTURAL STUDIES IN YAKUTIA

The article highlights the activities of the Laboratory for Complex Geocultural Research of the Arctic, created as a platform for cooperation between the Arctic State Institute of Culture and Arts and the Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North of the SB RAS (Yakutsk) as a result of a joint scientific project funded by a grant from the Russian Science Foundation.

Keywords: *geoculture of the Arctic, models of imagination, cultural heritage, image resources, indigenous peoples.*

В 2014 году в результате совместной деятельности Арктического государственного института культуры и искусств и Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ИГИПМНС) при поддержке Российского научного фонда был создана Лаборатория комплексных геокультурных исследований Арктики. Работу лаборатории возглавили известные ученые – доктор культурологии, главный научный сотрудник Высшей школы экономики Дмитрий Николаевич Замятин и доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИГИПМНС, этнолог Екатерина Назаровна Романова.

На начальном этапе была разработана методология исследования в контексте нового актуального направления – имажинальной географии. Геокультурное пространство Арктики рассматривалось как постоянно меняющееся, но устойчивое в своих основных свойствах взаимодействие базовых геокультур, создаваемых автохтонными арктическими народами и группами пришлого населения. При этом формирование базовых геокультур происходило на основе ландшафтных представлений, локальных мифов, территориальных идентичностей и географических образов.

Значительная часть исследования проводилась в рамках полевой работы в Магаданской области, Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе Красноярского края, Оленекском районе Республики Саха (Якутия), Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском, Чукотском автономном округах. В ходе экспедиций были собраны материалы по геокультуре и культурному наследию регионов Севера – на фото- и видеоносителях зафиксированы разные образы пространства, предметный и визуальный мир, архитектурный ландшафт, составлены списки потенциальных образов, знаковых мест, имиджевых ресурсов. В результате исследования имиджевых ресурсов арктических территорий были выделены 4 типа: 1) имиджевые ресурсы «колониального типа», основанные на представлениях об экзотичности Арктики; 2) имиджевые ресурсы эпохи «освоения» – пласт духовной и материальной культуры, связанный с эпохой советского освоения Арктики; 3) имиджевые ресурсы «нового опыта», основанные на более глубоком понимании культуры коренных народов Севера и их среды обитания. Основой для формирования данной группы ресурсов служат те же артефакты, ментифакты, обряды и другие элементы культуры, которые послужили основой для формирования группы ресурсов «колониального типа»; 4) имиджевые ресурсы фронтирного типа, основанные на переосмыслении природной, бытовой, культурной, экономической специфики Арктики как вызова, причем вызова национального масштаба.

Были записаны региональные и локальные мифы, географические представления, мифопоэтические и ритуальные тексты, элементы звукового ландшафта исследуемых территорий, связанных с природным и окружающим миром. Интервью с информантами были посвящены значимым объектам геокультуры – священным местам, обрядовым и праздничным традициям, музыкально-интонационной культуре как особой, акустической, модели воображения пространства.

По итогам полевой работы была выделена ментальная сеть сопространственностей культур Арктики.

Впервые культурное наследие и образы северных территорий рассматривались как современная когнитивная карта арктического пространства. Анализ пространственного текста культуры позволил выявить и разработать базовые элементы потенциальных имиджей территорий. Семантическая составляющая этих образов раскрывается в дихотомии природного и окультуренного, так, выстраиваются пространственные образы Начала и Конца, Созидания и Разрушения, Жизни и Смерти.

Арктика никогда не была безжизненной ледяной пустыней, о чем свидетельствуют археологические памятники Якутии. Так, культура больших пространств была освоена со времен позднего плейстоцена и голоцена, высокий уровень когнитивных технологий древних охотников доказывают петроглифы, святилища, найденные по всей территории. В научный оборот сотрудниками Лаборатории впервые введены результаты исследования Малотарынской писаницы, расположенной на Полюсе холода Северного полушария в Оймяконье (В. М. Дьяконов).

Очевидно, что сквозная тема Арктики – образ Времени – акцентирован в таких имиджевых ресурсах, как Медвежий праздник, являющийся ядром традиционной культуры хантов и манси и обыгрывающий Время «сновидений и пробуждения» (Югра), как образ времени Начала на Чукотке («У нас начинается день», «Люди, шагающие в ногу со временем») и образ Ямала, где ритм оленей и человека организуют пространство и время (путевая стратегия «жизнь в пути»). Онтология бесконечности пространства и цикличность природного времени отражают созидательный код этнокультурного наследия коренных народов Арктики.

Миф о Берингии (мифологическое время) как наиболее знаковом месте движения и встречи культур разыгрывается через образы «хозяев местности» (животных и птиц) – ворона Кутх (создателя Вселенной), белого медведя Умки (хозяина белой пустыни), кита (священного животного эскимосов и береговых чукчей), оленя (священного животного тундровых чукчей и эвенов) – и ритуальный предмет чукчей и эскимосов – мяч Кэпыл~Анкак, символизирующий Солнце и Вселенную (изображение трех ярусов мироздания, четырех сторон света и четырех времен года). Эти образы сопрягаются с пластическим фольклором в творчестве чукотских косторезов (Уэленская мастерская, мастерские Анадыря) и танцевально-пластической культурой, построенной на звукоподражании голосам животных и птиц и представленной в постановках Государственного чукотско-эскимосского ансамбля «Эргырон» и более 60 любительских танцевальных коллективов. Берингия была мостом, по которому совершался культурный обмен между континентами.

Осмысление экспедиционных материалов подтверждает тезис о том, что образ Арктики в первую очередь ассоциируется с символами холода, снега и льда и отражается в знаковых местах территорий – «Лабиринт ледяных пещер» в Салехарде, «Ледниковый останец» в Ханты-Мансийске, «Царство вечной мерзлоты» в Якутске, символическая арка Полярного круга в Анадыре.

Таким образом, онтологическая модель воображения арктического геокультурного пространства в её базовом варианте включает как минимум три слоя-субстрата: 1) обобщенное, генерализованное описание постоянных ритмических процессов сжатия и расширения культурных ландшафтов, связанных как с пульсациями, переходами света и тьмы, холода и относительного тепла, стоянками и кочёвками, так и с экзистенциальными состояниями мест-путешествий, мест-мостов, мест-разрывов; 2) структурная характеристика постоянно расширяющихся, неустойчивых в своей семантике географических образов ускользающей дали, ассоциирующейся с эротикой погони, убегания, неуловимости; 3) фиксация и адекватная репрезентация локальных мифологий, синтезирующих распад традиционных этнокультурных оснований, мифоритуальных миров арктических народов и ментальное генерирование, создание, сотворение новых пост-сакральных миров снега, белесоватого света или светящейся тьмы, внутреннего холода технологических миров «точечного» освоения арктических территорий. Всякий раз, конкретизируя подобную модель применительно к исследовательской ситуации, нужно говорить о фрактальных сочетаниях таких онтологических субстратов, а также о принципиальной онтологической незавершенности, неоконченности арктического воображения. Арктическое геокультурное пространство моделируется как постоянно разрываемая ментальная сеть сопространственностей неустойчивых, пульсирующих, рассеянных экзистенций путевых мест, чьи онтологии могут приравниваться к видимым ландшафтным «отсутствиям», где экологическая оптика «пустоты» и бесконечности порождает поверхности расходящихся и сходящихся в своих разрывах образов максимального отдаления природы-как-свободы телесных феноменологий.

Геокультурный аспект был специально рассмотрен при изучении рукописного наследия и аудиозаписей первых фольклорно-этнографических экспедиций в арктические районы, хранящихся в архивах Якутского научного центра, Российской академии наук, Кунсткамеры, Российского этнографического музея, Пушкинского дома и музеев арктических регионов. Через призму восприятия геокультурного пространства были описаны предметы из сибирской коллекции Британского музея и ритуальный комплекс предметов, хранящихся в Оленекском музее. В результате этих исследований в научный оборот были введены архивные и музейные источники, отражающие «следы» древних цивилизаций в историко-культурном пространстве Якутии.

Лабораторией разрабатывался проект «Информационная модель геокультуры Арктики», которая велась по двум направлениям: 1) «Образы Арктики XVII-XVIII веков» в виде статических графических материалов (картографика и видовые гравюры); 2) «Образы Арктики в фото-, кино-, видеопроизведениях».

Отбор и проработка документов производились в соответствии с географической локализацией и наличием образов Арктики в контенте изученных произведений. Лабораторией создан научно-популярный фильм «Арктика: тепло родного дома» (режиссер Алексей Романов) на основе новейших полевых исследований в регионах Арктики от Ямала до Чукотки. Собранные Лабораторией материалы легли в основу Арктической аудиовизуальной обсерватории, содержащей фонд в объеме 2,9 ТБ аудио-, видео- и фотоматериалов. В настоящее время ведется работа по систематизации, архивации и научному исследованию данных материалов.

В целях коллаборации с зарубежными научными институциями по тематике исследований Лабораторией установлены контакты с Международной лабораторией сравнительных мультидис-циплинарных исследований представлений Севера Университета Квебека в Монреале (руководитель – профессор Даниель Шартье). Научное сотрудничество с данной Лабораторией имеет важное значение в плане включения исследований по культурному наследию коренных народов и геокультурным образам российской Арктики в научный оборот мировой гуманитарной науки и взаимодействия интеллектуального ландшафта российских и зарубежных ученых.

В 2016 году Лаборатория стала членом научной сети «Международная циркумполярная обсерватория», в которую входят университеты Аргентины, Исландии, Канады, России и Франции. Сотрудничество в рамках сети продолжается в форме семинаров, конференций, коллоквиумов, посвященных изучению онтологии воображения и восприятия Севера, поиску устойчивого гуманитарного развития холодных территорий Земли. Междисциплинарное объединение ученых разных стран основывается на совместной стратегической программе научного взаимодействия в поиске путей решения устойчивого развития холодных территорий Земли.

В целях практического использования результатов геокультурных исследований, в частности, анализа имиджевых ресурсов Лаборатория провела работу с бизнес-структурами, действующими на Севере. Так, были организованы образовательные семинары на темы «Добывающие компании на земле оленеводов» (куратор Романова Е. Н.) с представителями промышленной компании ЗАО «Прогноз»; «Арктическая синергия» (куратор Замятина Н. Ю.) в г. Губкинский Ямало-Ненецкого автономного округа и «Кулинарная карта Якутска» (куратор Данилова Н. К.) для ресторанов национальной кухни. На семинарах рассматривались примеры развития инновационного бизнеса в Арктике, обсужден опыт развития бизнеса в других городах России и зарубежных арктических странах, особое внимание было уделено проблемам взаимодействия бизнеса и местных сообществ Арктики.

Одним из важнейших результатов деятельности Лаборатории, созданной высшим учебным заведением и академическим институтом, является использование научных исследований в учебном процессе вуза. Внедрение новейших знаний об Арктике, полученных на основе методологии геокультуры как мировоззренческой парадигмы XXI века, направлено на формирование компетенций у будущих специалистов культуры и искусства, адекватных «вызовам» современной социокультурной среды на Севере. Образовательный контур, предложенный Лабораторией, имеет своей целью проработать такие актуальные для сегодняшней Арктики вопросы, как этнические компоненты геокультурного пространства Арктики, функционирование образов территорий, сосуществование традиционных и современных культур. В этой связи Лабораторией были разработаны курсы «Русские в Арктике: геокультура и идентичность» (автор – М. Б. Башкиров, кандидат исторических наук), «Этнокультуры и мифоритуальные миры народов Арктики» (автор – Е. Н. Романова, доктор исторических наук), «Образы Арктики и арктичности в искусстве» (автор – Ю. И. Шейкин, доктор искусствоведения), «Геокультурный брендинг арктических городов и территорий» (автор – Д.Н. Замятин, доктор культурологии).

В июне 2015 года была проведена Международная конференция «Геокультурные образы Арктики», в работе которой приняли участие исследователи из Российской Федерации (Москва, Санкт-Петербург, Архангельск, Улан-Удэ, Хабаровск, Якутск), Венгрии, Казахстана, Канады, Кореи, Франции, Японии. Внимание участников конференции было сфокусировано на осмыслении образов Арктики и экстремальных моделей воображения, поиске общих точек и локальных особенностей в создании ментального рельефа Арктики.

Деятельность Лаборатории и результаты научных исследований были освещены в ряде конференций – «Динамика темноты на Севере» в Рейкьявике (Исландия), «Скифия: образ и историко-культурное наследие» в Москве, VIII Международной конференции по географии населения в Брисбене (Австралия), II Международном форуме пространственного развития «Экстремальный урбанизм» (Санкт-Петербург), конференции в рамках проекта «Воображаемый Восток: Китай по-русски. XVIII век – начало XX века», IV Международном Северном археологическом конгрессе в Ханты-Мансийске и др.

Согласно разработанной методологии, осмысление образов локальных геокультур в когнитивной истории, включая мифы, искусство, символы реального и вымышленного в диахронии и синхронии, позволило выявить основные модели воображения арктического пространства. В контексте сопространственности уровень освоенности арктических территорий является одной из самых высоких в мире, так как арктические маршруты, кочевки, путешествия разных народов, этнических и профессиональных групп, отдельных исследователей и путешественников пронизывают, «пропитывают» друг друга, формируют «синергетическую» толщу памяти арктических мест. Арктический аутопойесис осознается как органика

постоянно двигающихся, перетекающих, путешествующих феноменологических состояний пространства. Человек, постоянно живущий в Арктике, может феноменологически отождествить пространство и интенциональность, полагая тем самым свою экзистенцию как сопространственную.

В этом контексте полевые исследования в наибольшей степени были ориентированы на осмысление и моделирование образов территорий как живого соприкосновения с пульсирующим ритмом жизненного мира северян, его коренными культурами и формирующимися геокультурами локусов постоянного освоения. В результате проведенных экспедиций, посвященных геокультурным пространствам, были выделены три базовых арктических геокультур:

- геокультура коренных народов;
- геокультура вахтовых поселков;
- геокультура локусов постоянного освоения.

Экспедиции на Чукотку позволили углубить представления о геокультуре как о «композиционном» феномене, обусловленном колонизационными процессами. Речь идет о геокультуре коренных народов Арктики, для которой присущ глубинный исторический срез. Древняя культура ее жителей сложилась 3-2 тысячелетия назад и была представлена уже известной сегодня архитектурой из китовых костей, столбов из нижних челюстей китов в память о предках, речь идет об уникальной культуре морских зверобоев. На Чукотке до сих пор сохраняются «власть пространства», большое значение здесь имеет локусное восприятие. Другой формой геокультуры является советская колонизация и модернизация, которая, с одной стороны, влияла на сложившиеся до нее геокультурные формы коренных народов, с другой – породила новую уникальную геокультуру, геокультуру постоянных советских поселков и городов. Третьей, современной, формой геокультуры, является неолиберальная ресурсная реструктуризация, которая влияет на предыдущие формы и порождает новые, хоть и в меньшем количестве.

Научные изыскания сотрудников Лаборатории нашли отражение в многочисленных публикациях. Редколлегия журнала «Этнографическое обозрение» предоставила для Лаборатории рубрику «Специальная тема журнала», в которой было издано 6 статей, посвященных геокультурному пространству Арктики. В целом за три года Лабораторией опубликовано 15 статей в российских и зарубежных научных изданиях, индексируемых в базах данных «Сеть науки» (Web of Science) или «Скопус» (SCOPUS) и 55 публикаций, индексируемых в базе данных «РИНЦ».

По итогам научных исследований выпущена фундаментальная коллективная монография «Геокультурные образы Арктики», в которой представлены методологические принципы геокультурного изучения Арктики в разных социальных и культурных контекстах. Концептуальное построение исследовательских текстов включает ключевые смыслы и образы, моделируемые в ходе онтологического воображения арктических пространств – как с условной стороны коренных традиционных сообществ, так и со стороны пришлых, зачастую временных сообществ. Стержневой идеей монографии является тезис о том, что в условиях разрушенной традиционной культуры арктических народов, когда ее элементы и системные «блоки» воспроизводятся в «усечённой» форме, их ментальные основания могут быть долговечными и устойчивыми в условиях постоянных социокультурных изменений и необходимыми для поддержания «онтологической устойчивости» живущих в Арктике людей.

Сборник материалов Международной конференции «Геокультурные образы Арктики» содержит 14 статей, посвященных анализу геокультурного пространства Арктики и ее составляющих элементов – мифопоэтических образов, священных мест и когнитивных технологий, традиционных и современных музыкальных ландшафтов и др. Теоретические статьи Д.Н. Замятина и Д. Шартье посвящены методологии исследования, понятийному аппарату, историографии исследуемой темы в российской и зарубежной науке. Пересечение двух позиций в одном издании обнаруживает сближение, казалось бы, разных подходов и раздвигает исследовательские границы фундаментальной проблемы ментального освоения Арктики.

Лаборатория начала издание серии книг «Письмена на снегу», которая представляет лучшие произведения аутентичного фольклора народов Арктики и современных образцов живой народной культуры как развивающихся форм этнического самопознания. Серия является своего рода высказыванием, «голосом», воспоминанием живущих на Севере коренных народов о своих предках, земле, культуре. Серия открылась корпусом уникальных текстов сакральных песен знаменитых медвежьих игрищ – древней сокровищницы традиционной культуры обских угров и называется «Сакральные песни Медвежьего праздника казымских хантов».

Методология геокультурных исследований, разработанная Д.Н. Замятиным, содержит ряд базовых исследовательских принципов и новых концептуальных понятий. Одним из них является геокультурный брендинг территорий. Концептуализация методологии соотнесена с определением геокультурного брендинга территорий как целенаправленного онтологического совмещения конкретного культурного пространства с самим собой, причём территориальные границы, взятые в их физическом/политико-административном аспекте, выступают здесь как непосредственное выражение конкретной геокультуры. Доказано, что многоцелевой и полифункциональный геокультурный брендинг территорий должен стать базовым типом территориального брендинга. Анализ имиджевых ресурсов Арктики отсылает исследователя к долговременным геокультурным образам-архетипам, формирующим геокультуры данной территории.

Основными компонентами геокультурного брендинга являются региональная идентичность, культур-

ный ландшафт, географические образы, локальные мифы. Скрепляющими элементами геокультуры выступают Гений места и Контекст. Знаковость места в целом определяется теми сообществами или отдельными личностями, которые могут либо воспринимать семиотические/смысловые коннотации, либо устойчиво их воспроизводить в целях поддержания собственной территориальной (региональной) идентичности, либо автономно создавать.

Разработана стратегия развития имиджа арктических территорий, которая может состоять из:

- осевой стратегии (контекста), составляющей ключевой образ;
- интенсивной стратегии, являющейся стратегией локального уровня и основанного на использовании историко-культурного наследия территории;
- экстенсивной стратегии, являющейся стратегией международного уровня и направленной на развитие образа (бренда) арктической территории (города) вовне.

Практическим воплощением геокультурного брендинга Якутии стало проведение Нулевой Арктической биеннале современного искусства в формате «Science Art». Амбициозный проект молодых сотрудников Лаборатории на тему вечной мерзлоты представил концептуальное видение образов Арктики как художественное исследование и научное творчество. Коллаборация московских и якутских художников с научными институциями в поисках «воображаемой» Арктики расширило горизонты научного и художественного познания.

Сегодня Лаборатория продолжает свою деятельность как сетевое взаимодействие исследователей-единомышленников. В этом году Квебекский университет в Монреале выпустил коллективную монографию на французском языке «Géocultures. Métogologies russes sur l'Arctique» («Геокультуры. Российская арктическая методология»). Это – результат сотрудничества российских и канадских ученых, занимающихся Севером и Арктикой, а также двух Лабораторий – Международной лаборатории исследования воображения Севера, зимы и Арктики (Квебекский университет, Монреаль) и Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики (Якутск, Арктический институт культуры и искусств). В книгу включены работы Д. Н. Замятина, Е. Н. Романовой, О. Э. Добжанской, О. А. Лавреновой. Монография сопровождается большой вводной статьёй её редактора, профессора Даниэля Шартье, анализирующего геокультурные подходы российских учёных к изучению Арктики. Перевод книги на французский язык выполнила Марианна Самсонова. В настоящее время достигнута договоренность о международных издательских проектах: издание монографии Е. Н. Романовой «Категория зимы в культуре народа саха» и книги стихов эвенского поэта Михаил Колесова «Мне снилось, я был – снег» на французском языке в серии «Jardin de givre» («Сад из инея»), выпускаемой Квебекским университетом.

В планах Лаборатории – исследование проблемы художественной рефлексии географического пространства, места искусства в формировании культурного ландшафта, а также работа по систематизации и каталогизации материалов Арктической аудиовизуальной обсерватории. Методологические новации лаборатории будут озвучены на Конгрессе антропологов и этнологов (Томск, 2020), где исследователи Е. Н. Романова и О. Э. Добжанская организуют и проведут отдельную секцию «Антропология холода: методология и концепты».

Литература

1. Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования. Монография / Отв. ред. Д. Н. Замятин, Е. Н. Романова. – Москва : Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. – 504 с.

2. Добжанская О. Э., Романов А. С. Таймырский маршрут: в поисках многообразия этнических культур // Лаборатория комплексных геокультурных исследований Арктики: дорожный проект / Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. нар. Севера СО РАН, Аркт. гос. ин-т культур и искусств, Лаб. комплекс. геокультур. исслед. Арктики; [Сост. О. Э. Добжанская]. – Якутск: Издат. центр АГИКИ, 2015. – С. 22-26.

3. Дьяконов В. М. Малотарынская писаница – символическая карта культурной памяти древних сообществ Оймяконья // Лаборатория комплексных геокультурных исследований Арктики: дорожный проект / Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. нар. Севера СО РАН, Аркт. гос. ин-т культур и искусств, Лаб. комплекс. геокультур. исслед. Арктики; [Сост. О. Э. Добжанская]. – Якутск: Издат. центр АГИКИ, 2015. – С.27-32.

4. Дьяконова В. Е. Музыкальная культура чукчей и эскимосов (на материале экспедиции в Чукотский автономный округ) // Фольклор палеоазиатских народов: материалы II Международной научной конференции, г. Якутск, 21-25 ноября 2016 г. / [отв. ред. д.и.н. А. Н. Алексеев; ред.-кол.: к.п.н. П. Е. Прокопьева, к.и.н. А. П. Решетникова, к.филол.н. С. И. Шарина и др.]. – Якутск: РИО медиа-холдинга, 2017. – С. 172-179.

5. Дьяконова В. Е., Зайков М. А., Габышева Т. Т. Оленёкский эвенкийский национальный район Якутии: экспедиционный проект 2014 г. // Лаборатория комплексных геокультурных исследований Арктики: дорожный проект / Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. нар. Севера СО РАН, Аркт. гос. ин-т культур и искусств, Лаб. комплекс. геокультур. исслед. Арктики; [Сост. О. Э. Добжанская]. – Якутск: Издат. центр АГИКИ, 2015. – С.42-45.

6. Замятин Д. Н. Геокультурное пространство Арктики: онтологические модели воображения // Мир психологии. №4(84) . – М.: ОАНО ВО «МПСУ», 2015. – С. 135-142.

7. Замятин Д. Н., Курилова С. Н., Дьяконова В. Е. Геокультурный брендинг арктических территорий (на примере моделирования базового географического образа тундры) // Этнографическое обозрение. – №4. – 2016. – С. 60-74.

8. Замятин Д. Н., Романова Е. Н. Холодный мир: два полюса измерения // Этнографическое обозрение. – №4. – 2016. – С. 5-8.

9. Звучащие ландшафты Арктики / О. В. Василенко, О. Э. Добжанская, В. Е. Дьяконова и др.; под общ. ред. О. Э. Добжанской, Т. И. Игнатьевой. – Новосибирск: Наука, 2019. – 172 с.

10. Кардашевская Л. И., Курилова С. Н. Свои и чужие образы «Золотой Колымы» // Лаборатория комплексных геокультурных исследований Арктики: дорожный проект / Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. нар. Севера СО РАН, Аркт. гос. ин-т культур и искусств, Лаб. комплекс. геокультур. исслед. Арктики; [Сост. О.Э. Добжанская]. – Якутск: Издат. центр АГИКИ, 2015. – С. 46-48.

11. Курилова С. Н. «Каслание» за образами бескрайнего края земли // Лаборатория комплексных геокультурных исследований Арктики: дорожный проект / Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. нар. Севера СО РАН, Аркт. гос. ин-т культур и искусств, Лаб. комплекс. геокультур. исслед. Арктики; [Сост. О. Э. Добжанская]. – Якутск: Издат. центр АГИКИ, 2015. – С. 17-21.

12. Молданов Т. А. Сакральные песни медвежьего праздника казымских хантов / Сост. Т. А. Молданов. Науч. ред. О. В. Василенко. Отв. ред. О. Э. Добжанская; Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. нар. Севера СО РАН, Аркт. гос. ин-т культуры и искусств, Лаб. комплекс. геокультур. исслед. Арктики. – Якутск : ИЦ АГИКИ, 2016. – 157 с. (Письмена на снегу. – Вып. 1).

13. Шартье Д. Что такое «воображаемый Север»? // Этнографическое обозрение. – №4. – 2016. – С.20-29.

14. Zamyatin D., Romanova E., Dobjanskaya O., Lavrenova O. Géocultures. Méthodologies russes sur l'Arctique. Sous la direction de Daniel Chartier. Montréal, Imaginaire Nord, coll. «Isberg», 2020. – 166 p. URL: https://archipel.uqam.ca/13509/1/222059472.pdf

УДК 008:911.53(98)

Д. Н. Замятин

ГЕОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО АРКТИКИ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВООБРАЖЕНИЯ

В статье исследуются геокультуры Арктики. Выделяются основные слои-субстраты онтологической модели воображения арктического геокультурного пространства. Рассматривается специфика арктических идентичностей.

Ключевые слова: *геокультурное пространство, модели воображения, сопространственность, идентичность.*

Dmitry Zamyatin

ARCTIC GEOCULTURAL SPACE: ONTOLOGICAL MODELS OF IMAGINATION

The article examines the geocultures of the Arctic. The main layers-substrates of the ontological model of the imagination of the Arctic geocultural space are distinguished. The specificity of the Arctic identities is considered.

Keywords: *geocultural space, imagination models, spatiality, identity*

Арктика – один из жизненных миров человечества, интенсивно формирующих специфические экстремальные модели воображения. В них, несомненно, много общего с подобными моделями, возникающими и развивающимися в высокогорных районах или пустынных зонах умеренного и тропического поясов Земли. Но, наряду с этим, арктические модели воображения имеют уникальные компоненты, способствующие рождению мощных и «магических», «шаманских», образов арктических территорий.

Эти компоненты являются неотъемлемой частью онтологий Арктики. Арктические сообщества, будь то автохтонные арктические народы или же группы пришлого населения, вновь осваивающего эти земли, обладают – на бессознательном или сознательном уровнях – оригинальными онтологическими моделями воображения, в рамках которых формируются представления об арктических пейзажах, развиваются самобытные мифологии (как глубоко традиционные, так и посттрадиционные, «модернистские»), происходит становление дифференцированных арктических идентичностей на основе глубинных географических образов-архетипов. Различные сочетания пейзажных (ландшафтных) представлений, локальных мифологий, территориальных идентичностей и географических образов создают базовые геокультуры [3] Арктики. Взаимодействие арктических геокультур, подобно волновой интерференции и квантовым импульсам, порождает изменчивое, постоянно меняющийся и всё же устойчивое в нескольких свойствах геокультурное пространство Арктики.

В чем же уникальность геокультурного пространства Арктики? Как формируются онтологические модели арктического воображения? Существует ли онтика Арктики как трансграничного пространства, чьим постоянным расширением которого «автоматически» возникают все новые и новые образы арктически территорий? Попытаемся в первом приближении ответить на эти вопросы.

Сопространственность и геокультуры: базовые положения

Сопространственность культур [3] проявляется как определенная «когерентность», сочетаемость ключевых типов ландшафтов, локальных мифов, специфических геокультурных образов и территориальных идентичностей. Коды культурной памяти отдельных этносов и народов включают в себя ментальные матрицы подобных сопространственностей, способствующих этнокультурным взаимодействиям. В то же время всякое устойчивое или же формирующаяся динамичная культура рассматривается как геокультура, обладающая как базовым кодовым «набором» своей памяти, так и потенциальной способностью к развитию различных форм сопространственности.

Сопространственности культур формируют соответствующие геокультурные пространства, в них и посредством них взаимодействуют этносы и отдельные локальные сообщества. Геокультурное пространство представляет собой сложный комплекс ландшафтов, мифов, географических образов, зачастую смешанного, трансэтнического происхождения, фиксирующий, как правило, промежуточную динамику развивающейся геокультуры. Важно отметить, что целостность, органика любой геокультуры связана как с умением воспринимать внешние импульсы и адаптировать привносимые инновации, осваивая их онтологически, так и со способностью формировать и «иррадировать» вовне собственные имманентные ей в данный момент образы, мифы и символы. В любом случае, автономное геокультурное пространство создает чаще всего несколько взаимопересекающихся гетерогенных территориальных идентичностей, выражающих в той или иной степени конкретную геокультурную онтологию.

Экзистенция арктического пространства

Экзистенция арктического пространства прямо связана с традиционными онтологиями пустоты, белизны, молчания, бесконечности, темноты. Важно отметить здесь, что подобные онтологии в отношении Арктики развивались и развиваются как в европейских и, шире, западных культурах, так и в культурах «восточных», прежде всего, дальневосточных (в основном китайская и японская). Очевидно, что эти онтологии, в зависимости от определенной культуры, могут интерпретироваться совершенно по-разному, включая и аксиологические (ценностные) интерпретации. Наконец, ясно также, что «восточные» культуры не предлагают, как правило, «развернутые» онтологические модели воображения – с точки зрения условного западного наблюдателя – а предпочитают, скорее, говорить о «реактивных» спонтанных решениях и образах, заменяющих и подменяющих «строгие» онтологические формы.

Так, следует понять, что те же арктические концепты пространства пустоты, белизны и бесконечности в контексте китайской культуры имеют зачастую совершенно иные коннотации, нежели те, которые мы находим и анализируем в путевых отчетах и записках великих арктических путешественников западного мира. Наряду с этим, приходится признать, что западные дискурсы арктического воображения могут лишь достаточно приблизительно очертить «территории» автохтонного пространственного воображения, присущие и принадлежащие коренным народам Арктики [9]. Феноменология индигенного арктического воображения, более или менее проявленная записями и публикациями фольклора и мифологий, непосредственными описаниями «картин мира» арктических «natives», не покрывает все поле потенциального онтического и онтологического поиска.

Арктические сопространственности

Если мы попытаемся ограничиться лишь довольно прозрачными усилиями в сфере «онтологической комбинаторики» применительно к геокультурным пространствам Арктики, то этого будет в любом случае недостаточно для понимания арктической сопространственности – несомненно, уникальной в силу как чрезвычайной многовековой подвижности кочевых и полукочевых арктических народов [2], так и их многообразных остаточных архаических этнолингвистических маркеров, налагающихся друг на друга, взаимодействующих и активно трансформирующихся. Мифоритуальные миры арктических народов, по сути, являются готовыми визуально-вербальными «транскрипциями» аутентичных географических образов, транслирующихся далее в геокультуры отдельных арктических территорий – и отнюдь не по этническому принципу, «диктующему» соответствующие дискурсивные фреймы доминирующего коренного и пришлого народа. В контексте сопространственности освоенность арктических территорий, по-видимому, является одной из самых высоких в мире, ибо арктические пути, кочевки, аргишы и путешествия совершенно различных народов, этнических и профессиональных групп, отдельных исследователей и путешественников как бы пронизывают, «пропитывают» друг друга, взаимно дополняются, формируя «синергетическую» толщу памяти арктических мест. В Арктике очень трудно остановиться, не двигаться по какому-либо пути, отсюда и место здесь представляет собой, скорее, остановку, стоянку, нерегулярный фрагмент пути, вынужденный порой разрыв метафизического путешествия (в западном варианте) или же форму почти незаметного постороннему глазу движения.

Арктический аутопойесис

Своеобразная демографическая пустота Арктики в сочетании с высочайшей плотностью «невидимых» путевых, двигательных активностей позволяют зафиксировать первоначальные экзистенциальные рамки воображения арктической белизны, темноты, безлюдности, бесконечности. Ценностное выражение этих образов оказывается фактически не миметическим – как этого следовало бы ожидать в традиционно преобладающих западных культурологических и антропологических дискурсах – но, по преимуществу, аутопойетическим [4; 5]. Арктический аутопойесис осознается нами как органика постоянно двигающихся, перетекающих, путешествующих феноменологических состояний пространства (пространств), причем именно пространство, его неявная эмоциональная составляющая оказывается в каждой временной точке онтической репрезентацией не-самости, не-персональности, а-топичности в ее традиционном истолковании. Человек, постоянно живущий в Арктике, может в феноменологическом плане отождествить пространство и интенциональность, полагая тем самым собственную экзистенцию как сопространственную. Естественно, подобный арктический аутопойесис, как правило, остается за пределами какой-либо внятной и прямой авторефлексии. Вместе с тем, на наш взгляд, следует говорить о перспективности исследования арктических сопространственностей с точки зрения внешнего или внутреннего включенного наблюдения.

Проблематизация арктических сопространственностей тесно связана с осмыслением пути и движения как места. Воображение арктического места представляется различного рода путешествиями, ориентированными на непосредственную органичную сакрализацию передвижения. Речь идет не только и не столько о традиционных и посттрадиционных типах кочеваний, но о пространственностях, полагающих себя онтикой мест – мест-пространственностей, чья динамика есть постоянные переходы от одной событийности к другой [5]. Это не означает отождествления всякой событийности и конкретной сопространственности: Арктика событийствует сама себе путешествиями мест, каждое из них символизирует специфические, уникальные образы холода, темноты, белизны, ускользающего горизонта.

Арктика: структура онтологической модели воображения

Под моделью онтологического воображения в данном случае я понимаю приблизительную схему порождения каким-либо способом (с помощью какого-либо дискурса) автономных образов или образных (образно-символических) систем, сохраняющих, трансформирующих и развивающих в себе феноменологию собственного происхождения как онтологическую «обратную связь». Другими словами, подобные схемы представляют собой предварительные эскизы бытия как образной динамики, в которой расширение любого образа фиксирует изменения онтологии его генезиса.

Онтологическая модель воображения арктического геокультурного пространства в ее базовом варианте включает как минимум три слоя-субстрата: 1) обобщенное, генерализованное описание постоянных ритмических процессов сжатия и расширения культурных ландшафтов, связанных как с пульсациями, переходами света и тьмы, холода и относительного тепла, стоянками и кочевками, так и с экзистенциальными состояниями мест-путешествий, мест-мостов, мест-разрывов; 2) структурная характеристика постоянно расширяющихся, неустойчивых в своей семантике географических образов ускользающей дали, ассоциирующейся с эротикой погони, убегания, неуловимости; 3) фиксация и адекватная репрезентация локальных мифологий, синтезирующих распад традиционных этнокультурных оснований, мифоритуальных миров арктических народов и ментальное генерирование, создание, сотворение новых постсакральных миров снега, белесоватого света или светящейся тьмы, внутреннего холода технологических миров «точечного» освоения арктических территорий. Всякий раз, конкретизируя подобную модель применительно к исследовательской ситуации, нужно говорить о фрактальных сочетаниях таких онтологических субстратов, а также о принципиальной онтологической незавершенности, неоконченности арктического воображения. Арктическое геокультурное пространство моделируется как постоянно разрываемая ментальная сеть сопространственностей неустойчивых, пульсирующих, рассеянных экзистенций путевых мест, чьи онтологии могут приравниваться к видимым ландшафтным «отсутствиям», где экологическая оптика «пустоты» и бесконечности порождает поверхности расходящихся и сходящихся в своих разрывах образов максимального отдаления природы-как-свободы телесных феноменологий.

Специфика арктических идентичностей

Как бы то ни было, арктические идентичности могут быть представлены с помощью операциональных онтологических моделей воображения как «векторные» пространства-проекции ментальных миров, ориентированных на «пустотность» экзистенциального ландшафта; его бытие опирается на изначально сомнительный онтологический «статус» картезиански понятого пространства. Видимые и чувствуемые протяженности арктических пространств оказываются геокультурами «ничтойности» в западных когнитивных конструкциях, однако арктический путь как уклонение, ускользание, утекание от всякой статичной локальной онтологии «почти автоматически» выступает как заранее заданная онтика пространств-поворотов, сопространственностей путешественной суперорганики. В этом когнитивном контексте стоит говорить даже об арктичности любого движения, воображаемого вне традиционных бинарных оппозиций статики места и динамики пути; *арктика* в нарицательном смысле есть искусство онтологически неуловимых сопространственностей.

Экзистенциальная герменевтика арктичности субстанциально коррелирует с пониманием ландшафтного экзотизма как эмбриональной сопространственности, где генетическая культурная память (назовем ее геокультурной памятью) одного региона проецируется в контексте воображения другого, чаще всего отдаленного региона, на нее же саму – что необходимо в какой-то степени сопоставить с известным понятием «двойной связи» (double bind), используемым при психологических описаниях различных случаев шизофрении [1]. Иначе говоря, возникает своего рода «онтологический фронтир», в его рамках условная «tabula rasa» чужой территории выступает в качестве дистанцированной вторичной причудливой версии изначального геокультурного образа-архетипа. По всей видимости, вероятно возникновение целого последовательного ряда не «арктических зеркал» (по известному выражению Ю. Слезкина), но своеобразных геокультурных «линз», наращивающих потенциальную мощь экзотического воображения и одновременно продуцирующих онтологические модели условного «автохтонного» мышления. Такая когнитивная ситуация, как правило, не остается «безответной»: в свою очередь, стороны «меняются» местами и в результате – естественно, промежуточном – формируется ментальное поле коллективных и индивидуальных интертекстуальных геокультурных опытов, являющихся уже взаимным, фрактальным онтологическим фронтиром двух или более геокультур. В подобном смысле, Арктика интересна главным образом как геокультурное пространство, где ландшафтные экзотизмы оказались онтологическими маркерами «сверхзападного», постзападного ви*дения* и воображения реальности. По сути, именно в Арктике и геокультурными образами Арктики Запад в широком цивилизационном контексте оказывается тотальным онтологическим фронтиром самого себя.

Арктика: пространство и искусство

Арктика – тот случай, когда пространство становится искусством своего собственного размещения и само-представления. Онтика и онтология арктических пространств предполагает, что движения, остановки, места, тела, вещи, ландшафты и иные «сущности» являются как бы заранее феноменологическими интенци-

ональностями конкретного художественного воображения, не локализованного изначально в форматах и контекстах всякого рода специфических жанров, специализаций, ролей, характерных для любой культуры/цивилизации. Искусство становится арктическим пространством как верифицируемым бытием холода, дали, бесконечности, белизны, темноты или света. Иначе говоря, экзистенциальность всякой арктической «субстанции» творится как пространственное «произведение» искусства – искусства, чье пространство обозначает беспространственность как сугубо локальную, местную «достопримечательность».

Видимая наглядно «беспространственность» Арктики, где пространство и пространственность почти не маркируются или маркируются очень слабо, знаково-символическими коннотациями онтологий западного происхождения, оказывается фактически «местным искусством», располагающего любыми сакральностями, святынями, мифами или кощунствами вне какого бы то ни было художественного контекста или же «узаконенного» дискурса. Но и традиционные религиозные контексты Северной Азии и Дальнего Востока – прежде всего, шаманизм и буддизм – фиксируют в первом приближении лишь контуры звуковых и визуальных пространств, граничащих с принципиальной несемиотичностью искусства, «не видящего» пространство как поле/объект своей собственной аутентичности [10]. Арктичность разворачивается в таком случае даже не как художественная негация всякого опыта пространственности, а как беспрерывная, бесконечная потенция разрыва, расторжения экзистенции сдвига, поворота, уклонения.

Постгеография арктических идентичностей

Арктические идентичности в ситуации «постгеографии» [6], когда любые географические образы оказываются как бы заранее размещенными в уже «готовом» сопространственном «срезе», претерпевают ряд серьезных онтологических трансформаций. Видимая экстремальность человеческого существования, мощная скрытая экзистенциальность всякого передвижения, путешествия, кочевки; наличие явной открытой геоонтологической границы в сторону Северного Ледовитого океана и Северного полюса; нарастающее доминирование ментальных артефактов в геокультурных интерпретациях социальных, политических или экономических событий ведут к формированию четких сопространственных идентичностей, чьи маркеры фиксируют открытые коммуникативные ситуации с участием как бы фиктивных агентов или акторов: «природы», «безмолвия», «духов места», «тундры», «горы» и т.д. Вторичная, постмодерная по смыслу сакрализация геокультурного пространства Арктики становится необходимым когнитивным условием построения, развития, органического расширения открытых к посттрадиционным реалиям идентичностей – нужных как автохтонным обитателям арктических территорий, так и вновь прибывающим, хотя бы и на временное проживание, поселенцам.

Картографии воображения Арктики, опирающиеся на геокультурные онтологии амбивалентности, «двойной связи», «пустотного канона» бесконечной белизны, повторяющегося отождествления внутренних и внешних экзистенциальных ландшафтов, тяготеют к презентациям и репрезентациям телесностей, сакрализующих органику невидимого, «небесного», растворенного в пространстве, насилия. Тело как бы рассеивается, расчленяется и «разбрасывается» самим пространством, при этом пространство, по сути, онтологизируется как почти первобытная, «примордиалистская» картография тела. Двигающийся-путешествующий в арктическом пространстве «автоматически» опустошает себя как онтически исчезающее тело; оно, в свою очередь, картографирует образы пути как сопространственности «пустотных» ландшафтов. Любые телесные манифестации в геокультурном пространстве Арктики онтологически рассматриваются как картография воображаемых жертвоприношений, чья визуальная эстетика культурного ландшафта тесно связана с вполне локальными традиционными космогоническими мифами. Космос арктического тела есть карта его ландшафтного логоса.

***

Воображение Арктики структурируется сопространственностями путей-мест, маркирующих себя экзистенциальностями внутренних геокультурных фронтиров. Арктические народы и сообщества, отдельные люди, ассоциирующие себя с Арктикой, конструируя свои идентичности в рамках глобализации и постмодерна, могут мыслить свои мифологические нарративы как геокультурные образы «новой сакральности», представляющие собой феноменологические опыты открытых, «распахнутых» в онтику ландшафтных картографий. Геокультурное пространство Арктики моделируется *у-местностью* образов-архетипов уклонения, ускользания, удаления и одновременно притяжения, приближения «телесности» самой субстанции воображения.

Литература

1. Бейтсон, Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Г. Бейтсон. – Москва : Смысл, 2000. – 476 с.

2. Головнев, А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии) / А.В. Головнев. – Екатеринбург : УрО РАН; Волот, 2009. – 496 с.

3. Замятин, Д. Н. Геокультура: образ и его интерпретации / Д. Н. Замятин. // Социологический журнал. - 2002. - № 2. - С. 5-13.

4. Замятин, Д. Н. Сопространственность и идентичность / Д. Н. Замятин. // Мир психологии. - 2012. - №

1. - С. 104-123.

5. Замятин, Д. Н. Пространство и движение / Д. Н. Замятин. // Социологические исследования. - 2014. - № 4. - С. 20-29.

6. Замятин, Д. Н. Постгеография. Капитал(изм) географических образов / Д. Н. Замятин. // Социологические исследования. - 2014. - № 10. - С. 3-14.

7. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман ; перевод с немецкого А. Антоновского. – Москва : Логос, 2004. – 232 с.

8. Луман, Н. Эволюция / Н. Луман ; перевод с немецкого А. Антоновского. – Москва : Логос, 2005. – 256 с.

9. Слезкин, Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера / Ю. Слезкин ; автор предисловия Пол Верт. – Москва : НЛО, 2007. – 740 с.

10. Шейкин, Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири : сравнительно-историческое исследование / Ю. И. Шейкин ; РАН СО, Институт проблем малочисленных народов Севера [и др.]. - Москва : Восточная литература, 2002. - 716, [2] с. : ил., нот.

УДК 791.43.047(571.56)

Е. Н. Романова

ВИЗУАЛЬНЫЕ ЛАНДШАФТЫ СЕВЕРНОЙ АЗИИ: ЯКУТСКОЕ КИНО КАК СОПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ

Исследование посвящено междисциплинарной области научного знания географии искусства, а именно художественному воображению пространственности, осмыслению авторских ландшафтов воображения и преображения реальности в дискурсе якутского этнического кино. Впервые на сибирском материале в рамках гуманитарной и когнитивной географии раскрывается феномен якутского кино как явление сопространственности, где ключевую роль играет информационный слой «культуры воспоминаний», манифестирующий уникальное наследие степной культуры северных тюрков-саха. Ментальное ориентирование в якутском кино восходит к смыслопорождающим местам памяти, где со-творчество режиссера выражается в переводе «внутреннего» ландшафта в кинематографическую форму посредством авторской репрезентации архетипических образов и символов. Таким образом, формируется оригинальная концепция «ландшафтного» кино, позволяющая объяснить феномен якутского поэтического кино с позиций когнитивно-пространственной системы.

Ключевые слова: *ландшафт, воображение пространства, культурная память, ландшафтные топосы, визуальный нарратив, метафора, кинопоэтика, символический язык якутского кино.*

Ekaterina N. Romanova

VISUAL LANDSCAPES OF NORTH ASIA: YAKUT CINEMA AS SPATIALITY

The study is devoted to the interdisciplinary field of scientific knowledge of the geography of art, namely the artistic imagination of spatiality, the interpretation of the author's landscapes of imagination and the transformation of reality in the discourse of Yakut ethnic cinema. For the first time on Siberian material within the framework of humanitarian and cognitive geography, the phenomenon of Yakut cinema is revealed as a phenomenon of spatiality, where the information layer of the 'culture of memories' plays a key role, manifesting the unique heritage of the steppe culture of the northern Turkic – Sakha. Mental orientation in Yakut cinema goes back to the meaning-generating places of memory, where the director's co-creation is expressed in the translation of the "inner" landscape into a cinematic form through the author's representation of archetypal images and symbols. Thus, an original concept of 'landscape' cinema is formed, which allows explaining the phenomenon of Yakut poetic cinema from the standpoint of the cognitive-spatial system.

Keywords: *landscape, imagination of space, cultural memory, landscape toposes, visual narrative, metaphor, cinema poetics, symbolic language of Yakut cinema.*

Изучение ландшафта как пространства культурных смыслов и символов связано с актуальным направлением гуманитарной и когнитивной географии. В рамках феноменологического дискурса В. Л. Каганский определяет ландшафт как особую среду, сферу и ценность культуры [7]. Безусловно, такая методологическая новация как междисциплинарное осмысление культуры и искусства расширяет исследовательскую оптику и позволяет существенно продвинуть «авторские» онтологии воображения пространства. Культурный ландшафт выступает важнейшим элементом культуры «как составляющей структуры личности, определяющим ее включенность в семиосферу» [8, с. 209]. Большой интерес вызывает интегративное направление "география искусства", повященное проблеме художественной рефлексии географического пространства [2016].

Обращение к якутской современной культуре выявило аутентичный феномен воображения пространства (жизненного мира) и времени в ее визуальных транскрипциях. В 2018 году фильм якутского кинорежиссера Эдуарда Новикова «Царь-птица» получил Гран при 40-го Международного московского кинофестиваля. Кинокритики назвали фильм «кинопритчей», соединяющей в себе подлинность бытия с темой единения человека и природы. Это культурное событие стало "прорывом" этнического, периферийного кино на международный уровень. Осмысление якутского киноискусства в проекции пространственного феномена – первая попытка синтеза геокультурного, историко-когнитивного и искусствоведческого подходов на сибирском материале.

Пространственные концепты самых северных тюрков саха – всадников степной Арктики – формировались на пограничье ЮГА и СЕВЕРА, что и определило оригинальный бытийный код традиционной культуры народа саха. Культурная память якутов сохранила "фигуры воспоминаний", сопряженных с кочевым наследием народов степной Евразии. Следует признать, что в традиционной модели мира якутов природная составляющая выдвигается в центр преображения пространства. Осевыми точками культурного ландшафта, его главными "хронокомпонентами" выступают эпос *Олонхо* (зимний календарный ритуал) и *Ысыах* (весенне-летний ритуал первотворения). Так, язык природы и символический язык культуры создают еди-

ный пространственно-временной континуум. В этом плане первый художественно-этнографический фильм Алексея Романова "Срединный мир", вышедший на широкий экран в 1993 году, кодировал эпическое пространство народа саха в онтологическую "рефлексию" культурной памяти, создавая свой собственный текст визуального ландшафта Северной Азии. Символично, что в якутском эпосе название Срединного мира, где живут люди *айыы*, обозначается географическим названием Сибирь (як. Сибиир). Метафоричность эпического пространства, повествующая о вечности земли, о ее растительном и животном мире, о "людях солнечных лучей с поводьями за спиной" в кинопоэтике Алексея Романова создает пространство новых смыслов и текстов.

Рассуждая о феномене якутского кино, российский кинокритик Сергей Анашкин выделил его приверженность к корневой культуре и как отличительную особенность – одушевление всех элементов окружающего мира. "... пейзаж в якутских фильмах не просто декорация, здесь человек не противопоставляется ландшафту, а как бы растворяется в природной среде. У здешних операторов зоркий и "умный" глаз, и визуальное решение становится одним из важнейших достоинств якутской киношколы" [10].

В пространственной картине якутов эпос (Олонхо) – древнейшее эпическое искусство, искусство воображения многомерного пространства (мифологического, ритуального, исторического). Олонхо как пространственный нарратив имел свойство взаимоперетекания категорий пространства и времени. Онтология воображения самых северных коневодов мира имеет свои символические маркеры, сопряженные с главными регистрами якутской культуры (*Олонхо* и *Ысыах)*, которые можно рассматривать как новые опыты моделирования пространственности.

Ландшафты "сновидений". Сюжетное повествование эпоса строится на осмысленной модели "своего" и "чужого" мира, с другой стороны, выступает информационным резервом культурной памяти. В центре эпического пространства располагается олонхосут-повествователь сакральных текстов памяти. Якуты, как и тюрки Южной Сибири, в самые холодные зимние ночи приглашали в дом сказителя слушать сказание о победе богатыря солнечной стороны (символ света и добра) над богатырем нижнего мира *абаасы* (символ тьмы и зла). Система пространственно-временных оппозиций эпического мира в онтологическом ландшафте отражает мифологическую концепцию организации бытия: хаос/космос. Победа богатыря айыы – метафора начала рождения нового светлого Времени, прихода Весны. В этом смысле эпическое пространство выступало календарным ритуалом "укрощения" зимнего времени и было соотнесено в якутской картине мира с "Временем сновидений". Показательно, что сказители исполняли Олонхо с закрытыми глазами. Этот ритуальный сон можно рассматривать как особую форму визуальной коммуникации. Визуальные образы родной земли и макроописания других миров передавались "глазами" самого сказителя. Он был "автором" воображаемой мифопоэтической репрезентации. Слушание Олонхо продолжалось иногда несколько вечеров подряд, каждый из собравшихся представлял свой мир "переживаний", сопряженный с местом "памяти". Важно, что в якутской картине мира существовала двусторонняя модель ритуальной коммуникации как протяженной памяти: зимний ритуал Олонхо как "Время сновидений" и весенне-летний ритуал Ысыах как "Пробуждение" [11]. Якутский праздник Ысыах, связанный с возрождением Природы, с устройством космического и социального порядка, в своем оформлении воспроизводил устройство Вселенной. Отметим, что в якутской культуре, согласно календарным установлениям, была строго задана программа и "эстетических переживаний". Все это привело к новому визуальному "синтаксису" культурных текстов якутской традиции.

Ландшафты "воспоминаний": Ысыах и со-творчество. Поэтика северного ландшафта преломляется в визуальных моделях "воображения", где киноповествование становится неразрывной частью культурного ландшафта. Фильм Сергея Потапова "Дьесегей Тойон", вышедший в 2015 году, снят на стыке документального и художественного кино. Движение фильма разворачивается на главном празднике якутской традиции Ысыахе – календарном ритуале первотворения Пространства и Времени. Художник, согласно мифологической традиции якутов, раздвигает границы мира божеств и людей, вводя в современный контекст реального праздничного ландшафта образ мифологического божества Дьесегей Айыы – создателя лошадей и отважных мужчин Таким образом, визуальная проекция в фильме "захватывает" несколько пластов культуры: прошлое, настоящее и будущее, что свидетельствует о "разыгрывании" тотального пространства. Текстообразующим стержнем фильма становится пространственная "телесность" главного героя, молодого пастуха со своим добрым спутником-лошадью в их тождественности (ср. миф о сотворении Вселенной из частей лошади), что в художественном плане выражается в перевоплощении героя в божество. Пере-сотворение простого человека в сакральную ипостась переводит текст фильма в пространство трансцендентального путешествия героя по трем мирам подобно шаманским путешествиям в поисках украденной души (гибель главного героя). Достигаемая таким образом ключевая метафора фильма: живые и умершие, духи Природы и небесные божества как участники календарного ритуала должны вновь со-творить жизненный мир якутов. По замыслу режиссера люди в сакральном пространстве празднества – коллективный портрет народа саха, его «коллективное тело» [1]. Картина получила приз Международной сети по продвижению азиатского кино NETRAS "За уникальное сочетание документального стиля и мифологического мышления, выражающее аутентичное мировоззрение".

Метафора "коллективного тела", высказанная якутским режисером, в данном случае,, может быть соотнесна с образом самого сакрального пространства праздника, что позволяет раздвинуть горизонты

нашего исследования и актуализировать дискурсы телесности в художественном восприятии пространства.

Действительно речь пойдет о рефлексии творчества акторов якутских фильмов (режиссера и оператора) как со-творчества с родным ландшафтом. Анализируя якутские фильмы и их успех на кинофестивалях, известный кинокритик, главный редактор журнала "Искусство кино" Антон Долин очень тонко уловил особенность якутского кино в его культурном коде (язык, традиция, пейзаж, история) и в том, что национальное кино для якутян – это современная особенность народной культуры, где нет разделения на город и село, профессионалов и любителей, где каждый готов осваивать новые территории и жанры искусства кино [3].

В этом контексте авторские ландшафты визуального нарратива, как правило, обращены к прошлым и настоящим "природным" и жизненным сценариям. Интерпретация символических кодов в современном якутском обществе на примере киноискусства показывает, что в Якутии идет процесс создания новой системы символов и ценностей, опирающейся на обновленную мифопоэтическую и ментальную программу традиционной культуры. При этом механизм трансляции и сохранения традиции тесно сопряжен с фигурами *воспоминания* [2]. Ментальное ориентирование в якутском кино восходит к смыслопорождающим местам памяти, где со-творчество режиссера выражается в переводе "внутреннего" ландшафта в кинематографическую форму посредством авторской репрезентации архетипических образов и символов. Осмысление авторских ландшафтов воображения и преображения реальности в дискурсах национального кино раскрывает киноязык якутского кинематографа как явления сопространственности. Знаковая система якутского кино демонстрирует пространственную перспективу, а трансцендентальное свойство "перетекания" пространства и времени, характерное для архаичных традиций, создает особый мифопоэтический язык визуального нарратива. Одним из ключевых визуальных приемов якутского авторского кино (режиссер=оператор) является метафорическая модель описания "внутреннего" мира героя посредством ландшафтных топосов.

Якутское кино: от "культуры воспоминаний" к киноязыку притчи (метафоры авторского кино). Обращение якутских режиссеров в своих авторских кинотекстах к пространственным образам-архетипам имеет внутреннюю логику и отсылает к традициям визуальной культуры народа саха. Примечательно, что способностью особого видения обладали певцы, сказители, шаманы. В ритуале первотворения *Ысыах* креационный миф о сотворении Вселенной исполнял певец, буквально, «видящий перед своими глазами» разворачивающиеся картины рождения мира. Одним словом, этот опыт визуализации пространства в традиционной культуре народа саха можно представить как определенную "медиа-археологию", так определял кино французский режиссер и антрополог П. Годар. Визуальный метод наложения одного культурного пласта на другой, где прошлое прорывается через новое, в якутском кино – есть его экзистенциальное мироощущение.

Космография дерева в фильме Алексея Романова "Срединный мир". Первый документально-этнографический полнометражный фильм 1993 года, созданный в период перестройки, апеллировал к "культуре воспоминаний" и транслировал духовное наследие северных тюрков-саха в мировой визуальный контекст. Фильм начинается с панорамной съемки дерева как рождения жизненного мира народа саха и воплощает универсальную концепцию первотворения. По космологическим представлениям, мифопоэтический образ дерева манифестирует мировую ось (axis mundi), соединяющую три мира, где верхний мир отдан светлым божествам айыы, в срединном мире живут люди, а в корнях обитают души умерших людей. Вводимые образы дерева в кинопоэтику первого полнометражного якутского фильма: Дерево как корневая система жизни и мифологическое Древо Аал-Луук-Мас, древо как метафора женского лона, шаманское дерево как древо Познания и Судьбы моделируют внутреннюю структуру "авторского" текста режиссера фильма. Это своеобразный месседж режиссера о времени «собирать камни» и открыть всему миру уникальную культуру степной Арктики. В финале фильма режиссер принципиально "закольцовывает" свое повествование (начало=конец), завершая картину панорамными кадрами восходящего на гору всадника, где образ горы/дерева соотнесен с образом вновь воссозданного Космоса.

Дерево как метафора предсказания: божественное и реальное. Образ дерева – часто встречающийся символ в фильмах Алексея Романова. В своей дипломной вгиковской работе «Мааппа» (1987) в формате короткого метра, посвященной мистической истории встречи заблудившегося путника и непогребенной девушки-уёр, молодой режиссер вводит в безмолвный ландшафт северного пейзажа образ одиноко стоящего дерева. "Говорящее" дерево (воплощение духа-хозяйки Земли) становится метафорой-высказыванием самого автора киноповествования. Движение камеры по дереву сверху вниз создает мифологическую ситуацию, где человек зависим от природных стихий и объектов. Взаимоотношение вертикального и горизонтального пространства в фильме кодируют дерево как место пересечения, где происходит **Встреча божественного** (Дерево как божество Земли) и **реального** (просьба затерявшегося путника указать дорогу). Образ Дерева соединяет жизненный путь героя с духом умершей девушки, желающей обрести покой. Качающиеся на ветру священные приношения на ветках оголенного дерева как бы "озвучивают" молитву-предостережение духа Земли о надвигающейся беде. Последовательность сюжетной линии реализуется многозначными символами дерева: коновязь как символ дома, деревянный календарь как дыхание жизни, мертвый лес и горящее срубленное дерево на снегу как образ "уходящей" культуры предков.

Березовый лес как предчувствие. В фильме Сергея Потапова "Дьесегей Тойон" события разворачиваются в реальном пространстве главного календарного праздника народа саха. Персонаж девушки, влюблен-

ной в пастуха Дьесегея, воплощен в ипостась женского мифологического божества Земли и соотнесен в фильме с образом цветущей березы. Ландшафтный топос фильма носит двуполюсный характер: крупный план лица девушки среди березовой листвы как символ ожидания встречи с любимым и печальный взгляд одинокой девушки на фоне безлесья как предчувствие скорой смерти на празднике главного героя – пастуха и божества коневодства одновременно. Достигаемая таким образом, ключевая метафора фильма: живые и умершие, духи Природы и небесные божества как участники календарного события, должны из хаосной и порубежной ситуации вновь сотворить жизненный мир якутов. Послание режиссера будущим поколениям – не терять свою идентичность, хранить и достойно нести священное знание своего народа.

Дерево как культурный хронотоп «своё» и «чужое». Фильм «Царь-птица» (2018, реж. Эдуард Новиков) – экранизация рассказа «Состарившаяся со мной одинокая лиственница» Василия Яковлева, повествующая о жизни якутской семьи в 30-е годы советской Якутии. Старик и старуха доживают свой век в глухой деревне, когда в их дом приходит советская новь и старозаветное божество якутов – Хозяин-хотой айыы (Господин-орел).

Первый кадр картины: панорамная съемка с верхней точки – якутского жилища-балагана, где за границами "живого" и "обитаемого" кругом Лес как метафора чужого и опасного. Режиссер разрабатывает парный образ "Дерево и птица" – многомерный символ якутской культуры – как ментальную матрицу фильма, соединяющую сюжетную канву.

«Знаки» внутреннего переживания героев реализуются через вертикальные и горизонтальные пространственно-временные доминанты родового Древа, одиноко растущего около дома стариков. Обыгрывание вертикальной структуры дерева (движение камеры вверх к кронам лиственницы) в фильме реконструирует "родословную" память (образ зеленеющего дерева). Жертвоприношение дереву волосяной нити – *салама* как метафоры присутствия (следа) божеств верхнего мира, создателей Вселенной и людей – важная деталь кинопритчи. Сосуществование разных уровней пространств сакрального и профанного, традиционного и советского, своего и чужого соотнесено с горизонтальной структурой Дерева (попытка застрелить птицу, кровавое жертвоприношение орлу, коновязь как символ кровопролития, безверия и бездуховностти красноармейцев и др.).

Образ "Дерево и Орел" – универсальный архетип мироздания в фильме Э. Новикова выступает символом воскрешения новой жизни через смерть и похороны птицы. Орел, завернутый в бересту и похороненный рядом с могилой сына, отсылает к мифологическому мотиву циклического обновления Природы и Человека.

Дерево как метафора разрушения: Память и забвение. Фильм «Нет Бога, кроме меня» (реж. Дмитрий Давыдов, 2019). Основной сюжет картины разворачивается между сложными взаимоотношениями сына и матери, у которой прогрессирует болезнь Альцгеймера, он должен смотреть за ней, оставив жену и детей. *"У мужчины одна цель в жизни – во что бы то ни стало сохранить у матери память о себе. Он увозит ее из деревни в город, чтобы начать с ней новую жизнь".* Образ срубленного Дерева с опавшей хвоей в осеннем лесу в начальных кадрах фильма, вводит в ткань киноповествования мотив беспамятства самого народа как символа, утратившего нить с кровной матерью, Матерью-природой и Отчим Домом как родным гнездом, местом обретения силы. "Киночувствительность" режиссера Дмитрия Давыдова связана с суровым холодным миром, с жесткой рамкой северной реальности, где неестественная смерть от отморожения является моральной проблемой глобального мира. Кажется, что в основе кинопроекта драматическая история потерявшей память матери и сына, но поэтический киноязык картины, близкий к северности скандинавского кинематографа, отражает собственную перспективу режиссерского "видения" (традиция сакральности): перед нами – универсальная притча с христианскими мотивами о вселенской любви и всепрощении.

Топосы Леса как трансляция разных текстов, связанных с символами Жизни и Смерти, Сотворения и Разрушения, Памяти и Забвения, становятся важными слагаемым киноязыка якутских режиссеров. Ландшафтные топосы формируют притчевое начало авторского кино. Так, якутское кино реализуется двунаправленностью природного и "внутреннего" ландшафтов.

В студенческом фильме "Жизнь" (1984) Алексея Романова главным героем выступает одинокий путник саха, потерявший дорогу и память о родных местах, он в поисках воды и людей идет по выжженной пустыне, где по дороге встречает человека другой Культуры и Веры. Философская притча на общечеловеческие темы – "свой и "чужой", добро и зло, гармония и красота, почтение к традиции, обретение себя и своей идентичности – в визуальной проекции раскрывается через природные символы. Это образ необтесанного камня с руническими письменами на спине путника, которому не дано прочесть оставленный предками священный текст, это безжизнення пустыня и бурдюк живительной воды, очистительный дождь и маленький росточек деревца как символа вечного возвращения... Существенно то, что вербальный текст фильма вписан в звучащий ландшафт природного мира (сочетание звуков, музыки, движения), а появляющиеся в "пространственной" тишине кадра авторские ремарки отсылают нас к древним трактатам о смысле жизни.

"Срубленное дерево вырастает вновь из своего корня, но из какого корня вырастает вновь срубленный смертью человек? – обращается к зрителю в финале фильма режиссер. Очевидно, что эта поэтическая метафора послужила отправной точкой и задала ориентиры притчевому самовыражению якутских кинокартин, так, якутское кино "рождаясь, возникая, развиваясь, оказывается сопространственным себе" [5].

В целом якутское кино можно определить как "ландшафтное кино", где представлена авторская форма

репрезентации сокровенных топосов природного и сакрального. Созданные якутскими режиссерами они воплощают "теплое дыхание" и "дух" ускользающего родового ландшафта "воспоминаний", профанное и сакральное холодного мира, бытийный код современной жизни городских пространств.

Литература

1. Анашкин, С. Боготворец и визионер. "Бог Дьесегей" / С. Анашкин // Искусство кино. - 2016. - № 1.
2. Ассман, Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Асманн. – Москва : Языки славянской культуры, 2004.
3. Долин, А. 10 тезисов якутского кино // NewsYkt. 2018. 2 мая. – URL: https://news.ykt.ru/article/71862 (дата обращения: 02.08.2020).
4. Замятин, Д. Н. Искусство как сопространственность: художественная актуальность и онтология воображения / Д. Н. Замятин. – Текст : непосредственный // Художественный журнал. – 2016. – № 99.
5. Замятин, Д. Н. Пространство и искусство: онтологические модели воображения / Д. Н. Замятин. – География искусства: междисциплинарное поле исследования. – Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016.
6. Каганский, В. Л. Ландшафт и культура / В. Л. Каганский. // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1.
7. Каганский, В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – Москва : Новое литературное пространство, 2001.
8. Лавренова, О. А. Междисциплинарное поле мысли: культурный ландшафт / О. А. Лавренова. – Проблемы теоретической и гуманитарной географии. – Москва : Институт наследия, 2013.
9. География искусства: междисциплинарное поле исследования : сборник статей / Российская академия наук, Институт научной информации по общественным наукам, Российский государственный гуманитарный университет ; составитель О. А. Лавренова. – Москва : Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. - 204 с. – (Humanitas).
10. Порошина, М. Уральский фестиваль показал этнические «фильмы-невидимки» / М. Порошина // URL: https://rg.ru/2016/09/26/reg-urfo/uralskij-festival-pokazal-etnicheskie-filmy-nevidimki.html; Российская газета. – 2016. – 26 сентября (дата обращения: 27.07.2020).
11. Романова, Е. Н. Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) / Е. Н. Романова, О. Э. Добжанская. // Вестник Томского государственного университета. Культурологи и искусствоведение. – 2019. – № 35.

УДК 39:82(=1.571.56).09

Д. Шартье

О ТИШИНЕ И ШУМЕ: МОЛЧАНИЕ СЕВЕРА

Настоящая статья впервые была напечатана на французском языке в»Тетрадях Квебекского общества исследований в области музыки»в 2013 году (Les Cahiers de la Société québécoise de recherche en musique (vol. 14, no 1, 2013, p. 27-36). Благодарим автора за предоставленную возможность опубликовать данную статью в нашем издании на русском языке в переводе Марианны Валентиновны Самсоновой, заведующей кафедрой французской филологии Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ.

В статье исследуются представления о Севере, о роли звучания в системе представлений на основе нескольких сотен литературных произведений, выполненных Международной лабораторией сравнительных междисциплинарных исследований воображения Севера.

Ключевые слова: *Север, «холодный мир», «молчание Севера», «музыкальность» Севера и зимы, тишина, звук, шум.*

Daniel Chartier

ABOUT SILENCE AND NOISE: SILENCE OF THE NORTH

The article examines ideas about the North, about the role of sound in the system of presentations based on several hundred literary works performed by the International Laboratory for Comparative Multidisciplinary Research of the Imagination of the North.

Keywords: *North, «cold peace», «silence of the North», «musicality» of the North and winter, silence, sound, noise.*

Представления о Севере, о зиме и о холоде, встречающиеся в различных жанрах культуры, складываются в связную систему знаков, устанавливающих переменные отношения с реальностью. Некоторые формы – роман, путевые рассказы, кино, часть изобразительных искусств, питают это воображение посредством создания фигуры или описания, в то время, как другие – поэзия, абстрактное искусство и музыка – пользуются ими как семантической структурой, которая позволяет отказаться от конкретных ссылок на географию или климат. Музыка литературы холодного мира, введенная в повествование, создает проблему: она появляется в воображении, в котором ценен не звук, а тишина, связанная со знаками бескрайнего простора, неподвижности и *хроматической* однотонности. Поэтому «музыкальность» Севера и зимы, по крайней мере, с литературной точки зрения, принятой в данной статье, становится контр-дискурсом: она становится шумом, грохотом и скрипом в горизонтальной вселенной тишины.

Целью данной статьи является изучение в репрезентативном корпусе представлений о Севере, состоящем из нескольких сотен литературных произведений, анализируемых в течение последних лет в рамках трудов Международной лаборатории сравнительных междисциплинарных исследований воображения Севера, той роли, которую играет звучание в системе знаков представлений о Севере и о зиме, чтобы предложить типологию тишины, звуков и шумов холодного мира, представленного в литературе. Это исследование позволит таким образом дать другой ракурс отношениям между Севером, музыкой и музыкальностью, такими, какими они представлены в другом жанре, дискурсивном и текстовом.

Север молчалив. Тишина является одной из основных характеристик представлений о Севере: она входит в сеть знаков, складывающихся вокруг бескрайности, холода, снега, белизны, горизонтальности, вечности и отсутствия ориентиров, короче говоря, вокруг места, определяемого в западной культуре, как место, где нет человеческого присутствия. Жан Эшноз пишет в своем сатирическом романе «Я ухожу» о том, что арктическая тишина «сохраняет дистанцию между звуками, вещами и даже моментами времени: белизна сжимает пространство, а холод замедляет время» [13, с. 36]. С точки зрения звуков, эта тишина представляет собой проблему: она может, безусловно, привести к определенному формализму за счет идеи протяженности во времени, удлинения черт, упрощения звуков, но она также представляет звуки в ненормальном состоянии из-за того, что большинство из них квалифицируются как «шумы». По крайней мере, так они представлены в письменных текстах.

Говорят, что тишина приводит к неподвижности: знак того, что она связывается с определенной формой темпоральности. Некоторые авторы предполагают, что «тишина севера» на самом деле представляет собой горизонтальную последовательность звуков: «глухой, непрерывный шум [...], всегда похожий, но не монотонный» [39, с. 60]. Например, журчание воды сливается с тишиной «из-за своего постоянства» [14, с. 66]. Как бы то ни было, звучание этого северного безмолвия вписывается в горизонтальный регистр, который частично перенимает его визуальную фактуру: продолговатые линии, упрощенные знаки, продленную темпоральность.

Пьер Перо пишет, что «олени карибу пересекают эту тишину, чтобы подчеркнуть белизну, которая падает снегом на холод» [52, с. 9], так же, как и белизна, холод, бескрайность, другие неотъемлемые характеристики Севера, тишина может быть представлена только знаками, которыми ее сопровождают или нарушают, так как у нее нет своей материальной сущности. Тишина часто ассоциируется с простором, выражает его суть, как в следующих отрывках: «Ничто не нарушает необъятную тишину полярной ночи» [60, с. 161] или «молчаливая бескрайность леса» [25, с. 43].

Можно сказать, что тишина является обычной чертой Севера: она проявляется сама по себе, в местах, где она неотъемлема, а также через сеть удивительных ассоциаций, которые указывают на сложность выражения *отсутствия* звуков. Первое устойчивое выражение – это когда Север и Арктику называют «великое белое безмолвие»: данное выражение встречается у всех известных писателей, пишущих о Севере, от Джека Лондона до Луи-Фредерика Рукетта. Вторая общеизвестная мысль связана больше с формой тишины, так, у Франсуа Рабле находим в его «Четвертой книге героических деяний и речений доблестного Пантагрюэля», он предполагает, что далеко в Арктике настолько холодно, что слова замерзают, когда пытаешься говорить, и что из-за этого голос запрещен и заключен навечно в холод. Это выражение сотни раз будет использовано в произведениях, вышедших после «Четвертой книги». Оно показывает, до какой степени слово кажется ненормальным на Севере и в холоде, и что власть безмолвия не терпит звукового выражения.

Другие сети знаков, связанные с понятием северной тишины, добавляют ей антропоморфные (она воздействует на персонажей), сентиментальные и …цветные черты. Когда она «глубокая», тишина материализуется и становится «осязаемой», например, у Бенжамена Симара находим следующее: «Тишина осязаема. Я чувствую, как она окутывает и медленно завоевывает меня» (Simard 1998, 7-8). Тишина может быть в свою очередь «обезоруживающей», «впечатляющей», «завоевывающей». Если шведский автор Горан Тунстром считает, что человеку нужно научиться слушать тишину, которая излучает белый цвет [67, с. 221], то другие авторы предполагают совершенно удивительным образом, что если снег белый, то тишина голубая. Роже Мондолини пишет, что «тишина поет голубым в ночи» [46, с. 117], а Пьер Гобей утверждает в своем произведении «Рисунки и карты территории», что «если снег белый, то тишина должна быть голубой» [17, с. 26].

Об абсолютном и торжественном характере тишины. Несмотря на то, что тишина является знаком отсутствия, она далека от того, чтобы быть знаком пустоты. Человек воспринимает ее с точки зрения полноты, переполненности, абсолютности, суммы, и она воздействует на него. Окунувшись в тишину норвежской природы, герой Кнута Хамсуна уверен, что нашел голос превосходства в отсутствии звуков, которое его окружает и которое помогает ему попасть в священный мир: «Мне в ухо шепчет тишина, это кипит кровь всей Природы, это Бог ткет ткань между мной и миром» [20, с. 96]. Для романиста Мари Ле Франк, торжественность лаврентийцев (ирокезского племени, жившего на берегах реки Сен Лоран) утверждает превосходство природы над человеком, который должен допустить, что «он ничто в этих краях». Далекая от того, чтобы быть пустой, тишина открывает нам двери в мир, который был для нас до этого оккультным: «Сама тишина является, скорее всего, отголоском шепота неизвестного, возможно, враждебного мира» [35, с. 8].

Абсолютность тишины, бескрайность и однородность пейзажей, в которых она царит, придают ей сверхъестественный характер, часто упоминаемый первопроходцами и романистами; от нее рождается ощущение «конца мира и начала себя» [12, с. 57], которое чувствуют персонажи. Таинственность вызывает звуковые миражи – «Парри говорит в своем дневнике о звуке человеческого голоса» [42, с. 336], который исходит от сверхъестественной тишины Арктики, а у некоторых она вызывает ужас, что они никогда больше не смогут понять мир, который их окружает. Без «какого-либо признака, даже о воспоминании из нашей жизни», связанного с какими-то звуками, рассказывает один исследователь, «наш разум не находит к чему привязаться, на что опереться. […] Абсолютная тишина, которая вас окружает, действует в долгосрочной перспективе на воображение; мы чувствуем невыразимое беспокойство, волну страха» [38, с. 65].

Однако те, кто живет или приезжает на Север, едут туда, чтобы найти это торжественное спокойствие, которое дает им силу: как у Жана Дези, Ива Терио или Луи-Фредерика Рукета, этот поиск почти священной тишины определяет путь персонажей и делает приемлемыми трудности холодного климата. Тайау сообщает о том, что «ему особенно нужна была тишина, он нуждался в этом уходе в даль, в бегстве в особую форму одиночества, позволяющем человеку остаться наедине с собой» [64, с. 41]. Рукет ощущает на себе это воздействие тишины, окутывающей Север: «У меня мир в сердце, мир в чувствах, мир в голове» [59, с.176]. Для Дези, который говорит «питаться тишиной», холод, тишина и белизна образуют троицу, которая делает его более сильным: «Зимой моя душа успокаивается. Белизна дает силу душе» [12, с. 21]. Тишину, неотъемлемую часть холодного мира, ищут и даже защищают, в то время как любое слово, звук и шум не будут созвучны с Севером.

Тишина, признак отсутствия. По своей природе, тишина, это отсутствие звуков. Сама она не осязаема, и выявляется только тогда, когда ее нарушает какой-то шум, крик, голос, музыка. Будучи признаком отсутствия, она должна представляться метонимией или метафорой, другими знаками представлений о Севере и холоде, а именно временами года, лесом, льдом, снегом – или в противопоставлении к звучанию Юга.

Чаще всего, быстрое течение воды в ручье служит в литературе для обозначения наступления весны, а также конца зимы и тишины. И, наоборот, конец осени проявляется угасанием один за другим звуков, как в

следующем отрывке из романа «В торфяном болоте»: «В течение долгих недель, [птицы, белки и суслики] хлопотали на солнце, пользуясь последними теплыми деньками, чтобы наполнить запасами свои убежища. Потом, однажды утром наступила тишина. Больше не было слышно свиста, не было видно распушенных хвостов между ветвей. […] ждали снега» [54, с. 49-50], а со снегом и зиму, где «всё тишина» [58, с. 108]. Смена времен года опирается на систему связных знаков, чтобы предстать перед читателем, играя на регистре звуков, подтверждающих каждый в свою очередь переход от зимы к весне. Другие образы также говорят об отсутствии, которое являет собой тишина: у Марселя Мелансона это «деревья, которые молчаливо зовут» [45, с. 26], у Жиля Эно «тишина растворилась в протяжности заснеженных молитв» [23, с. 126]; у Жана Мориссе «где скрывается в леднике сообщница-тишина» [47, с. 39]. Мари Ле Франк ищет в своем произведении соответствие элементов, которые составляют зимние пейзажи леса, и она видит в человеке естественное продолжение природы. Так, в произведении «Элье, сын леса» она пишет: «Тишина и озеро составляли единое целое. Казалось, что у озера не было другой цели, как создавать тишину. У Жюльен не было никакого желания ее прерывать. Элье [ее гид] был продолжением этой тишины» [35, с. 76]. Для нее человек не нарушает тишину Севера, а наоборот, может оставаться в гармонии с ней. В «Одинокой реке» она пишет также: «Оставшаяся часть пути прошла почти в полной тишине без особого принуждения. Тишина казалась естественным дополнением заснеженной темноты, и они растворялись в ней, не пытаясь ее нарушить» [36, с. 76].

Музыкальность и звучание Севера. Несмотря на то, что Север и холод характеризуются в литературе чаще всего через тишину, все же, они издают некоторые звуки и музыку. В произведениях мы находим мысль о том, что у северного света есть своя музыка, и даже, как пишет об этом французский исследователь Жан-Батист Шарко, звуковые миражи [5, с.313]. В целом, северная природа вдохновляет писателей, которые ее описывают в музыкальных терминах, которые навевают мысль о композиции: ветер как припев, вода как одинокий шепот, тонкая корка льда как симфония, северные сияния как «глухой шум» [42, с. 214] и как «шум, состоящий из свиста и хлопанья, как будто машут флагом на ветру» (Hearne cité dans Lopez 1987 [1986], 214), лес как «храп органа, патетичный и монотонный» [44, с. 234-235]. И, наконец, народы Севера: финны, скандинавы, американские индейцы и инуиты: также отсылают к музыкальным формам, которые могут стать знаками[1] Севера и холода.

Отличаясь от всех, лед издает грубый, скрежещущий и металлический звук: в трюме лодки, которая пробивает себе путь во льдах Арктики и которая действует как резонансный корпус инструмента, герой романа Жана Эшноза слушает музыку, производимую льдом на замерзшей поверхности стали и сравнивает ее с «саундтреком к замку с привидениями, полным царапин, шипения и рычания, басовых эффектов и различных скрипов» [13, с. 21]. Очарованный, Юбер Акэн описывает это «непрерывное звучание льда» как «обволакивающий саундтрек с плавностью, настолько захватывающей, поскольку он состоит не только из глиссандо, но и из кантаты без размаха, без регистра, без конца» [1, с. 81]. И снова мы видим, что эффект горизонтальности и продолжительности модулирует звучащий Север.

Однако больше всего, именно тишина, эта «музыка, которую никто не слушал» [30, с. 42], как пишет Андре Ланжевен, лучше всего определяет звучание Севера. Пьер Перро описывает тишину, исходящую от холодного мира, которая у него ассоциируется с большой симфонией, нереальной и тревожной, занимающей все пространство: Холод великой бескрайней тишины, которая скрипит, трескается, насмехается, воет в ночи волков, и казалось, что мы слышим странную симфонию, нереальную музыку, додекафонную, в стереофонии, звуки которой исходят отовсюду, быстро приближаясь, удаляясь, как тревоги, убегая так далеко, насколько может видеть глаз, приходя отовсюду, откуда угодно, издалека, от всей розы ветров. Ничего подобного не было в моих воспоминаниях. Пожалуй, не было ничего прекраснее [52, с. 248].

Читая тишину. Барри Лопес рассказывает, что когда в конце XVI века произошла историческая встреча экипажа английского исследователя Джона Дэвиса и тех, кого тогда называли полярными эскимосами, именно музыка послужила способом общения между представителями двух народов: Дэвис попросил оркестр сыграть и приказал своим офицерам и людям танцевать. […] На следующее утро экипажи [Дэвиса] были разбужены эскимосами, которые подошли к холму, на котором офицеры были накануне вечером, они играли в барабан, танцевали и приветствовали их [42, с. 295].

Этот исторический факт показывает посредническую роль музыки в установлении межкультурного общения между народами Севера и людьми с Запада. Сибирское пение, «монотонное и жалобное», очаровало комментаторов XIX века, которые писали о нем «такое меланхоличное, глубоко грустное и природное» [38, с. 181], как и все записи и транскрипции мелодий и песен инуитов начала XX века повлияли на североамериканских композиторов, которые черпали в них вдохновение. Однако, прежде всего, именно отношение к молчанию, к способности читать и расшифровывать ее, больше всего очаровывает европейцев, впервые столкнувшихся с индейцами и инуитами.

Философ Мишель Онфрей предполагает, что «в цивилизации с устной традицией молчание — значит больше, чем в цивилизации с письменной и, следовательно, болтливой традицией» [50, с. 97]. Молчаливость

---

[1]Так Александр Юо описывает композицию для фортепиано, которую играет одна эскимоска, представляя северные леса: «Она начала играть. [ ] Это были порывы ветра в лесу. Исследователи потеряли понятие времени, пространства, места. Они позволили унести себя в великий лес Севера» (*L'impératrice de l'Ungava*, Montréal, Édouard Garand, coll. «Le roman canadien», 1927, p. 20.)

считается одной из характеристик коренных американцев и инуитов, и последние научились использовать его для защиты. Так, Питер Хег видит в молчании гренландцев оружие против европейцев. Одна из его героинь сказала: «Я не пугаюсь. Оставлять европейцев в молчании всегда интересно. Для них тишина – это пустота, в которой напряжение нарастает, пока не приближается к невыносимому пределу» [24, с. 31]. Довольно часто встречается идея, согласно которой западный человек является необученным грамоте тишины, не в силах понять ее смысл и богатство. «Удивительно, что мужчины там никогда не слышат тишины», – сказала себе одна инуитская женщина в рассказе Йорна Риеля. «У них такие же уши, как у нас?» [56, с.175].

В своем «Отношении» 1637 г. [37, с. 114] иезуит Поль Ле Жен напоминает о дифференцированных отношениях между французами и индейцами относительно речи и молчания. Раздраженный потоком слов от своих соотечественников, Ле Жен очарован тем, как индейцы прибегают к своим словам только для самого необходимого, чаще всего предпочитая молчание. Это различие, однако, является качеством не врожденным, а культурным: со временем, с частым посещением Севера, Арктики и зимних пространств, западный человек в конечном итоге смог адаптироваться на протяжении веков и начал «слышать тишину».

Поначалу неспособный уловить ее значение, западный человек постепенно осознает, что тишина – это на самом деле вселенная знаков, которые он должен научиться улавливать. Одно из достоинств тишины – усиливать и выделять возникающие малейшие звуки, которые приобретают в ней большое значение. Подобно инуитам, которые прибывают, чтобы «двигаться среди криков морских птиц на скалах и шума волн, бьющихся об лед» [42, с. 263], поэт Жиль Эно хочет научиться языку тишины: «Весна читается на поверхности земли», – написал он. «Я расшифровываю ее предзнаменования» [23, с. 105-106]. В звуковой бедности шум становится редкостью, и в тишине восстанавливает значение и важность, которые он потерял в суете повседневных слов и звуков.

Внутренняя музыка. Воображение Севера и холода меняет привычные отношения между внешним и внутренним, делая открытое пространство нормальным, что подчеркивается «несколькими убежищами» внутреннего пространства: дом, шале, гостиница, лагерь. Каждое пространство обозначено присущим только ему хроматизмом: синий, белый и фиолетовый снаружи отражают желтый, красный и коричневый внутри. Внутреннее и внешнее пространство характеризуются также противопоставлением мира тишины и однострунных звуков и живости музыкальных композиций, которые слышны или играют внутри помещения, часто, когда собираются несколько мужчин и женщин. Таким образом, несколько литературных сцен воспроизводят это противопоставление, например, через освещенное окно, сначала показываемое с безмолвной внешней стороны, через которое видно движение, люди и слышна музыка. Например, в «Заколдованном каноэ» Оноре Бограна игра света и тени, видимая через заиндевелое окно, говорит о том, что внутри идет праздник: В два гребка мы пересекли реку и попали в ярко освещенный дом Батиссет Оге. Снаружи мы могли смутно слышать звуки скрипки и смех танцоров, тени которых можно было увидеть через покрытые инеем окна [2, с. 29].

Когда они чувствуют себя одиноко, героям снятся эти островки тепла и звуков, которые помогают им переносить холод: золотодобытчики Джека Лондона думают о «залах, где музыка и танцы подарят им бесконечные удовольствия» [41, с. 19]. Иногда радио играет роль посредника, который нарушает изоляцию, благодаря звукам мелодий и речи, имитирующим присутствие человека и движение[2].

Однако холодный и безмолвный мир за пределами никогда не дает забыть о своем присутствии и важности. В романе Мари Ле Франк «Одинокая река» персонажи кажутся опьяненными танцем до такой степени, что забывают о пространстве Севера, в котором они находятся, но которое, кажется, хитро их ждет: «Запотевшие окна, – как пишет Мари Ле Франк, – мешали им видеть белый вулкан снаружи». Таким способом усиливается впечатление, что эти «оазисы тепла и музыки» – всего лишь оазисы, то есть пространства, ограниченные и окруженные вселенной тишины.

Снег поглощает звуки. Подобно лесу, который может поглощать звуки, превращая их в неразличимый шепот[3], снег воздействует на звуки, поглощая их и тем самым создавая тишину. С визуальной точки зрения мы знаем, что снег производит потрясающий эффект чистоты, на мгновение покрывая поверхности, упрощая обозначения и цвета. Поскольку он может защитить и согреть, оставаясь холодным; поскольку он маскирует следы, оставляя знаки, снег является сложным признаком представлений о зиме, гендерные импликации[4] которого нельзя игнорировать. Со звуковой точки зрения, снег также означает двойственность: он успокаивает, но порождаемая им тишина в конечном итоге становится гнетущей, поскольку снег поглощает все звуки внутри себя, заглушая голоса и крики.

«Каллиграфия тишины» [68, с. 28], «замедление слов» [33, с. 9], снег действует как колодец, который

---

[2]Например, Карлос Ферран в фильме *Le peuple de la glace (Ледяной народ)*, Квебек, 2003, мин 30:15 à 30:55.

[3]У Мари Ле Франк читаем: «лес отказывался передавать звук, жадно выпивал его голос или забавлялся, обманывая его направление. Слова таяли, как крупинки соли под дождем» (Hélier, fils des bois, Paris, Reider, 1930, стр. 69).

[4]По этому поводу см. Даниэль Шартье, «The gender of ice and snow», *Journal of Northern Studies*, Umeå, Umeå University and The Royal Skyttean Society, n.2, 2008, p. 29-49.

поглощает все звуки, замедляет распространение слов и передает посредством вводимых знаков вялый оглушающий зимний мир.

Звук снега отсылает к удобству, спокойствию и миру: звук падающего снега являет собой, как пишет японский писатель Ясунари Кавабата в формуле света, «молчаливый шум» [26, с.169-170]. Или, как предполагает Жан-Ив Суси, снег при падении издает *глухой* звук низкой интенсивности: «С каждым шагом масса снега падает с веток, с шипением падая на землю с едва слышимым глухим шумом» [63, с. 102].

Тишина, вызванная снегом, также выражается в терминах протяженности: «тишина – как пишет Анн Эбер, – распространяется на снежные пласты» [33, с. 194]. Возникающие шумы, даже самые сильные – выстрелы, шум машин, крики, завывания – поглощаются в его белизне: «Снег поглощал звуки» [30, с. 61]. Постепенно в тишине, создаваемой чистой белой поверхностью снега, нарастает страх, жестокость, их выдают слова, описывающие воздействие снега на звуки. Я цитирую здесь по очереди несколько выражений, взятые из литературных произведений, которые демонстрируют, до какой степени безмолвие, поначалу успокаивающее, может стать насильственно навязчивым (курсив мой): «[Шумы] *умирали, задушенные весом* снега или *захваченные* тишиной, которая следовала за ними» [3, с. 18-19]; «Огромный белый простор, ледяной, непроходимый, фантасмагорический, покрывает землю. Затем наступает внезапная, почти пугающая тишина» [53, с. 43-44]; «В хижине было странно тихо. Снег, которым она была покрыта, заглушал даже посвистывание ветра» [30, с. 222].

Даже всем известное сравнение – большой белый саван, которым обозначается снег, приобретает мрачное значение у Франсиса Босса, который пишет: «[Снег] покрывает землю и затыкает ей рот. Ничего не видно, кроме деревьев, гигантов, внезапно обросших бородой и состарившихся. Сразу мы начинаем говорить о белом саване. Восхищаясь, мы начинаем грустить. Отец всегда говорил: «Зима – время смирения». Я ненавижу снег» [3, с. 24].

Усиление шума. Холодный мир не всегда молчалив: звуки в нем бывают. Однако тишина настолько прочно связана с Севером, что, когда в литературе заходит речь о звучании, то почти всегда в принижающем его смысле: мы говорим не о звуке, а о шуме, который напоминает о том, насколько сильно этот знак несовместим с этой упрощенной вселенной.

Выражение, часто определяющее безмолвие Севера, это спокойствие, которое «не нарушает ни один звук» [11]. Когда же они возникают, то звуки, слова и крики кажутся неуместными: «Белая пустыня, – написал Марсель Мелансон. – Мы больше общаемся разумом, чем словами. По правде говоря, они кощунственны в этом диком великолепии» [45]. Другой автор говорит о «вое, [который] пронзает тишину, как комар пронзает кожу» [7], то есть это доставляет неприятные ощущения.

В этом контексте неудивительно, что любое нарушение тишины интерпретируется как шум, и он занимает более важное место и значение. Скандинавская тишина умножает, расширяет и драматизирует малейший шум. В произведении «Завал» Феликс-Антуан Савар пишет: «Листопад – это событие; он занимает все необъятное пространство» [62, с.56]. Ночью тишина еще сильнее сжимает свою хватку, любой шум слышен издалека и застает врасплох: «Когда его оставили одного в хижине, малейший шум после захода солнца заставлял его подпрыгивать» [30, с. 77]. Звуковой знак, возникающий в этой тишине, быстро вторгается в пространство и продолжается во времени, так как он вызывает сильный страх и опасения: «Когда шаг пробивал поверхность дороги, – пишет Бернар Клавель, – скрип, казалось, заполнял весь край и поднимался до мерцания звезд, которые еще не стер наступающий день» [8, с. 31].

В тишине одинокий шум проявляется как сообщение и часто как угроза: он указывает на присутствие приближающегося существа, которое может быть опасным. По крайней мере, такое впечатление создают тексты, в повествовании которых появляется звук, возникающий из северной тишины. Вот пример истории инуитов, в которой звук шагов сначала пробуждает, а затем беспокоит и вызывает страх: «Затем она услышала трение с внешней стороны иглу. Она напрягла слух и затаила дыхание. Опять все затихло. Звук прекратился. Она собиралась встать, когда снова послышался тот же шум трения. Это было похоже на царапанье по снегу. Шум продолжался, и она смогла понять, откуда идет шум. Он исходил от снежной глыбы, служившей дверью в иглу. Любопытство уступило место страху. Охваченная страхом, она вернулась в свою кровать и скользнула под шкуры карибу» [32, с. 50].

В литературных произведениях часто встречаются три звука с Севера: шум мощного взрыва льда, треск лопающегося дерева, другие шумы, знаменующие конец зимы, и шум водопада.

Среди обычных историй об исследованиях Арктики «рождение» айсберга[5], безусловно, является одним из самых экстраординарных и одним из немногих, появившихся в звуковом регистре, используя воинственный и агрессивный язык: для его описания говорят «взрыв» [34, с. 27-28] , «глухой звук картечи» (там же), «гром» [57, с.83] и «катаклизм» [10, с. 94]. Писатель Морис Константен-Вейер описывает отрыв

---

[5]Эжен Лебазей рассказывает, как гренландцы говорят об этом событии: «Внезапно проводник, сопровождавший его охотник из сельской местности, прервал его размышления, сказав: «Послушайте, ледник собирается рожать». Это выражение используется в Гренландии для обозначения явления, которое должно было случиться» (*Les merveilles du monde polaire*, Paris, Hachette, coll. «Bibliothèque des merveilles», 1881, p. 36.)

льдины как жестокую симфонию: Грохот был подобен канонаде артиллерии. Лед Земли, зеленовато-синего цвета, и лед океана, безупречно белый, сражались друг с другом. […] Мы почти не слышали низкого баса ветра, который смешивал свой голос с этой симфонией (106-107).

Еще один впечатляющий признак суровости холода, рассказанный во времена начала Новой Франции, это шум внезапно взрывающегося дерева под воздействием холода, который говорит об экстремальности северного климата. Иезуит Поль Ле Жен писал в 1633 году: «Холод иногда был настолько сильным, что мы могли слышать, как деревья раскалываются в лесу, производя при этом звук, как будто это выстрел из огнестрельного оружия» [37, с. 44]. Кроме того, иногда мы читаем, что гвозди и кирпичи дома могут лопаться от очень сильного холода: ночь была длинной, беззаботной и такой холодной, что весь дом забился как в глухой агонии, гвозди стучали, кирпичи раскалывались и грохотали в густой тишине [16].

Напротив, знамение конца зимы и оттепели, звук водопада в лесу возвещает о приближении весны: это первый знак конца царствия холода, сигнализирующий о неизбежном возвращении других звуков Севера с появлением животных, птиц и насекомых. В ландшафте, замороженном льдом и оглушенном снегом, водопад издает предвещающий звук. Мы читаем, например, у Жозефа Лальера: «Хотя зима казалась неприступной крепостью, жаркое мартовское солнце начало атаковать […] Вскоре усилившийся шум водопада возвестил о том, что снег начал таять и в лесу» [29, с. 68].

В литературе говорится и о других шумах, но это звуки, связанные с индустриализацией и механизацией, которые нарушают мир и гармонию Севера: своей несовместимостью они усиливают идею о том, что холодный мир молчалив. Если рассматривать, помимо одного из немногих успокаивающих механических звуков зимы – электрического «спорадического щелчка обогревателя» [27, с. 21] все остальные шумы – сирены, снегоходы, гудки, грузовики, мельницы, пилы и промышленные машины издают шум, нарушающий торжественность Севера, «край, на протяжении тысячелетий преданный тишине» [9, с. 128]. Когда шум машин наконец утихает, ущерб нанесен: человек больше не может обрести покой, как пишет Бернард Клавель: «Когда машина остановилась [...], внезапно возникла удивительная пустота. Тишина больше ничего не значила. Ее больше не было. Раненый слух больше не слышал ни одного из тысячи шумов, из-за которых в лесу обычно тихо. Ухо тщетно пыталось их найти» [8, с. 233]. Мало того, что тишина встроена в систему знаков, определяющих холодный и зимний мир, она еще принадлежит к экологической системе, которая, будучи однажды измененной, с трудом находит свое равновесие.

Мрачные шумы Севера. Чередование тишины и шума на Севере вписано в литературу в мрачный регистр, где оба сигнализируют об опасности и смерти, будь то описание северной тишины, в особом звучании льда и ветра, или шума, возникающего из этой тишины: захлопывающаяся и убивающая ловушка, признаки надвигающейся опасности, глухой шум умирающего животного.

Кажущееся отсутствие жизни в северных ландшафтах вызывает зловещий образ: «Мертвая тишина витает над лесными горами» [28]. Когда наступает зима, спячка животных наталкивает на мысль о том, что «лес погрузился в мрачную тишину» [15, с. 115]. Приближение весны пробуждает музыкальность, обнаруживающую признаки смерти. В произведении «Народный писатель» Пьер Йерго описывает медленную похоронную мелодию, которая сопровождает обнаружение трупов под тающим снегом: Пейзаж развертывал свою мелодию. Уютный и сдержанный шум соснового леса на фоне плоского неба. Музыка мокрых листьев и разрушения, шерсти животных, трущихся о деревья, мягкое покачивание черных деревьев. Пахло начинающей разрываться землей, мертвым деревом и трупами животных, погибших зимой [71, с. 27].

Ночью тишина настораживает и любой шум, кажется, умножается во много раз и тревожит. В народной сказке «Крест Великого Калумета» сон путника терзают признаки опасности, которые его окружают: Сон ускользал от его век, и он засыпал, охваченный страданиями, самые страшные сны преследовали его, малейший шум будил его и заставлял вскакивать на ложе из листьев. [...] Движение в ветвях, малейший шум на воде или камнях, крик дикого зверя, все, что тревожило его, было для него шумом приближения врага [39, с.70].

Днем услышанные звуки часто напоминают об охоте, нападениях и смерти: здесь это «тонкий, кристальный звук» треска кристаллов льда «по мере того, как утекает кровь» [70, с. 156] из разбитого черепа убитого человека; там «хлопок ловушки; крик попавшейся лисы» [43, с. 189]; в другом месте – «глухой звук» [48, с. 174] топора, впивающегося в хребет убиваемого волка.

К этим глухим звукам смерти в снегу или в лесу добавляются шум грохота льда и ледников – как армии во время «битвы титанов» [10, с. 175] – и ветра, который, кажется, сдерживает приглушенные голоса мертвецов. Этот ветер «подобен протяжным стонам несчастных, смешанных с жалобными криками орланов и диких зверей, монотонным зловещим шумом, вызывающим дрожь» [18, с. 347]. Что касается разбивающихся ледников, айсбергов и льдин, то и скандинавские, и индейские традиции приписывают им мистическое и зловещее происхождение.

В своей «Связи с Исландией» 1663 года Исаак де Ла Пейрер говорит, что исландцы представляют ад как холодный мир и что звуки льда – это звуки заблудших душ: «Исландцы также верят, что шум, производимый льдинами, когда они ударяются и прибиваются к их берегам, является криком и стоном проклятых душ из-за сильного холода» [31, с. 8]. В одной народной сказке народа кри говорится о том, что шум льда – это вечный крик убийцы, которого одолели два брата и бросили живого под лед: «Этот человек был долго жив подо льдом и пел. Вот почему сейчас лед издает этот гудящий шум» [49, с. 54].

Тишина, ветер, лед, шум и зловещие крики пронизывают литературное воображение Севера и холода, и вписывают звуки и музыкальность в трагический и тяжелый регистр. Звук, быстро превращающийся в шум – это звук приближающейся опасности: торжественная тишина проявляется как истинная музыкальность территории, которая так же, как мы сейчас увидим, налагается на человека, который часто ее посещает.

Этика и насилие молчания. «Тишина такая, какая она есть, и она впечатляет [...], – пишет французский исследователь Жан-Батист Шарко во время своего путешествия вокруг Южного полюса. – Что мы сами начинаем говорить тихим голосом» [5, с. 332]. В зимнем снегу, в заснеженном лесу, на морозе тишина кажется предписанной человеку тем, что мы можем назвать этикой молчания, которая, однако, может стать обязанностью, иногда заставляющей ее соблюдать против воли человека. Это правило молчания, немоты, сдержанности, возникающее из-за снега и холода, характерно для народов Севера, включая квебекцев: «Чаще всего мы не говорим», – пишет Пьер Гобей [17, с. 96].

Тишина является признаком мира и покоя во время и после воздействия низких температур на тело: «Зима – это долгие прогулки на снегоступах по озеру. Они возвращались обессиленными, опьяненными и охваченными молчанием», – пишет Режин Робен [58, с. 157]. Это также может быть признаком возвышенного, чувства величия перед лицом красоты холода: «Лед [...] заставил их всех замолчать» [42, с. 187]. Однако следует также подчеркнуть, что факт захвата и уменьшения накладывает как на человека, так и на территорию тишину, запрещающую речь, пение и звуки. Если оно изначально игривое, то это молчание быстро превращается в жесткое обязательство: «Никакого шума, – отмечает Элизабет Вонарбург. – Настоящая зимняя тишина, рука холода все еще держит уста земли» [69, с. 338]. Такое же впечатление у поэтов Жака Бро: «Великое безмолвие равнины затыкает рот горам-любви» [4, с. 33-34] и Жиля Эно: «Холод заключает меня в иглу молчания» [23, с. 147].

С моральной точки зрения, молчание действует как упрек человеку: он не может контролировать себя, успокаиваться и достигать степени совершенства и величия, присущей природе. Герой Габриэля Руа Александр Шенверт отправляется в летнее путешествие на Север, пытаясь найти смысл в своем существовании. Тишина вокруг него вовсе не воодушевляет его, а кажется ему увеличивающим зеркалом его внутреннего смятения: «Над всем стояла такая тишина, что Александр долго стоял охваченный ею. Покой долины дошел до него как упрек. Напрасно было твое волнение, бесполезна твоя безысходность, безуспешны твои страдания, бесполезно все это, – говорила тишина этому измученному человеку. Впрочем, действительно ли ты страдал? – спрашивала у него природа, и, не в силах ответить утвердительно, Александр склонил голову; он чувствовал себя самым беспомощным человеком в мире.

- Как спокойно! – заметил он, как будто жалуясь» [61, с. 190].

Такое же любопытное впечатление производит молчание, насмехаясь над человеком и подавляя в нем всякую способность на притязания, мы находим это у многих авторов, включая Джека Лондона, который приписывает молчанию горькую усмешку: «Это было царство тишины и одиночества, застывший мир, такой холодный и пустынный, что выходил за рамки любой грусти. На самом деле это было больше похоже на черновик смеха, зловещего и тревожного смеха, являющегося частью неизбежного. Это была властная и невыразимая мудрость вечности, которая насмехалась над жизнью и ее тщетными усилиями. Это были дикие и ледяные просторы Крайнего Севера» [40, с. 9]. «Это молчание переполняло их тяжестью бесконечного и необратимого, тем самым, уменьшив их до того, чем они были на самом деле» [там же, с. 11].

В этом контексте, когда молчание напоминает человеку о его ничтожности и слабости, «нарушение молчания» означает потерю лица, потерю самообладания. Кнут Амсун, будучи, тем не менее, защитником северного спокойствия, утверждает, что навязывание тишины в лесу иногда вызывает желание ослушаться, говорить, кричать и петь: «Однажды, ты уже не можешь терпеть, твой рот начинает просыпаться, потягиваться, и вдруг ты начинаешь горланить какие-то глупости тебя слышно за полмили ... и ты стоишь там, чувствуя жгучую боль, как после пощечины. Ах!» [19, с. 26].

Удивительно, что хотя молчание определяется как отсутствие звука и, следовательно, речи, оно, в конечном итоге, навязанное человеку, начинает обозначать, напротив, этические и моральные ценности, которые раскрывают его самому себя и иногда приводят, к сожалению, как мы сейчас увидим, даже к отчаянию и безумию.

Тихий крик. Мы все помним поразительный образ картины Эдварда Мунка «Крик», на которой изображен мужчина, застывший в беззвучном крике. Вопреки пословице – «тишина поправляет нервы»[6] – безмолвные просторы Севера приносят не только спокойствие; навязанная человеку, она в конечном итоге заставляет его замолчать, отрицая его собственное существование. Головокружение от отсутствия слов и звуков открывает перед человеком мир отчаяния. Один миссионер Арктики вспоминает слова Паскаля, который писал: «Вечная тишина этих бесконечных пространств пугает меня»[7]. Крайнее одиночество, которое сопровождает тишину, влияет даже на самые сильные темпераменты, особенно ночью. Морис Константин-Вейер пишет: «мы проводили ночь в мучительном молчании. Вокруг нас было бескрайнее ничто. Никакой образ не может передать трагизм этого мира без живого шума» [11, с. 86–187].

---

[6] Габриэль Руа упоминает об этом в «Alexandre Chenevert», Montreal, Beauchemin, 1964 [1954], с. 244.

[7] Паскаль цитируется Жозефом Теролем, Martyrs des neiges, Париж, Les Publications technologies et Artistes, 1945, с. 217. 34

Эта «ужасающая пытка молчанием» [59, с. 108] оказывает такое давление на человека, что у него есть только одно желание: нарушить ее голосом, криком, шумом или музыкой, пытаясь убедить себя в возможности человеческого присутствия (в чем в конечном итоге он сомневается), и тем самым разрушить впечатление небытия, которое его окружает и которое ему невыносимо.

Несомненно, тишина действительно является неотъемлемой частью воображения Севера и холода; звуки, за исключением нескольких шумов природы или редких отголосков праздника, слышимых внутри дома, нарушают символический порядок, в котором представлен Север: упрощенный, горизонтальный, не желающий терпеть присутствие человека. Мы говорим здесь, конечно, о сфере культурной репрезентации, а не о реальности северных территорий, которые всегда были населены, о них существует много представлений и по ним много ездят. Безусловно, тишина является признаком отсутствия, но не пустоты. Я хотел бы закончить эту статью, рассмотрев два предложения писателей, которые являются одними из самых интересных, которые можно найти в литературе о звуках и тишине Севера, зимы и холода: Кнута Амсуна и Мари Угуай. Слушая «тишину» леса, персонаж Амсуна понимает, что он скорее слышит «приглушенный шепот» реки, такой непрерывный, что создается впечатление, что он гасит другие возможные звуки вокруг себя: затем Ансум замечает, что эта тишина – не пустота, а, напротив, непрерывное течение переполненного, бесконечно мелкого множества, которое мы не можем расшифровать, чтобы интерпретировать его. Так, «лес, река издают приглушенный ропот, словно струятся миллионы бесконечно мелких частиц» [21, с. 73]. Идея завораживает: то, что воспринимается как отсутствие, является, скорее, переполнением множества, состоящего из мельчайших частиц, которые человек не может расшифровать и среди которых он изо всех сил пытается расположить себя. Что касается поэтессы Мари Угуай, она предполагает, что если «зима неподвижно стоит на прямой линии тишины», то это из-за «ее таинственного горя» [68, с. 27]. Так, парализованная своими переживаниями зима молчит. Этот необычный переворот во взглядах позволяет Мари Угуай мощно реинтегрировать человечество в холод северного воображения. Молчание, переполнение недоступного мира и переполнение эмоциями снова обретает смысл: оно полностью обозначает трансцендентность и невыразимость.

Литература

1. Aquin, Hubert (1978 [1974]). Neige noire, Montréal, Pierre Tisseyre.
2. Beaugrand, Honoré. La chasse-galerie / Honoré Beaugrand ; Illustrateur Julien Henri. - Montréal, 1900. – [154] p.
3. Bossus, Francis. La forteresse : roman / Francis Bossus. – Montréal : Cercle du livre de France, 1971. – 94 p.
4. Brault, Jacques. La poésie ce matin : Parti pris, coll. «Paroles» / Jacques Brault. - Montréal, 1973. – 128 p.
5. Charcot, Jean-Baptiste. Autour du pôle Sud. Expédition du «Pourquoi pas ?» / Jean-Baptiste Charcot. - Paris : Flammarion, 1908-1910. – 104 p.
6. Chartier, Daniel. «The gender of ice and snow» / Daniel Chartier // Journal of Northern Studies / Umeå University and The Royal Skyttean Society. – Umeå. – 2008. - N 2
7. Chauveau, Philippe. Les aventures de Billy Bob. Tome 7: Le minable homme des neiges / Philippe Chauveau // Boréal maboul : coll. - Montréal, 2000. – 53 p.
8. Clavel, Bernard. Le royaume du Nord. Tome 2: L'or de la terre / Bernard Clavel // Pocket : coll. - Paris : Albin Michel, 2000 [1984].
9. Clavel, Bernard. Le royaume du Nord, Tome 3: Miserere / Bernard Clavel // Pocket : coll. - Paris : Albin Michel, 2000 [1984].
10. Constantin-Weyer, Maurice. La nuit de Magdalena, Paris, Librairie des Champs-Élysées, coll. «Bibliophile».(1938)
11. Constantin-Weyer, Maurice (1982 [1934]). Un sourire dans la tempête, Saint-Boniface, Éditions des Plaines.
12. Desy, Jean (2001). Le coureur de froid, Montréal, XYZ éditeur, coll. «Romanichels».
13. Echenoz Jean. Je m'en vais, suivi de L'atelier de l'écrivain. – Paris: Éditions de Minuit, coll. «Double».
14. Ferron Jacques. Un rapprochement réussi, Conte. – Montréal: Presses de l'Université de Montréal, coll. «Bibliothèque du Nouveau Monde».
15. Fremont, Donatien (1933). Pierre Radisson. Roi des coureurs de bois, Montréal, Albert Lévesque.
16. Giroux, Robert (2006). «Miroir de givre», L'hiver qui court, suivi de La banlieue du cœur des villes, Montréal, Triptyque.
17. Gobeil, Pierre (1993). Dessins et cartes du territoire, Montréal, L'Hexagone, coll. «Fictions».
18. Haerne, Armand de (1999 [1880-1890]). «Nésime le tueur», Claude Janelle [éd.], Le XIXe siècle fantastique en Amérique française, Montréal, Alire.
19. Hamsun, Knut (1979 [1912]). La dernière joie, Paris, Calmann-Lévy et Opéra Mundi, coll. «Traduit de».
20. Hamsun, Knut (1997 [1894]). Pan, Paris, Librairie générale française, coll. «Le livre de poche».
21. Hamsun, Knut (1979 [1909]). Un vagabond joue en sourdine, Paris, Calmann-Lévy et Opéra Mundi, coll. «Traduit de».

22. Hebert, Anne (1997 [1970]). Kamouraska, Paris, Seuil, coll. «Points».
23. Henault, Gilles (1972 [1941-1962]). Signaux pour les voyants. Poèmes, 1941-1962, Montréal, L'Hexagon, coll. «Typo».
24. Høeg, Peter (1996 [1992]). Smilla et l'amour de la neige, Paris, Seuil, coll. «Points».
25. Huot, Alexandre (1927). L'impératrice de l'Ungava, Montréal, Édouard Garand, coll. «Le roman canadien».
26. Kawabata, Yasunari (1986 [1948]). Pays de neige, Paris, Albin Michel, coll. «Le livre de poche».
27. Kokis, Sergio (1995 [1994]). La pavillon des miroirs, Montréal, XYZ éditeur, coll. «Romanichels poche».
28. Lallier, Joseph (1932 [1930]). Angéline Guillou. Roman canadien, Avignon (France), Maison Aubanel Père.
29. Lallier, Joseph (1939 [1930]). Angéline Guillou. Roman canadien, Québec, L'Action sociale.
30. Langevin, André (1958 [1956]). Le temps des hommes, Paris, Robert Laffont.
31. La Peyrere, Isaac de (1725 [1663]). «Relation de l'Islande», Recueil de voiages au Nord, contenant divers mémoires très utiles au commerce et à la navigation, Tome I, Amsterdam, Jean-François Bernard.
32. Laplante, Jacques (1999). Alaku, de la rivière Koroc, Saint-Damien, Éditions du Soleil de minuit, coll. «Roman jeunesse».
33. Lasnier, Rina (1966). «Office du plus noble», L'arbre blanc, Montréal, L'Hexagone.
34. Lavoie, Émile (1925). Le grand sépulcre blanc, Montréal, Édouard Garand, coll. «Le roman canadien».
35. Le Franc, Marie (1930). Hélier, fils des bois, Paris, Rieder.
36. Le Franc, Marie (1957 [1934]). La rivière solitaire, Montréal, Fides, coll. «du Nénuphar».
37. Le Jeune, Paul (1638). Relation de ce qui s'est passé en la Nouvelle-France, en l'année 1637, Rouen, Jean Le Boulenger.
38. Lesbazeilles, Eugène (1881). Les merveilles du monde polaire, Paris, Hachette, coll. «Bibliothèque des merveilles».
39. Levesque Guillaume. «La croix du Grand Calumet», Aurélien Boivin [éd.], Les meilleurs contes fantastiques québécois du XIXe siècle, Montréal, Fides.
40. London, Jack (1985 [1906]). Croc-Blanc, Paris, Librairie générale française, coll. «Le livre de poche».
41. London, Jack (2006 [1900]). Le Klondike, Paris, Magellan et Cie et GEO, coll. «Heureux qui comme...».
42. Lopez, Barry (1987 [1986]). Rêves arctiques. Imagination et désir dans un paysage nordique, Paris, Albin Michel.
43. Maillet, Andrée (1974 [1952]). Profil de l'orignal, Montréal, L'Hexagone.
44. Mann, Klaus (1997 [1934]). Fuite au Nord, Paris, Grasset.
45. Mélancon, Marcel (1974). L'homme de la Manic, ou la terre de Caïn, Saint-Lambert, Romelan.
46. Mondoloni, Roger (1978). Le grand midi, Montréal, Cercle du livre de France.
47. Morisset, Jean (2002). Chants polaires, Montréal, Leméac et Arles, Actes Sud.
48. Nantel, Adolphe (1942). La terre du huitième, Montréal, Éditions de l'Arbre.
49. Norman, Howard (2003 [1990]). «Witiko, père et fils, vaincus par une devineresse», Contes du Grand Nord. Récits traditionnels des peuples inuits et indiens, Paris, Albin Michel, coll. «Terre indienne».
50. Onfray, Michel (2002). Esthétique du pôle Nord, Paris, Grasset.
51. Perrault, Pierre (1971). «À bout de patience», En désespoir de cause. Poèmes de circonstances atténuantes, Montréal, Parti pris, coll. «Paroles».
52. Perrault, Pierre (1999). Le mal du Nord, Hull, Vent d'Ouest, coll. «Passages».
53. Potvin, Damase (1937). Peter McLeod, Québec, Chez l'auteur.
54. Primeau, Marguerite-Aurélie (1960). Dans le muskeg, Montréal et Paris, Fides, coll. «La gerbe d'or».
55. Rabelais, François (1978 [1548]). Le Quart-Livre, Oeuvres complètes, vol. 2, Paris, Garnier.
56. Riel, Jørn (1995 [1974]). La maison de mes pères. Tome 3: La fête du premier de tout, Larbey (France), Gaïa.
57. Reil, Jørn (2001 [1984]). Le chant pour celui qui désire vivre, Tome 2: Arluk, Paris, 10/18, coll. «Domaine étranger».
58. Robin, Régine (1993 [1983]). La Québécoite, Montréal, XYZ éditeur, coll. «Romanichels poche».
59. Rouquette, Louis-Frédéric (1944 [1921]). Le grand silence blanc, Paris, Arc-en-ciel, coll. «Le moulin de Pen-Mur».
60. Rouquette, Louis-Frédéric (1996 [1921]). Le grand silence blanc. Roman vécu d'Alaska, Castelnau-le-Lez (France), Éditions Climats.
61. Roy, Gabrielle (1964 [1954]). Alexandre Chenevert, Montréal, Beauchemin.
62. Savard, Félix-Antoine (1943). L'abatis, Montréal, Fides. Simard, Benjamin (1998). Expédition caribou, Waterloo,
63. Michel Quentin, coll. «Grande nature».
63. Soucy, Jean-Yves (1997 [1976]). Un dieu chasseur, Montréal, Typo, coll. «Typo roman».
64. Thériault, Yves (1969). Tayaout, fils d'Agaguk, Montréal, Éditions de l'Homme.
65. Thérol, Joseph (1945). Martyrs des neiges, Paris, Les Publications techniques et artistiques.
66. Tranströmer, Tomas (2011 [1954]). «Élégie», 17 poèmes, dans Œuvres complètes (1954-2002), Pantin

(France), Le Castor astral.

67. Tunström, Göran (2002 [1996]). Le buveur de lune, Arles, Actes Sud et Montréal, Leméac, coll. «Babel».

68. Uguay, Marie (1976). Signe et rumeur, Saint-Lambert, Éditions du Noroît.

69. Vonarburg, Élisabeth (1994). Les voyageurs malgré eux, Montréal, Québec/Amérique, coll. «Sextant».

70. Wägeus, Mats (1990 [1986]). Scène de chasse en blanc, Paris, Presses de la Renaissance, coll. «Les romans étrangers».

71. Yergeau, Pierre (1999 [1996]). L'écrivain public, Québec, L'Instant même.

УДК 394.21(=512.122)

З. К. Сураганова

ПРАЗДНИК АМАЛ-КӨРІСУ В КОНТЕКСТЕ САКРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНА

В работе рассматривается природа устойчивости традиции Амал-Көрісу и степень ее трансформации в календарной обрядности казахов весеннего цикла. В этнографической реальности отмечается тесная связь праздника с сакральным ландшафтом горы Отпантау в Мангистау и святым местом Дәдәм ата в Западно-Казахстанской области. В современной культуре республики 14 марта повсеместно отмечается как Қауышу күні – ритуал приветствия. В настоящее время предпринимаются усилия по внесению праздника в государственный календарь праздничных и памятных дат.

Ключевые слова: *казахи, весенний праздник, Амал-Көрісу, Қауышу күні, Отпантау, Дадем ата, сакральный ландшафт, святое место, сакральная география, Казахстан.*

Zubaida Suraganova

HOLIDAY OF AMAL-KURISU IN THE CONTEXT OF SACRED GEOGRAPHY AND IN THE MODERN CULTURE OF THE KAZAKHSTAN

The paper examines the nature of the stability of the Amal-Kurisu tradition and the degree of its transformation in the calendar rituals of the Kazakhs of the spring cycle. In ethnographic reality, there is a close connection of the holiday with the sacred landscape of Mount Otpantau in Mangistau and the holy place Dadem ata in the West Kazakhstan region. In the modern culture of the republic, March 14 is universally celebrated as Kauyshu kuni – a greeting ritual. Currently, efforts are being made to include the holiday in the state calendar of holidays and memorable dates.

Keywords: *Kazakhs, spring holiday, Amal-Kurisu, Kauyshu kuni, Otpantau, Dadem ata, sacred landscape, holy place, sacred geography, Kazakhstan.*

В современных условиях исследование многообразия этнокультурной динамики имеет актуальность. Большую значимость приобретает изучение процесса поиска индигенным населением новых общественных ценностей, форм верований, культов, включая праздничные ритуалы и обряды.

Предметом настоящей статьи является трансформация живой традиции, имеющей ряд названий: *Амал-Көрісу, Қауышу күні, Көрісу айт, Амал мейрамы*. Традиция будет рассмотрена в исторической ретроспективе и этнографической современности, наблюдаемой на региональном уровне (Западный Казахстан) и в целом по стране. Статья подготовлена в рамках научной программы «Сакральные пространства в современной культуре Казахстана: традиции и новации» (BR 06449588РНФ), реализуемой при финансовой поддержке Министерства культуры и спорта Республики Казахстан.

В течение XX века под влиянием советской модернизации в казахской степи в силу ряда драматических событий – массового голода в 1920-е, 1930-е гг., унесшего миллионы жизней, масштабных политических репрессий, изменения в демографии (казахи составляли в ряде регионов менее 30% населения) и т. д., привели к колоссальным по своим масштабам культурным изменениям. Степень изменения в традиционной картине мира со всей очевидностью демонстрируют трансформации, произошедшие в праздничной культуре казахов. «Как известно, – подчеркивает известный ученый, много лет специализирующийся на изучении праздничной культуры, Е. Н. Романова, – трансформация праздника совпадает со временем кризиса, очерченного четкими разделительными линиями (жизнь/смерть, свой/чужой), рубежных дат и событий, когда разрыв границ рождает новый текст культуры, активизируя механизмы памяти» [15, с. 31].

Изменения особенно заметны при анализе праздника *Наурыз*. *Наурыз* – это празднование у казахов начала нового года – *жыл басы* в день весеннего солнцестояния с 21 на 22 марта. Праздник отражает комплекс верований и ритуалов, присущий многим народам Евразии, поскольку представляет собой сплав мировоззренческих установок, формировавшихся на протяжении достаточно длительного исторического периода. Социокультурной особенностью праздника была манифестация этнического единства казахов. Об этом говорит его название – *Ұлыстың Ұлы күні* – Великий день Улуса (народа, страны). Этот праздник традиционно у казахов олицетворяет: *теңе-теңдік* (букв. «тождественность; тождество»), *игілік* (букв.: «благо, благородство, доброжелательность», *игілікті* – благотворный) – благотворительность и *жаңару* (букв.: «обновление, обновляться, возобновление») – обновление, возрождение. *Теңе-теңдік* – баланс между днем и ночью, Зимой и Летом, между бедными и богатыми, а значит, и равновесие сил между Природой и Обществом, страной и ее населением, равновесие, баланс, гармония среди людей. *Игілік* – время творить добро, помогать страждущим и немощным. *Жаңару* – обновление, очищение духовное и физическое, очищение среды, в которой живешь.

В праздновании *Наурыза* различные нарративы отражают ключевую роль культурной памяти, разворачивающейся как волшебное и древнее сказание, несущее свои импульсы в трех важнейших направлениях, обозначенных Я. Ассманом: сохранение (поэтическая форма: обрядовая песня *Жарапазан*, миф о Наурызе в разных вариантах), востребование (ритуалы поклонения Солнцу, Огню, ритуалы приветствия) и сообщение (коллективное празднование – *Ұлыстың Ұлы күні*) [2, с. 59].

Ключевыми датами в истории Наурыза стали 1926, 1986, 1988 и 1989 годы. 1926 год – запрет праздника советским руководством, который усмотрел в нем религиозную составляющую. В 1986 году, как отмечается в книге известного общественного и государственного деятеля Узбеккали Джанибекова, *Наурыз* впервые отметили после 60-летнего перерыва. Символично, что между этими датами прошло 60 лет. В 1988 году его с размахом отметили в Алматы. Возвращение традиции празднования Наурыза связано с инициативой тогдашней интеллектуальной элиты Казахстана, опиравшейся, кроме того, и на административный ресурс. В 1989 году праздник отмечался во всех регионах тогда еще советской республики.

В Евразии традиция празднования Нового года в день весеннего равноденствия отмечается более чем в 20 странах мира. Сегодня Казахстан стал частью международного сообщества наряду с Афганистаном, Азербайджаном, Индией, Исламской Республикой Иран, Ираком, Кыргызстаном, Пакистаном, Таджикистаном, Турцией, Туркменистаном и Узбекистаном, способствующих сохранению *Наурыза*. Усилиями международного сообщества праздник внесен в 2009 году, а затем в 2016 году под 12 схожими названиями в репрезентативный список Всемирного нематериального наследия человечества.

Традиционно в казахской степи празднование *Наурыза* начинали отмечать 14 марта. Начало праздника имело собственное навание – *Амал*. Об этом свидетельствует устойчивая лексический формула: «*Амал келді – Жыл келді*» – «Пришел Амал, наступил (новый) Год». Символический и очень важный день – *Амал*, предворяющий праздничные мероприятия, на протяжении более 60 лет сохранялся на территории Западного Казахстана как устойчивая календарная традиция. При этом в зоне фронтира – Западно-Казахстанской и отчасти Атырауской области традиция отмечалась под названием *Көрісу айт*, *Көрісу күні* или *Көрісу,* а в Мангистау и Атырау (бывшая Гурьевская область) – *Амал-Көрісу.* В зоне фронтира в названии *Көрісу айт* отражается религиозная составляющая. Словом *айт* у казахов называют 3 дня мусульманских праздников, отмечаемых дважды в году: в дни *Ораза байрам* (праздник разговения после поста – *Ораза*) и *Құрбан байрам,* или *Құрбан айт* (праздник жертвоприношения в исламе – *Ид аль-адха*, отмечаемый через 70 дней после праздника Ораза байрам, на 10-й день месяца Зуль-хиджа). В самом содержании праздника *Көрісу айт* традиционно отсутствовали элементы, имеющие отношение к религии. Как говорят информаторы – люди старше 50–70 лет, в советское время родители в этот день их рано поднимали и вместе с ними отправлялись или отправляли только детей в гости к старшим своей семьи и рода, а затем ко всем остальным родным и близким. Важным считалось провести ритуал приветствия для старших. Этот день рассматривался как дань уважения им. В ответ старшие давали всем пришедшим *бата* – благопожелания на весь будущий год. Сверстники, в соответствии с этикетом, приветствовали друг друга объятиями. При этом, как вспоминают в этих регионах, старшие, несмотря на раннее время, утром были при «полном параде». Пожилые женщины в красиво украшенных *кимешеках* (*кимешек* – традиционный головной убор замужней женщины, полностью закрывающий голову, грудь и плечи; шился из белой ткани, украшался вышивкой, бисером, аппликацией) встречали празднично накрытым *дастарханом* – застольем и горячей едой. Дети после завтрака могли остаться у бабушек и дедушек или отправлялись далее, в соответствии с принятой в общине иерархией, приветствовать старших. Весь день проходил в гостевании. Старшие в городских семьях, в сельской местности – общины и рода в основном оставались дома и принимали гостей. В случае если успели принять всех, то считалось, что можно самим сходить в гости к сверстникам. При этом специальных приглашений для молодых членов общины не было. Только между сверстниками стариками могла быть договоренность о приглашении в гости. Подготовка к празднику была очень тщательной и осуществлялась задолго до его начала. Праздник имел в досоветский период общинный, родовой характер и ознаменовывал начало празднования Нового года, который приходился на 7-й день после 14 марта – 21 марта и завершался 22 марта. В советское время в связи с запретом *Наурыза Амал* приобрел черты самостоятельного праздничного мероприятия и продолжал оставаться важной календарной традицией в западных регионах страны. На селе он сохранял черты родового, общинного мероприятия, а в городе отмечался в рамках большой семьи. В этот день самыми главными участниками праздника были старики и дети. Люди среднего возраста принимали участие в его подготовке [11–13].

Существуют еще два названия этого праздника – *Қауышу күні* и *Амал мейрамы*. Полевой материал свидетельствует о том, что словом *қауышу* назвали сам ритуал приветствия. Сегодня оно приобрело самостоятельность и используется в виде праздничного названия *Қауышу күні*. *Амал мейрамы* – «праздник *Амал*» – это упрощенная форма названия. На наш взгляд, исходным представляется вариант *Амал-Көрісу,* поскольку его этимология наиболее близко отражает семантику календарного праздника – радость жизни и встречи с выжившими после долгой и холодной зимы сородичами.

Исследователи по-разному оценивают традицию *Амал-Көрісу*. Известный казахстанский журналист и этнограф С. Ерғали настаивает на том, что самостоятельного праздника *Көрісу Күні* в казахском традиционном календаре не было, что на самом деле с 14 по 21 марта казахи в течение 8 дней отмечали Наурыз [6]. Исследователь считает, что *Көрісу Күні* нельзя рассматривать вне *Наурыза* и выделять его в виде самостоя-

тельной даты. Мангистауский археолог А. Астафьев увидел в празднике *Амал* общие для тюркомонгольских народов корни [8]. Московские этнографы Е. И. Ларина, О. Б. Наумова считают, что праздник *Көрісу айт*, *Көрісу күні, Көрісу* представляет собой самостоятельный праздник местного значения для казахов западной группы (Западный Казахстан и сопредельные с ним территории Астраханской, Волгоградской, Саратовской областей России). Эту гипотезу они основывают на своем полевом материале [7]. Думается, что в советский период в западном регионе народ, чтобы остаться верным древней традиции и праздновать *Наурыз*, в связи с его запретом властями ограничивался празднованием лишь в первый день – *Көрісу Күні* – День приветствия и радости от встречи с родными и близкими. В результате в рамках домашнего пространства празднование *Наурыза* сократили по времени и вместо традиционных восьми дней проводили лишь один день.

В целом у казахов понятие *амал* обозначает время межсезонья. Каждый период в народном календаре имел свою семантико-символическую нагрузку и обозначался самостоятельными номинациями. Казахстанский этнограф Б. Хинаят, рассматривая *амал* (от арабского «хамала») в качестве критических периодов, характеризует его как циклически повторяющийся период, представление о котором основано на зоо- и фитофенологических системах, длительных наблюдениях. Он же выделяет семь наиболее неприятных *амалов* – «жети амал»: *бес конак*, *қус канаты*, *кустың жайы* (похолодание, дождь, осенний перелет птиц), *киіктің матауы* (гон у сайги), *бұғының мойын жуары* («обмывание шеи благородного оленя»), *амал теке бұрқылдақ* (гон у горных архаров и козлов), *қаңтардың қарлы бораны* (снежные бураны), *кырык күн қыс шілде* (40 дней зимнего холода), *Ақпан-тоқпанның аязы* (соответствует крещенским морозам у русских) и *бөрі сырғақ* (волчий гон) [18, с. 555–556].

Амал в виде устойчивых лексических формул «Бес конак» «*Ақпан-тоқпан*», «*Отамалы*», «*Қызыр Қамшысы*» свидетельствуют о персонификации ранних мифологических персонажей, чьи истоки лежат в древних и позднее исламизированных воззрениях. Последний весенний *амал с* номинацией *Отамалы,* обозначающий таяние снега, его проседание под силой весенних лучей солнца, имеет устойчивую вербальную фиксацию в виде выражения «*Отамалы – ойылған қыс*» (букв.: зима в прорехах) [10]. В романе М. Ауэзова «Путь Абая» изложена легенда о пастухе *Отамалы*, погибшем по прихоти хозяина вместе с животными в последний майский мороз. При близком рассмотрении этого феномена погружаешься в трагичный сюжет традиционной картины мира. *Амал – Отамалы* – это последнее дыхание Зимы, требующей жертвы, прежде чем покинуть землю. Легенда об *Отамалы* завораживает, трогает и волнует. Она о пастухе, который отказывается выполнять приказ хозяина вывести отару овец в степь, поскольку овцематки на сносях и вот-вот появится ягнята... Но воля хозяина непреклонна, и пастух гибнет в страшном буране вместе с овцами и новорожденными ягнятами. Это легенда о глубине человеческого отчаяния от невозможности спасти народившуюся жизнь и о том, как эта жертва дает надежду на радость новой жизни [3, с. 120–121].

Весна в традиционной картине мира у казахов занимала в круговороте времени пограничное положение. Процесс перехода приходился на период с середины февраля по середину марта [17, с. 24] и носил название *Ұт* (современное название – *ақпан айы* – февраль месяц). Для того чтобы понять, какое значение имело это время в степной культуре казахов, попытаемся заглянуть в этимологию слова *ұт*. Согласно словарю Э. В. Севортяна, слово *ұт* обозначает: отверстие, пробуравленное отверстие, дыру, щель, проход, углубление; продырявить что-либо, пробивать; опаливать, сжигать, обжигать, прижигать, смолить; обчистить, обыграть [16, с. 639–640]. Семантическое содержание показывает, что ключевыми значениями *ұт* выступают: «проход» и «сжигать», «время» и «прошлое» [16, с. 640]. Оба последних значения бытовали еще у древних уйгуров. Именно у них *ұт* – это и «время», и «прошлое». Уместным представляется также известное у казахов значение слова *ұт* – пылинки в солнечном луче, проникающем сквозь оконное стекло, бытующее в современной лексике [10].

К середине месяца *ұт* завершалась зима и наступала весна [5, с. 285]. Начало года у казахов отмечали поэтапно. Первый этап ознаменовывал завершение месяца *ұт* – с середины марта начинали подготовку к празднику. 14 марта в день *Амал-Көрісу* (перен.: приветствие и радость от встречи) в рамках ритуала приветствия *Қауышу* (букв.: встреча, сближение, воссоединение) люди старались увидеться друг с другом, как бы сообщая тем самым, что они пережили тяжелый зимний период и рады, что другим также удалось выжить – *амал қылдық*. Праздник *Амал-Көрісу* – суть преддверие *Наурыза,* и поэтому его необходимо рассматривать не как локальный вариант [7], и не в качестве изобретенной традиции, а как продолжение устоявшейся традиции подготовки к главному празднику, знаменующему начало года, – *Наурызу*. Праздник *Амал-Көрісу* символизировал окончание первого весеннего месяца *ұт*, который ознаменовывает переход от зимы к весне, означал подготовительный этап в преддверии *Наурыза*, включая ритуалы приветствия и гостеприимства.

Итак, праздник *Амал-Көрісу* знаменует собой начало весны. По всей видимости, он рассматривался в народном календаре как первый *амал* – обозначающий переход к началу года.

Устойчивость обычая *Амал-Көрісу* в Западном Казахстане можно объяснить тем, что этот регион, на наш взгляд, испытал в меньшей степени миграционное и ассимиляционное давление в силу своего географического расположения и особенностей, в основном полупустынного ландшафта. Народная память на этой территории сумела сберечь не только фиксированную дату начала наступления весны, празднования *Наурыза*, но и ритуалы поклонения Солнцу и Огню, которые мы наблюдаем сегодня на *Отпантау* в Мангистау.

Полевой материал 2020 года позволил скорректировать и укрепить наши представления о связи этого

праздника с сакральными объектами Западного Казахстана. Согласно ряду интервью с ключевыми информаторами, *Амал* рассматривается ими как ключевой элемент в весенней календарной обрядности. Он отражает идеи единства и благотворительности, рассматривается в тесной связи с сакральным ландшафтом горы *Отпантау* в Мангистауской области и сакральным объектом *Дәдем ата* в Западно-Казахстанской области.

Гора *Отпантау*, судя по сведениям известного культуролога, мифолога З. Наурзбаевой, в древности выполняла роль культового места. В исторической памяти казахов гора представляла собой стратегический объект – в случае нападения врага на ее вершине разжигали сигнальный огонь [9]. «В советское время Отпантау являлась рядовым географическим объектом. Но, по словам краеведа, прямого потомка Ер-Толепа Мурата Акмырзаева, в некоторых семьях, например, в их собственной, была традиция изредка посещать эту гору, совершать восхождение на нее, устраивать для родственников *садақа* – поминальный дастархан здесь» [9]. На горе до возведения историко-культурного комплекса, по сведениям ученого, сохранялись руины некоего (трехкомнатного) сооружения. По предположению мангистауского археолога А. Астафьева, обнаруженные на вершине горы оплавленные от сильного жара породы свидетельствуют о древнем святилище, где разжигали большое ритуальное кострище [9].

Начиная с 2008 года на вершине *Отпантау* в ночь с 13 на 14 марта ритуалом разжигания огня начинается праздник *Амал*. Ритуальный Огонь сегодня носит названия *Тағзым Алауы* – Пламя поклонения предкам, *Тағзым оты* – Огонь поклонения или *Ұран Оты* (*Ұран* – призыв, боевой клич; звуковой сигнал; *От* – огонь) – Огонь Единства. Тем самым в настоящее время Огонь, разжигаемый на горе *Отпантау*, превращается из родовой святыни в общенациональное мнемоническое место.

По сложившейся традиции честь разжигать огонь на горе *Отпантау* передается представителю одного из 8 колен (*сегіз арыс*) – потомков *Адай ата* – родоначальника племени *Адай*. Известно, что в 2008 и 2016 годах честь разжечь огонь была предоставлена представителям рода *Тәзіке*. В последующие годы огонь разжигали потомки из родов *Ер Косай*, *Кунанорыс*, *Ақпан*, *Шыбынтай-Балыкшы*, *Әлнияз-Жеменей*, *Тобыш*, *Мұңал*.

Известный общественный деятель Сабыр Адай (1960 г. р.) – *ақын* (поэт-импровизатор), член Союза писателей Казахстана, лауреат Государственной премии мира и прогресса Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы, Республиканской премии имени Махамбета, создатель благотворительного фонда «*Адай*», автор идеи и концепции создания историко-культурного комплекса «*Адай ата – Отпантау*» – внес весомый вклад в в конструирование и внедрение новых образов, символов и знаков *Отпантау*, в ревитализацию на ее вершине праздничной традиции *Амал-Көрісу* [13]. Благодаря его многолетним усилиям праздник вышел за границы локального пространства Мангистау и приобрел общенациональные масштабы. Из ритуала поминовения предков в форме разжигания огня в очагах – *шырақ*, который рассматривается в западном регионе страны как древняя традиция и повсеместно актуализируется в рамках поминальной традиции на кладбищах и святых местах, Сабыр Адай творчески переработал его идеологию и расширил до образа Огня Обновления в контексте календарного праздника, а также расширил репрезентацию сакрального пространства горы, перенеся акцент с локального проекта до уровня общенационального. Являясь носителем культурной памяти – «уполномоченным знания» [2, с. 56], он опирался на коллективную культурную память казахов Мангистау и использовал их потенциал помнящей культуры. Тут уместно вспомнить Я. Ассмана, который подчеркивал: «Искусство запоминания работает с воображаемым пространством, помнящая культура – с расстановкой знаков в естественном пространстве» [2, с. 63].

На втором уровне от вершины горы устроены три небольшие ниши для разжигания огня, где каждый паломник, разжигая огонь, может таким образом помянуть *Адай ата*.

В Мангистау не только на каждом сакральном объекте, но и могилах усопших устойчивой остается традиция поминания в виде разжигания огня в память о святых и своих предках в специальных очагах – *шырақ* (букв.: светоч; светильник, масляная лампа).

Комплекс, строительство которого на разных высотах горы *Отпантау* (532 м) началось во второй половине 2000-х годов, включает мавзолей *Адай ата*, две стелы по правую и левую стороны от мавзолея, символизирующие его сыновей – *Келімберды* и *Кудайке*. Слева от мавзолея – гигантский факел – *Ұран Оты* и памятник тотему древних тюрков *Көк бөрі* – Небесному волку. Племя *Адай* входит в легендарный Алшынский союз племен, сформировавшийся еще в домонгольское время, которые отличались воинственностью. Согласно *шежіре* – традиционной генеалогии казахов, прозвище (*лақап*) Алшынов – *Көк бөрі* – Небесный волк. В традиционной социальной структуре казахов Младшему жузу отводилась роль Воина и защитника, что отражается как в тамге *адайцев* – стреле, так и в устойчивой лексической формуле, приписываемой легендарному мудрецу, одному из родоначальников казахов *Майқы бию*: «*Ұлы жүзге қамшы (таяқ, қауға) бер де – малға қой, Орта жүзге қалам бер де – дауға қой, Кіші жүзге найза бер де – жауға қой*» – «Старшему жузу дай плеть (посох, кожаное ведро для поднятия воды из колодца) и отправь пасти скот, Среднему – дай перо и отправь судить/полемизировать, Младшему – копье и отправь на врага». Выдающийся лингвист, востоковед В. И. Абаев, опираясь на легенды о небесных дарах, вывел императив об их трехфункциональности. Схожий с индоевропейскими сюжетами мотив он обнаруживает и в казахской мифологии: «У казахов живет предание, согласно которому родоначальниками казахского народа были три брата: *Adai, Arghun* и *Usun* (*кусив В. И. Абаева*). Adai получил от богов стрелу, *Arghun* – писание, Usun – пастушеский посох. В результате за потомками Адая закрепилась воинственность, за потомками Аргына – «ученость», за

потомками Усуна – пастушество» [1, с. 425–426]. Как подчеркивает известный казахстанский ученый А. А. Галиев, свернутый «до размеров мнемонической формулы» миф отражает сословность, трехфункциональность, определяемую ниспосланными Небесами дарами [4, с. 38].

Чуть ниже вершины установлен памятник – стела «*Ана келбеті*» (букв.: облик материнской красоты; 15 м), посвященная супруге *Адай ата*, матери всех адайцев, символизирующая почтение Женщине-Матери. Дворец *Ақсарай* – Белый дворец *Адай ата* установлен на середине пути к подножью горы. Здание имеет 8 помещений, по числу потомков святого, и включает музейную экспозицию, посвященную истории Мангистау и его жителей. На вершину горы *Отпантау* ведут 362 ступени, отражающие устойчивое представление о том, что в регионе покоятся указанное число 362 *әулие* – святых. У подножья горы установлено сооружение, названное *Қарашаңырақ* (букв.: *Қара* – черный; древний; богатый; *шаңырақ* – купольное навершие юрты), схожее по архитектурному облику с казахской юртой. Сооружение отражает представление том, что казахи Младшего жуза являются, согласно традиции минората, хранителями наследия казахского народа. Внутри сооружения установлен двухметровый по высоте *Тайқазан* (*тай* – жеребенок; *қазан* – посуда, в которой готовят еду, мясо) – уменьшенная копия *тайқазана*, который установлен Великим эмиром Тимуром в мавзолее Ходжи Ахмета Яссауи.

Символом единства народа стала и скульптурная группа трех казахских мудрецов, влиятельных биев XVII–XVIII вв. – *Төле би, Қазыбек би, Айтеке би*. Так, начиная с 2008 года традиционные обычаи и ритуалы стали основой для новой культурной традиции – встречи первого дня начала года на сакральной вершине *Отпантау*. В рамках празднования *Амал-Көрісу* традиционно устраиваются конные состязания (*Құнан бәйге, Аударыспақ и Аламан бәйге*), исполняется *жыр* – эпические произведения и т. п. Символичным стало в 2018 году приглашение на праздник *шырақшы* (букв.: человек, разжигающий огонь в мечети и на святом месте) – смотрителей святых мест из разных регионов страны [13].

Семантика всего комплекса дает основание говорить о том, что гора *Отпантау* сконструирована как гостеприимное место встречи всех для празднования первого дня начала года. Потомки *Адай ата* взяли на себя функцию всего Младшего жуза, чьи предки – *ноқта ағасы* (букв.: тот, кто держит повод верблюда; перен.: поводырь) владели некоторое время статусом старшего племени в жузе. И на правах старшинства от имени всего жуза, по закону минората, стали устроителями не только традиционного обряда поминовения (у казахов младший сын устраивает поминовение предкам с приглашением старших), но и ритуала, призывающего всех казахстанцев к Единству.

Благодаря многолетним усилиям Сабыра Адая праздник приобрел общенациональные масштабы. Ему удалось творчески переработать идеологию ритуала поминовения предков в форме разжигания огня в очагах – *шырақ*... и расширить его до образа Огня Обновления в контексте календарного праздника. Он использовал культурный код, в соответствии с которым начало года всегда отмечалось разжиганием огня на возвышении, за пределами поселения. Ему удалось также расширить и усложнить репрезентацию праздничного пространства самой горы, перенеся акцент с локального контекста (родовая святыня – место упокоения родоначальника всех адайцев – *Адай ата*) до уровня общенационального – место встречи и гостевания (*Қарашаңырақ*, скульптурная группа биев, каждый из которых представлял не только Младший, но и Старший и Средний жузы).

Связь сакрального объекта с праздником *Көрісу айт* наблюдается и на святом месте *Дәдем ата*. Объект расположен недалеко от города Уральска – областного центра Западно-Казахстанской области. *Шырақшы* – смотритель сакрального объекта и пятый потомок *әулие* (святого) и целителя *Дәдем ата* Гарифолла возглавляет общественный фонд, носящий имя его предка. При поддержке бизнес-структур и на пожертвования паломников смотритель организовал комфортное пребывание паломников (дом с помещениями для ночлега и приема пищи, ритуального очищения) и планирует построить на территории, прилегающей к святому месту, музей, библиотеку, конференц-зал. Он с помощниками организовывает на протяжении последних 7 лет массовое празднование начала года 14 марта – *Көрісу айт* на самом сакральном объекте. По словам смотрителя и паломников, на праздник пребывают более тысячи человек. В программу празднования включают посещение святого места, всеобщего молебна (чтение *дұға* – молитвы из Корана на арабском), конференцию с участием школьников и студентов, учителей из близлежащих поселков, исследователей. Смотритель считает важным сохранение традиции *Көрісу айт*, которую рассматривает как начало года. По его мнению, начало года – *жыл басы* необходимо начинать с благих дел, с молитвой на устах, устраивать коллективную трапезу для паломников и приобщать молодежь к традициям и обычаям предков. В целом до карантина по случаю пандемии COVID-19 в неделю число паломников к мазару *Дәдем ата* превышало более 400–500 человек в неделю, в месяц их число могло составить более 2 тыс. человек [12]. Наблюдается интегрирование ислама в празднование *Көрісу айт* в виде чтения Корана, чего ранее, по словам информаторов, не наблюдалось. Надо сказать, что в программе семейного праздника в регионе в целом чтение Корана не отмечается повсеместно [11–13].

Сакральный ландшафт горы *Отпантау* в Мангистауском районе одноименной области и святого места *Дәдем ата* (*Жұмағазы хазірет*) в Сырымском районе Западно-Казахстанской области расширили функционально свои задачи, не ограничиваясь приемом паломников. Календарный праздник *Амал-Көрісу* или *Көрісу айт*, символизирующий начало празднования *Наурыза,* в настоящее время интегрирован в пространство сакральных объектов. Сам праздник в контексте сакральной географии Западного Казахстана

обретает свою айдентику и служит, таким образом, брендированию мест своего проведения. На *Отпантау* праздник *Амал-Көрісу* получил актуализацию на общенациональном уровне. На святом месте *Дәдем ата* празднование *Көрісу айт* в Западно-Казахстанской области имеет локальный характер, но его популярность среди зарубежных паломников из приграничных районов России дает возможность позитивным перспективам его развития.

В настоящее время священная гора родовой группы *Адай* в Мангыстау – *Отпантау*, благодаря успешной реализации стратегии расширения образно-географических контекстов топоса, принимает форму общественно значимого места памяти в широком национальном контексте. Указанная стратегия способствовала появлению новых возможностей репрезентации, трактовок и интерпретаций географического образа не только собственно горной вершины *Отпантау*, а в целом вернакулярного района – Мангистау. Образ родоначальника адайцев *Адай ата* вписан в общеказахский, общенациональный контекст. Сами устроители празднества – представители 8 колен *Адай ата* рассматривают свою роль с точки зрения младшего статуса (Младший жуз) в контексте жузовой структуры казахов как наследники, которые по праву минората приглашают всех на *Отпантау* почтить память предков и разжечь в их честь Огонь Единства. Тем самым способствуя ревитализации традиционного обряда разжигания Ритуального огня, который изменил свой характер, из Огня поминовения он преобразован в Огонь Единства. Важным является сам факт возрождения традиции разжигания Ритуального огня, поскольку в прошлом она являлась важным элементом праздника *Наурыз*.

Традиция *Амал* является сегодня важным фактором в формировании новой интерпретации в осмыслении горы *Отпантау* как общеказахстанского места, где встречают предвестие начала нового календарного года – *Амал-Көрісу*. В понимании значения этого места памяти, в соблюдении обычаев, в обрядах поклонения Солнцу и Огню в ночь на 14 марта нашло отражение как возрождение традиций, так и инновации. Этнографический факт свидетельствует о потребности в архивации памяти в связи с «чувством утраты» (запрет Наурыза в 1926 году), «переживанием связи с вечным настоящим» и в необходимости наделения мнемонического места качествами сакрального топоса.

Если традиционно в Мангистау праздник продолжают называть *Амал-Көрісу,* а в Западно-Казахстанской и Атырауской областях – *Көрісу айт, Көрісу* күні, то по всей республике его отмечают также и под названиями *Қауышу күні* и *Амал мейрамы*. 19 июня 2019 года на площадке Национальной академической библиотеки Республики Казахстан состоялся круглый стол, на котором обсуждался вопрос о включении праздника *Амал (қауышу) көрісу* в праздничный календарь республики. В том же году депутат Сената Казахстана С. Енсегенов предложил отмечать 14 марта как день приветствия [14].

Таким образом, празднование предвестия *Наурыза – Амал-Көрісу* или *Көрісу айт* в Казахстане способствует развитию этнической традиции в рамках национальной культуры, сохранению и популяризации его как живой, как неотъемлемой части нематериального культурного наследия. Надежда на это определяется самим семантическим смысловым кодом (слово *амал* переводится с казахского, в том числе, как «возможность»). Топографическая привязка праздника к сакральным объектам лишь придает уверенность в его жизнеспособности.

Литература

1. Абаев, В. И. Избранные труды: религия, фольклор, литература / В. И. Абаев. – Владикавказ : Ир, 1990. – 640 с.

2. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман, перевод с немецкого М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

3. Әуезов, М. Абай жолы : роман-эпопея / М. Әуезов. – Алматы : «Жеті жарғы», 1997. – 320 б.

4. Галиев, А. А. Традиционное мировоззрение казахов / А. А. Галиев. – Алматы : Фонд «Евразия», 1997. – 167 с.

5. Диваев, А. А. Месяца по киргизскому стилю с обозначением народных примет / А. А. Диваев. // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Т. XIII, вып. 4. – Казань, 1896. – С. 283–286.

6. Ерғали, С. «Көрісу Күні» дейтін қазақ этнографиясында күн жоқ! // Abai.kz. Ақпараттық порталы. 14 марта 2014 г. 04:50. – URL: https://abai.kz/post/18864 (Дата обращения: 11.08.2020).

7. Ларина, Е. И. Наурыз и курсат: два казахских праздника с разной судьбой / Е. И. Ларина, О. Б. Наумова. // Вестник антропологии. – 2014. – № 1 (27). – С. 84–92.

8. Мангистау отпраздновал Амал-мейрамы // URL: http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/v-mangistau-otprazdnovali-amal-meyramyi-271657 (дата обращения: 30.12.2016).

9. Наурзбаева, З. Отпан-тау – Караульная гора эпохи глобализации? // Сайт о казахской культуре, музыке и мифологии 30.07.2018. – URL: http://otuken.kz/otpan/ (дата обращения: 12.08.2020).

10. ПМА. Полевые материалы автора 2012–2013 гг. (Акмолинская, Карагандинская), 2014 г. (Павло-

дарская, Восточно-Казахстанская области).

11. ПМА. Полевой материал автора. Август-сентябрь, Атырауская область. Западный Казахстан.

12. ПМА. Полевой материал автора. Август-сентябрь, Западно-Казахстанская область. Западный Казахстан.

13. ПМА. Полевой материал автора. Август-сентябрь 2020 г. Мангистауская область. Западный Казахстан.

14. Праздник Амал может стать официальным в Казахстане // Sputnik: 14.03.2019. URL: https://ru.sputnik.kz/society/20190314/9571904/prazdnik-amal-deputat.html (дата обращения: 11.07.2020).

15. Романова, Е. Н. Якутский национальный праздник Ысыах в ситуации перехода: исторический миф, этнокультурный образ и современный праздничный нарратив / Е. Н. Романова, В. Б. Игнатьева. // Этнографическое обозрение, 2011. - №4. – С. 29–40.

16. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э. В. Северотян ; АН СССР Институт языкознания. – Москва : Наука, 1974. – 768 с.

17. Сейдимбек, А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление / А. Сейдимбек ; авторский перевод с казахского. – Астана : Фолиант, 2013. – 560 с.

18. Хинаят, Б. Амал – фенологический календарь у казахов / Б. Хинаят. // VIII Конгресс этнографов и антропологов России : тезисы докладов. – Оренбург, 1–5 июля 2009 г. / редколлегия: В. А. Тишков [и др.]. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2009. – С. 555–556.

УДК 398:784(98)

Ю. И. Шейкин, О. Э. Добжанская, Т. И. Игнатьева

АРКТИКА КАК ЗВУЧАЩИЙ ЛАНДШАФТ (ЭТНОМУЗЫКОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД)

В статье характеризуется концепция звучащего ландшафта Арктики, которая развивается исследователями-музыковедами кафедры искусствоведения АГИКИ в рамках интердисциплинарных исследований Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики. Обсуждаются основные положения, актуальность и перспективы развития данной концепции.

Ключевые слова: *коренные малочисленные народы, звучащий ландшафт, музыкальный фольклор, интонационно-акустическая культура этноса, Север, Арктика.*

Yury Sheikin, Oksana Dobzhanskaya, Tatiana Ignatieva

ARCTIC AS A SOUNDING LANDSCAPE (AN ETHNOMUSICOLOGICAL APPROACH)

The paper is devoted to describing of the new concept of Arctic Sounding landscape, which is which is developed by researchers-musicologists of Arctic State Institute of Culture and Arts in the framework of interdisciplinary research of the Laboratory of integrated geocultural research of the Arctic. The article discusses the main provisions, relevance and prospects for the development of this concept.

Keywords: *indigenous peoples, sounding landscape, musical folklore, intonation, acoustic culture, ethnic groups, North, Arctic.*

Арктика – это один из самых тихих уголков на земле, который настроен на интонационное понимание природы. Природа «говорит» с жителями тундры и тайги через звучание природных стихий (грома, ветра, дождя, вьюги) и окружающего ландшафта (журчание ручья, шум леса), ономатопеи животных и птиц (хорканье оленей, вой волка, крики чаек, пение кукушки), особые звуки сакральных местностей. Очень часто звуки окружающего ландшафта, релевантные для жителей Арктики, оставались за гранью внимания исследователей. Причем, это было не результатом «невнимания» исследователей, а проблемой методологии.

Действительно, проблема научного осмысления интонационно-акустической культуры коренных народов Арктики довольно сложна с точки зрения методологии. Перед исследователем-фольклористом стоит непростая задача, с одной стороны, использовать методы адекватные предмету изучения, с другой стороны – учитывать достижения современной методологии в области теоретического этномузыкознания.

Научная методология изучения звучащих ландшафтов Арктики возникла именно как результат интердисциплиных методов исследования геокультуры Арктики, которые разрабатывались в ходе грантового проекта Российского научного фонда «Создание лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики» (проект № 14-38-00031). В реализации проекта приняли деятельное участие этномузыковеды Арктического государственного института культуры и искусств. Изучение геокультурных образов территории, в том числе звукового пространства связанных с географической средой ландшафтов оказалось плодотворным для осмысления особенностей музыкального интонирования проживающих там народов. Для определения аспектов и методологии исследования оказалось важным творческое общение с руководителем проекта РНФ, основоположником имажинальной географии Д. Н. Замятиным.

Исходная концепция звучащих ландшафтов Арктики была впервые озвучена Ю. И. Шейкиным и О. Э. Добжанской в одноименной лекции, посвященной Дню российской науки (прочитанной в АГИКИ 8 февраля 2015 года). Затем коллектив авторов в журнале «Этнографическое обозрение» опубликовал статью «Звучащие ландшафты Арктики» [10], в которой были сформулированы содержание понятия и методологические подходы к изучаемому явлению. Отдельные аспекты темы были развиты в докладах и статьях авторов данного исследования.

В чем же состоит концепция звучащих ландшафтов Арктики?

Понятие «звукового ландшафта» (Soundscape) возникло в мировой науке около 40 лет назад в работах Р. М. Шефера (R. Murray Schafer) и стало развиваться в области акустической экологии, изучения акустической среды современных полисов, определенных культурных пространств и т.д.

В России концепцию звукового ландшафта развивали исследователи научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, в частности Е. Д. Андреева, В. М. Матасов, который совершенно справедливо отметил: «Звуковой ландшафт является неотъемлемой частью культурного (или природно-культурного) ландшафта. Однако понятие звукового ландшафта не сводится к понятию звуковой среды. Подобно понятию культурный ландшафт, понятие звуковой ландшафт может быть рассмотрено в разных аспектах и на разных уровнях» [7].

В. А. Лапин в статье «Северо-Запад России: к проблеме музыкально-фольклорного ландшафта» сформулировал понятие музыкально-фольклорного ландшафта, связав его с ареальными исследованиями и

картографированием музыкального фольклора: «Понятие «музыкально-фольклорный ландшафт», на первый взгляд, кажется вполне метафорическим (по сравнению, скажем, с реальным географическим ландшафтом). Однако в контексте юнесковского «культурного ландшафта» музыкально-фольклорный ландшафт приобретает уже более или менее определенные очертания некоторого ландшафтного уровня, хотя тоже еще достаточно виртуального. Если вспомнить об ареальных исследованиях, которые активно развиваются в последнее время, то идея фольклорного ландшафта — как обобщение некоторого множества ареальных данных по тому или иному региону — становится вполне реальной, хотя и безумно сложной...» [5, с. 43].

Для углубления понимания проблемы звучащего ландшафта Арктики, нам видится необходимым приобщить точки зрения зарубежных исследователей, которые особо выделяют «северные этнографические ландшафты» [12] или «аборигенные ландшафты»: «Этнографический ландшафт (или аборигенный ландшафт) есть место, ценимое для аборигенной группы вследствие длительных и многоплановых отношений с этой землей. Он выражает их единство с природным и духовным окружением. Он воплощает их традиционные знания духов, мест, использования земли, экологии» [11, с. 27]. Выведенное здесь на первый план понимание этнографического ландшафта как концепта, выражающего духовное единство людей и обжитого ими пространства, будет иметь значение для дальнейшего рассуждения. Современная западная антропология в изучении звукового ландшафта видит новый ресурс для научных исследований [13].

В настоящее время в российских исследованиях культурного ландшафта, по мнению В. Н. Калуцкова, сложился целый спектр научных направлений: антропогенное (А. Г. Исаченко, Ф. Н. Мильков, А. В. Николаев), эстетическое (А. В. Николаев), феноменологическое (В. Л. Каганский), экологическое (Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова, И. П. Чалая) и этнокультурное (В. Н. Калуцков, М. В. Рагулина). Из них только два направления – экологическое и этнокультурное – изучают традиционный культурный ландшафт [4, с. 5].

В фольклоре народов Арктики отражается интонационное понимание природы, поэтому под звучащими ландшафтами Арктики мы будем рассматривать только один вид этого ландшафта – этнический, который можно соотнести с «северными этнографическими ландшафтами» И. Крупника и С. Багги, «этнокультурными ландшафтами» В. Н. Калуцкова, «музыкально-фольклорными ландшафтами» В. А. Лапина, а также со «звукомузыкальными ландшафтами» Русского Севера [4], художественно-ассоциативным ландшафтом [2].

Изучение звучащего (этномузыкального, музыкально-фольклорного) ландшафта Арктики для современного исследователя непросто, так как вследствие социально-экономических потрясений в конце XX века произошло разрушение традиционного образа жизни коренных народов. Однако живая интонационная культура по своей природе текуча и изменчива.

Интонационно-акустическая культура всегда содержит в себе полисегментые, разностадиальные нормы музыкально-фольклорной практики, которые, вероятно, формировались последовательно: архаическая, традиционная, профессиональная, инновационная [9, с. 4-12]. Нужно учитывать, что эти нормы звукового выражения находятся в культурах в разном соотношении, обладают механизмами сосуществования с современными культурами. Более того, необходимо воспринимать их в контексте существующих влияний и их активизации. Для существования музыкально-фольклорной традиции необходима адекватная среда, отсутствие которой приводит вначале к сюжетному распаду, а потом и к ее интонационной деградации. Более того, качество представленного в публикациях фольклорного материала и его интерпретация часто зависит от того, с какими исследователями сталкивается носитель культуры.

Сформированная на протяжении более 30 лет методология исследования интонационно-акустической культуры этносов является интердисциплинарной, учитывающей данные этнографии, филологии, лингвистики, фольклористики, археологии, религиоведения, психологии и т.д. Наиболее полно она отражена в публикациях музыковедческих разделов академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», членом Главной редколлегии которой является один из авторов данной статьи, в сотрудничестве с музыковедами И. И. Земцовским, Э. Е. Алексеевым, И. А. Богдановым разработавший принципы подготовки музыковедческих разделов томов: нотных записей, грампластинок, исследовательских статей [8, с. 101]. Данная методология характеризуется комплексностью исследования, опорой на полевые материалы, пристальным изучением первичных данных, фольклорной терминологии и эстетики, «бережным» научным осмыслением музыкально-фольклорного материала с позиций исследователя-собирателя, ведущего диалог с представителями традиции. С точки зрения интердисциплинарности, методология исследования интонационно-акустической культуры этносов Сибири и Дальнего Востока родственна методологии изучения звучащего ландшафта.

Звучащий ландшафт Арктики создает человек в процессе интонационно-акустического взаимодействия с окружающей природой и социумом. Примем во внимание мнение, что «звуковой ландшафт включает пространственно-временной комплекс природных и (или) антропогенных звуков, являющихся материально-духовными знаками определенной территории и создающих звуковой образ этой территории. Одной из его составляющих является звукомузыкальный ландшафт – пространственно-временной комплекс музыкальных звуков и интонаций, художественно отражающих культурные особенности определенной территории в конкретный исторический период [4, с. 15]. Заметим, что наше понимание звучащего ландшафта Арктики несколько отличается от выше приведенного определения, так как в него необходимо включить понятие «этнографического ландшафта».

По нашему мнению, звучащий ландшафт Арктики – это пространственно-временной комплекс природных и антропогенных звуков, являющихся материально-духовными знаками определенной территории, имеющими этнокультурный смысл и создающими звуковой образ местности, содержательно ценный для населяющих ее народов.

В структуре ландшафта Ю. А. Веденин [1] и его последователи (М. Е. Кулешова, Р. Ф. Туровский и др.) различают два «слоя» – культурный и природный. «Природный слой культурного ландшафта рассматривается как комплекс природных компонентов с точки зрения их сохранности и соотношения с техническими и природно-техническими системами. Культурный и природный слои ландшафта могут быть дифференцированы на ряд более мелких пластов» [6, с. 124]. Высказанное культурологами замечание о сложной структуре культурного ландшафта, состоящего из природных и антропогенных слоев, имеет для музыковедов методологическое значение.

В звучащем ландшафте Арктики для более адекватного его понимания необходимо рассматривать несколько слоев, сегментирующих данное явление:

- слой интонационного взаимодействия с природой – это диалог между человеком и природой, включающий в себя восприятие природы и «разговор» с природой. С одной стороны – здесь чуткое внимание к «голосам природы» и понимание смысла звуковых посланий, с другой стороны – ответная реплика человека, которая адекватна «языку» природы (так как человек надеется, что его ответная реплика будет «понята» природой). К данному слою относятся звукоподражания (ономатопеи) в различных сферах деятельности – хозяйственной (охотничьи манки, сигналы по управлению животными), обрядовой (звукоподражания в шаманском обряде, горлохрипение в обрядовых танцах и т.д.);
- проецирование общественного и личного в человеке вовне (создание «собственного» человеческого звукового ландшафта, который является органической частью природного ландшафта и «вписан» в окружающую природу). Антропогенный звучащий ландшафт гармоничен с окружающим природным ландшафтом. Он с помощью звуковых проявлений утверждает пребывание человека в природном ландшафте (например, громкая песня в дороге), фиксирует воспоминания об освоении различных ландшафтов в прошлом (эпическое интонирование), помогает путешествиям в сакральных пространствах (шаманство, религиозные обряды);
- слой имитационных фоноинструментов, связанный с изготовлением звуковых орудий для звукового общения с природой. Этот слой родственен первому, однако отличается от него тем, что зафиксирован в материальных объектах, благодаря чему в культуре возникает особая материальная среда.

Например, коллекция подобных имитационных фоноинструментов и звуковых орудий представлена в вузовском «Музее музыкальных инструментов народов Северной Азии. Коллекция Юрия Шейкина», который стал результатом многолетних научных и полевых исследований интонационно-акустической культуры народов Сибири и Дальнего Востока одним из авторов данной статьи. Представленные в музее фоноинструменты отражают предметный звуковой мир этноса в контексте его промыслово-хозяйственной, охотничьей и обрядовой практики (шаманские бубны и шаманские атрибуты; музыкальное бревно сахалинских нивхов и хантов, на котором играли во время медвежьего праздника; охотничьи звуковые манки из бересты и мн. др.).

В 2019 году в издательстве «Наука» вышла коллективная монография «Звучащие ландшафты Арктики» [3], которая явилась многоаспектным исследованием данной темы, предпринятым коллективом авторов-единомышленников. В целом, данная публикация расширила научную проблематику и развила методологические подходы этномузыковедения. Материалом исследования стал музыкальный фольклор народов российской Арктики и Субарктики: Чукотки и Камчатки (чукчи), Сахалина (айны, нивхи, уйльта), Якутии (саха), Центральной Сибири (эвенки), Таймыра (наганасаны), Западной Сибири (ханты), Удмуртии (финно-угорские народы: удмурты, мордва). Авторами монографии стали российские и зарубежные этномузыковеды, которые в исследованиях опирались на собственные полевые материалы Василенко О. В., Добжанская О. Э., Дьяконова В. Е., Игнатьева Т. И., Кардашевская Л. И., Мамчева Н. А., Никифорова В. С., Нуриева И. М., Шейкин Ю. И., филолог Пчеловодова И. В.

Презентация монографии, состоявшаяся в АГИКИ 14 ноября 2019 года в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Эхо арктической Одиссеи: судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов», посвященной 100-летию со дня рождения И. М. Гурвича, показала интерес научной общественности к проблематике интердисциплинарного изучения музыкальной культуры народов Арктики.

Рецензентами издания стали доктор филологических наук В. Л. Кляус (Институт мировой литературы РАН), кандидат искусствоведения Г. Е. Солдатова (Институт филологии СО РАН), отметившие актуальность, новизну научного содержания и методологии монографии.

В чем заключается актуальность данной концепции? Попробуем кратко ответить на этот вопрос.

В наши дни Арктика является не только важнейшим ресурсом социально-экономического развития отдельных стран и целых континентов, но и кладезем новых мировоззренческих концептов, стратегий культурного развития, деятельностных практик. Традиционная культура живущих в Арктике народов, нацеленная на интонационное взаимодействие с природным окружением, в своем роде уникальна и требует глубокого и адекватного понимания на основе интердисциплинарных методов исследования.

В силу современных процессов интенсивного социально-экономического освоения северных территорий, традиционные культуры практически всех коренных малочисленных народов Арктики сейчас находятся под мощным воздействием процессов ассимиляции и глобализации. В критическом состоянии оказались не только образ жизни и языки малых народов. В целом, сфера музыкального фольклора (включающая традиционные жанры устного творчества, обряды, музыкальные инструменты и др.) значительно трансформировалась, а отдельные жанры и виды аутентичных музыкальных практик подверглись редукции или оказались вовсе забытыми. Однако, по сравнению с основными жанрами музыкально-фольклорного творчества (эпос, шаманство, песни, сказки и др.), периферийные, менее приметные сферы звукового творчества северян (охотничьи манки, голосовые ономатопеи, ритуальные сигналы), через которые человек непосредственно общается с окружающим природным ландшафтом, оказались более глубоко укорененными в повседневной жизни арктических народов, и потому сохраняются до наших дней.

В этом смысле, как методология сбора и интерпретации музыкально-фольклорных материалов, идея изучения звучащих ландшафтов открывает этномузыковедам важную перспективу будущих полевых исследований. Этот подход будет особенно плодотворен для изучения интонационной культуры тех этносов, у которых архаичные и традиционные жанры музыкального фольклора оказались вытесненными инновационными фольклорными практиками.

Важный аспект будущего применения концепции звучащего ландшафта Арктики связан с культурологическими и искусствоведческими исследованиями практик воображения Севера и Арктики, которые развиваются учеными Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики (рук. Д. Н. Замятин, Е. Н. Романова) в контексте антропологического дискурса, при рассмотрении образов холода и вечной мерзлоты в когнитивном измерении.

Изучение звучащих ландшафтов Арктики позволяет углубить представления исследователей о глубинных связях музыкальной культуры (и – шире – культуры вообще) коренных народов с природным окружением, их взаимообусловленности. Понимание семантики и концептуального значения естественных звуков тундрового ландшафта и тишины бескрайних пространств «белого безмолвия» помогает осознать необходимость предохранения звучащих ландшафтов как локусов традиционной культуры арктических народов от техногенного вмешательства, что особенно актуально в современный период промышленного освоения Арктики.

Намечая перспективы дальнейших исследований в области гуманитарных наук, авторы концепции звучащих ландшафтов Арктики видят возможность ее применения в следующих отраслях: этномузыковедении; антропологии и этнологии (изучение звучащих ландшафтов Арктики и Субарктики в связи с культурно-хозяйственными типами, мифоритуальными комплексами этносов Арктики и Субарктики); культурной географии (как изучение звучащих ландшафтов в связи с образностью арктических геокультур); современном музыкознании (изучение экспрессии природы как стимул музыкального творчества (на примере академической и электронной музыки); искусствознании (изучение диалога природы и музыки как предмета изобразительного искусства Арктики); культурологии (исследование связанных со звучанием культурно-художественных практик по освоению природных ландшафтов); театроведения (звучащие ландшафты в театральном искусстве); музыкальной терапии (изучение лечебных свойств звуков арктической природы).

Изучение звучащего ландшафта Арктики как звукового образа территории, имеющего этнокультурный смысл и содержательно ценного для народов Севера, актуально для формирования перспектив развития Арктики с учетом духовных потребностей и социальных интересов ее жителей.

Литература

1. Веденин, Ю. А. Очерки по географии искусства / Ю. А. Веденин. – Санкт-Петербург : Д. Буланин, 1997.

2. Дивакова, Н. А. Художественно-ассоциативный культурный ландшафт как предмет исследования / Н. А. Дивакова. – Режим доступа: URL: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/17.html; Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 7 (13): в 3-х ч. – Ч. III. – С. 66-69.

3. Звучащие ландшафты Арктики / составители: О. В. Василенко, О. Э. Добжанская, В. Е. Дьяконова [и др.] ; под общей редакцией О. Э. Добжанской, Т.И. Игнатьевой. – Новосибирск : Наука, 2019. – 178 с.

4. Крехалева, Е. А. Звуковой ландшафт Русского Севера: историко-культурные смыслы и музыкальная рефлексия : специальность 24.00.01 Теория и история культуры : диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Крехалева Елена Анатольевна ; Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. - Киров, 2015. – Режим доступа: URL: vggu.ru/sites/default/files/public/dissertaciya_krehalevoy_e.a_1.pdf.

5. Лапин, В.А. Северо-Запад России: к проблеме музыкально-фольклорного ландшафта / В.А. Лапин. // Межэтнические связи в фольклоре: материалы V Международной школы молодых фольклористов / составитель Н.Н. Глазунова. – Санкт-Петербург, 2016. - С. 43-61.

6. Ливинская, О. А. Понятие культурного ландшафта в отечественной географии / О. А. Ливинская. // Псковский регионологический журнал. – 2012. – Выпуск № 14.

7. Матасов, В. И. Проблемы изучения звуковых ландшафтов / В. Матасов. // Семинар «Культурный

ландшафт» и комиссия по культурной географии Московского городского отделения Русского географического общества 167-е заседание 13 февраля 2008 г. – Режим доступа: URL: URL: msk.rgo.ru/komissii-i-otdeleniya/komissiya-po-kulturnoj-geografii/ (дата обращения: 12.05.2020)

8. Солдатова, Г. Е. Полевик, исследователь, педагог (к 70-летию Юрия Ильича Шейкина) / Г. Е. Солдатова. // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2019. – № 2 (38). – С. 99–103

9. Шейкин, Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование / Ю. И. Шейкина. // Москва : Восточная литература, 2002.

10. Шейкин, Ю. И. Звучащие ландшафты Арктики / Ю. И. Шейкин, О. Э. Добжанская, В. С. Никифорова. // Этнографическое обозрение. – № 4. – 2016. – С. 30-44

11. Buggey S. An Approach to Aboriginal Cultural Landscapes. Ottawa: Historic Sites and Monuments Board of Canada, Parks Canada. 1999

12. Northern ethnographic landscapes : perspectives from circumpolar nations / Igor Krupnik, Rachel Mason, and Tonia W. Horton, editors. Published by the Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution. Washington, D.C. 2004

13. Samuels, D. Soundscapes: Toward a Sounded Anthropology / D. Samuels, L. Meintjes, A.M. Ochoa, T. Porcello // Annual Review of Anthropology. - 2010. – 39. – P. 329-345.

УДК 787.5:39

А. В. Никольский, Э. Е. Алексеев, И. Е. Алексеев, В. Е. Дьяконова

ПРОСТРАНСТВО ВАРГАННОЙ МУЗЫКИ: АКУСТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА

На основе археологических исследований в статье выявлены древние образцы варганов, датированные началом второго тысячелетия до н.э. и подтверждающие растительные истоки варганов. Опираясь на предшествовавшие публикации авторов, разработавших схему 6-ти кластеров распространения варганов, ведущую от Китая к Западной Европе, дана характеристика варганов: их доступности, технологии изготовления и звучания инструментов из травы, бамбука, дерева, бронзы и железа. На основании анализа спектральной фактуры музыки представленных варганов выявляются компоненты фактуры. При этом приемы звукоизвлечения зависят от физических свойств материала и имеют определяющее значение для фактурной организации компонентов спектра. Травяные варганы отнесены к классу «предварганов» и предшествуют пластинчатым органическим варганам. Деревянный варган появился как заместитель бамбука при продвижении варганной традиции на север; костяные варганы появляются после деревянных при дальнейшей экспансии варгана в зону тундры; металлические варганы внедряются позднее органических, а их музыкальная фактура упрощается.

Ключевые слова: *варган, типология конструкций варгана, технология изготовления, археология варгана, генерация звука, акустические свойства, физические свойства, музыкальная спектральная фактура, партии фактуры, мелодическая партия.*

Aleksey Nikolsky, Eduard Alekseyev, Ivan Alekseyev, Varvara Dyakonova

SPACE OF HARP MUSIC: ACOUSTIC PROPERTIES

Based on the available archaeological data, this article analyzes the oldest samples of Jaw Harp (Jew's Harp) from the beginning of the 2nd millennium BCE to the 14th century AD and supports the hypothesis of the vegetative origin of Jaw Harp as a musical instrument. The article summarizes the previous publications by the same authors and puts forward a 6-cluster model of historico-geographic distribution of Jaw Harp from China to Western Europe. Jaw Harps are categorized in relation to the availability and complexity of the manufacturing technology for the 5 most common materials from which Jaw Harps are usually made. For each of these materials, the Jaw Harp music is defined in terms of its characteristic musical texture, revealed by spectral analysis, identifying a number of specific textural descriptors. The acoustic properties of different common Jaw Harp constructions are related to the physical properties of the materials and the performance techniques most suitable to each of the materials. The article describes the grass Jaw Harp and classifies it as a "proto-Jaw Harp" which most likely preceded the frame-shaped idioglot construction made of organic materials. Wooden Jaw Harps must have been invented and mastered as the Jaw Harp was spreading towards the north where the steppe and semi-desert landscape was replaced by thick forests. Bone Jaw Harp technologies were promoted at higher northern altitudes where tundra landscapes prevail. Metallic Jaw Harps were introduced later than those made of organic materials, and their music is generally characterized by significantly simpler spectral texture: especially the iron/steel-made heteroglot bow-shaped constructions.

Keywords: *Jaw harp (Jew's harp), typology of Jaw harp constructions, manufacturing technology, archeology of the Jaw harp, sound generation, acoustic properties, physical properties, musical spectral texture, textural parts, melodic part.*

Археологические данные подкрепляют растительные истоки варгана. Все находки варганов, датированных до н.э., кроме разве что Пермского района, имели место в Азии. Варган пересек Урал около 200 до н.э. (1) и видимо через тюркские культуры (особенно булгарскую) добрался до Украины и Венгрии. Финно-угорские народности могли доставить его в северную Европу (табл. 1).

Находки варганов, периода с 2146-1029 до н. э. до XIII-XIV веками – до начала массового производства варганов в Европейских городах для экспорта в европейские колонии и зависимые от европейских доминионов страны, разбиваются на 6 кластеров (Рис. 1): (I) Китай->Монголия, (II) Монголия->Байкал, (III) Байкал->Урал/Волга, (IV) Волга->Украина, (V) Манчжурия->Япония, (VI) Западная Европа. Два старейших кластера характеризуются только бамбуковыми и костяными варганами. Урал/Волга и Манчжурия/Япония комбинируют их с металлическими варганами. Европейские варганы только металлические. Это разделение по старинным материалам чрезвычайно важно! Металлические и органические варганы значительно отличаются по спектральной фактуре: их гармонический остаток и гармоническая основа[1] структурированы по-

[1]Более подробно см. в статье Никольского А.В., Алексеева Э.Е., Алексеева И.Е., Дьяконовой В.Е. Пролегомена модальной организации арфы челюстной музыки на примере артикуляционных ступеней «говорящего хомуса» (DOI: 10.6084/m9.figshare.12381674)

разному в зависимости от материала изготовления (рис.1).

Концепция музыкальной фактуры до сих пор была опущена из попыток анализа варганной музыки. Однако, исполнители аутентических традиций определенно аранжируют спектральные компоненты принципиально по такому же методу, что и «партии» полифонической музыки. Они также задумывают музыку полифонически. Полифоническое мышление вообще обычно для огромного числа фольклорных традиций [22]. И тембровая музыка не составляет исключения. Тувинское сольное многоголосие хорошо известно. Варганная традиция также может вовлекать двух- и трехголосие [4]. Исследователями О. Э. Добжанской [7] и В. С. Никифоровой [11] были предложены полифонические нотации полевых записей варганной музыки. Можно с уверенностью заявить, что вряд ли возможно проводить сравнительное изучение варганных традиций без учета распределения тематического материала «по голосам» – регистровым компонентам спектральной фактуры.

На рис. 1 представлены спектральные фактуры музыки, исполненной на варганах, сделанных из пяти разных материалов: травы, бамбука, дерева, кости и металла. Слева помещены полные спектрограммы, показывающие полноту активных гармоник в клипе звукозаписи каждого из пяти варганов. Горизонталь представляет время, вертикаль – частоту, а цвет – амплитуду: от темно-синего (минимум амплитуды) до ярко желтого (максимум). Справа помещены компоненты («партии») спектральной фактуры: каждый компонент определен на основании динамической выделенности определенных гармоник, находящихся в рамках одного и того же регистрового участка спектра так, что их последовательность остается максимально непрерывной в потоке музыки. Стрелки показывают, где именно в полной спектрограмме помещается данный компонент (спектральная партия). Еще далее справа каждая партия названа в соответствии со стандартом практики западной хоровой музыки. Партии пронумерованы сверху вниз. Каждая партия охарактеризована по своему частотному амбитусу, максимальной амплитуде, и числу задействованных в ней звуковысот. Критерием определения звуковысоты служила четкость повторного динамического выделения одного и того же регистрового участка в пределах четвертитона на протяжении клипа. Красным цветом выделены наиболее интенсивные партии, в соответствии с их максимальным динамическим уровнем. Зеленым цветом пронумерованы партии, ведущие «мелодическую линию» – т.е. постоянно меняющиеся гармоники – в отличие от педальной гармоники, фигуре сопровождения из 2 соседних гармоник, «аккордов» гармоник или их кластеров. Немелодические партии имеют черные номера. Каждый из целостных клипов и составляющих партий может быть прослушан, если следовать соответственной интернетной ссылке.

1. Травяной варган. Материалы изготовления варганов из травы являются легкодоступными в травяных сообществах, но они сезонны и одноразовы по пользованию. Для их изготовления не требуются инструменты, необходим минимальный опыт и время, которое занимает не более минуты [10, с. 51; 14, с. 48]. Звучание фоноинструмента можно охарактеризовать как «полый» цокот или щелчок, очень короткий, но нежный, приглушенно стучащий при высокой интенсивности звукоизвлечения. Близки травяным варганам по акустическим свойствам производимой на них музыки *ыяш-комус, мас хомус* и *чарты комус*, классифицированные Ю. И. Шейкиным как особый класс «протоварганов» [14]. Н. А. Мамчева приводит доказательства конструкционного родства и сходства процесса изготовления между травяными «протоварганами» и пластинчатыми варганами Амурско-Сахалинского региона [10]. А. В. Никольский подробно описывает наиболее вероятную линию морфологической эволюции от протоварганов к пластинчатым варганам [27].

2. На рис. 1 (А) представлена спектральная фактура звучания нивхского травяного варгана – *қоңға чңыр*[1]. Фактура состоит из 5 компонентов, каждый из которых мелодический, включая и бас. Каждая партия использует сходное число партий. Ведущей партией является тенор – наиболее динамически выступающий. Наиболее громкий и мелодически активный компонент музыкальной фактуры, как правило, оказывается в центре внимания и исполнителя, и слушателя музыки [23]. Все остальные партии приблизительно одинаковы по динамике, за исключением самой верхней, уступающей остальным. Этот вид фактуры может быть охарактеризован как «рассеянная полифония», поскольку все партии движутся одновременно, затрудняя их выборный контроль. Возможно даже, что исполнитель совершенно не контролирует партии, позволяя им непредсказуемые случайные изменения, ограничиваясь лишь контролем тенора.

3. Бамбуковый варган. Бамбук легкодоступен в теплом влажном климате, вечнозеленый, многоразового пользования, не прочный перпендикулярно волокнам. Изготовление варгана из бамбука требует простейших инструментов для срезания и вырезки, сушка материала занимает несколько дней, а резьба каменными инструментами – несколько часов [16], обработка осложняется анизотропией – требуя некоторого опыта изготовления. Фоноинструмент имеет "полое" дребезжание, довольно темный, насыщенный, но однородный тон, длительное затухание, дающее «трескучее» тремоло при резком повышении интенсивности.

4. Фактура айнского бамбукового варгана муккури[1] на рис. 1 (В) состоит из 4 компонентов, из которых верхняя пара мелодическая. Бас выдерживает педальный тон. Тенор посвящен поддержанию неустанного движения между 2 звуковысотами (основной, принадлежащей натуральному ряду, и вспомогательной).

---

[1] По ссылке http://chirb.it/M6kNww можно послушать игру на травяном нивхском варгане қоңға чңыр, в исполнении З. Ангюн (Пример-30).

[1] Звучание бамбукового рамочного варгана айну, *муккури*, в анонимном исполнении можно послушать по ссылке http://chirb.it/ktqFmJ (Пример-31). Запись представлена Н.А. Мамчевой.

Альт динамически выступает. Однако все партии более или менее равны по динамике. Сопрано содержит наиболее разнообразную гемитонную мелодию, задействующую вдвое больше звуковысот, чем ангемитонный альт. Эту фактуру можно охарактеризовать как хорошо дифференцированный «дуплум», если воспользоваться терминологией западноевропейской теории полифонии. Полифоническая оппозиция сопрано и альта поддерживается сопровождением тенора и баса.

5. Деревянный варган. Дерево доступно в землях с умеренным мезо-термальным или континентальным микро-термальным климатом, круглогодично, длительного пользования, не прочно перпендикулярно волокнам. Изготовление варгана из дерева требует режущих и подтачивающих инструментов, сушка занимает несколько дней, а распиливание и резьба каменными инструментами – несколько часов [19], обработка затрудняется анизотропией, ортотропией, гигроскопичностью и отклонениями по качеству (узлы и спирали), что требует большого опыта. Звучание фоноинструмента имеет довольно звонкое бряканье, плотное и суховатое, с отчетливым стуком или "лязгом" при атаке звука, подчеркнутым при повышении интенсивности, яркий тон с заметным затуханием звука, кроме того для разных пород дерева характерно большое разнообразие по тону.

6. На рис. 1 (C) представлена спектральная фактура звучания ительменского деревянного варгана *варыга*[2]. Фактура музыки варгана состоит из 5 компонентов, из которых 3 средних мелодические. Бас выдерживает педальный тон. Дискант чередует несколько кластерных образований (одно главное, остальные вспомогательные) остинатного звучания. Три нижних партии одинаковы по амплитуде (их разница составляет всего 1 дБ – ниже предела динамической различимости гармонических компонентов). Это предполагает, что ведущими в этой фактуре выступают тенор и альт, хорошо контрастирующие друг другу – тенор использует 4 ангемитонные звуковысоты, а альт – 14 хроматических высот. Фактуру можно охарактеризовать как «триплум» полифонию тенора, альта и сопрано с аккомпанементом педальных баса и дисканта.

7. Костяной варган. Кость легкодоступна практически повсеместно, круглогодично, длительного пользования, не прочна перпендикулярно остеонам. Изготовление варгана из кости требует режущих и подтачивающих инструментов, сушка занимает несколько недель [28], распиливание каменными инструментами – несколько часов, а резьба – около одного дня [29] работа сильно осложняется анизотропией и гигроскопичностью – требуя особой экспертизы. Звучание фоноинструмента может быть охарактеризовано как "глуховатое" рокотание, приглушенный треск, менее определенный по тону, чем бамбук и дерево, более мягкий, хорошо закругленное затухание, довольно однородный тон средней яркости с длительным угасанием.

8. На рис. 1 (D) представлена фактура мансийского костяного варгана *тумран*[3]. Фактура состоит из 4 компонентов, из которых верхние 3 – мелодические. Динамически они похожи на (B), но тенор выделен чуть больше, предполагая его лидирующую роль. Однако в тоновом отношении 3 мелодические партии плохо дифференцированы. Фактура остается «триплум», как и (C), но более гомогенна.

9. Металлический варган. Металл (медь и ее сплавы, железо, сталь) – материал, имеющий трудный доступ к залежам, как правило, в горах, круглогодично, наиболее прочные и долговременные варганы. Требует извлечения руды и ее переработки, транспортировки, рытья ям для плавки, доставки угля, герметизации печи и оборудования для ковки, занимая часы на разведение огня [18], дни на ковку [17] и настройку [21], требует профессиональной экспертизы. Звенящий или жужжащий, резонансный, очень полный и богатый, самый яркий, четкий и однородный по тону из всех материалов, с самым длинным загасанием. Разные металлы дают большое разнообразие тонов. Металл, похоже, обеспечивает гораздо больший контроль над тонкими тональными деталями, чем неметаллические материалы.

10. Фактуру музыки металлического варгана рассмотрим на примере венгерского бронзового варгана *магияр доромб* [6], представленного на рис.1 (E). Фактура состоит всего из 3 компонентов с единственной мелодией в теноре. Это наиболее динамически интенсивная и мелодически богатая партия. Бас выдерживает педальный комплекс гармоник, а альт – остинатные чередования аккордовых кластеров. Фактура явно имеет гомофонный характер.

11. Далее обратим внимание на черные горизонтальные линии на рис.1. Они разделяют все 5 фактур на 3 группы по их общей сходности. Фактура травяного варгана (A) отстоит от других по максимальной полифонии и минимальной дифференциации партий. Фактура бронзового варгана (E) выделяется противоположной тенденцией – отсутствием полифонии и максимальной дифференциацией партий по тематическим функциям (педаль/мелодия/остинато). Фактуры бамбукового (B), деревянного (C) и костяного (D) варганов держат лишь некоторые партии в качестве мелодических – довольно дифференцированная простая полифония. Из них (C) имеет наивысшую дифференциацию, а (E) – низшую. Наиболее сложную фактуру (по общему числу компонентов, особенно мелодически активных, и по функциональным отношениям голосов фактуры) производят деревянные варганы.

Травяной и металлический дуговой варганы образуют 2 полюса фактурной аранжировки. Между ними находятся бамбуковый, костяной и деревянный рамочные варганы.

---

[3]Звучание мансийского костяного варгана *тумран* в исполнении О. Тихоновой можно послушать по ссылке http://chirb.it/e6reg6 (Пример-33).

Порядок возрастания дискретизации партий-компонентов спектральной фактуры совпадает с порядком возрастания сложности технологии изготовления и уменьшения доступности материала для широких слоев населения.

Группировка материалов в 3 класса – травы/кора/щепки, бамбук/кость/дерево, металлы/сплавы – оправдано не только сходством фактур варганной музыки, исполняемой на варганах, изготовленных из этих материалов. Распадение на 3 класса также происходит по качеству звука. Варганы, изготовленные из травы/коры/щепок, имеют характерный цокающий или щелкающий призвук. Варганы из бамбука/кости/дерева имеют более продолжительный дребезжащий и трескучий звук. Варганы из металлов и сплавов имеют еще более длительный, громкий и темброво богатый звук звенящего или жужжащего характера.

Каждый из этих 3 классов также соответствует своей манере звукоизвлечения [10, с.5355]: простого передвижения пальцев для травяных и щепочных варганов; щипания или дерганья за веревку для рамочных деревянных/бамбуковых/костяных варганов; и ударов для металлических дуговых инструментов. Разница в манере звукоизвлечения обязана различием в физических свойствах между материалами изготовления: деликатностью трав и щепок, большой эластичностью и неплохой упругостью деревянных пластин, и высокой упругостью металлов. Несомненно, разница в жестах звукоизвлечения имеет определяющее значение для фактурной организации компонентов спектра.

Хронологически не только технология изготовления варганов из разных материалов делает возможным расставить материалы по порядку. Металлические варганы безусловно появились позднее органических. Травяные варганы явно относятся к классу предварганов, предшествуя рамочным органическим варганам. Труднее определить порядок следования рамочных бамбуковых, деревянных и костяных варганов. Если технология изготовления бамбуковых инструментов выглядит существенно проще и общедоступнее, чем костяных и деревянных, то последние довольно близки по сложности. Музыковедческое сравнение аутентичных варганных традиций североазиатских народностей позволяет установить взаимовлияния культур, внося дополнительные уточнения по хронологии развития варганной музыки. Исследователь Ю.И. Шейкин считает, что «бамбуковый» период характеризует океанические культуры, эталонированные в *муккури* айну. Этот период, по его мнению, предшествовал костяному/деревянному» периоду народов сибирской тайги/тундры. Амурский регион же являлся конгломератом обеих традиций [14, с.132]. Нам представляется, что деревянный варган появился как заместитель бамбука при продвижении варганной традиции на север в результате культурных контактов. Кость же, скорее всего, заместила дерево при дальнейшей экспансии варгана на север, в зону тундры, где дерево становится недоступным. Тогда кость должна следовать после дерева.

Связь между металлом и гомофонией не прямая. Она также зависит от геометрической конфигурации варганной конструкции. Лишь дуговые металлические варганы обладают гомофонной фактурой. Рамочные латунные варганы способны исполнять фактуры типа триплум, типичные для бамбука и дерева, но проще по тоновой организации. А медные дуговые варганы могут исполнять дуплум фактуры. В целом, можно сказать, что варганная фактура имеет тенденцию к упрощению в металлических инструментах, особенно из стали (которые неизменно гомофоничны), по сравнению с органическими материалами.

Литература

1. Александрова, Н. Пластинчатые варганы в археологических памятниках междуречья Камы и Вятки / Н. Александрова ; под редакцией И. В. Мациевского. // Вопросы инструментоведения. – Санкт-Петербург : Российский институт истории искусств, 2017. – С. 83–91.

2. Бородовский, А. П. Древний резной рог Южной Сибири эпохи палеометалла : автореферат диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук / Бородовский Андрей Павлович. – Новосибирск, 2007. – 47 с.

3. Бородовский, А. П. Костяные варганы и их заготовки гунно-сарматского времени на территории Северного Алтая / А. П. Бородовский; Под редакцией А. П. Деревянко, В. И. Молодина. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2017. – С. 279–283.

4. Бродский [Богданов], И. А. Музыка народов Дальнего Востока СССР / И. А. Бродский. – Музыка Северного Сиянья, вып. 1. — Мелодия 33Д-033187-8. – Москва : Мелодия, 1972. – 2 с.

5. Голубкова, А. Н. Древние варганы Прикамья / А. Н. Голубкова, А. Г. Иванов. // Вестник Удмуртского университета. – 1997. – 8 т. – С. 93–107.

6. Данич, А. В. Исследование Баяновского могильника / А. В. Данич. // Труды КАЭЭ ПГГПУ. – Выпуск XI. – Пермь, 2016. – С. 36-43.

7. Добжанская, О. Э. Чукотские наигрыши на рамном варгане / О. Э. Добжанская. // Варган (хомус) и его музыка : материалы I Всесоюзной конференции, 1988. – Якутск, 1991. – С. 52-58.

8. Лещенко, Н. В. Средневековые музыкальные инструменты (по материалам памятников Приморья) / Н. В. Лещенко, С. Д. Прокопец. // Россия и АТР. – 2015. – Т. 4. – С. 222–235.

9. Мажитов, Н. А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. / Н. А. Мажитов. – Москва : Наука, 1981. – 160 с.

10. Мамчева, Н. А. Музыкальные инструменты в традиционной культуре нивхов / Н. А. Мажитов ; под редакцией Т. П. Роон. – Южно-Сахалинск : Сахалинская областная типография, 2012. – 382 с.

11.Никифорова, В. С. Некоторые особенности фольклорных наигрышей на якутском хомусе / В. С. Никифорова. // Варган (хомус) и его музыка : материалы I Всесоюзной конференции, 1988. – Якутск, 1991. – С. 43-51.

12.Пашковский, О. Дримби XIII – початку XVII ст. за археологічними знахідками / О. Пашковский. // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. – 2012. – Т. 12. – № 2. – С. 248–253.

13.Фёдоров, Г. Б. Итоги трёхлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии / Г. Б. Федоров. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1954. – Т. 56. – С. 8–23.

14.Шейкин, Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование / Ю. И. Шейкин ; под редакцией Е.С. Новик. – Москва : Восточная литература РАН, 2002. – 728 с.

15.Шульга, П. И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII-VI века до нашей эры). – Новосибирск : ИА ЭТ СО РАН, 2015. – 304 с.

16.Bar-Yosef O. Were bamboo tools made in prehistoric Southeast Asia? An experimental view from South China / O. Bar-Yosef [и др.] / Quaternary International. - 2012. - Т. 269. - Pp. 9–21.

17.Bronson B. Metals, specialization, and development in Early Eastern and Southern Asia // Craft Specialization and Social Evolution: In Memory of V. Gordon Childe / Ed. B. Wailes. Philadelphia, PA: The University Museum of Archaeology and Anthropology, University of Pennsylvania, 1996. Pp. 177–186.

18.Coghlan H.H. Prehistoric Copper and some Experiments in Smelting // Transactions of the Newcomen Society. 1939. Т. 20. № 1. Pp. 49–65.

19.Crabtree D.E., Davis E.L. Experimental manufacture of wooden implements with tools of flaked stone. // Science (New York, N.Y.). 1968. Т. 159. № 3813. Pp. 426–8.

20.Honeychurch W. Inner Asia and the spatial politics of empire: Archaeology, mobility, and culture contact. New York, NY: Springer New York, 2015. Pp. 1–321.

21.Jaago C. Estonian jew's harp stories: the reproduction and restoration of melody-play tradition // Telemark University College, 2009, 86 p.

22.Jordania J. Who Asked the First Question? The Origins of Human Choral Singing, Intelligence, Language and Speech. Tbilisi, Georgia: Logos, 2006. 460 p.

23.Huron D. Voice leading: The science behind a musical art. Cambridge, MA: The MIT Press, 2016. 1–263 с.

24.Kolltveit G. Jew's harps in European archaeology. Oxford UK: Archaeopress, 2006. 264 p.

25.Kolltveit G. Jew's Harps of Bone, Wood and Metal How to Understand Construction, Classification and Chronology // Studien zur Musikarchäologie / Eds. R. Eichmann, J. Fang, L.-C. Koch. Rahden, Westfalia: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2016. Pp. 63–73.

26.Kolltveit G. The Jew's Harp in Western Europe: Trade, communication, and innovation, 1150-1500 // Yearbook for Traditional Music. 2009. Т. 41. Pp. 42–61.

27.Nikolsky A. "Talking Jew's Harp" and Its Relation to Vowel Harmony as a Paradigm of Formative Influence of Music on Language // The Origins of Language Revisited: Differentiation from Music and the Emergence of Neurodiversity and Autism / Ed. N. Masataka. Singapore: Springer Nature, 2020. С. 217–322.

28.Robinson E. Shell fishhooks of the California Coast // Occasional papers of the Bernice Pauahi Bishop Museum of Polynesian Ethnology and Natural History. 1942. Т. 17. № 4. Pp. 1–65.

29.Sidéra I. Fabriquer des cuillers en os: L'exemple de Kovacevo // Studia praehistorica. 2011. Т. 14. Pp. 55–62.

30.Tadagawa L. Asian Excavated Jew's Harps: A Checklist (1) - Lamellate Jew's Harps (1) // Institute of Ethnomusicology Bulletin of Tokyo College of Music. 2016. Т. 5. Pp. 57–70.

31.Tadagawa L. Asian Excavated Jew's Harps: A Checklist (2) - Lamellate Jew's Harps (2) // Institute of Ethnomusicology Bulletin of Tokyo College of Music. 2017. Т. 6. Pp. 57–68.

32.Tadagawa L. Asian Excavated Jew's Harps: A Checklist // Journal of the International Jew's Harp Society. 2007. Т. 4. Pp. 5–11.

Таблица 1- Наиболее ранние конструкции варганов, найденные археологами[5]

№	Тип варгана	Местонахождение	Страна	Кластер	Датировка	Источник
1	Костяной идиоглотический (2)	Шуйцюань, Цзяньпин, Ляонин	Китай	I	2146-1029 до н. э.	Kolltveit 2016 (25)
2	Костяной идиоглотический (1)	Сяцзядянь, Чифэн	Китай	I	1200-600 до н. э.	Honeychurch 2015 (20)
3	Бамбуковый идиоглотический (4)	Яньцин, Пекин	Китай	I	770-403 до н. э.	Tadagawa 2016 (30)
4	Бамбуковый идиоглотический (5)	Юхуанмяо, Сычуань	Китай	I	700-600 до н. э.	Шульга 2015 (15)
5	Костяной идиоглотический (4)	Чжуньдушань, Хэбэй	Китай	I	700-500 до н. э.	Honeychurch 2015 (20)
6	Бамбуковый футляр (1)	Баоцзян, Шэньси	Китай	I	576-536 до н. э.	Tadagawa 2017 (31)
7	Костяной идиоглотический (1)	Дубровинский Борок, Колыванский район, Новосибирская область	Россия	III	300-100 до н. э.	Бородовский 2007 (2)
8	Костяной идиоглотический (1)	Морин Тогой, Алтанбулаг Соум, Тув Аймаг	Монголия	II	300 до н. э.-100 н. э.	Honeychurch 2015 (20)
9	Костяной идиоглотический (4)	Черемшанка и Чултуков, Алтай	Россия	II	300 до н. э.-600 н. э.	Бородовский 2017 (3)
10	Костяной идиоглотический (1)	Аймырлыг XXXI, Тува	Россия	II	200 до н. э.	Tadagawa 2016 (30)
11	Костяной идиоглотический (1)	Махонинское, Частинский район, Пермский край	Россия	III	200 до н. э.-300 н. э.	Александрова 2017 (1)
12	Медный идиоглотический (1)	Усть-брыкинский, Лаишевский район, Татарстан	Россия	III	300-500 н. э.	Александрова 2017 (1)
13	Костяной (7), бронзовый (22) идиоглотические	Прикамье, Удмуртия, Башкорстан, и Кировский район, Пермский край	Россия	III	300-1300	Голубкова, Иванов 1997 (5)
14	Костяной идиоглотический (2)	Сахсар, Хакассия	Россия	II, III	400-500	Tadagawa 2016 (30)
15	Железный идиоглотический (1)	Андрианов Ключ, Партизанский район, Приморский край	Россия	V	500-600	Лещенко, Прокопец 2015 (8)
16	Железный идиоглотический (3)	Николаевское, Шайгинское и Смольнинское, Михайловский район, Приморский край	Россия	V	698-926	Лещенко, Прокопец 2015 (8)

[5]Нумерация отражает хронологический порядок. Колонка «Тип варгана» показывает материал изготовления, тип конструкции и число найденных варганов. Колонка «Источник» показывает ссылки на публикации, описывающие найденные изделия. Колонка «Кластер» соответствует номеру кластера. Хронология ограничена XIII-XIV веками – до начала массового производства варганов в Европейских городах для экспорта в европейские колонии и зависимые от европейских доминионов страны.

17	Железный гетероглотический (2)	Храм Хикава, Омия, Сайтама	Япония	V	900-950	Tadagawa 2007 (32)
18	Серебряный идиоглотический (1)	Иделбаевские Курганы, Салаватский район, Башкорстан	Россия	III	900-1000	Мажитов 1981 (9)
19	Железный гетероглотический (1)	Екимауцы, Резинский район	Молдова	IV	900-1000	Фёдоров 1954 (13)
20	Костяной (2), бронзовый (2) идиоглотические	Танкеевский, Болгарский Некрополь, Спасский район, Татарстан	Россия	III	900-1100	Александрова 2017 (1)
21	Железный гетероглотический (1)	Глухов, Сумская область	Украина	IV	XIII век	Пашковский 2012 (12)
22	Железный гетероглотический (1)	Упсала	Швеция	VI	XIII век	Kolltveit 2006 (24)
23	Медный гетероглотический (5)	Рига, Сканор, Рибе, Грейсвальд, Гамбург	Латвия, Швеция, Германия	VI	XIII-XIV века	Kolltveit 2009 (25)

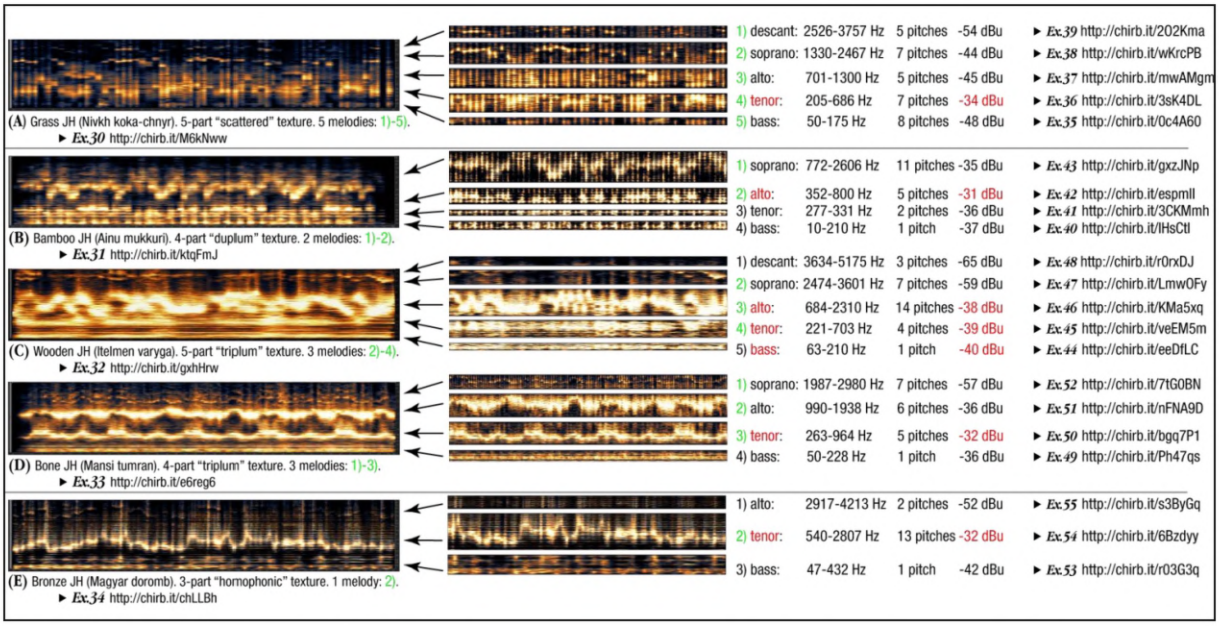

Рисунок 1. Спектральные фактуры музыки, исполненной на варганах, сделанных из пяти разных материалов

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОЕКТНОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 008

Э. Винсент-Ферия, Ф. Винсент-Ферия

ФОРМЫ, КОНТЕКСТ И ГУМАННОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ МОСТЫ АГИКИ

Французские художники-исследователи Элуа и Франсуаз Винсент-Ферия, VINCENT+FERIA («V+F») были приглашены в Якутск для участия в организации Международной биеннале современного искусства в 2012 году. С тех пор дуэт «V+F» установил тесное и плодотворное сотрудничество с Арктическим государственным институтом культуры и искусств (АГИКИ). Посредством семинаров, мастер-классов, выставок и бесед им удалось навести мосты между различными западными культурами и культурами северовостока Российской Федерации, чтобы обсудить множество важных и интересных вопросов, связанных с изменением экологии, развитием искусства, направленного на познание и распространение художественных и культурных проблем региона, страны, города.

Ключевые слова: *современное искусство, традиции, полярные зоны, межкультурность, трансдисциплинарность, передача знаний, экология, формы, контекст и гуманность в современном искусстве.*

Eloy Vincent-Feria, Françoise Vincent-Feria

FORMS, CONTEXT AND HUMANITY IN CONTEMPORARY ART: THE INTERNATIONAL BRIDGES OF AGIKI

In the article, the artist-researchers Elois Vincent-Feria, Françoise Vincent-Feria write about the productive experience of interaction with the Arctic Institute of Culture and Arts in the framework of the Biennale of Contemporary Art since 2012. The authors are participants in many expeditions, international art projects, conferences on globalization, environment and ecology, study the traditional and contemporary art of the peoples of the Arctic zone.

Keywords: *geopolitics, globalization, traditional art, folklore, contemporary art, biennial of visual art, art history, ecology, education.*

Для нас огромное удовольствие участвовать в конференции по случаю юбилея Арктического государственного института культуры и искусств (АГИКИ), учебного заведения, которое является носителем арктической культуры! Мы рассматриваем АГИКИ как посредника в передаче особых знаний подрастающим поколениям в уникальной области – Арктики. Ваш институт стал важным местом, необходимым для развития искусства, его форм и проявлений, его эстетических и человеческих особенностей во времена глобализации. Заинтересованный в знаниях арктического региона, которыми владеют жители Крайнего Севера, способами жизни в Сибири, наследием Республики Саха, наш творческий дуэт художников – «V+F»[1] познакомился с АГИКИ в 2012 году. Это знакомство благоприятствовало развитию наших отношений, поиску новых творческих и исследовательских подходов и позволило нам много плодотворно сотрудничать. Благодаря художественной биеннале, организованной молодыми якутскими музеологами в 2010 году, мы многое узнали о городе и его художниках. Республика Саха приобрела важную роль и влияние как в национальной, так и в международной художественной системе. Якутская биеннале – одно из культурных событий, способствующих развитию контактов с регионом и народами Арктики. Сегодня мы осведомлены об экономическом и геополитическом положении Арктики, вызванном в значительной степени таянием

[1] VINCENT + FERIA о своем художественном кредо: «Наши исследования имеют цель изучить новые художественные формы или формы, которые лежат на поверхности, они вписываются в междисциплинарный подход и ориентируются на размышления об искусстве в нашем современном обществе в период глобализации. Несколько наших трудов означают нашу заявку в этот творческий поиск. Зоны исследования: Антарктическая перспектива 2003-2004, Издательство Халлака 2007; ПостПост Антарктика. Перформативные состояния, Издательство Халлака Париж, 2010; Южный Полюс, Северный Полюс, Полюса теории, Издательство Халлака Париж, 2014, Ни Отоктон, Ни Контемпорен, Издательство Халлака, Париж, 2016 год.

льда, а также связанное с развитием региона, повторным открытием его портов, новых морских путей, разработкой природных богатств, найденных в её недрах. Арктика стала одним из главных направлений в изучении глобального потепления. Художники, как члены гражданского общества, тоже участвуют в работах и дебатах, которые проводятся по всему миру, посредством выставок, конференций и других форм деятельности.

Неоднократное посещение республики, совместная работа над проектами, творческое взаимодействие в течение определенного времени, встречи и беседы с людьми, дали нам более полное ощущение региона, облегчили познание и взаимопонимание. Мы считаем, что следует отправлять молодых художников знакомиться с местным населением, а затем представлять их работы на передвижных выставках как на Крайнем Севере, так в западных музеях и галереях!

Продолжая исследования традиционного искусства коренных народов, художники-преподаватели АГИКИ вместе со своими студентами должны создавать новые образы, новые декоративные формы и развивать новаторские и другие формы творчества. Следует помнить о богатой коллекции предметов и картин, хранящейся в музеях, в частности, в Музее изобразительных искусств Республики Саха в Якутске, который играет ведущую роль в организации и проведении различных биеннале, международных арт-показов в Якутске.

Нам выпал счастливый случай посетить эти учреждения, где нас тепло приветствовали и дали нам возможность познакомиться и проводить обмены с художественным сообществом Якутска.

В 2014 году на BY14 под названием «ВОДА: ТРИ СОСТОЯНИЯ ВОДЫ» (твердое тело, жидкость, газ) были приглашены 14 художников из разных стран (Франция, Португалия, Алжир, Бразилия, Венесуэла), чтобы «пережить совместный опыт» и поделиться чувствами, познакомиться с художниками разных поколений Республики Саха. Художественные предложения экспонировались в залах и пространствах музея, а также в различных местах города. Были созданы разнообразные, красочные, праздничные работы, выпущена газета тиражом в тысячу экземпляров.

Другие версии биеннале – BY16, BY18, Арктическая биеннале 2018 года – продемонстрировали богатые достижения в эстетических вопросах, подтвердили готовность и открытость города Якутска новым художественным практикам, и отношение к искусству как стратегической цели для развития меняющегося и взаимосвязанного города.

Приглашенные художники из-за пределов Российской Федерации на выставках и презентациях рассказывали о личном художественном опыте, о своем открытии региона, о впечатлениях и переживаниях, которые испытали в Якутске. Направление работы выставки, размышления участников о проблемах природы и состоянии экосистем, в частности, воды, привели в итоге к некоторым художественным предложениям и стали важной вехой в стремлении к эстетическим исследованиям. Речь идет не об инструментализации вопроса, ограничении себя иллюстрацией или представлением природы, а о поиске средств и новых подходов, которые позволили бы как можно большему количеству людей узнать об экологических проблемах, о таянии вечной мерзлоты и вырубке сибирских лесов, о наблюдаемых мутациях и т. д., а также способам привлечь внимание к вопросам и спорам, которые эти явления вызывают.

Мы приветствуем инициативы деятелей культуры и художников в организации многих культурных мероприятий, которые проводятся здесь, в Якутске: Фестиваль Солнца, Международный кинофестиваль, Фестиваль рок-музыки, национальные театральные программы, многочисленные ярмарки, которые наполнили нас радостью и принесли удивительные познания. Эти мероприятия в значительной степени разрабатываются и воплощаются в жизнь художниками-преподавателями АГИКИ и их студентами. Межкультурный характер этих событий и мероприятий ведет к трансдисциплинарности и открывает доступ к другим дисциплинам, которые также изучаются в республике: архитектура, культурология, прикладные и экономические науки, география, туризм и другие. Мы установили плодотворные отношения с некоторыми исследователями и должны продолжать наводить мосты для взаимного обмена знаниями. Изучение иностранных языков и овладение молодыми якутянами практикой перевода при поддержке французского отделения Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова также сыграли решающую роль и дополнили широкий спектр исследований в области искусства.

Искусство как наука о человеке должно стать ключевым моментом в научных исследованиях, посвященных изучению глобального потепления, ведущего к исчезновению части нашей экосистемы и нарушению жизни на Земле. Сегодня от художников требуется чуткое и внимательное отношение к этим проблемам и создание новых творческих методов и подходов.

В эпоху антропоцена, созданного на Земле «человеческим фактором», требуется изменение подходов. Инициативы такого института, как АГИКИ, его активная работа с партнерами по Арктике, безусловно, усиливает осознание необходимости защиты Матери Земли[2].

---

[2] Здесь связь с философией Буэн Вериро, одного из представителей американских индейцев, введенной в Конституцию народов, относящихся к Андам: Эквадора, Перу, Боливии, призывающей защитить Мать-кормилицу («Пача Маму») на базе древних знаний.

УДК 378.67(571.6)

С. Е. Ануфриев, Н. В. Тригалева, О. И. Зотова

К ВОПРОСУ ВЫСШЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Статья посвящена трем учебным заведениям, связанным с высшим художественным образованием на Дальнем Востоке: Дальневосточному государственному институту искусств, Хабаровскому государственному педагогическому институту (в настоящее время Тихоокеанский государственный университет), Региональному отделению «Урал, Сибирь и Дальний Восток» Российской академии художеств в г. Красноярске. Живописный факультет во Владивостоке, художественно-графический факультет в Хабаровске и творческие мастерские в г. Красноярске дают основную массу профессиональных художников с высшим профессиональным образованием на Дальнем Востоке. В статье говорится об истории создания, специфике развития, педагогическом составе.

Ключевые слова: *высшее художественное образование; Дальневосточный государственный институт искусств; хабаровский худграф; творческие мастерские РАХ.*

S. Anufriev, N. Trigaleva, O. Zotova

ON THE ISSUE OF HIGHER ART EDUCATION IN THE FAR EAST: HISTORY AND CONTEMPORANEITY

The article is devoted to three educational institutions associated with higher art education in the Far East: the Far Eastern state Institute of arts, the Khabarovsk state pedagogical Institute (currently the Pacific state University), and the regional branch of the Ural, Siberia and Far East of the Russian Academy of arts in Krasnoyarsk. The faculty of painting in Vladivostok, the faculty of art and graphics in Khabarovsk, and creative workshops in Krasnoyarsk provide the bulk of professional artists with higher professional education in the Far East. The article tells about the history of creation, the specifics of development, and the teaching staff.

Keywords: *higher art education; Far Eastern state Institute of arts; Khabarovsk khudgraf; creative workshops of the Russian Academy of Arts*

До второй половины XX века художественное образование на Дальнем Востоке можно было получить только в средних специальных учебных заведениях: Благовещенское педагогическое училище (старейшее на Дальнем Востоке учебное заведение среднего профессионального образования, включавшее в свой состав художественно-графическое отделение), Владивостокское художественное училище, Биробиджанское педагогическое училище (художественно-графическое отделение), Якутское художественное училище им. П. П. Романова.

В 1959 году был организован художественно-графический факультет Хабаровского государственного педагогического института, для преподавания на котором были приглашены педагоги, влиявшие не только на уровень образования, но и своим участием в выставках на общий художественный уровень [5]. С началом деятельности факультета связывают деятельность двух преподавателей Е. И. Потаповой и Е. И. Вольгушева (окончил художественно-графический факультет Московского педагогического института им. Потемкина). По сведениям, приведенным в статье В. Шишкиной «в числе первых педагогов по специальным художественным дисциплинам были Л. А. Альбинский, А. М. Максимовский, Б. С. Павлов, Б. С. Петров, А. П. Плахов, В. М. Соломенцев, В. И. Ярошенко и др. В число педагогов факультета входили Г. М. Кутуров, А. И. Бельды, С. М. Федотов, Е. М. Фентисов, В. Е. Девятко. …Особое слово следует сказать о педагогах-графиках. Время 1970-х годов характерно сложившимся на факультете сильным творческим коллективом (Е. И. Вольгушев, Д. А. Романюк и более молодые художники Е. В. Бурлов, А. В. Гуриков, Г. М. Кутуров, С. П. Заровный, В. А. Смирнов, В. К. Амельянчик, В. В. Артеменко, позднее А. В. Макашин и др.)» [6]. Художественно-графический факультет Хабаровского государственного педагогического института в 1970-е становится одним из центров подготовки художников на Дальнем Востоке. Так, благодаря Е. И. Вольгушеву была создана мастерская, в которой студенты осваивали различные техники тиражной графики. Художники-графики работали в техниках линогравюры, литографии, офорта, а также монотипии. В этот период были сформированы специфические черты, отчетливо проявившиеся в творчестве педагогов и выпускников худграфа. Выезжая на пленэры по краю, художники приобщались к национальной культуре коренных малочисленных народов Приамурья, ощущали единство культурного пространства территории. Тематика картин и графических произведений отражала интерес художников к мультикультурной ситуации, впоследствии ряд произведений был включен в художественный проект «Люди Амура», сопровождавшийся альбомом-

каталогом [4]. В. Шишкина пишет: «Именно наши педагоги смогли …увидеть окружающее культурное пространство через глубь веков, а ведь тогда, в 1970-е годы, публикаций о дальневосточном искусстве было не так уж много. Замечательно, как это делалось: не только через факультативы и спецкурсы (К. П. Хомутова, Л. С. Букатова), но и получало естественное продолжение в творчестве самих художников-педагогов» [6]. Там же в связи с худграфом она говорит и о важном аспекте в развитии дальневосточной графики, о смелых поисках и экспериментах, выразившихся в «композиционной организации листов и раскрытии новых возможностей классических, трудоемких техник станковой графики» [6].

Эмоционально и точно пишет о художниках-преподавателях А. Лепетухин, сам отдавший немало сил педагогической деятельности на худграфе: о Е. М. Фетисове «он был учителем учителей. Поэтому влияние его на дальневосточное искусство простирается далеко за пределами его физической жизни», о С. М. Федотове «своим трудом нарастил культурный слой в нашем, таком молодом по историческим меркам Хабаровске», о С. П. Заровном «…стал графиком № 1 в тогдашнем СССР. Мастером и учителем», о Е. В. Бурлове «педагог Евгений Васильевич истовый…» [3].

В 1962 году был организован Дальневосточный педагогический институт искусств с музыкальным, театральным и художественным факультетами [1] (назывался так до 1992 года, с 1992 по 2000 – Дальневосточный государственный институт искусств, с 2000 – Дальневосточная государственная академия искусств, с 2016 вновь Дальневосточный государственный институт искусств). Этот шаг был обусловлен ситуацией с кадрами в творческих организациях, которую первый ректор института Г. В. Васильев в докладной записке министру культуры РСФСР А. И. Попову назвал «катастрофически плохой» [1]. В. А. Гончаренко, декан института, а с 1973 по 1993 ректор, пишет, что открытие вуза во Владивостоке было воспринято художниками (в том числе), как «подарок судьбы, нежданный-негаданный шанс. И, надо сказать, его использовали каждый в полную меру своих сил. Из них *(студентов первого выпуска – прим. авт.)* вышли яркие художники и замечательные педагоги: Ю. И. Волков, О. П. Григорьев, И. А. Ионченков, Д. П. Косницкий, П. Я. Рогаль, В. А. Снытко, Ю. В. Собченко, В. Н. Старовойтов, Г. М. Цаплин. Особо выделяю С. А. Литвинова, выросшего в нашей Академии, первого профессора от живописи на Дальнем Востоке, целиком и полностью сформированного художественной жизнью Приморья» [2].

Во вновь образованный институт на преподавательскую работу пришли выпускники художественных вузов Ленинграда и Москвы – В. А. Гончаренко, К. И. Шебеко, В. И. Кандыба (искусствовед) – Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, В. Н. Доронин, В. И. Бочанцев – Московский художественный институт им. В. И. Сурикова. В 1967 году на педагогическую стезю ступили С. А. Литвинов и Ю. В. Собченко из числа выпускников института первого выпуска. В 1977 году в число преподавателей вошел Н. П. Жоголев (Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина). Их педагогическая и творческая работа, участие в выставках, творчество учеников сделали художественную жизнь региона «органичной, равноправной, творчески самобытной частью общероссийской жизни» [2]. Поступать на художественный факультет в ДВГИИ стали не только выпускники Владивостокского художественного училища, но училищ Сибири и центральной России (Иркутское, Новоалтайское, Ивановское, Рязанское и др.).

Художественный факультет В. А. Гончаренко характеризует как «исключительно живописный»: в связи с тем, что приехавший по распределению О. Иванов (график) вернулся в Ленинград для поступления в аспирантуру «замысел воспитывать графиков был оставлен» [2]. Собственно, таким образом произошло некоторое распределение сил между Хабаровском и Владивостоком по подготовке художественных сил.

Сегодня выпускники Дальневосточного государственного института искусств работают не только в городах Дальнего Востока, но и других регионах, в Санкт-Петербурге, в Москве.

Выпускниками Дальневосточного государственного института искусств являются члены-кореспонденты РАХ А. Д. Васильев (Якутск) и М. В. Холмогорова (Владивосток). Академик РАХ К. Б. Кузьминых (Магадан) окончил и художественно-графический факультет Хабаровского государственного педагогического института, и художественный факультет Дальневосточной государственной академии искусств. Все они являются активными участниками творческой и выставочной деятельности Регионального отделения Урала, Сибири и Дальнего Востока Российской академии художеств.

Сибирско-Дальневосточное отделение Академии художеств СССР (так оно называлось до 1991 года и присоединения в 1992 г. Урала) было основано в 1987 году. Если не считать формально провозглашённых, но уже никем всерьёз не воспринимаемых, задач по коммунистическому и эстетическому воспитанию советских трудящихся, то его основными целями были следующие.

В первую очередь, отделение должно было стать организационным центром, объединяющим членов Академии, проживающих на территории от Башкирии до Приморья (с некоторыми вариациями за прошедшие 30 с лишним лет) и дающим им чувство сопричастности с Академией. В первый состав отделения входили сначала 5, и, вскоре 8 академиков и членов-корреспондентов. Это были Борис Ряузов (Красноярск), Афанасий Осипов (Якутск), Анатолий Левитин (Ленинград), Алексей Либеров (Омск), Анатолий Алексеев (Иркутск), скульптор Лев Головницкий (Екатеринбург) и архитектор из Новосибирска Анатолий Воловик. Сейчас в составе Регионального отделения 14 академиков и 14 членов-корреспондентов из Барнаула, Благовещенска, Владивостока, Горно-Алтайска, Екатеринбурга, Красноярска, Магадана, Новокузнецка, Новосибирска, Омска, Улан-Удэ, Хабаровска, Ханты-Мансийска, Челябинска и Якутска. Всего же за время существования Отделения в его составе есть и было 62 члена.

Не менее важной задачей являлось распространение на регионы профессионального художественного образования. Не случайно одновременно с отделением в 1987-1988 были созданы Творческие мастерские живописи, скульптуры и графики АХ СССР в Красноярске и Красноярский художественный институт. Благодаря этому Красноярск стал третьим в стране после Москвы и Санкт-Петербурга городом, где представлены все звенья образовательного процесса в области изобразительного искусства. За эти годы общая численность выпускников Творческих мастерских живописи, скульптуры и графики РАХ в Красноярске превысила 120 человек. Трое из них в дальнейшем стали членами-корреспондентами РАХ, трое – академиками, трое – почётными членами РАХ. Многие академики, члены-корреспонденты и выпускники творческих мастерских занимались преподавательской деятельностью в учебных заведениях на своих территориях. Сегодня влияние Академии художеств на образовательный процесс уменьшилось в силу уменьшения численности членов отделения, занятых в сфере преподавания, и по причине того, что сейчас РАХ не имеет лицензии на образовательную деятельность., хотя два с половиной века была основной кузницей художественных кадров в России.

На этом фоне деятельность творческих мастерских РАХ в Красноярске приобретает особую ценность, потому что даёт возможность пусть и ограниченному количеству молодых художников региона, под руководством опытных наставников из числа академиков и членов-корреспондентов Российской академии художеств, посвятить три года своей жизни совершенствованию профессионального мастерства в условиях относительного материального благополучия. Всем принятым сюда предоставляются индивидуальная мастерская, должность художника-стажёра с небольшой, но стабильной зарплатой и, для иногородних, служебная квартира. За счёт средств Академии в собственном выставочном зале для них организуются отчётные выставки выпускников, сопровождающиеся изданием каталогов. Показательно, что большинство из стажёров и выпускников творческих мастерских получили своё предшествующее художественное образование именно в своих регионах. По состоянию на 2019 год лидировал Красноярский художественный институт, 79 выпускников которого прошли через Творческие мастерские. Но также надо иметь ввиду то обстоятельство, что в 1990 – начале 2000-х гг. немногие могли поехать на три года учёбы в другой город из-за экономических причин. Среди стажеров - 11 человек окончили институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина в Ленинграде/Санкт-Петербурге, Московский художественный институт им. В. И. Сурикова – 4 художника, 9 человек окончили Дальневосточный государственный институт искусств. Единичными случаями представлены другие вузы, например, Пермский государственный институт искусств и культуры, художественно-графические факультеты Новосибирского и Омского государственных педагогических институтов, Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной и Московское высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское), и другие. Четверо выпускников Творческих мастерских являются питомцами факультета изобразительных искусств «Арктического государственного института культуры и искусств», созданного в 2000 году, в г. Якутске, на базе Красноярского государственного художественного института. Что характерно: дальневосточники – живописцы, а выходцы из Якутии – графики. И те, и другие своими специализациями как будто иллюстрируют наиболее сильные стороны локальных школ изобразительного искусства. На этом фоне художественное образование Дальнего Востока выглядит вполне достойно.

Третьим направлением являлась выставочная деятельность, прежде всего, выставки произведений членов отделения и отчётные выставки творческих мастерских РАХ в Красноярске (их проведено уже 20). Начиная с 1996 года, когда в отделении появился собственный выставочный зал, ежегодно проходили и проходят персональные выставки академиков и членов-корреспондентов РАХ. Непосредственно отделением с момента основания по май 2017 г. было проведено 132 выставки, из которых 100 – после 2002 г. Сейчас отделение проводит в собственном зале по 10-12 выставок в год, и от 2 до 5 выставочных проектов на других площадках. Не так часты, как хотелось бы, но есть случаи, когда персональная выставка становилась для художника первым шагом к получению академических наград и вступлению в Академию. Периодически создаются экспозиции, так или иначе связанные с художественным образованием. Среди них – выставка-конкурс детского творчества «Герои Пушкина и Я», Всероссийская выставка дипломных работ художественных вузов России, выставки, посвящённые 95-летию и 100-летию Красноярской детской художественной школы имени В. И. Сурикова, выставки работ преподавателей и студентов художественных училищ Сибири и выставка студенческих работ, посвящённая 20-летию Красноярского государственного художественного института. Отделение продуктивно сотрудничает с Союзами художников региона. В первую очередь, это Красноярск, но достаточно активно идёт взаимодействие с отделениями Союза художников России Новосибирска, Омска, Томска, Новокузнецка, Иркутска, Якутска, Владивостока, Тюмени, Комсомольска-на-Амуре, Хабаровска и других. Всего же со времени основания и по сей день Региональным отделением УСДВ РАХ непосредственно, либо с участием иных институций было проведено 64 выставки произведений художников региона, не входящих в состав Академии художеств. В частности, яркими и запоминающимися событиями были персональные и групповые выставки художников Дальнего Востока, среди участников которых были выпускники ДВГИ С. В. Гурьев, М. В. Холмогорова, В. П. Лаханский, Е. В. Зверев, В. А. Серов и др. Своеобразным колористическим видением мира и экспрессивной манерой живописи впечатляли работы выпускников художественно-графического факультета Хабаровского государственного педагогического института В. П. Хрустова, В. С. Листрового, А. А. Павленковича и других. Стоит отметить, что

сотрудничество Регионального отделения УСДВ РАХ с художниками Дальнего Востока заметно активизировалось после 2010 года и продолжает энергично развиваться.

Важным направлением деятельности отделения стала издательская работа. Сотрудниками отделения в Красноярске выпущены каталоги всех отчётных выставок творческих мастерских, научно-художественные альбомы к 20, 25 и 30-летним юбилеям отделения, альбомы-каталоги больших выставочных проектов, сборники проведённых отделением научно-практических конференций. В 2019 году начат выпуск в бумажном и электронном вариантах научно-практического журнала «Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока», уже получивший признание ведущих искусствоведов региона и имеющий статус РИНЦ.

Научная работа, так или иначе связанная вопросами культуры и искусства, изначально входила в сферу деятельности отделения. Им были проведены такие мероприятия, как научная конференция «Музей и современный художественный процесс» (1989) и семинар искусствоведов «Проблемы художественного наследия в искусстве советского и зарубежного Востока» (1990). Начиная с 2009 года отделение проводит региональные и всероссийские конференции практически ежегодно, к настоящему времени их состоялось девять. К сожалению, низведение РАХ до статуса одной из отраслевых академий в составе Российской академии наук и подчинение РАХ, ранее подведомственной Администрации Президента РФ, отделу науки и образования Министерства культуры, затруднили научную, творческую и выставочную деятельность. Вместе с тем роль Регионального отделения академии и в плане выставочной активности, и в том, что касается мониторинга художественной жизни территорий, выявления наиболее интересных авторов и включения их в состав Российской академии художеств, и в консолидации вокруг себя искусствоведческих сил региона очень важна. Как бы то ни было, другой структуры, способной быть связующим звеном между культурными процессами на обширных территориях Урала, Сибири и Дальнего Востока, не существует.

Литература:

1. Дальневосточная академия искусств: 1962-2012. - Владивосток, 2012.
2. Дальневосточная государственная академия искусств : воспоминания и материалы / составитель С. А. Айзенштадт ; редактор А. А. Смородинова. - Владивосток : ДВГАИ, 2002. - Вып.1. - 2002. - С. 12, 14.
3. Лепетухин, А. Вчера, сегодня, всегда. Очерки, воспоминания, эссе о художниках и художественной жизни / А. Лепетухин. - Хабаровск, 2015.
4. Люди Амура. Этно-культурные традиции народов Приамурья в творчестве художников России. XX век. - Хабаровск, 2008. - 127 с. : ил. .
5. Художники Хабаровского края : альбом / авторы-составители: Т. А. Давыдова [и др.]. – Хабаровск, 2011. – 400 с. : ил.
6. Шишкина В. Жил-был худграф… Словесница искусств / В. Шишкина. Режим доступа: URL: https://www.slovoart.ru/node/1679.Дата обращение 26.10.2020

УДК 378.67(571.56)

Н. В. Николаева

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ В СТАНОВЛЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Natalia Nikolaeva

THE ROLE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF ARTS IN THE FORMATION OF ARTS EDUCATION IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

The author is a painter who studied at the Krasnoyarsk Painting Workshop, a branch of the Russian Academy of Fine Arts. The author describes the role of the Russian Academy of Fine Arts in the artistic of Yakutia.

Key words: *the art of the Republic of Sakha, the Russian Academy of Fine Arts, the art education of Yakutia, the development of regional art.*

Начало XX века – период коренных изменений в укладе жизни всей России, Якутия также не осталась в стороне от революционных преобразований. Началось строительство новой культуры советского человека, связанной с ожиданием лучшей жизни, с реформы системы народного образования, ликвидации неграмотности населения, начала бурной культурно-просветительской работы. Большое внимание уделялось обучению на родном языке, развитию национальных школ во всех регионах страны. В 1934 году было открыто первое высшее учебное заведение – Якутский педагогический институт, в котором готовились национальные кадры учителей для всей Якутии. Острая нехватка национальных кадров квалифицированных учителей рисования и черчения, а также профессиональных художников в различных сферах искусства содействовало становлению художественного образования в Якутии. Постановлением Совета народных комиссаров ЯАССР № 233, «Об организации художественного училища в городе Якутске», в 1945 году [3], состоялся первый набор студентов в Якутское художественное училище, дающее среднее специальное образование. В основу обучения легли методики обучения специальным предметам разработанные Всероссийской академией художеств, Министерством культуры СССР, преподавать в училище стали выпускники центральных художественных училищ и вузов. Первые же обучаемые показали высокий качественный уровень, многие выпускники училища стали первыми национальными профессиональными художниками Якутии, искусство которых определило пути развития художественной жизни на многие года, и по сей день, выпускники училища составляют костяк творческого пространства Республики Саха (Якутия).

Новая веха в системе художественного образования Якутии связана с открытием в 1994 году, по распоряжению первого Президента Республики Саха (Якутия) Михаила Ефимовича Николаева, филиала Красноярского государственного художественного института в Якутске, созданный по инициативе академика РАХ, художника-живописца Афанасия Николаевича Осипова, члена-корреспондента РАХ, искусствоведа Иннокентия Афанасьевича Потапова и члена-корреспондента РАХ, художника-графика Афанасия Петровича Мунхалова. Ведущими преподавателями стали выпускники творческих мастерских отделения «Урал, Сибирь, Дальний Восток» Российской академии художеств в Красноярске – Артур Дмитриевич Васильев, Эдуард Иннокентьевич Пахомов, Туйаара Ефимовна Шапошникова.

Хочется рассказать о творческих мастерских Российской академии художеств - это исключительное явление художественной культуры России, важное звено и высшая ступень трехуровневой системы академического художественного образования. С 1947 года в разное время, творческие мастерские при отделениях РАХ были открыты в региональных центрах, охватывающих всю территорию России: в Москве, в Санкт-Петербурге, в Казани, в Красноярске, в Ростове–на-Дону, у истоков их создания стояли крупнейшие российские художники середины XX века.

Отделение «Урал, Сибирь, Дальний Восток» Российской Академии художеств было открыто в марте 1987 года [4]. В разное время его возглавляли такие выдающиеся советские Мастера, как академики Анатолий Иванович Алексеев, Лев Николаевич Головницкий, Юрий Павлович Ишханов, Анатолий Павлович Левитин, с 2017 года отделение УСДВ РАХ возглавляет академик РАХ – Сергей Евгеньевич Ануфриев.

Это первые творческие мастерские, включающие в себя: «мастерскую живописи», «мастерскую графики» и «мастерскую скульптуры».

Мастерской живописи с 1987 года руководил народный художник РСФСР, академик и вице-президент Российской академии художеств Анатолий Павлович Левитин (1922-2018).

Анатолий Павлович, так высказался о своем выборе стажеров в творческую мастерскую: «Самое

главное – увидеть в людях зародыш самостоятельного творчества. Понимаете, не всякий, кто умеет хорошо рисовать, художник. Художник – тот, кто не может жить без творчества, не может не выражать свое отношение к миру…» Сторонник реалистического искусства Анатолий Павлович Левитин всю жизнь активно его пропагандировал, был твердо убежден: если реализм в России погибнет, это будет невосполнимой потерей для всего искусства. Все, кто непосредственно общался с Анатолием Павловичем, навсегда оставят в своем сердце огромную признательность и уважение к Мастеру. С 2017 года руководит мастерской Заслуженный художник Российской Федерации, академик Российской академии художеств Вадим Викторович Иванкин.

Мастерская – это особая творческая атмосфера, в которой органично развивается талант, растет мастерство, бережно и настойчиво воспитывается самостоятельная творческая личность.

Из Якутии в творческой мастерской живописи в разное время стажировались Артур Дмитриевич Васильев, Наталья Васильевна Николаева, Дьулустан Афанасьевич Бойтунов, Анна Афанасьевна Осипова. Все выпускники мастерских активно работают творчески, преподавали или преподают в Арктическом государственном институте культуры и искусств, в свою очередь, передавая свой творческий опыт молодому поколению. Артур Дмитриевич Васильев, художник-живописец, ставший членом-корреспондентом Российской академии художеств в 1997 году, из числа первых стажеров творческих мастерских РАХ в Красноярске, удостоен золотой медали РАХ (1991). Дьулустан Афанасьевич Бойтунов в мастерской раскрылся не только как живописец, но и как тонкий иллюстратор книги, в 2013 году награжден медалью РАХ «Достойному». Наталья Васильевна Николаева, художник-живописец, долгое время преподавала в Якутском художественном училище, с 2018 года работает в АГИКИ. Анна Афанасьевна Осипова – экспериментатор в искусстве, создает новые образы, активно используя тюркскую мифологию.

Организация мастерской графики связана с приездом в 1988 году, в Красноярск российского графика, заслуженного деятеля искусств Российской Федерации, члена-корреспондента Российской академии художеств Виталия Натановича Петрова-Камчатского (1938-1993) с семьей. Его жена Мария Афанасьевна Рахлеева, художник-график, заслуженный художник Российской Федерации, почетный член Российской академии художеств, профессор, ныне преподает в Арктическом государственном институте культуры и искусства. С именем Петрова-Камчатского связано открытие кафедры графики в Красноярском государственном художественном институте, который он возглавил, также став первым руководителем творческой мастерской графики отделения УСДВ РАХ. В 1993 году руководителем мастерской стал заслуженный художник России, член-корреспондент Российской академии художеств Николай Львович Воронков, второй выпуск, состоявшийся в 1996 году, прошел под его руководством. С 1999 года руководителем творческой мастерской графики стал Народный художник Российской Федерации, академик Российской академии художеств, академик АМАН (Адыгская международная академия наук) Герман Суфадинович Паштов, также работавший в творческих мастерских отделения УСДВ с 1993 по 1996 года. Под его руководством прошли стажировку в мастерских молодые якутские художники-графики, выпускники Арктического института искусств: Наталья Васильевна Давыдова, Людмила Алексеевна Владимирова, Надежда Сергеевна Иванова.

Имена выпускников творческих мастерских, отделения УСДВ, в Красноярске, Алексея Егоровича Евстафьева, Туйаары Ефимовны Шапошниковой, Иосифа Гавриловича Шадрина определяют статус якутской графики на сегодняшний день, являются достойными продолжателями традиций «феномена якутской графики», известной в России и за ее пределами.

Мастерская скульптуры образована в 1987 году, руководителем стал первый председатель отделения УСДВ РАХ, Народный художник Российской Федерации, академик Лев Николаевич Головницкий. С 1994 года руководить отделением и творческой мастерской стал Народный художник России, академик, вице-президент Российской академии художеств Юрий Павлович Ишханов. С 2009 руководил мастерской академик Российской академии художеств, Заслуженный художник Российской Федерации Валентин Дмитриевич Свешников, на сегодняшний день руководителем мастерской является почетный член Российской академии художеств Александр Евгеньевич Ткачук, также выпускник творческих мастерских в Красноярске. Непосредственное творческое общение с Мастером, прямая преемственность методов работы над материалом – вот основной путь по которому проходит работа в мастерской.

Выпускниками скульптурных мастерских стали художники – скульптора из Якутии: заслуженный деятель искусств РС(Я) Эдуард Иннокентьевич Пахомов (1951-2015), Николай Дмитриевич Огонеров, который преподает в Намском педагогическом колледже, передавая все свое мастерство скульптора младшему поколению.

Эдуарду Иннокентьевичу Пахомову в 2001году [5] присуждена Государственная премия Республики Саха (Якутия) им. П. А. Ойунского за цикл высокохудожественных монументальных работ: бронзовый памятник народному певцу Сергею Афанасьевичу Звереву-Кыыл Уола в честь 100-летия со дня рождения и классический бронзовый памятник матери первого космонавта человечества Ю. А. Гагарина – Анне Тимофеевне Гагариной в честь 40-летия первого полета человека в космос.

В 1992-1994 годах в творческих мастерских УСДВ РАХ впервые был проведен набор в косторезную мастерскую, ими стали признанные мастера из Якутии Федор Иванович Марков и Константин Меркурьевич Мамонтов, которые продолжают национальные традиции резьбы по кости, обогащая малую форму новыми современными решениями.

Стажировка в творческих мастерских РАХ – это особая страница в становлении молодого художника. Это уникальная возможность в течение трёх лет работать в постоянном творческом контакте с выдающимися отечественными Мастерами изобразительного искусства, академиками Российской академии художеств – руководителями мастерских, воспринимая богатый творческий опыт старшего поколения.

Следующий этап в становлении профессионального художественного образования в Республике Саха (Якутия) связан с созданием факультета искусств «Арктического государственного института культуры и искусств» в городе Якутске [6], открытом 17 января 2000 года по Указу Президента Республики Саха (Якутия) Михаила Ефимовича Николаева, на базе якутского филиала Красноярского государственного художественного института. Так впервые в арктическом регионе Российской Федерации образовалась целостная система художественного образования, которая состоит из начального, среднего и высшего звена, представленная детскими школами искусств, учреждениями среднего специального образования и Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования Арктическим государственным институтом искусств и культуры.

АГИКИ является одним из форпостов обучения в северном регионе России, это на данный момент единственный институт культуры и искусства в циркумполярном пространстве Российской Арктики, одной из кафедр которого является кафедра «живописи и графики».

С 2001 года деканом факультета изобразительных искусств был народный художник РСФСР, член-корреспондент Российской академии художеств профессор кафедры графики Афанасий Петрович Мунхалов. На сегодняшний день кафедру «живописи и графики» возглавляет доцент, заслуженный деятель искусств РС (Я), художник-график Туйаара Ефимовна Шапошникова. Профессорско-преподавательский состав факультета состоит из выпускников центральных художественных вузов России разных лет. Большинство преподавательского состава были приглашены и окончили 3-летнюю стажировку в творческих мастерских Российской академии художеств. Обучение академическим видам базируется на унифицированной образовательной программе преподавания художественных дисциплин перенятой от художников-педагогов «академической школы», основанной на изучении методов «старых мастеров», на фундаментальных принципах наследия русской академической школы. Как отмечает ректор института Саргылана Семеновна Игнатьева «Основные принципы деятельности АГИК исходят из парадигмы развития современной культуры России, основанной на взаимодействии традиционной культуры народов с академическими видами искусства и созидании современных форм культуры и искусства». И в этом видится роль Российской академии художеств – оплота профессиональной культуры, строящейся на многогранной образовательной деятельности, принципах академической системы художественного обучения, состоящей в преемственности педагогических традиций, в развитии и сохранении художественной культуры, в осуществлении генетической связи с великим прошлым – как никогда актуальна и современна.

Предназначение, единственного на пространстве Российской Арктики института культуры и искусств, определено всем развитием многовековой традиционной культуры народов Арктики, которую нужно не только сохранить, но и по-новому осмыслить перспективы сохранения, адаптации и развития культуры народов Арктики. Сочетая методы европейской художественной школы с духовной наполненностью народного творчества, художественное образование дает целенаправленный организованный процесс погружения в поток мировой культуры, сопровождающийся ощущением глубинных связей в развитии культуры человечества и способствует пониманию особенностей этнического мировидения северян.

Литература

1. Выставка«Якутские питомцы Императорской – Российской Академии художеств. XX век» : каталог / Нац. Худож. Музей Респ. Саха (Якутия) ; сост. И. А. Потапов, Г. Г. Неустроева. – Якутск, 2000. – 73 с.: ил.

2. Материал из Википедии – свободной энциклопедии https://ru.wikipedia.org/wiki

3. UUS SAKHA / гл. ред. Б. Павлов. - 2010. - № 4 : посв. 65-летию Якутскому художественному училищу.

4. Отделение Урал, Сибирь, Дальний Восток в Красноярске : альбом / [авт.ст.: М.В. Хабарова, Н.В. Тригалева, М.В. Москалюк, Т.М. Ломанова] ; Рос. академия художеств – Красноярск : КаССЮ, 2008. – 160 с., ил.: 224

5. Художники Якутии: члены Союза художников России : справочник / З. И.Иванова-Унарова. – Санкт-Петербург, 2006. – 288 с.

6. Художественное образование в культурном пространстве Арктики : материалы Междун. науч.-практ. конф., 26-27 ноября 2009 г., Якутск. – Якутск : АГИКИ, 2009. – С. 5.

УДК 330(571.56)

А. И. Захаров

КРЕАТИВНАЯ ИНТЕНСИВНОСТЬ ЯКУТИИ

В статье рассматриваются вопросы развития креативной экономики, как несырьевого сектора, являющейся приоритетной задачей руководства Якутии. Автор приводит данные мировых практик, определяет приоритеты развития креативной экономики, предлагает методы измерения основных социально-экономических характеристик креативных индустрий Якутии.

Ключевые слова: *креативные индустрии Якутии, креативная интенсивность, экосистема взаимодействия, креативные занятия.*

Afanasy Zakharov

CREATIVE INTENSITY OF YAKUTIA

The article discusses the development of the creative economy as a non-resource sector, which is a priority task of the leadership of Yakutia, the author cites data from world practices, determines the priorities for the development of the creative economy, proposes methods for measuring the main socio-economic characteristics of the creative industries in Yakutia.

Keywords: *creative industries of Yakutia, creative intensity, ecosystem of interaction, creative pursuits*

Развитие креативной экономики, как и всего несырьевого сектора, является приоритетной задачей руководства Якутии. Однако, если для частного случая в виде ИТ-отрасли существуют измеримые и четкие ориентиры развития, то ситуация с креативной экономикой в целом требует более детального изучения. Итак, попробуем разобраться в этом подробнее, и понять, как и зачем развивать креативную экономику, и какие кадры и человеческие ресурсы необходимы для ее становления.

В целях определения приоритетов развития креативной экономики в нашей республике, свою работу в этом направлении мы решили начать с измерения основных социально-экономических характеристик креативных индустрий Якутии.

В российской практике под креативной экономикой чаще всего понимают совокупность так называемых креативных индустрий — отраслей экономики, относящихся к искусству и культуре *(визуальное искусство, исполнительское искусство, ремесла, литература и др.)*, дизайну и архитектуре *(интерьерный, промышленный и графический дизайн, мода, производство ювелирных изделий и др.)*, медиа и коммуникациям *(реклама, ТВ и радио, кино, СМИ и др.)*, а также цифровым технологиям *(дизайн и проектирование вебсайтов и программного обеспечения, ИТ-стратегии и планирование и др.)*. При этом мы столкнулись с тем, что в стране и регионе отсутствует единый подход к определению и мониторингу креативных индустрий. Нет официальной классификации отраслей экономики (в соответствии с ОКВЭД), относящихся к креативным индустриям. Также отсутствуют метрики, которые помогли бы разобраться в явлениях, происходящих в этой области, и определить ориентиры развития. К примеру: какой вклад вносят креативные индустрии в экономику региона? Сколько в них занято людей? Какова их география и структура распределения по отраслям?

Одновременно, для определения ориентиров на перспективу, изучив существующие мировые практики измерения креативных индустрий, мы решили провести собственное исследование, по итогам которого были получены следующие результаты (*с учетом сохранения условий сопоставимости с другими странами показателей по видам экономической деятельности*):

- определена классификация видов экономической деятельности, относящихся к креативным индустриям;
- измерен вклад креативных индустрий в ВРП региона;
- определено количество занятых;
- определено количество предпринимателей и компаний, занятых в креативных индустриях, а также составлено их распределение по направлениям и территориальной принадлежности.

Из итогов исследования: в 2017 году вклад креативных индустрий (кино, ТВ и радио, фото и видео, музыка, реклама и маркетинг, цифровые технологии, ремесла, полиграфия, архитектура, библиотеки и музеи) в экономику республики составил 1,65 % (для сравнения, в Великобритании этот показатель равняется 5,5 %), среднесписочная численность работников креативных индустрий составила 13 тысяч человек (3,82 % от общей численности работников республики), из них наибольшее в сферах музыки, исполнительских и изобразительных искусств – 5,3 тысячи человек; музеи и библиотеки – 3,2; рекламе и маркетинге – 1,2; кино, ТВ, видео, радио и фото – 0,9. По состоянию на начало 2019 года в целом по республике было зарегистрировано 1240 индивидуальных предпринимателей (3,4 % от общего числа индивидуальных пред-

принимателей) и 1506 юридических лиц (6,0%), зарегистрированных в области креативных индустрий. Более половины предприятий (63, 6% индивидуальных предпринимателей и 45,5 % юридических лиц) приходится на город Якутск. **Полный текст исследования можно запросить, оставив адрес своей электронной почты в комментарии к этой публикации.**

Важно отметить, что в ходе этой работы у нас появилось понимание необходимости разделения терминов «креативная экономика» и «креативные индустрии». Как ни парадоксально это звучит, **не всегда, делая упор лишь на развитие креативных индустрий, можно достичь становления креативной экономики.**

О чем речь?

Во-первых. Прежде чем просто начать измерять креативные индустрии (по отраслям экономики), важнее ответить на вопрос – зачем? Какие стратегические цели мы преследуем – создание новых рабочих мест в креативных индустриях? Или увеличение вклада креативных индустрий в экономику? И самое главное — к чему это приведет?

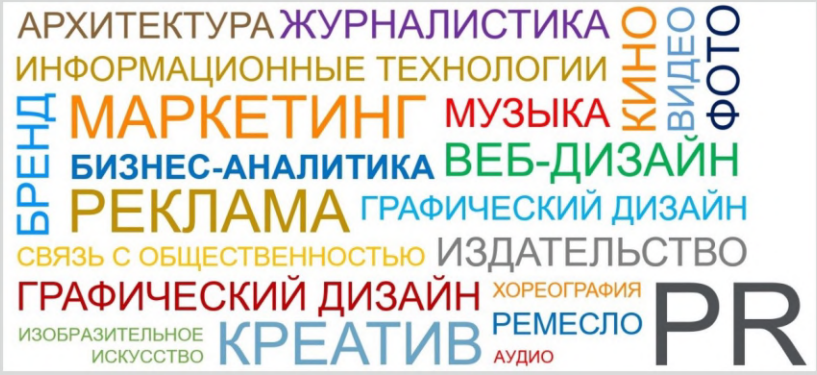
Во-вторых. Давайте подумаем: почему только некоторые отрасли экономики называются креативными индустриями?

Основным критерием отнесения тех или иных отраслей экономики к классу креативных индустрий является степень их креативной интенсивности (creative intensity), или иначе говоря, доля креативных занятий (creative occupations) в общем числе занятых в ней (как правило, она должна превышать 30 %). К примеру, в Великобритании креативная интенсивность по виду экономической деятельности 74.20 «Деятельность в области фотографии» составляет 77,8 %, и поэтому он относится к креативным индустриям. Таким образом, основным индикатором креативности отрасли является соотношение людей, выполняющих в ней креативную, интеллектуальную, творческую работу.

Согласно Международному классификатору – Standart Occupation Classification к креативным относятся следующие занятия (агрегированно):

директора по маркетингу и продажам; директора по рекламе и связям с общественностью; специалисты по связям с общественностью; менеджеры рекламных аккаунтов и креативные директора; специалисты по маркетингу; директора по информационным технологиям и телекоммуникациям; IT бизнес-аналитики; архитекторы и проектировщики систем; программисты и специалисты по разработке программного обеспечения; специалисты по веб-дизайну и разработке; продюсеры и режиссеры; фотографы; операторы аудиовизуальной и радиовещательной техники; архитекторы; градостроители; архитектурные технологи; специалисты по архитектуре и градостроительству; графические дизайнеры; дизайнеры одежды; кузнецы; ткачи и вязальщики; изготовители; декораторы и отделочники стекла и керамики; производители мебели и другие ремесленники; журналисты; редакторы газет и журналов; библиотекари; архивариусы; авторы; писатели и переводчики; актеры; артисты и ведущие; танцоры и хореографы; музыканты и др.

Если организовать экосистему взаимодействия из представителей вышеуказанных занятий *(к примеру: занятые в креативных индустриях + креативные занятия в пищевой промышленности)*, то не трудно заметить, что эта связка может привести к повышению конкурентоспособности предприятий "традиционных" отраслей экономики, масштабированию экономики (не только отдельных компаний, но также и городов, территорий и стран), удержанию существующих и захвату новых рынков.

Представители данных занятий могут существовать как отдельная индустрия (пример креативного кластера в г. Якутске «Пространство»), так и являться штатными единицами в традиционных отраслях экономики.

При этом важнейшую роль в системе взаимодействия креативных занятий играют именно те креативные занятия, которые задействованы в традиционных отраслях экономики.

Как это работает?

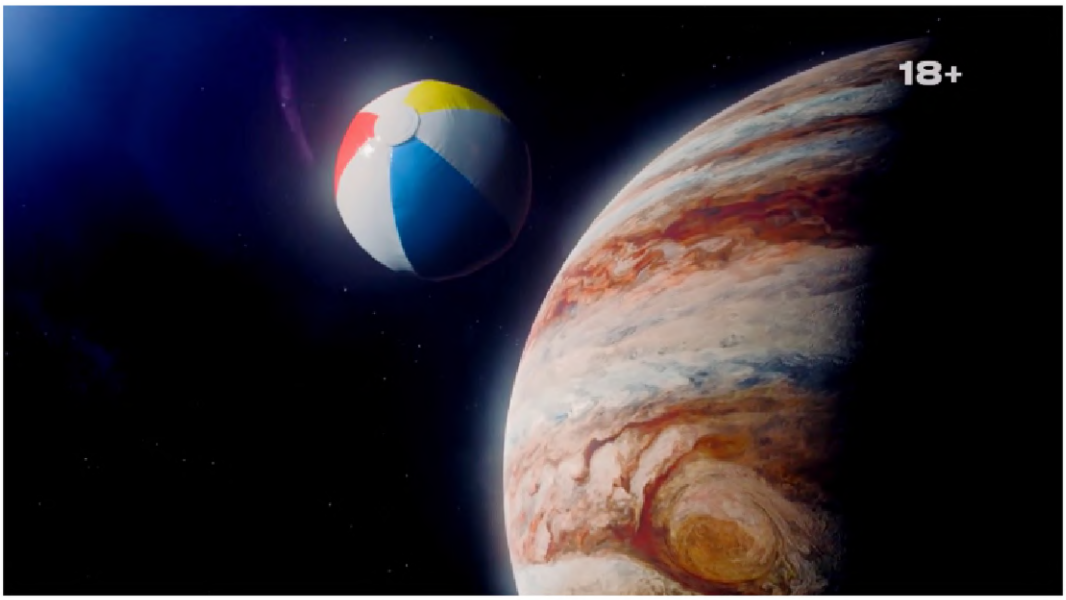
Мы решили разобраться в этом на примере авиационной отрасли, и проанализировали вакансии среди ТОП авиакомпаний мира и России.

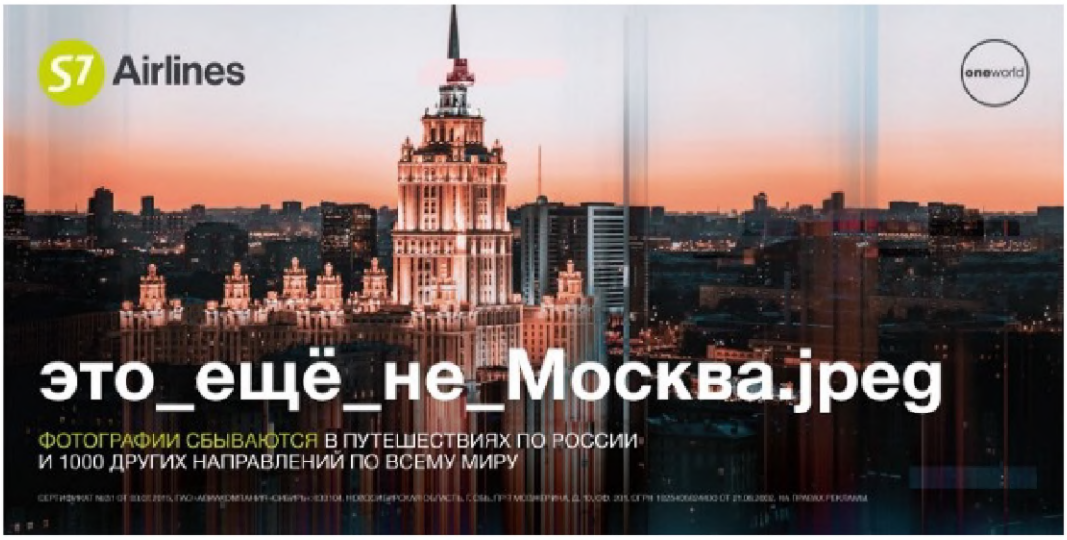
Казалось бы, приведенные компании – представители традиционного сектора экономики, но, повышая свою креативную интенсивность – делая упор на увеличение креативных занятий у себя (маркетинг, аналитика, брендинг, программирование, дизайн, PR и связи с общественностью и др.), они, по сути, сами становятся представителями креативных индустрий. Увеличивая свою креативную интенсивность, они сумели сформировать уникальное предложение и создать свое конкурентное преимущество. Вдобавок данный формат приводит к мультипликативному эффекту: происходит взаимодействие с представителями креативных занятий и вне компаний: фотографами, продюсерами, режиссерами, переводчикам, журналистами, музыкантами, артистам (PR акции, съемки клипов и прочее).

Например, в авиакомпании S7 существует своя внутренняя творческая группа *(Marketing Director, Marketing Communications Director, Brand Manager, Head of Creative Group, Head of Production Group, Production, Head of PR, Head of Direct Communications, Head of B2C Communications, Media Group Head)*, которая занимается масштабными PR акциями.

YouTube-шоу «Посетите Землю»

Рекламная кампания «Фотографии сбываются»

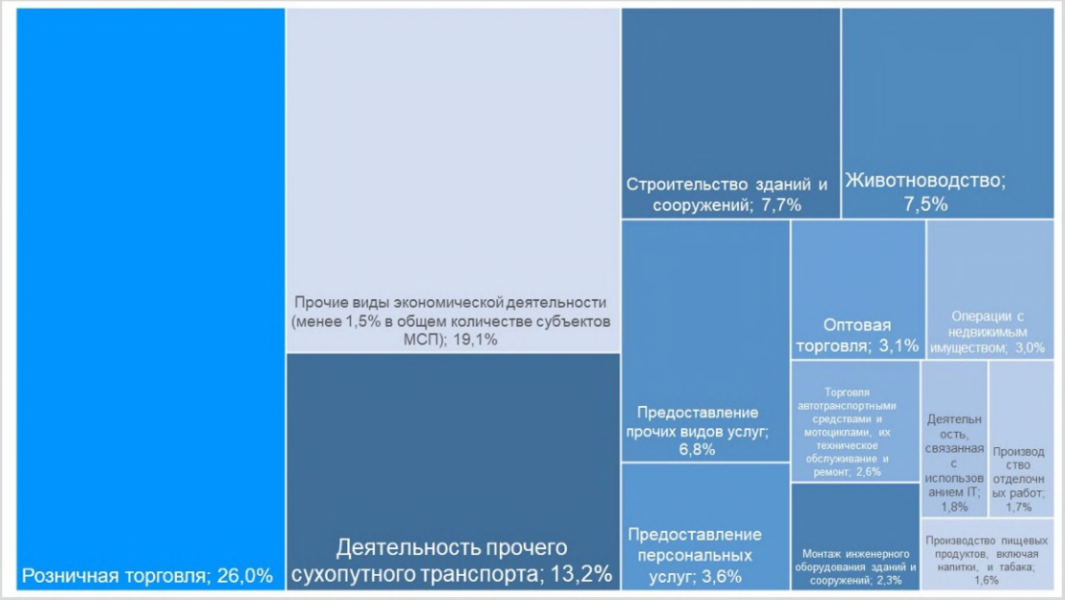
Важно отметить, что данный пример – это не креатив ради креатива, а целенаправленная маркетинговая стратегия, с явным выделением целевой аудитории (поколение миллениалов) и воздействием именно на нее. То есть бренд не ради бренда – а ради привлечения и удержания своей целевой аудитории, массовой и активной. И при этом идет монетизация и самих креативных индустрий, ведь непосредственными исполнителями в продвижении являются как раз-таки их участники (фото и видеостудии, креативные кластеры, музыканты, артисты, журналисты и др.).

Иными словами, в нашем понимании **креативная экономика это не отдельный сектор, это про креативность во всех отраслях экономики, про повышение их конкурентоспособности, выживание и масштабирование**. Главной **движущей силой** как в развитии креативной экономики, так и в развитии креативных индустрий являются **креативные занятия в традиционных отраслях экономики.**

Словом, креативная экономика – это умение использовать талант в коммерческих целях.

Как развивается креативная экономика у нас и зачем ее развивать?

Как показали итоги бизнес- переписи (2015), малое и среднее предпринимательство Якутии в подавляющем большинстве занято в сферах с низкой экономической сложностью (ритейл, строительство, услуги и др.).

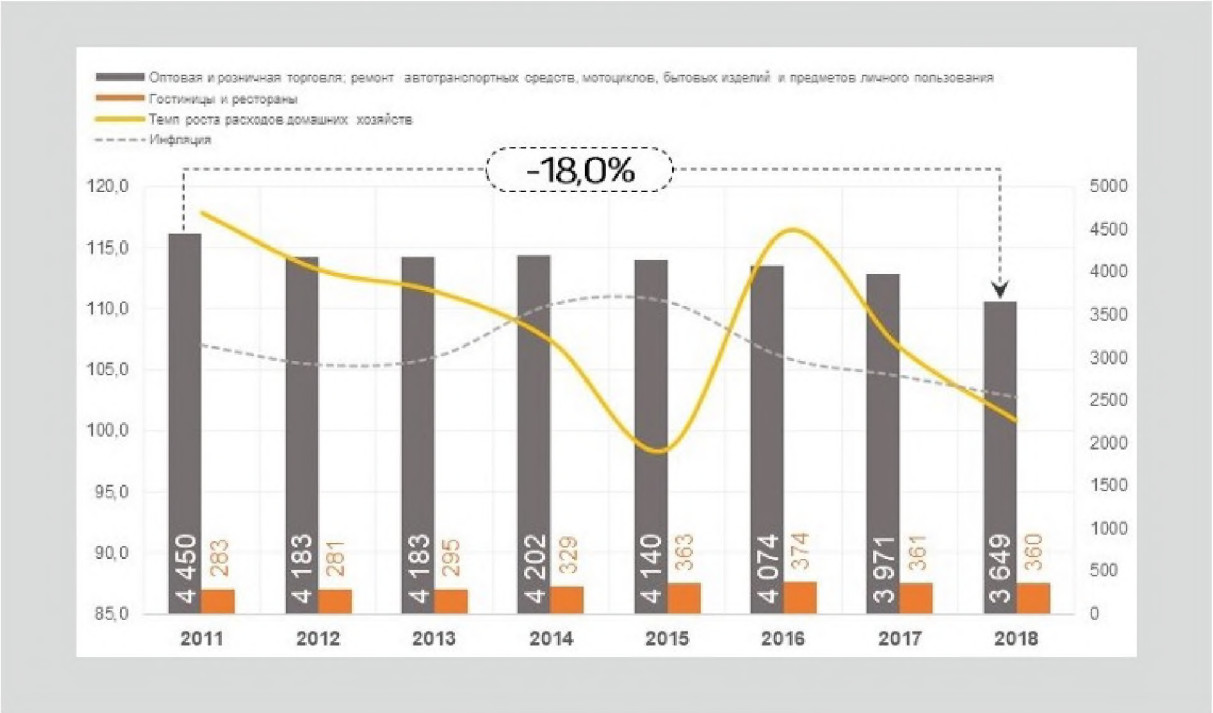
Сама специфика экономической сложности показывает умение стран делать то, чего не умеют другие (высокая экономическая сложность). Очевидно, что вследствие глобализации экономической среды ежегодно число сложных экономик будет снижаться. И здесь предприятия уже идут по пути не «что новое сделать», а «как по-новому взглянуть на привычное», и не только в технологическом плане, но и в плане маркетинга. Условно они усложняют изначально несложные отрасли экономики.

Конкурентоспособные и эффективные компании (региональные и федеральные сети) постепенно вытесняют местный бизнес (в том числе из традиционных для малого и среднего бизнеса отраслей экономики)

По всей видимости, в республику приходят и будут приходить новые федеральные и региональные

сети. По франшизам открываются новые магазины, рестораны, приходят крупные сетевые игроки на рынок, тем самым вытесняя с него местных предпринимателей. И этот процесс необратим. С точки зрения потребителя это добро. А с точки зрения экономики местных предприятий?

Источник: Саха(Якутия)стат

К примеру, возьмем торговлю, как наиболее распространенный вид предпринимательства (более четверти всех субъектов МСП). За последние 8 лет в расходах домашних хозяйств практически не произошло существенного роста, даже наблюдается снижение темпов роста расходов. Иначе говоря, рынок не растет (формат B->C). При этом наблюдается сокращение числа "участников" рынка – ритейлеров (за последние 8 лет на 18 %). Очевидно, что борьба за рынки приводит к некоему "людоедству" внутри нашего рынка – некоторые компании внутри республики начали работать в формате сетей (магазины "Азбука", "Акварель", "Своя копейка", "Хозмаркет", "Розтор", "Токко", "Скиф" и пр.). Все эти факторы: ограниченность внутреннего рынка, приход "внешних" игроков на местный рынок, неизбежно приводят к тому, что такая борьба происходит во всех отраслях экономики.

В данном случае одним из ключевых условий выживания для наших компаний может стать переход к повышению креативной интенсивности и внедрению маркетинговых инноваций.

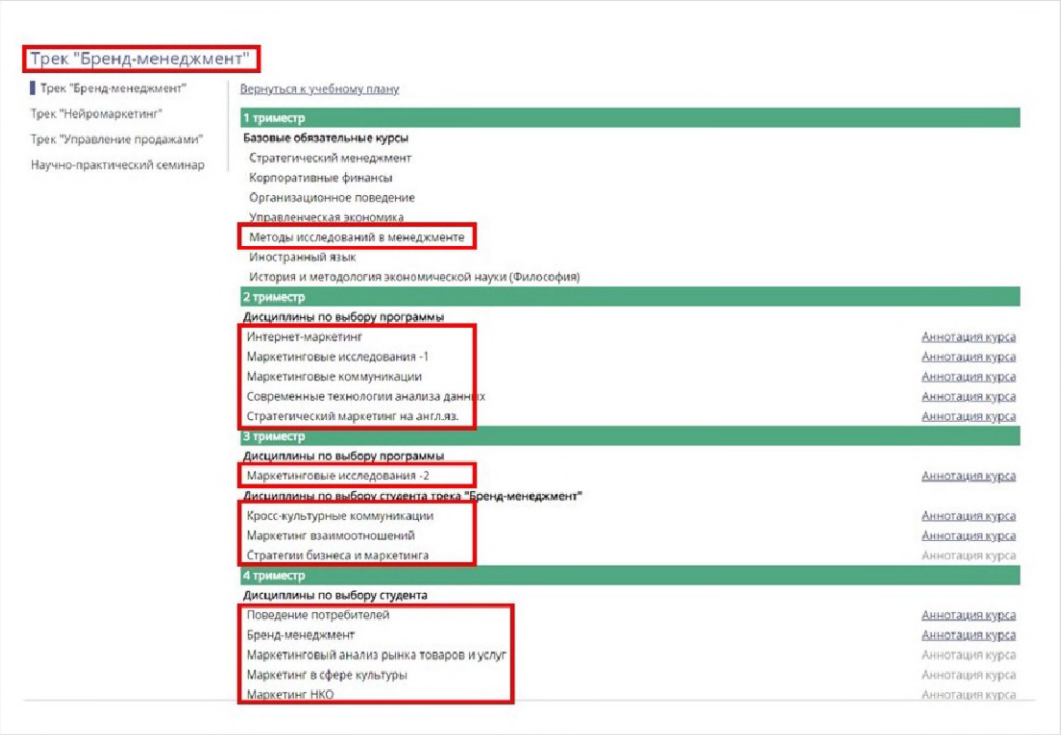
Кадры для креативной экономики

Но возникает резонный вопрос: имеются ли у нас в республике человеческие ресурсы для повышения креативной интенсивности? Чтобы не просто появились соответствующие должности, а именно компетенции, люди, которые смогут продвигать наши товары и услуги на внешние рынки, конкурировать на внутреннем и внешних рынках, монетизировать продукцию как традиционных отраслей экономики, так и самих креативных индустрий. Ведь сегодня, к примеру, маркетинг воспринимается у нас только как реклама, хотя маркетинг – это более сложные организационные процессы, которые на сегодняшний день тесно связаны с элементами эконометрики и работы с большими данными.

Нам необходимо готовить новые кадры, которые смогут приспособить наши отрасли к конкуренции на внутреннем рынке, и самое главное – на внешнем. К примеру, если посмотреть на политику подготовки кадров в нашей республике, мы готовим отличных медиков, программистов, педагогов, инженеров, энергетиков и др.:

https://minobrnauki.sakha.gov.ru/Antiterror/abiturientu/tselevaja-podgotovka

Но мы не готовим кадры, которые создают «добавленную стоимость» и которые смогут продвигать наши товары и услуги на мировой уровень, сталкивать их с глобальной конкуренцией и, как следствие, улучшать качество самой продукции. К примеру, направление "Бренд-менеджмент" в таких университетах как МГУ им. М. В. Ломоносова, или Высшая школа экономики, является по сути математическими (исследовательскими) направлениями:

Трек "Бренд-менеджмент"

Трек "Бренд-менеджмент"
Трек "Нейромаркетинг"
Трек "Управление продажами"
Научно-практический семинар

Вернуться к учебному плану

1 триместр

Базовые обязательные курсы

Стратегический менеджмент
Корпоративные финансы
Организационное поведение
Управленческая экономика
Методы исследований в менеджменте
Иностранный язык
История и методология экономической науки (Философия)

2 триместр

Дисциплины по выбору программы

Интернет-маркетинг	Аннотация курса
Маркетинговые исследования -1	Аннотация курса
Маркетинговые коммуникации	Аннотация курса
Современные технологии анализа данных	Аннотация курса
Стратегический маркетинг на англ.яз.	Аннотация курса

3 триместр

Дисциплины по выбору программы

Маркетинговые исследования -2	Аннотация курса

Дисциплины по выбору студента трека "Бренд-менеджмент"

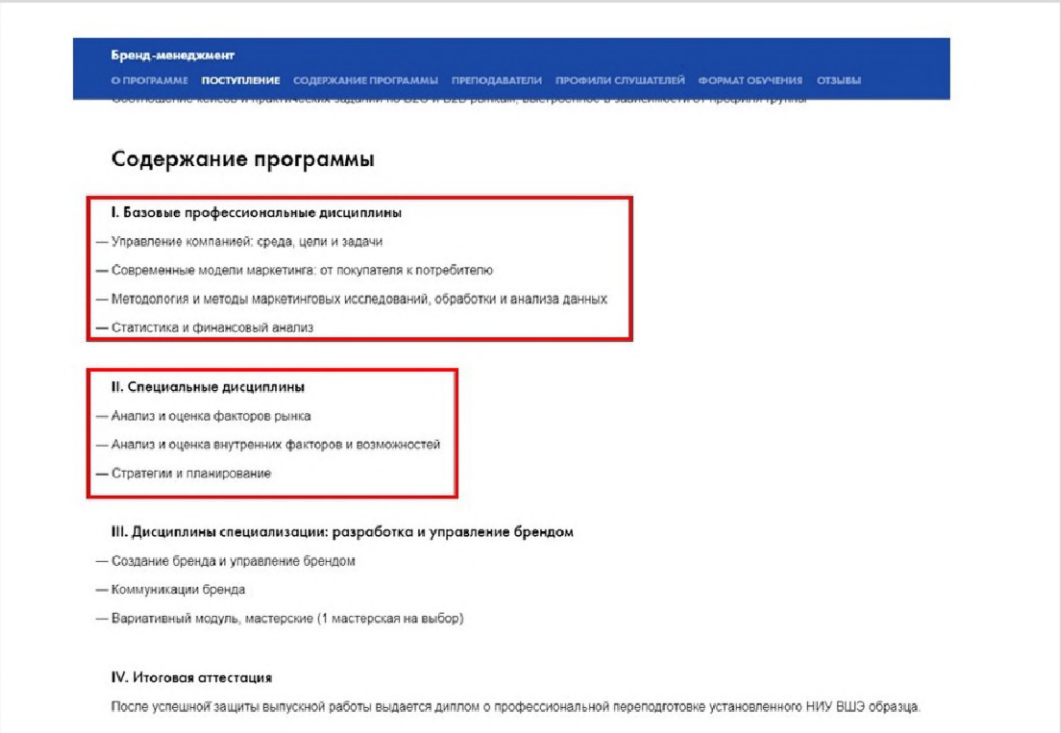
Кросс-культурные коммуникации	Аннотация курса
Маркетинг взаимоотношений	Аннотация курса
Стратегии бизнеса и маркетинга	Аннотация курса

4 триместр

Дисциплины по выбору студента

Поведение потребителей	Аннотация курса
Бренд-менеджмент	Аннотация курса
Маркетинговый анализ рынка товаров и услуг	Аннотация курса
Маркетинг в сфере культуры	Аннотация курса
Маркетинг НКО	Аннотация курса

https://www.econ.msu.ru/students/mag/curricula/mgm/marketing/ap/brand/

Бренд-менеджмент

О ПРОГРАММЕ | ПОСТУПЛЕНИЕ | СОДЕРЖАНИЕ ПРОГРАММЫ | ПРЕПОДАВАТЕЛИ | ПРОФИЛИ СЛУШАТЕЛЕЙ | ФОРМАТ ОБУЧЕНИЯ | ОТЗЫВЫ

Содержание программы

I. Базовые профессиональные дисциплины

— Управление компанией: среда, цели и задачи
— Современные модели маркетинга: от покупателя к потребителю
— Методология и методы маркетинговых исследований, обработки и анализа данных
— Статистика и финансовый анализ

II. Специальные дисциплины

— Анализ и оценка факторов рынка
— Анализ и оценка внутренних факторов и возможностей
— Стратегии и планирование

III. Дисциплины специализации: разработка и управление брендом

— Создание бренда и управление брендом
— Коммуникации бренда
— Вариативный модуль, мастерские (1 мастерская на выбор)

IV. Итоговая аттестация

После успешной защиты выпускной работы выдается диплом о профессиональной переподготовке установленного НИУ ВШЭ образца.

https://busedu.hse.ru/catalog/182457028.html

При этом, безусловно, одних кадров недостаточно. Для принятия политики масштабирования на предприятиях нужны и другие ресурсы (финансовые, международные связи, каналы сбыта и др.). У кого они есть? У тех компаний, у которых имеется доступ к государственным финансовым и человеческим ресурсам, которые пользуется государственной защитой рынка. **То есть само государство, в лице предприятий с госучастием, должно принять политику масштабирования (и не только на зарубежные рынки, но и внутрироссийские).** Очевидно, что для того, чтобы приносить больше пользы родному региону (не только в виде дивидендов и рабочих мест, но и знаний), той же авиакомпании "Якутия" жизненно важно занимать новые рынки в России и за рубежом, а условному "Саханефтегазсбыту" стремиться стать федеральной нефтегазовой компанией. Невозможно поддерживать успех и развиваться, ориентируясь лишь на локальный рынок. Даже если речь идет о государственных компаниях. Каким образом ориентировать госкомпании на масштабирование? Должно ли государство придумывать за них стратегии? Конечно же нет. Самый верный путь — повысить их креативную интенсивность, то есть наводнить их правильными талантами.

Выводы

Развитие креативной экономики – это сложный и системный процесс, участниками которого являются не только креативные индустрии, но и все представители экономики региона.

Для становления креативной экономики в нашей республике необходимо создать экосистему взаимодействия креативных занятий во всех отраслях экономики через увеличение в них креативной интенсивности.

Стратегическая цель развития креативной экономики – это не только сохранение традиционных рынков наших компаний, но и их масштабирование на внешные рынки, продвижение экономики за пределы республики, увеличение ее конкурентоспособности.

УДК 002.2

Е. А. Сайко

СОВРЕМЕННАЯ КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ

В статье осмысляются тенденции динамики отечественного книжного рынка во взаимосвязи с современными трендами культурного потребления в России. Особое внимание уделяется анализу показателей книжного рынка в 2020 г. Литературные предпочтения населения рассматриваются в соотношении с популярными формами его досуга с учетом влияния процессов цифровизации.

Ключевые слова: *книжная культура, книжный рынок, культурное потребление, цифровизация, информационные технологии, интернет*

Elena Saiko

MODERN BOOK CULTURE IN THE CONTEXT OF MEDIA CONSUMPTION DYNAMICS

The article examines the trends in the dynamics of the domestic book market in relation to modern trends in cultural consumption in Russia. Special attention is paid to the analysis of indicators of the book market in 2020. Literary preferences of the population are considered in relation to popular forms of their leisure, taking into account the influence of the processes of digitalization.

Keywords: *book culture, book market, consumer culture and mediatization, digitization Internet, Internet.*

В 2020 году интерес россиян к цифровым формам культурного потребления значительно активизировался, что во многом обусловлено пандемией COVID-19 и, как следствие, необходимостью жить, учиться и работать в on line формате. При этом виртуальные концертные и театральные залы, кинотеатры, музеи, книжные порталы, электронные библиотеки и др. в предпочтениях пользователей интернета получили свои оценки и заняли определенные позиции в рейтинге культурных услуг.

Так, по результатам социологического опроса (август, 2020 г.), многие россияне в период карантина открыли для себя новый вид интеллектуального досуга – виртуальные туры в музеях (82 % респондентов – были информированы о прогулках по музеям, 32 % – проявили к ним интерес) [1]. Востребованность виртуальных туров в музеях оказалась значительно выше в Москве и Петербурге (94 %), городах-миллионниках — 89 %, а в сельской местности – респонденты знали об этом, но не посещали музеи on line (74 %) [1]. Самым популярным интернет-порталом музея стал Эрмитаж (23 %), на втором месте – Третьяковская галерея (19 %), на третьем – ГМИИ имени А. С. Пушкина (7 %), на четвертом – Русский музей (6 %). В числе зарубежных виртуальных туров лидирует Лувр (26 %) [1].

Особый интерес россияне проявили к историческим музеям, а на последнем месте в их предпочтениях оказались литературные музеи [1]. Уточним, что до карантина музеи занимали в досуге россиян лишь 4-ю позицию (24 %) – после праздничных массовых мероприятий (48 %), кинотеатра (41 %); театра (27 %), опережая зоопарк и библиотеки (по 18 %) [2].

Отношение россиян к кинематографу позволяет заключить, что для многих из них кино не является «важнейшим из искусств» – как до, так и во время карантина: кинопремьерами не интересуются 63 % респондентов; 39 % – посещали кинотеатры нерегулярно; 61 % – их не посещали [3, с. 295]. Что же касается онлайн-кинотеатров, то 49 % – не используют эту возможность, 31 % из них смотрят только «бесплатные» фильмы, 35 % – «впервые услышали о подобной практике»; каждый седьмой россиянин имеет подписку на легальный контент (13 %) [3, с. 295].

Между тем известно, что с середины марта 2020 г. киноманам были предоставлены максимальные льготы для доступа в онлайн-кинотеатры Premier, more.tv, ivi, Okko, «КиноПоиск», «Амедиатека» [4].

В целом закономерно, что активный рост медиапотребления во всех сегментах культурных услуг, творческих индустрий, книжного рынка, в период с середины марта 2020 г. по настоящее время, связан, прежде всего, с невозможностью удовлетворять свои культурные потребности в of line.

Отсюда и впечатляющие масштабы потребления в сегменте аудио- и электронных книг отечественного издательского рынка. Симптоматично, что новые книги сегодня предлагаются читателю прежде всего в аудиоформате, а затем – в электронной и «бумажной» версии. Это касается и fiktion, и non fiktion.

Аналитики книжного рынка отмечают, что «книжные подписные сервисы смогли только за март-апрель на 150–190 % прирастить аудиторию платных подписчиков и фактически в 2 раза увеличить выручку по сравнению с аналогичным периодом прошлого года» [4].

Среди интересных и эффективных технологий продвижения и, одновременно, поддержки читателей в период пандемии специалисты выделяют следующие: «Азбука» опубликовала в социальной сети «ВКонтакте» первые четыре главы комикса «Y: Последний мужчина» Брайана К. Вона и выпустила сингл «Бэтмен,

который смеется» [4]; «Альпина» до конца апреля открыло доступ к 70 электронным книгам на самые разные тематики; «Эксмо» поделилось 30 книгами в электронном и аудиоформате»; …с 17 марта 2020 года подкасты Storytel доступны бесплатно на онлайн-платформах SoundCloud, в подкастах Apple, на Яндекс. Музыке и Google-подкастах» [4].

В свою очередь успешные акции (скидки и др.) «ЛитРес» обусловили рост продаж: только в течение первого карантинного месяца «количество проданных экземпляров книг в флагманском сервисе «ЛитРес» выросло на 31 % в сравнении с предыдущим периодом [4].

В рейтинге жанровых предпочтений пользователей «ЛитРес» на первом месте – фэнтези, на втором – книги по практической психологии и т.п., на третьем – фантастика, на четвертом – любовные романы. В «Топ-5 книг на litres.ru» вошли: Владислав Гайдукевич «Расширить сознание легально» (ЛитРес: Самиздат); Гузель Яхина «Зулейха открывает глаза»; Джордж Оруэлл «1984»; аудиокнига Джен Синсеро «НИ СЫ» [4].

На сервисе «MyBook» в марте-апреле 2020 г. «пользователей стало на 194 % больше (по количеству регистраций) в сравнении с аналогичным периодом прошлого года… Самой успешной оказалась последняя неделя марта (23–29 марта): она показала 20 %-ный рост по выручке и увеличила количество новых пользователей на 200 % к предыдущей неделе» [4].

Если в 2019 г. читателей на «MyBook» привлекала «классика», то в 2020 г. бестселлерами становятся: «НИ СЫ. Восточная мудрость…» Джен Синсеро, «Парься меньше, живи больше» Гэри Джона Бишопа и «Тонкое искусство пофигизма» Марка Мэнсона» [4].

В рейтинге среди 10-ти литературных порталов (май, 2020 г.) лидирует «ЛитРес», а последнюю позицию занимает «СамИздат Мошкова» [4].

Кроме того, специалисты в сфере книгоиздания и книгораспространения прогнозируют в ближайшее время популярность «Книги 2.0». Этот формат ранее дебютировал в России, но до сих пор оставался на обочине книжного рынка. В настоящий период «Книгу 2.0» активно осваивает издательство «Чтиво» [4].

Стоит напомнить, что в 2019 году, согласно данным ВЦИОМ, только 11 % опрошенных совсем не представляли свою жизнь без интернета (среди 18-24-летних – 40 % и 26 %, в Москве и Петербурге – 43 % и 26 %) [5]. Можно предположить, что в настоящий период подобным образом ответило бы большинство читающих россиян.

Итак, благодаря информационным технологиям, книга заново обретает свое особое место в нашей жизни, а «популяция» читателей, оказавшаяся на грани «вымирания» в 1990-х, все-таки выжила. Отрадно, что победителем всероссийского конкурса «Самый читающий регион» в 2020 году стала Якутия [6].

Сегодня именно литературные порталы во многом формируют вкус и культурные потребности читателей, отношение к жанрам, отдельным авторам и произведениям. Если проблему «как читать?» пока еще решают сами интернет-пользователи, то «что читать?» – за них уже определяет медиапространство. В экономическом смысле это означает немалую прибыль, в ценностном измерении – большую ответственность.

Литература

1. День рождения музеев он-лайн (18.05.20). – Режим доступа: http://www.wciom.ru (Дата обращения: 07.11.20).

2. Культурная жизнь россиян: динамика основных показателей (29.11.18). – Режим доступа: // http://www.wciom.ru (Дата обращения: 10.06.19).

3. 3. Мониторинг мнений (ВЦИОМ): сентябрь — октябрь 2020 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. - № 5. - С. 269-311. – Режим доступа: https://monitoringjournal.ru/ (Дата обращения: 7.11.20).

4. #STAYHOME. Бонусы самоизоляции для книжного онлайна. (16.06.20) // Книжная индустрия. – Режим доступа: www.bookind.ru (Дата обращения: 19.11.20).

5. Жизнь без интернета: рай или апокалипсис? // http://www.wciom.ru (дата обращения: 10.06.19).

6. Подведены итоги VI Всероссийского конкурса «Самый читающий регион» (27.10.20) // литфлагман.рф : [сайт] (дата обращения: 07.11.20).

УДК 021(571.56)

Е. Ю. Ажеева, С. В. Максимова

БИБЛИОТЕКА КАК ЧАСТЬ КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

В статье рассматриваются стратегические направления развития главной библиотеки региона на примере Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) в контексте парадигмы креативной экономики. Библиотека не только обязательное «ресурсное» условие для воспитания креативных качеств личности, но и сама является инициатором масштабных и оригинальных проектов.

Ключевые слова: *Национальная библиотека Республики Саха (Якутия), креативная экономика, информационная экономика, стратегическое планирование, библиотечные проекты.*

E. Yu. Azheeva, S. V. Maximova

LIBRARY AS A PART OF THE REGION'S CREATIVE ECONOMY

The article examines the strategic directions of the development of the main library of the region on the example of the National Library of the Republic of Sakha (Yakutia) in the context of the paradigm of the creative economy. The library is not only an obligatory 'esource'condition for the education of the creative qualities of a person, but also itself is the initiator of large-scale and original projects.

Keywords: *National Library of the Republic of Sakha (Yakutia), creative economy, information economy, strategic planning, library projects.*

Перед российским обществом стоят задачи научно-технологического прорыва, инициируется национальные проекты практически по всем направлениям жизнедеятельности современного государства. Россия как страна с огромным ресурсным потенциалом может добиться достойного качества жизни российский граждан. Одним из инструментов «прорыва вперед» выступает парадигма креативной экономики. В основе креативной экономики лежит творческая и информационная составляющая, опирающаяся на смышлёность, сообразительность, гибкость мышления, находчивость, которые проявляет человек при решении текущих задач, преодолевая трудности в различных профессиональных и непрофессиональных ситуациях.

Креативная экономика, или «легковесная» экономика, позволяющая творческую, инновационную и информационную компоненту производственных и хозяйственных процессов превращать в сильное конкурентное преимущество в условиях рынка. Поэтому любая трудовая среда – это содружество профессионалов, их способностей и возможностей, проявляемых как индивидуально, так и синергетически. Современный руководитель, следуя стратегии выживания в условиях жесткой конкуренции должен озаботится вопросами накопления и развития интеллектуального капитала у себя в организации. Интеллектуальный капитал, инжиниринг знаний, корпоративная память – залог жизнеспособности и успешности любого предприятия.

Как же воспитать новое поколение людей, свободно, творчески мыслящих, способных ставить оригинальные задачи, целеустремленных, не останавливающихся перед проблемами, даже если обстоятельства ставят барьеры за барьерами, они не сдаются, находят смелые решения и создают собственную реальность.

Человек формируется в определенной культуре, ценностные ориентиры которой осознанно и неосознанно усваиваются на ментальном уровне. Цель общества через созидание и совершенствование культурной инфраструктуры предоставить все условия для внутреннего роста, а значит для творческой и интеллектуальной одаренности. Библиотечная деятельность, библиотечное обслуживание населения входит системным компонентом культурной среды. Роль библиотеки в креативной экономике вполне очевидна, поскольку идеи, инициативы, инновации, изобретательность заложены в человеке не только от природы, но и от его стремления познавать, изучать, исследовать, выяснять, выявлять, искать информацию – от крупиц до целого «моря материалов». Библиотека создает для этого базу. Недаром библиотеки входят в понятие «креативные индустрии» наряду с искусством, кино, музыкой, дизайном, медиа коммуникациями, музеями, it-технологиями и др.

В канун уходящего 2019 года правительство Республики Саха (Якутия) утвердило «Концепцию развития креативной экономики Республики Саха (Якутия) до 2025 года», разработанная АО «Корпорацией развития Республики Саха (Якутия)». На самом высоком уровне республиканской власти пришли к осознанию решающего значения креативной экономики для инновационного прорыва региона. Переход экономики на креативные рельсы может осуществляться двумя направлениями – 1) это развитие творческого интеллекта человека, активно строящего экономические конкурентоспособные отношения; 2) увеличение доли валового национального продукта, полученного от креативных индустрий. Библиотеке есть место в каждом из этих направлений. Социальные функции библиотеки – это и есть её вклад в духовный, творческий и познавательный потенциал человека. Но и библиотека также должна выступать объектом креативности, стратегических преобразований, наполняться новыми концептами, созвучными времени.

Библиотечная сфера связана с понятием «креативная экономика» также через термин «информационная экономика», являющейся одной из главных характеристик информационного (знаниевого) общества. Креативная экономика воспринимается как разновидность информационной, в которой выделяется первичный и вторичный информационные сектора экономики, что, по сути, означает 1 - непосредственную информационную деятельность – СМИ, интернет, образование, наука, право, информационный бизнес и 2 – информационные процессы, обеспечивающие производственную деятельность – маркетинг, реклама, связи с общественностью, юридическое сопровождение и др. Можно сказать в какой-то степени информационная и креативная составляющая производственных и бизнес-процессов – достаточно родственные синкретичной природы категории со схожими линиями интерпретации.

Библиотеки в качестве форпостов информационного общества начинают и выигрывают лидирующую позицию в становлении человека новой информационной и креативной формации. Библиотеки как конденсаторы информационных и документальных потоков берут на себя социальное право аккумулировать научное и культурное достояние через весь спектр документальных источников информации, тем самым создавая полновесную ресурсную базу для информационного обеспечения, сопровождения и обслуживания разнообразных идей, инноваций, проектов, запросов, интересов и т.п. Библиотека, гибкий обновляющийся институт, прогрессирует вместе с обществом, становясь по умолчанию естественным структурным компонентом, необходимым для произрастания «новых» людей. На примере деятельности Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) можно продемонстрировать активное участие главной библиотеки региона в формировании общества, построенного на парадигме креативной экономики. Современная библиотека – это сложносочиненный организм, многие участки которого требуют постоянного совершенствования с учетом динамики внешних процессов, а также внутренних финансовых, организационных и других препятствий, требующих преодоления.

В редакции Закона Республики Саха (Якутия) «О библиотечном деле» от 11.10.2005, 277-З № 565-III получили правовую основу родовые функции Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия): формирование, вечное хранение и предоставление пользователям наиболее полного собрания на принципах исчерпывающей полноты краеведческих и национальных документов, осуществление деятельности Книжной палаты республики, ведение государственного библиографического учета документов республики; создание национальной библиографии и электронного сводного каталога библиотек республики; электронной библиотеки РС (Я) и др. Вся деятельность Национальной библиотеки, внутренняя работа с документами и работа, построенная на взаимодействии с читателями, в конечном счете ориентирована на повышение качества и эффективности информационного обслуживания.

С точки зрения развития библиотечной деятельности в унисон процессов, происходящих в стране, актуальным стал стратегический подход в организации библиотечной работы. Термин «стратегическая инициатива» еще недавно не занимал значительное место в российской экономической литературе. Ситуация радикально изменилась в связи с активной деятельностью в России Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов, благодаря которому понятие «стратегическая инициатива» вошло в широкий дискурс. На сегодняшний день данная дефиниция используются в любой области деятельности, в том числе в библиотечно-информационной. Содержание стратегических инициатив заключается в получении трех взаимосвязанных результатов: стратегического намерения (проекта), реализации важных стратегических преимуществ и трансформации организации. Значимость стратегических инициатив особенно проявляется в практической реализации конкретных проектов, раскрывающие как цели, так и особенности библиотеки любого типа, в первую очередь, центральной библиотеки региона.

Приступая к стратегическому планированию, были изучены основные факторы, как финансовые трудности, серьезные перемены во внешней среде (решающими из них для Библиотеки были перемены в цифровизации общества и в системе образования страны), растущие требования пользователей к ресурсам и обслуживанию. В этих условиях следовало сделать сложный выбор путей оптимального использования финансовых, материальных и трудовых ресурсов Библиотеки. Каждый центр и отдел библиотеки имели возможность заявить о своих приоритетных проектах.

13 ноября 2018 г. был утвержден самый важный для развития библиотеки документ – «Новые стратегические инициативы Национальной библиотеки (2018-2025 годы)», вобравший в себя 11 разделов согласно родовым функциям национальной библиотеки. Все разделы гарантируют максимальную профессиональную самоотдачу в том числе с позиций информационного креативного общества. Остановимся на некоторых из них.

Раздел «Формирование и развитие документных фондов». Это классическая «родовая» функция библиотеки. Фонды, их документальные богатства – плодородная почва для произрастания креатива. Уникальные фонды НБ РС (Я) имеют глубокую историю и являются одним из наиболее значимых воплощений культуры. На 2020 год количественно составляет около 1700 000 экземпляров. Было предложены следующие новые проекты: «Национальная подписка», «Комплектование по требованию», «Создание национального фонда депозитарного хранения книг на языках малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», «Организация документных фондов: экстериорики, спецвидов документов, фотографий и открыток, нумизматики», «Спасение газетного фонда».

Проект «Спасение газетного фонда» должен регенерировать и вернуть к активному пользованию

редчайшую газетную часть библиотечного фонда, достигшую крайнего предела эксплуатации. Если не будут приняты экстренные меры по спасению уникального фонда, есть основания говорить, что масштаб утраты и потерь будет огромен и невосполним. Книгохранилища библиотеки по физическому и санитарно-гигиеническому состоянию зданий, инженерных коммуникаций, пожарной безопасности не соответствуют современным требованиям, предъявляемым к хранению документов, особенно книжных памятников и газет. Разработанная программа методично и поступательно выстраивает «дорожную карту» разрешения проблемной ситуации.

Раздел «Развитие национальной библиографии и каталогизации». Библиографические деятельность обеспечивает динамику и содержание библиотечной работы. Размах библиографической работы диктуется типом библиотеки, но независимо от этого крепкий библиографический фундамент любой библиотеки цементирует все остальные профессиональные процессы. Если говорить глобально, то только через библиографические средства осуществляется доступ исследовательских групп к национальным и международным информационным ресурсам.

Ведущим проектом главной библиотеки является «Государственная библиография: текущий учет документов». Национальный библиографический учет документов состоит из двух подсистем: государственный библиографический учет документов, выпущенных на территории республики; библиографический учет документов, изданных за пределами республики – о республике; о коренных народах Якутии: якутах, эвенах, эвенках, юкагирах, чукчах, долганах; на языках коренных народов Якутии. Также впервые разрабатывается система организации государственного библиографического учета в республике с участием центральных улусных (районных) библиотек как получателей обязательного муниципального экземпляра документов.

В настоящее время в республике не упорядочена система государственного библиографического учета документов и статистических сведений об изданиях в Республике Саха (Якутия) и доставки обязательного экземпляра. Национальной библиотекой РС (Я) разработан проект «Положения о государственном библиографическом учете Республики Саха (Якутия)», в котором на основании Федерального закона «Об обязательном экземпляре документов» и Законе Республики Саха (Якутия)» предложен новый подход к организации системы государственного библиографического и статистического учета документов в республике, предусматривающий вовлечение учреждений, являющихся национальными фондодержателями документов (Республиканская библиотека для слепых, Национальный центр аудиовизуального наследия), и центральные улусные (районные) библиотеки как получатели обязательного муниципального экземпляра документов. С 2018 года возобновлен выпуск государственных библиографических указателей, приостановленный в 1991 г. и впервые будут публиковаться статистические сведения об изданиях в Республике Саха (Якутия).

Библиотека инициирует проект «Каталогизация по требованию». Он предполагает создание электронных каталогов по заявкам юридических и физических лиц, в том числе библиотек научных и образовательных организаций вне зависимости от их ведомственной принадлежности, что позволит сэкономить человеческие и финансовые ресурсы на формировании качественных электронных каталогов. В настоящее время нами разработана технология создания каталогов по требованию, подготовлены каталоги для средних специальных учебных заведений Министерства культуры и духовного развития Республики (Саха) Якутия и Высшей школы музыки РС (Я). Данный проект достаточно перспективен в будущем как дополнительная услуга библиотеки, наравне с консультационными услугами и обучением сотрудников в области каталогизации.

Раздел «Развитие краеведческой библиографии» включает 5 проектов: а) Реконструкция библиографии Якутии Н. Н. Грибановского «Библиография Якутии (на иностранных языках)»; б) Продолжение Библиографии Якутии Н. Н. Грибановского в 15 т. 1932-2022 г.; в) Словарь псевдонимов якутских писателей, ученых и общественных деятелей (реконструкция словаря); г) Серия научно-вспомогательных библиографических указателей «Что читать об улусах (РСЯ)» (35 выпусков) 2018-2025; д) «Якутия на иностранных языках: 1933-2022».

Проект «Продолжение Библиографии Якутии Н.Н. Грибановского – Библиография Якутии 1932-2022 гг.» один из ключевых проектов. Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) приступает к подготовке и изданию многотомного универсального научно-вспомогательного библиографического труда «Библиография Якутии (1932-2022 гг.)». Так, развитие документных ресурсов Якутии в настоящее время создало солидную базу для библиографирования и продолжения фундаментальной Библиографии Якутии Н. Н. Грибановского. Иначе говоря, создаваемая система научно-вспомогательных отраслевых библиографических указателей станет основным источником, объективно подытоживающим развитие той или иной отрасли региональной науки. Созданная библиографическая картина республики позволит судить о поступательном развитии информационной инфраструктуры региона, обслуживающей экономические, общественные и культурные преобразования, происходящие в современных условиях. Накопленный библиографический опыт библиотечных специалистов Якутии свидетельствует о развитой практической школе библиографов, которая сможет тщательно разработать теоретически и технически методику библиографирования, и Библиография Якутии (1932-2022 гг.) станет достойным продолжением Библиографии Якутии Н. Н. Грибановского и образцовым научно-академическим библиографическим трудом.

В настоящее время определена основная составительская группа – библиографирующие центры

региона, участники в производстве библиографических пособий – Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) (НБ РС (Я)), Центральная городская библиотека им. В. Г. Белинского (ЦГБ), Научная библиотека Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (НБ СВФУ), Научная библиотека Якутской государственной сельскохозяйственной академии (НБ ЯГСХА), Центральная научная библиотека Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (ЦНБ ЯНЦ СО РАН). Издание будет состоять из 15 томов и в целом закроет существующую лакуну в библиографировании документов по всем основным отраслям знаний за 1932-2022 годы: Якутский язык, Литература, литературоведение, фольклор, Экономика и демография, Государство и право. Политология, История, археология и этнология, Культура и искусство, Здравоохранение, медицина, Образование, Физическая культура и спорт, Народное хозяйство и промышленность, Полезные ископаемые и геология. Криология. Исключение в хронологическом плане составят реконструкция библиографического указателя Н. Е. Петрова «Якутский язык (1692-1957 гг.)», неизданные указатели Н. Н. Павлова-Тыасыт «Якутская художественная литература 1904-1948 гг.», А. Н. Бученкова «Якутия в русской художественной литературе (1824-1946 гг.)» и Г. С. Тарского «Художественная литература, переведенная и изданная на якутском языке», которые войдут в первый и второй тома. По данным указателям будет применена методика библиографической реконструкции, выработанная при работе над фундаментальным трудом Н. Н. Грибановского, в соответствии с современными требованиями методики составления библиографических указателей и создание полноценного библиографического ресурса, адресованного современному потребителю.

Развитие цифровизации Национальной библиотеки выступает отдельным разделом в стратегических ориентирах. Сюда вошли проекты: а) Национальная электронная библиотека Республики Саха (Якутия) (НЭБ РС (Я)); б) Создание единой библиотечно-информационной среды РС(Я) (на базе ЭБНБ РС (Я), Академии культуры Google (Google Arts & Culture); в) Концепция развития информационно-аналитической деятельности Национальной библиотеки РС (Я); г) Формирование наукометрической базы данных Электронной библиотеки; д) Сохранение и развитию якутского языка в сети Интернет: создание условий по включению якутского языка в машинописные переводчики (Яндекс Переводчик, Google Translate).

Информационная система «Электронная библиотека Национальной библиотеки РС (Я)» ставит своей целью расширение и развитие библиотечно-информационных услуг библиотеки в электронной среде, актуализировавшиеся в условиях пандемии. В 2020 г. произошло переосмысление возможностей электронной библиотеки. В условиях самоизоляции и дистанционной деятельности, потребность в библиотечно-информационном обслуживании со стороны граждан поднялась на несколько порядков. Осуществление комплекса мер и решений, позволивших повысить качественные и количественные показатели библиотечного обслуживания, повысили имидж библиотеки в глазах широких кругов пользователей, государственных и деловых структур.

Сегодня электронная библиотека Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) – это результат синтеза новых информационных технологий (инструмент реализации) и нового взгляда на традиционные библиотечно-библиографические процессы. Результатом стал запуск спектра новых библиотечных услуг, которые доказывают, что возможности ЭБ безграничны! Остановимся на совместных проектах библиотеки и Академии культуры Google (Google Arts & Culture). Академия культуры Google – это международный глобальный сайт, на котором представлены объекты культуры и искусства разных народов из крупнейших музеев и галерей по всему миру, насчитывает более 10 миллионов архивных фотографий, участвует более 3000 культурных учреждений из 40 стран. Google Arts & Culture даёт возможность совершить виртуальное путешествие к наследию искусств разных времён и народов. Здесь собрано несколько десятков тысяч копий работ великих мастеров из сотен музеев и частных коллекций мира. Среди материалов – проект Национальной библиотеки РС (Я) по созданию виртуальных выставок, реализуется в Академии культуры Google. Сегодня можно посмотреть 20 историй и более 350 объектов. Национальная библиотека готова инструктивно содействовать участию любого учреждения в данном проекте.

Национальная библиотека РС (Я) инициировала проект по включению якутского языка и языков коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в сервисы машинописных переводчиков («Яндекс. Переводчик», «Google Translate», «Microsoft») с целью собрать корпус якутского языка и языков КМНС на базе электронной библиотеки (ЭБ) для включения языков в Яндекс. Специалисты библиотеки выполняют огромную трудоёмкую работу, которая не велась в Якутии никогда. Системы машинного перевода представляют собой онлайн-сервисы для осуществления переводов текстов и сайтов. Обязательным требованием для включения любого языка в системы машинного перевода является наличие большого объема текстового материала на национальном языке в сети Интернет. Сегодня ЭБ НБ РС (Я) является той опорной средой для системы машинного перевода. Реализация проекта по поддержке якутского языка и языков КМНС в машинный перевод базе ЭБ позволяет не только готовить материал для системы машинного перевода, но и пополнять контент ЭБ, следовательно, предоставлять населению больший спектр доступных книг на национальных языках Преимущество и эффект от реализации проекта по включению национальных языков в машинописные переводчики многообразны. Во-первых, повышается престиж национальных языков, наличие национальных языков в переводчиках позволит носителям общаться со всем миром на родном языке, а доступность национальной литературы в электронной библиотеке, на базе которой реализуется проект, позволяет иностранным пользователям читать на своем языке якутскую литературу и литературу коренных

народов Севера и Арктики. 27 мая 2020 г. Яндекс анонсировал включение якутского языка в «Яндекс. Переводчик». Таким образом, сервис "Яндекс. Переводчик" при содействии Национальной библиотеки Якутии начал переводить якутский язык на 98 языков и обратно. Сервис доступен на сайте и в мобильном приложении.

Перспективным направлением библиотечного обслуживания является – создание и распространение актуальной аналитической информации. Информационно-аналитическая деятельность при Национальной библиотеке Республики Саха (Якутия) ставит следующие задачи информационного анализа – получение выводного знания по актуальным вопросам жизнедеятельности республики; предоставление пользователю полезной синтезированной информации об объекте для решения конкретных задач; изучение, анализ и прогнозирование развития социальной, экономической, политической и культурной ситуации в регионе; информационно-аналитическое обеспечение актуальной тематики вопросов развития Республики Саха (Якутия). В настоящее время как результат данной инициативы – в электронной библиотеке загружены 7 выпусков информационно-аналитического бюллетеня «Актуальная Якутия», на страницах которого можно ознакомиться с обзорно-аналитическими материалами по проблемам паводков и пожарной ситуации в республике, положению дел со сбором и утилизацией мусора, поднимаются острые социальные вопросы такие как алкоголизм, положение бездомных и многие другие.

Пятый раздел «Стратегических инициатив» посвящен одной из самых значимых гуманитарных проблем мирового уровня – чтению. Разработаны национальные и республиканские проекты чтения – «Читаем Все», «Цифровая (информационная) культура населения», «Сила книги». Они легли в основу Концепции развития библиотечного дела РС (Я) до 2024 г. Данная концепция особое внимание уделяет раннему развитию ребенка. Созданный Центр детского чтения призван реализовать группу проектов, направленных на всемерную культивацию чтения как базового фактора развития интеллекта. В 2020 г. Национальная библиотека республики подала заявку на участие в престижном Всероссийском конкурсе «Самый читающий регион», и победила – Республика Саха (Якутии) в 2020 г. была объявлена самым читающим регионом страны.

Один из многообещающих проектов – «Летай и читай» реализован на основе сотрудничества с Авиакомпанией «Якутия», авиарейсы снабжаются библиотечными книгами, специально подобранными библиотекарями, например компактная серия «Библиотека Полярки», в которую входят произведения местных писателей на русском языке, – это рассказы, повести, сказки, статьи научно-фантастического содержания, приключения, любовные истории, детективы, фэнтэзи, поэзия, и др. Для первого борта с книгами по маршруту Якутск – Олёкминск было подобрано 192 издания. Косвенным подтверждением популярности проекта может быть личное свидетельство – высказывание одного из пассажиров авиарейса, когда тот, не обнаружив книг в кармане сиденья раздосадовано прореагировал: «Даже книг здесь нет». С августа 2018 г. начато обслуживание электронными документами в системе беспроводной связи Air Fi. Основу первой тематической подборки Электронной библиотеки составили книги краеведческого содержания: о республике, её истории, природе, литературе и культуре. Библиотека стремилась подобрать издания, которые будут интересные, как жителям Якутии, так и её гостям.

Немаловажным и обязательном направлением деятельности центральных библиотек регионов является научно-исследовательская работа, предметный охват может быть достаточно широкий и включать все библиотечно-библиографические участки и процессы. Но главный фарватер лежит в плоскости изучения изучения региональной и национальной книжности, в историко-культурном разрезе анализ документального, письменного и неписьменного наследия – это часть истории народа, а также сильная источниковедческая база для осуществления исторических и других науковедческих исследований. В планы Национальной библиотеки Якутии входит создание коллективной монографии «Книжная культура Республики Саха (Якутии), XX-XI век». В монографии будет собран, обработан и проанализирован фактический материал, характеризующий динамику развития книжной культуры в Якутии с прошлого века по настоящее время. Исследование продолжит ранее выпущенные коллективная монографии «История книжной культуры Якутии до 1917 г.» и авторская монография С. В. Максимовой «Книжное дело в Якутии в советский период» – и позволит обогатить имеющиеся представления о развитии книжного дела в республике.

Капитальная и многозадачная работа осуществляется Региональным центром книжных памятников при Национальной библиотеке РС (Я). Свое развитие он видит в реализации следующих проектов а) «Региональный свод книжных памятников РС (Я)», б) Каталог «Русская книга в фондах Национальной библиотеки РС(Я)» 1. Период: 1749-1830; 2. Период: 1831-1917; в) Каталог «Экслибрисы в фонде Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия)», г) «Каталог рукописных нот якутских композиторов»; д) запланированы археографические экспедиции: «По следам первой якутской книги», «По следам библиотеки В. В. Никифорова».

Креативная деятельность самой библиотеки находит самое яркое воплощение в создании краеведческого контента – знаний, информационных источников, организации мероприятий. Большой пласт занимают историко-культурные проекты – издание собрания сочинений в 10 томах М. Н. Жиркова, собрание сочинений в 5 т. Г. А. Григоряна, наследия Михаила Зиновьевича Винокурова: сборника документов в 4 томах, «Ороченско-русского и русско-ороченского словаря» С. М. Широкогорова, 2-х томной монографии «Эвенки» Г. М. Василевич, «Якутской энциклопедии» в 3 томах, полного собрания сочинений Г. В. Ксенофонтова

в 10 томах. Отдельно запланированы издания к 100-летию Национальной библиотеки – «Кто есть кто в Национальной библиотеке Республики Саха (Якутия) (1925-2025 гг.)», коллективные монографии – «100 лет на рубеже XX-XXI веков», «Читатель Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия)».

Проект «Русская книга в фондах Национальной библиотеки РС(Я)» выделяет два периода – 1749-1830 гг. и 1831-1917 гг. Хронологические рамки каталога определены с 1749 г. – года издания самой ранней книги гражданской печати, имеющейся в фондах НБ РС (Я) – до 1917 г. включительно. Работа над данным каталогом базируется на методике, выработанной при составлении Сводного каталога якутской книги, поэкземплярное описание издания. Данный каталог должен максимально полно отразить интереснейшее с исторической точки зрения книжное собрание – коллекцию старопечатной русской книги «Научно-исследовательского центра книжных памятников Национальной библиотеки РС (Я)».

В настоящее время основной массив нотных рукописей якутских композиторов хранится в Научно-исследовательском центре книжных памятников. Собрание сочинений в 10 томах первого профессионального композитора М. Н. Жирков разработано на основе изучения материалов рукописной коллекции. Коллекция издается впервые. В настоящее время издано 4 тома. I том – «100 якутских песен» в двух частях: 1-я часть – песни для голоса с фортепиано. 2-я часть – песни для хора с фортепиано; Клавир оперы «Сыгый Кырынаастыр» на якутском языке; «Балетные сцены», партитура, впервые найденная в фондах библиотеки. В 2020 г. выйдут - фольклорные записи М. Н. Жиркова и научные труды М. Н. Жиркова;

Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) целенаправленно формирует фонд учёных-североведов, в настоящее время хранится 17 личных рукописных и архивных коллекций известных ученых, писателей, видных лиц республики, среди которых коллекции Г. М. Василевич, И. С. Гурвича, К. А. Новиковой, Л. И. и Ю. А. Сем, Ч. М. Таксами и др. В этих фондах оказались редчайшие рукописи С. М. Широкогорова и Г. М. Василевич. (Кунсткамера последние 50 лет неизменно вела поиски по всему миру рукописей Ороченско-русского и Русско-ороченского словаря С. М. Широкогорова и 2 тома «Эвенки» Г. М. Василевич.

Проект по подготовке и публикации Ороченско-русского и Русско-ороченского словаря С. М. Широкогорова, собранного в 1912-1913 годах имеет крайне важное научное и социальное значение как для российской общественности и научной среды, так и для мирового круга читателей. Последний подобный словарь Широкогорова был опубликован как фотоматериал рукописи в Токио в 1944 году. Сергей Михайлович Широкогоров – крупнейший российский этнолог-тунгусовед, чьи труды известны и давно оценены по всему миру.

Монография «Эвенки» Г. М. Василевич в 2 т. посвящена самой многочисленной и самому расселенному народу Севера, ранее называемой тунгусами. Работа публикуется впервые. В монографии, кроме литературных, музейных и архивных источников, использованы материалы, собранные автором в длительных экспедициях на протяжении 1925-1960 гг. к разным группам эвенков. В исследовании говорится о расселении и численности эвенков, истории изучения этого народа, ставится проблема этногенеза, освещены вопросы хозяйства, культуры, семейного быта и др.

Данные проекты – совместные издательские проекты с Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Грандиозный проект – издание «Полного собрания сочинений Г. В. Ксенофонтова» в 10 томах. Совместный проект с Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера. Г. В. Ксенофонтов, крупный учёный-этнограф, просветитель, общественно-политический деятель, относится к первой плеяде демократической национальной интеллигенции, стоявшей у истоков пробуждения национального самосознания якутов. Настало время провести комплексное и объективное исследование жизни и деятельности Г. В. Ксенофонтова. Оно должно быть проведено с учётом процесса обновления исторической науки, с учётом тех колоссальных изменений в самой природе исторического познания, когда меняется многое: предмет истории, методологические и гносеологические принципы, исследовательские методы, научные подходы, приоритеты. В этих условиях большое значение приобретает издание научного наследия, хранящегося в архиве ИГИиПМНС. Национальная библиотека провела полную оцифровку рукописного наследия Г. В. Ксенофонтова, более 60 тыс. страниц, также ведется подготовка к изданию 10 томов, в настоящее время подготовлен для научной редакции 1 том.

Национальная библиотека республики выступает руководящим и координирующим центром по развитию муниципальных библиотек. По данному направлению деятельности актуальны проекты – «Развитие корпоративной библиотечно-информационной сети Республики Саха (Якутия) (КБИС)», «Современные модели библиотек», «Муниципальная цифровая библиотека», «Современное библиотечное пространство: дизайн-проект для муниципальных библиотек, «Древо предков: создание при муниципальных библиотеках краеведческих центров генеалогического наследия предков», Библиотечный десант «БиблиоКарта Якутии», Создание системы переподготовки и повышения квалификации библиотечных работников Республики Саха (Якутия), Создание «Библиотечной энциклопедии Республики Саха (Якутия)».

Национальная библиотека наметила и уже реализует проекты и программы по таким векторам развития как «Международное, российское и региональное сотрудничество», «Развитие инфраструктуры и модернизация НБ», «Развитие филиалов НБ РС (Я)», «Новые стратегические инициативы Николаев-Центра», «Новые стратегические инициативы Борисов-Центра», «Новые стратегические инициативы

Центра детского чтения Национальной библиотеки РС (Я)».

Не так просто связать креативную экономику с прозой библиотечной деятельности, но «проза» текущей и будущей жизнедеятельности Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) является наглядным доказательством источника креативной энергии.

Литература

1. Антопольский А. Б. Электронные библиотеки : принципы создания : научно-методическое пособие / А. Б. Антопольский, Т. В. Майстрович. – Москва : Либерея-Бибинформ, 2007. – 283 с. : табл. – (Серия "Библиотекарь и время, XXI век" ; № 56).

2. Армс В. Электронные библиотеки : учебное пособие для обучения в вузах по курсам "Информатика" и "Информационные системы" / Вильям Армс; [перевод с английского Арнаутова С. А.; научный редактор перевода Максимов Н. В.]. – Москва : ПИК, 2002. – 275 с.

3. Бойкова О. Ф. Электронная библиотека : вопросы правового обеспечения взаимоотношений собственника и пользователя электронных информационных ресурсов / О. Ф. Бойкова // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2004. – № 2. – С. 68-75.

4. Вислый А. И. Национальная электронная библиотека : современное состояние / А. И. Вислый // Государственная культурная политика : роль библиотек : материалы Ежегодного совещания руководителей федеральных и центральных региональных библиотек России, Санкт-Петербург, 20-21 октября 2015 г. – Санкт-Петербург : РНБ, 2016. – С. 18-21.

5. Воройский Ф. С. Основы проектирования автоматизированных библиотечно-информационных систем / Ф. С. Воройский. - [2-е изд., доп. и перераб.]. – Москва : ФИЗМАТЛИТ, 2008. – 453 с.

6. Жабко Е. Д. Электронные библиотеки как объект научных исследований / Е. Д. Жабко // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 4. – С. 54-60.

7. Земсков А. И. Электронные библиотеки : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 052700 "Библиотечно-информационная деятельность" / А. И. Земсков, Я. Л. Шрайберг. – Москва : Либерия, 2003. – 351 с. : ил., табл.

8. Инфосфера : информационные структуры, системы и процессы в науке и обществе / Арский Ю. М., Гиляревский Р. С., Туров И. С., Чёрный А. И. – Москва : ВИНИТИ РАН, 1996. – 489 с.

9. Калёнов Н. Е. Музейная информация в Электронной библиотеке «Научное наследие России» / Н. Е. Калёнов, И. Г. Малахова // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения. – Новосибирск : Автограф, 2014. – С. 97-100.

10. Логинов Б. Р. Концепция модернизации ЦНМБ 2016 / Б. Р. Логинов // Научные библиотеки в информационном обществе : характер деятельности и пути развития. – Казань : Медицина, 2016. – С. 22-36.

11. Майстрович Т. В. Типология электронных библиотек / Т. В. Майстрович // Современные технологии интеграции информационных ресурсов. – Санкт-Петербург : ФГБУ "Президентская б-ка им. Б. Н. Ельцина", 2011. – С. 46-53.

12. Матвеев М. Ю. Национальные библиотеки : на пути к цифровому будущему / М. Ю. Матвеев // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 2 (31). – С. 88-95.

13. Нещерет М. Ю. Цифровизация процессов обслуживания в библиотеках – это уже реальность / М. Ю. Нещерет // Библиосфера. – 2019. – № 2. – С. 19-25.

14. Савицкая Т. Е. Электронные библиотеки США : монография / Т. Е. Савицкая ; Российская государственная библиотека. – Москва : Пашков дом, 2019. – 204 с.

15. Соколов А. В. Информационно-поисковые системы : учебное пособие для вузов / А. В. Соколов. – Москва : Радио и связь, 1981. – 152 с.

16. Тараканов К. В. Информатика / [Тараканов К. В. и др.] ; под редакцией К. В. Тараканова. – Москва : Книга, 1986. – 303 с.

17. Шлыкова О. В. Культура мультимедиа : учебное пособие для студентов вузов / О. В. Шлыкова ; Московский государственный университет культуры и искусств. – Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 414 с.

18. Шрайберг Я. Л. Автоматизация как новое научное направление в библиотечно-информационной области : десять главных принципов автоматизации / Я. Л. Шрайберг // Научные и технические библиотеки. – 2000. – № 2. – С. 5-11.

УДК 004.9:008(98)

А. Р. Баторов, О.В. Шлыкова

ДИГИТАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АРКТИКИ

В статье рассматриваются основные направления развития процессов цифровизации культуры, отмечаются, что в современных условиях глобального управления и культурного обмена социальных систем и институтов серьезной проблемой выступает потеря целого ряда элементов культуры. Поэтому проекты, связанные с оцифровкой культурного наследия, выступают актуальным способов сохранения ценностей, которые могут быть утрачены в силу стихийных бедствий, других обстоятельств, но должны сохраняться в учреждениях памяти для передачи от одного поколения к другому, в т.ч. и в цифровом формате. Подробно рассматривается уникальный опыт Арктического государственного института культуры по разработке межкафедрального проекта, реализуемого преподавателями и студентами, электронный фонограммархив «Музыкальный фольклор народов Арктики» – своего рода электронная летопись, позволяющая запечатлевать культурные ценности, широко транслировать их в социокультурном пространстве настоящего и будущего.

Ключевые слова: *Цифровые трансформации культуры, цифровая культура, дигитализация культурного наследия, оцифровка объектов культуры, фонограммархив.*

Afanasiy Batorov, Olga Shlykova

DIGITALIZATION OF THE CULTURAL HERITAGE OF THE ARCTIC

The article considers the main directions of the development of the processes of digitalization of culture, notes that in the modern conditions of global governance and cultural exchange of social systems and institutions, the loss of a number of cultural elements is a serious problem. Therefore, projects related to the digitization of cultural heritage are relevant ways to preserve values that may be lost due to natural disasters or other circumstances, but must be preserved in memory institutions for transmission from one generation to another, including in digital format. The unique experience of the Arctic State Institute of Culture in developing an interdepartmental project implemented by teachers and students, the electronic phonogram archive «Musical Folklore of the peoples of the Arctic» – a kind of electronic chronicle that allows you to capture cultural values, widely broadcast them in the socio-cultural space of the present and future.

Keywords: *Digital transformations of culture, digital culture, digitalization of cultural heritage, digitization of cultural objects, phonogram archive.*

Цифровизация регионов Арктики – важнейшая стратегическая задача для России. За последние годы на этом направлении реализовано значительное число проектов, в том числе федерального характера, связанных с цифровой трансформацией экономики, социального сектора и культуры.

В марте 2020 года Президент России подписал Указ об основах государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 года, где центральной стала тема цифровизации во всей ее многоаспектности. Кроме того, подготовлена Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности до 2035 года.

Как показывает рейтинг информационной активности культурной жизни РС (Я), за первое полугодие 2020 года он существенно повысился в группе регионов с населением до 1 млн. Это касается и учреждений культуры и количества подтвержденных событий по региону [11].

Процесс цифровизации и уровень состояния цифровой культуры свидетельствуют, что в современном общества формируется новая методология, принципиально иное мировоззрение, существенным образом меняющие привычный образ жизни и типы культурных практик.

Технологические достижения времени (комфорт в управлении, использовании информации, оперативности коммуникации и трансляции цифровых потоков) также существенно отражают свойства как социального, так и антропологического характера, имея прямое отношение к человеку и его бытию.

Цифровое сжатие объемов информации, мгновенный процесс ее передачи посредством цифровых технологий, виртуальных мостов между прошлым, настоящим и будущим резко усилили тенденцию, которая прослеживается на всем протяжении развития человечества. Это стремление к получению все большего количества информации, причем разного типа – аудио, видео, текстовой информации в их культурном разнообразии. Однако в настоящее время особенностями информационной реальности – эпохи «больших данных» становится ориентация на интегрированные способы трансляции и типы цифровых потоков, рассчитанные на разные уровни потребностей общества. На человека обрушивается вал информации, в том числе непроверенных данных, которые требуется освоить и интерпретировать. Достаточно сказать, что

эксперты ведущего поставщика информации и консультативных услуг IDC отмечают рост объема данных к 2025 году во всем мире. Он составит 163 зеттабайт (где 1 Zb составляет 10 в 21 степени байтов). Это в 10 раз больше, чем объем данных по состоянию на 2016 г.[1] Среди них только пятая часть данных является критически важной. Поэтому актуальной становится задача структуризации информации, упорядочения, определения ее релевантности и действительной необходимости для насущных проблем человека.

Переломные моменты во всемирной истории и новые этапы развития цивилизации стимулируют цифровые трансформации культуры.

Если термины «цифровая культура», «мультимедийная культура», «цифровые медиа», «электронные коммуникации» активно ворвались в нашу лексику и культурные практики в конце 90-х годов XX века, что было обусловлено активным развитием «четвертой революции». Соответственно обновленная социокультурная среда потребовала от системы гуманитарного знания адекватной реакции, развития нового исследовательского инструментария, методов изучения реальности на стыке пересечения «цифровых технологий», научных практик и социокультурного – шире – гуманитарного знания [10].

Ряд исследователей связывают феномен цифровой культуры в узком смысле слова с частью культуры, которая воспринимается как совокупный объект отраслевого подхода управления Министерства культуры РФ – учреждения культуры, библиотеки, музеи, театры, парки и т.д. Поэтому под цифровизация традиционных объектов и ресурсов учреждений культуры осуществляется на основе меняющихся и появляющихся современных информационно-коммуникационных технологий.

В объём данного понятия «цифровая культура» входят электронные библиотеки, виртуальные музеи, мультимедийные реконструкции памятников, семантическая сеть Интернет, позднее AR – (от англ. augmented reality, технологии дополненной реальности), VR – (от англ. virtual reality, виртуальной реальности), ныне – MR (от англ. mixed reality) смешанные технологии. При этом виртуальный контент получил распространение от полной реальности до тотального виртуального окружения с дополненными реальностью и виртуальностью внутри него.

И, хотя, по данным аналитической компании SuperData, рынок виртуальной реальности вырос к 2020 году в 20 раз, постепенно он начинает уступать свои позиции технологиям смешанной реальности, которые активно используются не только в строительстве, промышленности, но и при информационном моделировании культурного наследия, исторических зданий, например [6].

Ряд экспертов полагают, что корректнее более широкая трактовка феномена цифровой культуры, согласно которой – это качественно новая социально-антропологическая реальность, являющая собой нечто большее, чем инструментальное использование технических возможностей: принципиально иная цифровая сфера социокультурной деятельности человека или, другими словами, культурная реальность цифровой среды, обрастающей новыми формами коммуникативного воздействия на человека [16].

Некоторые исследователи рассматривают цифровизацию как драйвер новых парадигм, концепций и подходов к государственному управлению, основанного на цифровизации процессов и функции «трансформирующегося государственного управления», где степень влияния граждан на принятие решений посредством цифровых технологии и цифровизации, нацеленных на упрощение организационных структур, экономию ресурсов. С развитием цифровизации связывают появление цифровой культуры как культуры «гибкого», смарт управления с элементами обратной связи, которая дает возможность повышения его результативности и действенности [7].

---

[1] Данные компании IDC (International Data Corporation). Режим доступа: https://aboutdata.ru/2017/04/27/volume-of-data-by-2025/.

В этом плане каждая трактовка и концепт предполагают свою логику реализации процессов цифровизации, адаптации человека и конкретных институций к новым условиям, Так или иначе культурное разнообразие сред требует того, чтобы окружающие пространства становились встроенными в новый цифровой миропорядок.

Появляется третье поколение умных городов, в которых интеллектуализация городского пространства обусловлена комплексной цифровой трансформацией. Последняя становится драйвером социально-экономического и социокультурного развития [8].

В умном цифровом городе управление осуществляется на основе больших данных («data-driven city» – управляемый данными город), которые становятся ядром городской экосистемы и всех ее звеньев – умной системы проживания, умной мобильности, умной экологии и культуры, умных жителей.

Понимание **цифровой культуры** как цифровой сферы коммуникаций, системы отношений предполагает не столько опору на применение новых технологий, сколько запуск новых возможностей моделей государственного управления, включая трансформации социальных отношений, системы ценностей, норм, стереотипов поведения.

Нельзя не отметить, что технологические знания и цифровые компетенции составляют существенную часть культуры, встраиваются в её новые ритуалы и нормы.

Очевидно, что и повседневные культурные практики XX1 века не только привносят в лексику новые понятия (блокчейн, большие данные, умные контракты, цифровые города и виртуальные культурные пространства), методы проектирования стартапов, управленческих решений, основанных на принципиально иных он-лайн-платформах, информационно-коммуникативных системах распределения и обмена услугами-благами, но и высвечивают этические коллизии меняющейся экосистемы.

Дигитализация культурного наследия – один из способов сохранения ценностей, которые могут быть утрачены в силу стихийных бедствий, других обстоятельств, но должны сохраняться в учреждениях памяти для передачи от одного поколения к другому, в т.ч. и в электронной виде. Электронная летопись, как и летопись традиционная, позволяет запечатлевать культурные ценности, широко транслировать их в пространстве и во времени.

Долгосрочное сохранение цифрового наследия – проблема сложная и актуальная. Не случайно принимаются на межгосударственном уровне такие масштабные программы по сохранению цифровых хранилищ, как: «Хартия о сохранении цифрового наследия» (ЮНЕСКО, 2003), Национальная программа по сохранению и дигитализации информационной инфраструктуры (США), программы и проекты Евросоюза по электронным визуальным искусствам как итог принятия в 2002 году «Резолюции по сохранению памяти будущего – сохранению цифрового контента для будущих поколений». В Российской Федерации эту миссию в определенной степени реализует Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина, ее региональные центры в субъектах РФ и другие.

Наряду с международной и государственной политикой в области информатизации и дигитализации культуры, большое значение имеют обоснования методологических принципов сохранения культурного наследия в электронном виде, нормативно-правовая база и стандарты, которые находятся еще в начальной стадии развития. В нашей стране научные исследования в этой области активизировались в начале 2000-х гг., стимулируя технологические разработки, нацеленные на внедрение и освоение цифрового наследия в реальных культурных практиках.

Сегодня формируется инфосфера со своим особым статусом, перспективными возможностями, нормативными установками и прогнозами на будущее, которая базируется на информационно-коммуникационных технологиях, связанных с развитием знаковых мультимедийных систем, мировоззренческих и нравственных универсалий информационного общества.

Безусловно, что для формирования единого информационного социокультурного пространства Севера необходимо:

- выявление жизнеустойчивых подходов к пониманию мира, человека в стремительно меняющейся системе ценностей;
- поиск и обоснование эффективных способов коммуникации (в том числе и электронных), которые будут способствовать синтезу различных видов культуротворчества, тиражированию позитивных культурных практик, обеспечивающих брендирование территории и освоение новых поселенческих программ устойчивого развития;
- разработка новой модели освоения Арктики, связанной с использованием и воспроизводством гуманитарных ресурсов, интеллектуального потенциала, развитие культурологического образования, ядро которого составляют духовные ценности и этнокультурная идентичность коренных малочисленных народов Севера;
- развитие инновационного ИКТ-кластера, формирование базовой структуры для объединения усилий разрозненных субъектов по созданию образовательных условий вхождения региона в информационное общество;
- определение со стороны органов власти социального заказа на подготовку кадров с ИКТ-компетенциями разного уровня, что позволит готовить учебники XXI века, обеспечивать образовательные тренинги для педагогов разных профилей;

- разработка и реализация целостной программы электронной культуры, включающей:
- оцифровку ресурсов области, представление в Сети достижений культуры и науки;
- формирование образовательных порталов, своего рода окна доступа к культурному наследию, отражающему интеллектуальный ресурс республики, региона, страны;
- создание и поддержку проектов по развитию электронных образовательных ресурсов о КМНС и для воспроизводства носителей культуры;
- организацию систематического мониторинга (раз в год, например) и инвентаризации ресурсов и услуг для корректировки нормативно-правовой базы; обеспечения информационной безопасности и защиты интеллектуальной собственности;
- реализацию обучающих мероприятий для специалистов учреждений культуры, создание условий для повышения как базовых, так и предметно-углубленных ИКТ-компетенций кадров (в т. ч. и руководящего состава), внедрение системы вебинаров и других форм профессионального развития [4].

Дигитализация предъявляет современному информационному обществу новые вызовы, риски и угрозы [5].

Оцифровывая культурное наследие, специалисты сталкиваются с серьезными трудностями: нужно не просто сохранить на электронном носителе документ, но и показать, какие части музея, например, имеют реальные прототипы в физическом мире, а какие части виртуальны. Иначе в будущем не будет возможности отличить их друг от друга. Совершенно очевидна необходимость разработки критериев, с помощью которых можно распознать, являются ли объекты культуры реальными или воображаемыми, какие музеи являются виртуальными представительствами реальных музеев, а какие воображаемыми.

В настоящее время одной из приоритетных стратегических государственных задач является формирование единого электронного пространства знаний как на уровне Российской Федерации, так и на уровне регионов. Основу единого российского электронного пространства знаний должны составить оцифрованные книжные, архивные, музейные фонды, то есть информационные ресурсы, переведенные в электронный формат. Среди путей формирования пространства знаний в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы выделяют создание информационных систем, включающих в себя объекты исторического, научного и культурного наследия народов Российской Федерации.

Цифровизация культурного наследия народов Арктики имеет жизненно важное значение для сохранения культурной самобытности и играет существенную роль в формировании будущего страны, региона, республики. Вузы Якутии активно включились в проекты по формированию единого пространства знаний на основе оцифрованных книжных, архивных, музейных фондов, собранных в информационном портале «Культурное наследие Арктики» для сохранения культурного наследия коренных народов Арктики, обеспечение доступа к нему и расширение информации о его важности и необходимости сохранения, содействие развитию науки, культуры и образования. Большой вклад в оцифровку культурного наследие и осмысление цифровизации культуры вносят Институт гуманитарных исследований и малочисленных народов Севера СО РАН, кафедры ЮНЕСКО Северо-Восточного Федерального университета им М. К. Амосова и др. [9].

Арктический государственный институт культуры и искусств (АГИКИ) с 2010 г. на базе кафедры прикладной информатики совместно с другими подразделениями вуза, а также с Национальной библиотекой Республики Саха (Якутия) ведет большую работу по цифровизации культуры: Книжные памятники Арктики, редчайшие музейные экспонаты Арктики, фонограммархив «Музыкальный фольклор народов Арктики», Рукописные архивы культурного наследия Арктики [14, 15]. Большое значение при реализации данного проекта придается раскрытию содержательной, исторической и культурной ценности документов. Под этим подразумевается подготовка:

– вводных статей и научных комментариев;

– информации о степени исследованности документов и круге исследователей;

– библиографии работ, посвященных этим документам;

– справочно-поискового аппарата;

– описание истории создания и бытования оригиналов документов, их особенностей в справочных изданиях, антологиях, монографиях и статьях.

Остановимся на характеристике специфичных информационных ресурсов культуры Арктики – фонограммархив «Музыкальный фольклор народов Арктики» (http://old.agiki.ru/music), в которых наглядно проявляются тенденции цифровизации, выражающиеся в появлении новых объектов информационного рынка – цифровых информационных ресурсов (продуктов, товаров) и новых субъектов – цифровых потребителей и цифровых производителей.

Фонограммархив «Музыкальный фольклор народов Арктики» основан на музыкально-этнографических исследованиях, проводимых в АГИКИ этномузыковедом Ю.И. Шейкиным и его плеядой учеников-последователей О.Э. Добжанской, В.С. Никифоровой и Т.И. Игнатьевой. В течение более чем 50 лет в различных регионах Сибири и Дальнего Востока в ходе экспедиций ими создан по единой методике и выработанным научным принципам огромный уникальный этнографический массив данных. Следует отметить, что по музыкальной культуре народов Севера Сибири и Дальнего Востока отсутствуют работы комплексного характера, в основном представлены отдельные народы. Во многом это обусловлено трудно-

доступностью для исследователей музыкально-фольклорных материалов, хранящихся разрозненно в различных частных и государственных собраниях, а также неудовлетворительным техническим состоянием фонозаписей и сопровождающей их научной документацией. Поэтому проект команды АГИКИ по сбору контента в области традиционной музыкальной культуры народов Севера Сибири и Дальнего Востока имеет определённую ценность для развития современной отечественной музыкальной фольклористики.

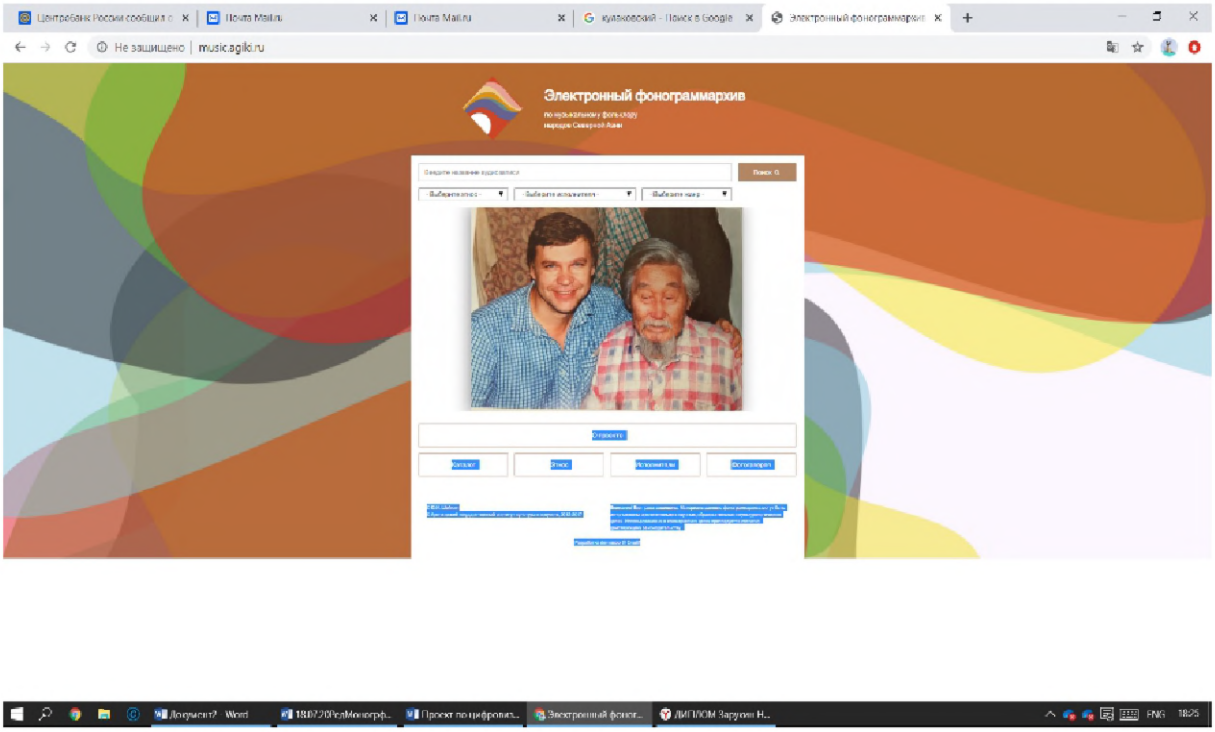

Рисунок 1 – Веб-сайт «Электронный фонограммархив по музыкальному фольклору народов Северной Азии»

По мнению Ю. И. Шейкина, собранный и частично опубликованный исследовательский материал требует не только комплексной научной, но и специальной – педагогической работы. Основная цель Электронного фонограммархива – сохранение наследия народов Арктики как части мирового культурного наследия и обеспечение доступа к нему с помощью современных информационных технологий.

Создание электронного фонограммархива в вузовском образовательном учреждении культуры и искусства связано с целями формирования особой научно-образовательной и творчески ориентированной среды посредством сохранения и популяризации объектов нематериального культурного наследия.

Еще в 2010 году кафедрами искусствоведения и информатики АГИКИ был подготовлен совместный творческий проект, направленный на создание информационной системы «Электронный фонограммархив по музыкальному фольклору народов Северной Азии», реализованный, благодаря поддержке гранта РГНФ (проект № 10-04-12111в). Отобран звуковой материал для создания базовой версии электронного фонограммархива на основе музыкального фольклора тунгусо-маньчжурских народов Приморского и Хабаровского краев (удэ, уссурийские нанайцы и др.), отражающий цифровой след уникальных культур для сохранения и трансляции ценнейших материалов в глобальном информационном мире.

Необходимость создания электронного фонограммархива обусловлена тем, что уникальный исследовательский архив фонозаписей, собранный этномузыковедом Ю. И. Шейкиным в течение длительного периода времени в различных регионах Сибири и Дальнего Востока, находится под угрозой исчезновения. В связи с физическим состоянием магнитных лент и аудиокассет, на которых собирателем производились звукозаписи во второй половине XX столетия, а также труднодоступностью и износом технических средств и носителей для их воспроизведения, возникают серьезные проблемы по дальнейшему сохранению коллекции звукозаписей. Основной целью данного проекта является создание открытой информационной системы, в рамках которой будет функционировать электронный фонограммархив по музыкальному фольклору народов Северной Азии.

В процессе работы были оцифрованы и частично отреставрированы уникальные аудиозаписи, собранные в результате нескольких музыкально-этнографических экспедиций. В каталоге аудиозаписей содержится информация об экспедициях, исполнителях, собирателях, жанрах и формах исполнения музыкального фольклора.

В процессе работы по созданию информационной системы были разработаны и апробированы мульти

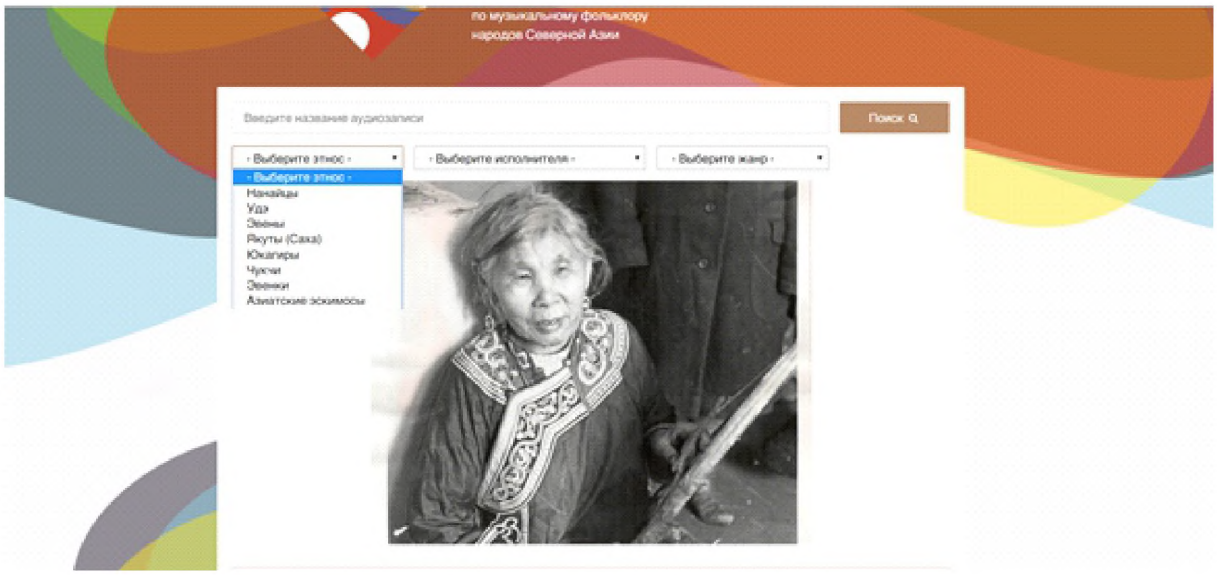

Рисунок 2 – Представление народов в Веб-сайте «Электронный фонограммархив»

медийные диски по музыкальному фольклору самодийских, енисейских и югорских народов Северной Азии, опубликованы статьи в научных журналах и сборниках. Перевод звукозаписей в электронную форму и редакция экспедиционных материалов по музыкальному фольклору удэгейцев в рамках данного проекта позволили внести уточнения и дополнения в нотации и научно-справочный аппарат опубликованной монографии Ю. И. Шейкина «Жанры музыкального фольклора удэ» [14]. Результаты данного проекта позволят ввести в научный и культурный оборот новый музыкально-этнографический материал, собранный этномузыковедом Ю. И. Шейкиным в течение длительного периода времени по единой методике и определенным научным принципам.

На основе созданной базовой версии электронного фонограммархива, в дальнейшем, по мере появления новых возможностей по реставрации и переводу в цифровой формат звуковых материалов, планируется его расширение и дополнение новыми аудиозаписями по музыкальной культуре других народов Северной Азии. Сведения и звуковые материалы, содержащиеся в фонограммархиве, могут быть использованы в образовательной, научной и культурной практике различными специалистами (музыковедами, композиторами, этнографами, фольклористами, филологами, лингвистами и др.), а также школьниками, студентами, преподавателями, участниками фольклорных коллективов и всеми теми, кто интересуется традиционной культурой и фольклором народов Сибири и Дальнего Востока.

Коллекция экспедиционных фонозаписей или полевых материалов автора (далее – ПМА), собранная Ю. И. Шейкиным как самостоятельно, так и с участием учеников и коллег на протяжении нескольких десятилетий в различных регионах Северной Азии, содержит уникальные образцы музыкального фольклора коренных сибирских народов. Началом активной экспедиционной и научно-исследовательской деятельности Ю. И. Шейкина стали поездки на Сахалин и Камчатку в 1966 -1967 гг. под руководством композитора и музыковеда И. А. Бродского, этнографа Ю. А. Сема и лингвиста Л. И. Сем. В эти поездки были осуществлены фонозаписи музыкального фольклора айнов, нивхов, орочей, нанайцев, корейцев, чукчей и эскимосов. В студенческие годы и годы учебы в аспирантуре состоялись многочисленные экспедиции Ю. И. Шейкина в Приморском и Хабаровском краях, в результате которых были собраны аудиоматериалы по музыкальному фольклору тунгусо-маньчжурских народов: удэ, уссурийских нанайцев, нивхов, ульчей, орочей и др. Это были как самостоятельные исследовательские поездки в регионы проживания изучаемых этносов, так и экспедиции в качестве руководителя фольклорной практики группы студентов-музыковедов Дальневосточного педагогического института искусств (ДВПИИ).

В 2014 году в рамках деятельности Лаборатории комплексных геокультурных исследований (грант РНФ 14-38-00031) были проведены комплексные экспедиции в Магаданскую область, Таймырский АО, Оленёкский эвенкийский национальный район Республики Саха (Якутия). Музыкально-этнографический материал экспедиций размещен в настоящем Фонограммархиве. В 2015 году фонд фонограммархива пополнился также музыкально-этнографическими материалами комплексной экспедиции в Чукотский автономный округ. В каталоге аудиозаписей содержатся сведения об экспедициях (полевые материалы автора – ПМА), времени и месте записи, информация об исполнителях, собирателях, жанрах и формах исполнения музыкального фольклора.

Живое звучание фольклорного произведения представляет аудиозапись, оцифрованная и, в некоторых случаях, частично отреставрированная собирателем. К сожалению, некоторые аудиозаписи или аудиокассеты были утеряны или сохранились в неудовлетворительном техническом состоянии. Поэтому в отдельных

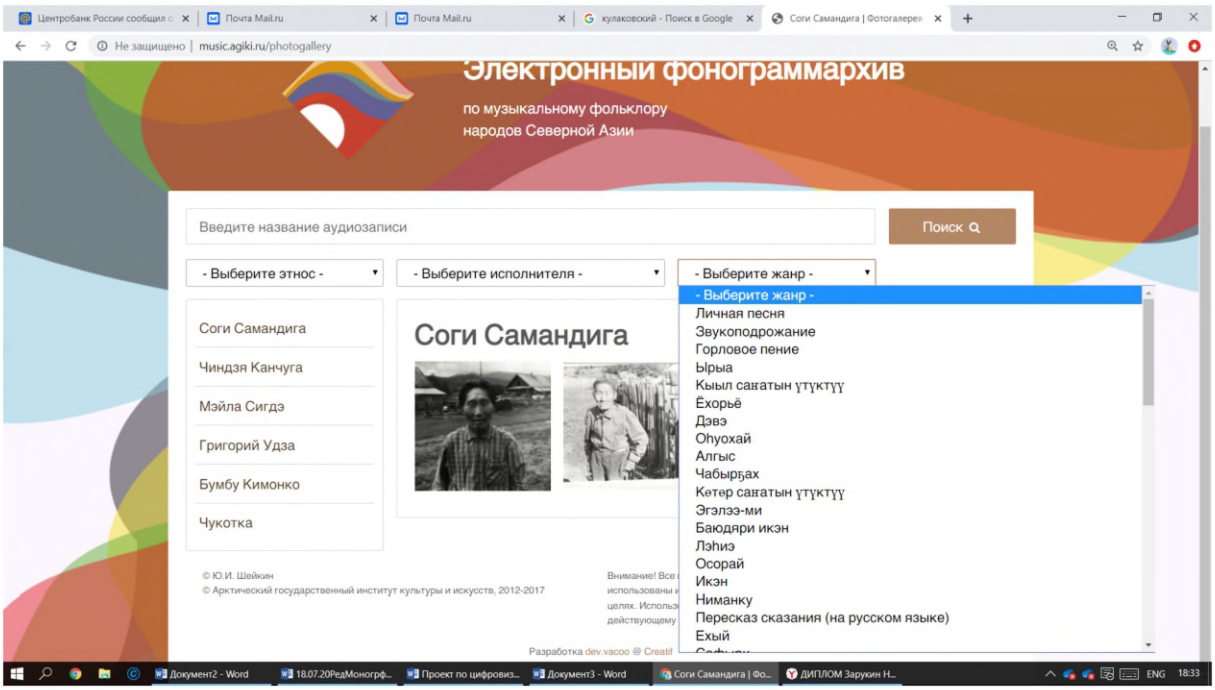

Рисунок 3 – Представление каталога на веб-сайте «Электронный фонограммархив»

случаях, при отсутствии звуковой составляющей, порядок нумерации аудиозаписей сохраняется в соответствии с рукописными записями в полевом дневнике.

По компонентному составу электронный фонограммархив можно разделить на три группы: аудиоряд, графическая составляющая и текстовая информация.

Аудиоряд включает оригинальный звуковой материал с комплексным описанием звукового материала. В процессе работы были переведены в цифровой формат ценнейшие аудиозаписи по музыкальному фольклору народов Сибири и Дальнего Востока, произведена их частичная реставрация и составлен комментарий.

Графическая составляющая содержит различный иллюстративный материал: фотографии, карты, рисунки и др. Графическая информация связана, как правило, с большими объемами памяти, поэтому здесь применяются технологии сжатия данных, представляющие собой методы хранения одного и того же объема информации путем использования меньшего количества бит. Изображения предварительно оптимизированы для уменьшения объема. Графика представлена преимущественно форматом JPG (Joint Photographies Experts Group).

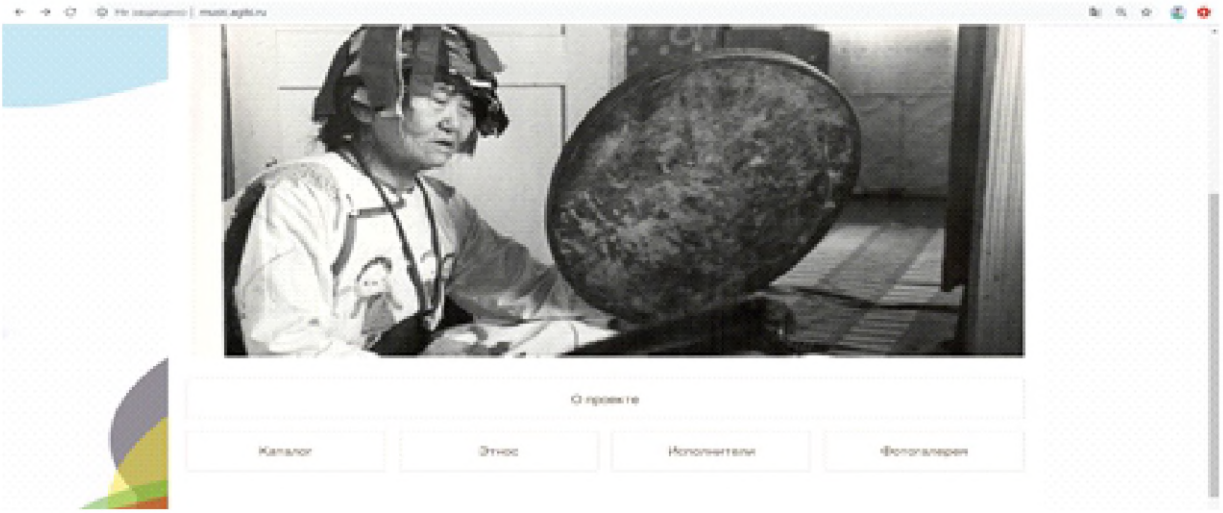

Рисунок 4 – Структура веб-сайта «Электронный фонограммархив»

Проект представляет собой гипертекст с удобным интерфейсом, позволяющим легко получать доступ к любым частям каталога аудиозаписей. Для создания страниц на языке HTML существует большое количество программ и редакторов, а самое главное – код, написанный на этом языке, без труда открывается стандартным, установленном на большинстве современных компьютеров, браузером. Страница, написанная на данном языке, привычна и знакома любому пользователю; простота навигации, достаточное для электронного фонограммархива количество тэгов делает язык текстовых материалов доступным для использования.

В новых формах осмысления истории и коммуникации современников с артефактами все ярче проявляется ориентированность разработчиков на «цифрового потребителя». Очевидно, что сегодня благодаря новым технологиям происходит перманентное продвижение идеологем постмодернистского мировосприятия. Высвечиваются тенденции к дальнейшему многоуровневому конструированию мультифункциональности коммуникативной среды.

Цифровая трансформация культуры и цифровизация культуры во зависят от многих факторов, большая часть которых связана с человеческим капиталом, «воспроизводством» культуры и цифровыми компетенциями. Поэтому АГИКИ с момента своего возникновения системно занимается повышением уровня цифровой культуры с учетом ее лучших мировых и отечественных трендов.

Социокультурные процессы в России являются противоречивыми тенденциями, среди которых кристаллизация культурного образа этносов и воспроизводство культуры признаны положительными региональными национальными ландшафтами памяти. Важнейшим элементом в структуре современной картины мира является основная исследовательская проблема разработки стратегий цифрового развития международного и государственного уровней. Этот подход обеспечивает устойчивый культурный механизм примирения между миром вещей, людьми, миром информации и знаний, а также гарантирует долгосрочное сохранение сущности культурного наследия и его самобытности.

Литература

1. Арктика: настоящее и будущее: на X Международном форуме «Арктика: настоящее и будущее». 11.12.2020. Режим доступ: https://www.youtube.com/watch?v=okBYfysb-Ms.

2. Баторов, А.Р. Мультимедиа приложения как эффективное средство сопровождения учебного процесса в информационно-образовательной среде Вуза культуры // Информационно-коммуникационные технологии и электронные ресурсы в системе культурно-цивилизационных преобразований: опыт и проблемы использования в вузах культуры и искусств. Тез. докл. II всерос. науч. конф. (Челябинск, 23 окт. 2012 г.). Челябинск, 2012. – С. 208-214.

3. Информатизация культуры Республики Саха (Якутия): итоги республиканского исследования / Баторов А.Р. [и др.] // Современная коммуникативистика. – 2017. – № 1. – С.8-14.

4. Баторов, А.Р. Информационная составляющая современной культуры Российской Арктики / А.Р. Баторов, С.В. Максимова, О.В. Шлыкова // Современная культура Российской Арктики: субъекты, художественно-проектные и цифровые практики: Коллективная монография / Арктический гос. институт культуры и искусств; Под общ. редакцией доктора культурологии, профессора О.В.Шлыковой. – Новосибирск: Наука, 2019. – С.144-196.

5. Браккер, Н.В. Мировые тенденции по сохранению цифрового наследия / Н.В. Браккер, Л.А. Куйбышев // Сохранение электронного контента в России и за рубежом: Сб. материалов Всерос. конф. (Москва, 24-25 мая 2012 г.). – Москва : МЦБС, 2013. - С.56-69.

6. Брайн, Пол. BIM для культурного наследия. Разработка информационной модели исторического знания / Пол Брайн, София Антонопулу. – Москва, 2019. – 106 с.

7. Зарубина, Ю.Н. Трансформация социокультурной среды в цифровую эпоху // Возможности и угрозы цифрового общества: Сб. науч. статей / под общ.ред. А.В. Соколова, А.А. Власовой. – Ярославль: Аверс Плюс, 2018. – С.39-43.

8. Горлова, И.И. Цифровизация как мегатренд развития современного общества и ее влияние на сферы культуры / И.И. Горлова, А.Л. Зорин, А.В. Крюков // Вестник гос. университета. Культурология и искусствоведение. – 2020. – № 40. – С.20-37.

9. Жожиков, А.В. О проекте цифровизации языков и культуры коренных малочисленных народов Арктики / А.В. Жожиков, О.Ф. Тимофеева-Терешкина // Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики: Сб. материалов Междунар. Научно-практ. конф. Т.1. / РАН СО, ФИЦ «Якутский научный центр»; ИГИ по проблемам малочисленных народов Севера; IASSA; Ассоц. КМНС Севера РС(Я); Отв. ред. Данилова Н.И. – Якутск, 2019. – С.356-359.

10. Информационная эпоха. Новые парадигмы культуры и образования: Монография / Уральский федеральный университет имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина; Отв. ред. Н.Б. Кириллова. – Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2019. – 292 с.

11. Рейтинг информационной активности культурной жизни регионов за первое полугодие 2020 года. Режим доступа: https://pro.culture.ru/documentation/regions-polugodie-2020.pdf.

12. Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности до 2035 года. Указа Президенте РФ от 26.10.2020. Режим доступа http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1418757.

13. Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. N 164 «Об основах государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 года». Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ ipo/prime/doc/73606526/.

14. Шейкин, Ю.И. Жанры музыкального фольклора удэ. – Новосибирск, 2011. – 728 с.

15. Шейкин, Ю.И. Электронные учебные пособия по музыкальной культуре народов Северной Азии / Ю.И. Шейкин, А.Р. Баторов, Т.А. Петрова // Вестник Аркт. гос. ин-та культуры и искусств. – 2013. – №1 (5). – С. 69-72.

16. Шлыкова, О.В. «Цифровизация» и «цифровая культура» как новые тренды цифровой эпохи // Аудиовизуальная платформа современной культуры: материалы междунар. Научной конф. (в рамках XV Колосницынских чтений), 20-21 ноября 2020 г. / Уральский федеральный ун-т имени Б.Н. Ельцина: пол науч. ред. Н.Б. Кирилловой. – Екатеринбург: УРГУ, 2020. – С. 22-32.

АВТОРЫ СТАТЕЙ

Ажеева Елена Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности и гуманитарных дисциплин, Арктический государственный институт культуры и искусств.
Якутск, Российская Федерация.

Алексеев Иван Егорович, доктор филологических наук, профессор, Институт языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.
Якутск, Российская Федерация.

Алексеев Эдуард Ефимович, доктор искусствоведения, Международный институт Бостона.
Бостон, США

Ануфриев Сергей Евгеньевич, академик Российской академии художеств, председатель Регионального отделения «Урал, Сибирь и Дальний Восток», Российская академия художеств.
Красноярск, Российская Федерация.

Аргунова-Лоу Татьяна Ивановна, старший преподаватель кафедры антропологии, Школы социальных наук, Абердинский университет.
Абердин, Великобритания.

Астафьева Ольга Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления, директор центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).
Москва, Российская Федерация.

Балзер Марджори Мандельштам, доктор, профессор, Джорджтаунский университет.
Вашингтон, США.

Баторов Афанасий Раднаевич, кандидат технических наук, профессор, заведующий кафедрой информатики, Арктический государственный институт культуры и искусств.
Якутск, Российская Федерация.

Боголюбова Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных гуманитарных связей факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.
Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, руководитель Научно-исследовательского центра циркумполярной цивилизации, Арктический государственный институт культуры и искусств.
Якутск, Российская Федерация.

Винсент-Ферия Франсуаз, доктор искусствоведения, художник, профессор, Страсбургский университет.
Страсбург, Франция.

Винсент-Ферия Элуа, доктор искусствоведения, художник, профессор, Университет Париж VIII.
Страсбург, Франция.

Габышева Феодосия Васильевна, председатель постоянного комитета Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) по науке, образованию, культуре, средствам массовой информации и делам общественных организаций, д.п.н., главный научный сотрудник, ФГБНУ «Институт национальных школ Республики Саха (Якутия) (по совместительству).
Якутск, Российская Федерация.

Добжанская Оксана Эдуардовна, доктор искусствоведения, профессор кафедры искусствоведения, Арктический государственный институт культуры и искусств.
Якутск, Российская Федерация.

Дьяконова Варвара Егоровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствоведения, Арктический государственный институт культуры и искусств.
Якутск, Российская Федерация.

Егоров Владимир Константинович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), заслуженный деятель науки РФ, Почётный доктор Института социологии РАН, член Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России.
Москва, Российская Федерация.

Замятин Дмитрий Николаевич, доктор культурологии, главный научный сотрудник Высшей школы урбанистики, Высшая школа экономики.
Москва, Российская Федерация.

Захаров Афанасий Иванович, руководитель проектов лаборатории, руководитель службы аналитики, Корпорация развития Республики Саха (Якутия).
Якутск, Российская Федерация.

Зотова Ольга Ивановна, кандидат искусствоведения, главный специалист, Региональное отделение «Урал, Сибирь и Дальний Восток» Российской академии художеств, старший научный сотрудник, Музей истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева.
Красноярск, Российская Федерация.

Иванова-Унарова Зинаида Ивановна, заслуженный деятель искусств РФ, профессор кафедры искусствоведения, Арктический государственный институт культуры и искусств.
Якутск, Российская Федерация.

Игнатьева Саргылана Семеновна, кандидат педагогических наук, профессор, ректор, Арктический государственный институт культуры и искусств, член-корреспондент Российской академии естественных наук, действительный член Международной академии информатизации.
Якутск, Российская Федерация.

Игнатьева Татьяна Иннокентьевна, доцент кафедры искусствоведения, Арктический государственный институт культуры и искусств.
Якутск, Российская Федерация.

Крупник Игорь Ильич, куратор арктических и северных коллекций, заведующий отделом антропологии НМЕИ, Смитсоновский институт.
Вашингтон, США.

Кузнецова Алиса Евгеньевна, доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.
Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Лукина Ангелина Григорьевна, доктор искусствоведения, профессор кафедры народной художественной культуры, Арктический государственный институт культуры и искусств, заслуженный деятель искусств РФ.
Якутск, Российская Федерация.

Ляпкина Татьяна Федоровна, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности, Арктический государственный институт культуры и искусств.
Якутск, Российская Федерация.

Максимова Саргылана Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, директор, Национальная библиотека Республики Саха (Якутия).
Якутск, Российская Федерация.

Матвеевская Анна Сергеевна, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры мировой политики факультета мировых отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.
Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Никифорова Вера Семёновна, кандидат искусствоведения, заведующий кафедрой искусствоведения, Арктический государственный институт культуры и искусств.
Якутск, Российская Федерация.

Николаева Наталья Васильевна, ст. преподаватель кафедры «Живописи и Графики», Арктический государственный институт культуры и искусств, художник-живописец, член союза художников России.
Якутск, Российская Федерация.

Николаева Юлия Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет.
Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Никольский Алексей Викторович, технический директор, Компания «Bravo Enterprises».
Лос-Анджелес, США,

Осадчая Екатерина Владимировна, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин и истории права, Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова.
Москва, Российская Федерация.

Петрова Анна Григорьевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствоведения, заведующая кафедрой дизайна и ДПИ, Арктический государственный институт культуры и искусств.
Якутск, Российская Федерация.

Пшеничникова Раиса Ивановна, кандидат педагогических наук, профессор, Восточно-Сибирский государственный институт культуры, академик МАН ВШ и МАИ, заслуженный работник культуры РФ, заслуженный работник образования РФ, отличник культуры Республики Саха (Якутия), заслуженный работник культуры Республики Тыва.
Улан-Удэ, Российская Федерация.

Романова Екатерина Назаровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии и этнографии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
Якутск, Российская Федерация.

Сайко Елена Анатольевна, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), ФГБУ науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук» (ФГБУН НИЦ «Наука» РАН).
Москва, Российская Федерация.

Ситникова Наталья Васильевна, руководитель Центра кочевого образования, старший научный сотрудник, ФГБНУ «Институт национальных школ Республики Саха (Якутия).
Якутск, Российская Федерация.

Стрекаловская Зоя Андреевна, доцент, и.о. заведующего кафедры народной художественной культуры, Арктический государственный институт культуры и искусств.
Якутск, Российская Федерация.

Сураганова Зубайда Кабиевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Бозок».
Нур-Султан, Республика Казахстан.

Такасаева Күннэй Революевна, доктор гуманитарных наук, координатор Польско-Сибирской научной группы факультета Артес Либералес, Варшавский Университет.
Варшава, Польша.

Тригалева Наталья Вассиановна, искусствовед, член Союза художников России, главный специалист, Региональное отделение УСДВ РАХ.
Красноярск, Российская Федерация.

Харлампьева Надежда Климовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.

Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Холмберг Лииса, председатель Ассамблеи Университета Арктики, комиссар по вопросам кино, Международный институт саамского кино.
Каутокейно, Норвегия.

Чампаи Отто, кандидат философских наук, этносоциолог, доцент кафедры социологии философского факультета, Трнавский университет в Трнаве, доцент, Медицинский университет здравоохранения и социальной работы св. Алжбеты в Братиславе.
Словакия.

Чусовская Валентина Александровна, кандидат философских наук, театральный критик.
Якутск, Российская Федерация.

Шартье Даниэль, руководитель Международной лаборатории по исследованию образов Севера, Зимы и Арктики, Университет Квебека в Монреале.
Монреаль, Канада.

Шейкин Юрий Ильич, доктор искусствоведения, профессор кафедры искусствоведения, Арктический государственный институт культуры и искусств.
Якутск, Российская Федерация.

Шишигина Февронья Васильевна, президент Якутской республиканской общественной организации сохранения национального эпоса «Ассоциация Олонхо».
Якутск, Российская Федерация.

Шлыкова Ольга Владимировна, доктор культурологии, профессор Института государственной службы и управления, заместитель директора центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).
Москва, Российская Федерация.

Яковлева Маргарита Прокопьевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
Якутск, Российская Федерация.